ГОСТИНЫЙ ДВОРЪ

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
писателей России

Издание осуществлено на средства
Правительства Оренбургской области

Оренбург
2017

«Гостиный Дворъ» № 3 (3), 20 декабря 2017 г.
Журнал

Учредители:
Министерство культуры и внешних связей Оренбургской области, ГБУК «Областной Дом литераторов им. С.Т. Аксакова»

Главный редактор Н.Ю. Кожевникова

Редакционный общественный совет:
председатель – **Е.В. Шевченко, министр культуры и внешних связей Оренбургской области**

С.В. Василенко (Москва)
Д.Е. Кан
П.Н. Краснов
В.Н. Кузнецов
В.А. Лабузов
А.В. Лигостаева
В.Д. Лютый (Воронеж)
Г.П. Матвиевская
В.М. Молчанов
П.Г. Рыков
Л.П. Сковородко
В.Б. Соколов
Т.В. Судоргина
А.Г. Филиппов
Т.М. Шабаренина (Уральск, Казахстан)
Н.А. Ягодинцева (Челябинск)

Почтовый адрес редакции: 460014, г. Оренбург, ул. Правды, 10
Телефон 8-903-394-32-60
Телефон/факс (3532) 78-37-91
E-MAIL: Gdvor56@yandex.ru, editor@orenlit.ru. Веб-сайт: orenlit.ru

Почтовый адрес издателя: 460014, г. Оренбург, ул. Правды, 10, ГБУК «Областной Дом литераторов им. С.Т. Аксакова»
E-MAIL: Domliteratorov28@mail.ru
Телефон/факс (3532) 78-41-29

На первой и последней страницах обложки – фотоколлажи **В.Б. Соколова**
Художник – **В.В. Кожевникова** (г. Санкт-Петербург)
Компьютерный дизайн – **Ю.В. Стрельникова, Л.И. Потехина**
Компьютерный набор, корректура – **Ю.В. Стрельникова**

В спорных случаях оставляются стиль, орфография и пунктуация авторов, которые несут ответственность также и за достоверность фактов. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Редакция не имеет возможности рецензировать и возвращать рукописи

Сдано в набор 20.11.2017 г.
Подписано в печать 01.12.2017 г.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная. Объём 22,5 печ. л.
Тираж 856 экз.
Заказ
Цена свободная

Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ56-00704 от 18 октября 2017 г. в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Оренбургской области.

ООО Универсальная Типография «Альфа Принт»
620049, Свердловская область, г. Екатеринбург, переулок Автоматики, дом № 2ж
Федеральный номер для всех городов РФ: 8-800-300-16-00
ISBN 978-5-6040520-3-7
© Журнал «Гостиный Дворъ», 2017

Бесспорно, язык представляет собой одну из важнейших и наиболее характерных особенностей в ряду других черт, которыми обыкновенно определяется каждая этническая особь человеческого рода. Народы различаются между собой прежде всего по языку и на основании большего или меньшего сходства своей разговорной речи распределяются в те или иные этнические группы. С этой стороны близкое племенное родство великорусов, малорусов и белорусов, как уже было разъяснено выше, не подлежит никакому спору: современная наука точно установила факт целости и единства всех русских наречий в смысле принадлежности их к одной и той же лингвистической категории — русскому языку. Но столь же несомненно единство всех трёх ветвей русского народа в отношении других этнических черт, как-то: народных преданий, повестей, сказок, поверий, песен, обрядов, быта семейного и общественного, свойств физических и душевных и т. п. Конечно, каждая из русских народностей во всех этих отношениях представляет и свои индивидуальные черты, так как иначе нельзя было бы и говорить о существовании каких-либо разновидностей данного народа или племени; но вместе с тем у великорусов, малорусов и белорусов наблюдается такое множество общих этнических особенностей, что на все три народности нельзя смотреть иначе как на части одного целого — русского народа. Последнее положение давно уже стало аксиомой в жизни и науке. Не признают его только некоторые галицкие учёные и публицисты и наши украйнофилы, желающие видеть в великорусах и малорусах непременно два совершенно самостоятельных и резко отличающихся между собой народа. К ним примыкает и г-н Михальчук, выступивший на страницах «Киевской старины» с опровержением данного положения, в котором он видит не более как моё личное «усмотрение». Господин критик рекомендует моему вниманию статью Н.И.Костомарова «Две русские народности», в которой, по его словам, «покойный историк устанавливает столь глубокие разницы в историческом, бытовом и психологическом отношениях между сказанными двумя русскими народностями, что они доходят почти до полного контраста между ними и едва ли в такой степени встречаются между народностями других отраслей славянского племени». Затем г-н Михальчук ссылается на статьи профессора Д.Н. Анучина «Великорусы» и

«Малорусы» (в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона), в которых говорится о физических и этнографических отличиях малорусов от великорусов, и, наконец, отмечает факт проявления «типических черт в высокой степени оригинальной и резко очерченной индивидуальности народной в событиях всей исторической жизни южнорусского народа, от самого её начала и до настоящего времени».

Однако, присматриваясь ко всем данным, на которые ссылается г-н К. Михальчук, и даже допуская, что они соответствуют действительному положению дела и лишены всякой субъективной окраски (что едва ли так), я не могу не поставить такого вопроса: какой же, собственно, вывод вытекает из этих данных? Да никакого другого, кроме следующего: малорусы не совсем то, что великорусы; великорусы не совсем похожи на малорусов; каждая из этих ветвей русского народа представляет свои любопытные этнографические особенности. Но этого вывода ведь никто и не отрицает; никто и не оспаривает факта известного разнообразия в русском племенном типе. Дело лишь в том, что такое разнообразие нисколько не мешает единству русского народа. Ведь абсолютного единства и не существует в природе; оно всегда заключает в себе и элементы разнообразия. Например, никому и в голову не придёт отрицать единство данной семьи потому, что одни члены её имеют светлые волосы, другие — тёмные, одни с большою охотой занимаются музыкой, пением или литературой, а другие предпочитают более практическую деятельность, одни отличаются более ровным и спокойным характером, другие, напротив, вспыльчивы и раздражительны и т. д. Вот такого единства в разнообразии не понимают или не хотят понять сторонники украйнофильских тенденций. Но в ошибочности их взглядов легко убедиться, если, оставив в стороне великорусов и малорусов, обратить внимание на другие славянские народы, например на поляков, чехов, болгар, сербо-хорватов. В среде каждого из этих народов мы встречаемся с не меньшим этническим разнообразием, чем в среде русского народа. Так, мазуры, слезаки, горали не только по своим наречиям, но и по физическому типу и душевным особенностям, и по образу жизни, и по обычаям значительно отличаются от малополян и великополян, и, однако, никто не сомневается в том, что все эти народности составляют один польский народ. Ещё более

характерных этнографических отличий находим между типическими разновидностями сербо-хорватского народа — сербами королевства и черногорцами, далматинцами и босняками, приморскими хорватами и славонцами. Равным образом и мораване, особенно наиболее типические представители их — валахи и ганаки, не совсем похожи на западных чехов и тем не менее составляют с ними одно этническое целое. Значительное разнообразие в отношении языка, обычаев, одежды, образа жизни, психических особенностей представляют славянские племена восточной половины Балканского полуострова, обитатели Родоп и долины Марицы, Балкан и Придунайской Болгарии, окрестностей Витоша и Рыла, и, несмотря на все эти частные этнические отличия, все эти племена признаются разновидностями одного и того же болгарского народа.

В частности, по поводу ссылки на статью Н.И.Костомарова «Две русские народности» считаю нужным сделать следующее замечание. Предложенная в этой статье характеристика двух отраслей русского народа, на мой взгляд, отнюдь не даёт основания заключать о «почти полном контрасте между ними», как это представляется г-ну Михальчуку. Напротив, мне всегда казалось, что этнические, бытовые и психические черты, которые покойный историк присваивает каждой из русских народностей, взаимно дополняют одни другие и в своей совокупности служат для характеристики цельного русского этнического типа. Так, между прочим, смотрел на дело величайший и гениальнейший из малорусов Н.В.Гоголь. В письме к А.О.Смирновой в 1844 году он пишет: «Скажу вам одно слово насчёт того, какая у меня душа, хохлацкая или русская, потому что это, как я вижу из письма вашего, служило одно время предметом ваших рассуждений и споров с другими. На это вам скажу, что я сам не знаю, какая у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только то, что никак бы не дал преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому перед малороссиянином. Обе природы слишком щедро одарены Богом, и, как нарочно, каждая из них порознь заключает в себе то, чего нет в другой, — явный знак, что они должны пополнять одна другую. Для этого самые истории их прошедшего быта даны им непохожие одна на другую, дабы порознь воспитались различные силы их характеров, чтобы потом, слившись воедино, составить собою нечто совершеннейшее в человечестве».

Во всяком случае, Н.И.Костомаров, противопоставляя малорусов великорусам, говорит отнюдь не о двух обособленных народах, а о двух русских народностях, то есть о двух разновидностях русского народа, между которыми признаёт самую тесную связь и близкое племенное и культурное родство. Это видно особенно ясно из другой его работы, помещённой в том же (первом) томе «Исторических монографий и исследований», где находится и упомянутая статья «Две русские народности». Я разумею его «Мысли о федеративном начале Древней Руси». Установив положение, «что в первой половине нашей истории, в период удельно-вечевого уклада, народная стихия общерусская является в совокупности шести главных народностей (южнорусской, северской, великорусской, белорусской, псковской и новгородской)», автор затем говорит: «Теперь следует нам указать на те начала, которые условливали между ними связь и служили поводом, что все они вместе носили и должны были носить название общей Русской земли, принадлежали к одному общему составу и сознавали эту связь, несмотря на обстоятельства, склонившие к уничтожению этого сознания». Этими началами, по мнению Н.И.Костомарова, были происхождение, быт и язык, единый княжеский род, христианская вера и единая церковь.

Итак, этническое единство великорусов, малорусов и белорусов составляет неоспоримый факт, факт науки и жизни, отрицание которого на страницах учёного журнала нужно считать по меньшей мере странным недоразумением. При этом особенно важное значение имеет то обстоятельство, что племенное единство русских народностей не только существует как явление природы, которое может быть предметом ежедневного наблюдения и изучения, но всегда жило и живёт в сознании самих народностей. Крепко было это сознание в Древней Руси, не заглохло оно в тяжёлые века политического разобщения русского севера и юга и ярким пламенем вспыхнуло в XVII веке, когда в эпоху Богдана Хмельницкого облегчало слияние Малой и Великой Руси в одно государство. Наконец, и в настоящее время племенное единство живо сознаётся всеми ветвями русского народа, не исключая и зарубежной Руси (Галицкой, Буковинской и Угорской), находящейся в крайне тяжёлых условиях политического и национального существования.

Крепости сознания племенного единства как у великорусов, так и у малорусов и белорусов содействовало и содействует единство веры и связанная с этим общность многих основных начал образованности.

Факт этнического единства всех ветвей русского народа — великорусов, малорусов и белорусов — сам по себе, независимо от политических причин и обстоятельств, предполагает единение всех их в одном общем литературном и образованном языке. В этом отношении русский народ должен был следовать тому общему закону культурного развития, которому следовали и другие великие народы Европы старого и нового времени — греки, римляне, французы, немцы, англичане и итальянцы, — создавшие свои общие литературные языки, которые с течением времени получили мировое значение. Внешние политические обстоятельства только содействовали естественному ходу вещей, намечая пути и направления, по которым должно было двигаться великое дело создания книжного единения для всех частей русского народа. Сплочение в одном могущественном государстве всех разновидностей русского народа (за исключением трёх с половиной миллионов австро-угорских малорусов) облегчило и узаконило образование общего для всех них литературного языка.

В настоящее время русский народ и обладает таким общим литературным языком, которому с полным правом присвояется название общерусского. Все ветви русского народа одинаково им пользуются как языком школы, науки, литературы и общественной жизни. Только среди трёх с половиной миллионов малорусов Галицкой, Буковинской и Угорской Руси наблюдаются более или менее значительные помехи широкому употреблению нашего общерусского литературного языка, но и там он имеет немало своих почитателей и сторонников. Зато значение общерусского языка распространяется далеко за пределы этнографической Руси. Служа органом богатой научной и художественной литературы, снискавшей себе известность и уважение у величайших культурных народов Западной Европы, он исполняет роль языка образованного у многочисленных нерусских народов, входящих в состав Русского государства, всё более привлекает к себе внимание южных и западных славян и по площади распространения не уступает ни одному другому мировому языку.

Т. Д. ФЛОРИНСКИЙ, 1900 г.

ГОСТИНЫЙ ДВОРЪ

ДОНБАССКАЯ ТЕТРАДЬ

10 **Виталий Молчанов.** Город роз. *Из путевого блокнота*

18 **Василий Толстоус.** «Россия – родина моя» *Стихи*

22 **Ирина Бауэр.** Три конфетки. *Рассказ*

28 **СТИХИ ПО КРУГУ: Надежда Гирявенко, Екатерина Ромащук, Анна Ревякина, Виктория Лабзова, Анатолий Гравченко**

НАША ГОСТИНАЯ

32 **Евгений Семичев.** «Божий Витязь на огненном коне». *Стихи*

39 **Екатерина Наговицына.** Санька. *Рассказы*

51 **Андрей Расторгуев.** Багрение. *Поэма*

67 **Геннадий Антюфеев.** Москва–Киев. *Рассказ*

72 **Виктор Тихомиров-Тихвинский.** «Я из прошлого века...» *Стихи*

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

75 **Иван Веневцев.** Урал – быстра река. *Роман. Предисловие А. Шорохова*

144 **Елена Сурина.** Предтеча. *Стихи*

148 **Владимир Петров.** Вечеринка. *Рассказ*

154 **Павел Рыков.** Вечернее. *Стихи*

157 **Оксана Васильева.** Ночь, утро, вечер. *Рассказ*

166 **Виталий Молчанов.** «По памяти вдоль...» *Стихи*

170 **Александр Филиппов.** Мелгора. *Записки тюремного врача. Продолжение*

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

189 **Вячеслав Лютый.** «Певец непонятной, закатной печали». *О книге стихотворений Андрея Шацкова «Первозимье»*

194 **Андрей Тимофеев.** «Новые традиционалисты» как будущее русской литературы. *Из опыта пристрастного прочтения*

ФИЛОСОФСКИЙ ПРАКТИКУМ

211 **Владимир Ермаков.** Пиджаки и ватники. *О поэтике и прагматике дресс-кода*

ПАМЯТЬ ВОЙНЫ

222 **Ольга Кузнецова.** Когда жизнь — подвиг… *Солдатам Великой Отечественной*

230 **Тамара Чернявская.** Маленькая девочка и долгая война. *Из воспоминаний очевидцев*

КАЗАЧЬЯ ЛИНИЯ

247 **Георгий Хисматулин.** История шести медалей. *Поиски и находки*

НАРОДНЫЕ МЕМУАРЫ

255 **Екатерина Курдакова.** Моей юности давний приют. *Семейный хронограф*

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЛУБ «ОРЕНБУРГСКАЯ КРЕПОСТЬ»

277 **Валерий Слюньков.** Черныш. *Рассказ*

283 **Вячеслав Агаев.** «Было ли счастье?» *Стихи*

286 **Александр Барсаев.** Сны и покой. *Стихи*

В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИИ

289 **Владимир Рубин, Татьяна Судоргина.** Гражданский подвиг Александра Попова. *К 150-летию со дня рождения*

297 **Татьяна Тугай.** «Наша русская неумная революция» и борьба за архивы. *К 130-летию Оренбургской учёной архивной комиссии*

317 **Валентина Головина.** Что имеем, то храним. *Нерастраченное богатство*

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

327 **Ирина Туркова.** «Оба промолчали счастья взрыв…» *К 200-летию со дня рождения А.А. Толстой*

МЫ ВЫРОСЛИ В РОССИИ

349 **Диана Кан.** Палитра семинара. *О Межрегиональном семинаре-совещании молодых писателей «Мы выросли в России — 2017»*

Виталий МОЛЧАНОВ

ГОРОД РОЗ

— Нам, дончанам, не нужны трёхэтажные коттеджи, мерседесы и огромные счета в банках, — уверенно поворачивая руль тяжёлыми руками шахтёра, говорил водитель Андрей, — единственная наша мечта — это мирное небо над головой. За четыре страшных года многое изменилось в сознании людей: население сплотилось, стало единым народом... Молча внимаем словам нашего гида, встретившего нас на ростовском железнодорожном вокзале. Вопросы будут потом, пока мы только привыкаем к окружающей нас обстановке. По обе стороны шоссе раскинулись необозримые донецкие степи, так похожие на наши родные, оренбургские. Дважды выскакивали на обочину лисы и на секунду застывали, провожая взглядом несущийся на приличной скорости автомобиль. «Зверья развелось видимо-невидимо», — поймав мой взгляд, заметил Андрей: «Охота строжайше запрещена, начнут бабахать охотнички, тут же армейские нагрянут — подумают, что украинская диверсионно-разведывательная группа работает». Настораживали тишина и столь редкое в этих краях движение на дорогах. Впереди нас ждала война.

Мы — писатели из Оренбурга Александр Филиппов, Диана Кан и я, Виталий Молчанов, едем во фронтовую столицу Донецкой Народной Республики с культурной миссией — познакомить коллег из Донбасса с современной оренбургской литературой, оказать поддержку единокровным братьям и сёстрам, своими глазами увидеть происходящее на омытой кровью донецкой земле. В багажнике серого «шевроле» комфортно разместилась необъятных размеров дорожная сумка, под завязку набитая книгами. Быстро темнеет, мы въезжаем на территорию ДНР через таможню, расположенную рядом с Новоазовском. До оккупированного Мариуполя — всего 44 километра, до линии фронта — 25.

На улицах вечернего Донецка пустынно — прохожих почти нет, с 23:00 до 05:00 в самопровозглашённой республике действует комендантский час. Военное время диктует свои суровые законы. В центре, как сообщил нам водитель Андрей, относительно спокойно, но на окраинах города по-прежнему обстановка остаётся напряжённой — украинская сторона

В мемориальном комплексе «Твоим освободителям, Донбасс»

Пресс-конференция в Донецкой республиканской универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской

В Донецком республиканском музее Великой Отечественной войны

На встрече с литературной общественностью г. Макеевки гостей приветствует Ирина Зосенко

В Центральной городской библиотеке имени А. М. Горького г. Макеевки

продолжает стрелять по мирным кварталам. Поздним вечером того же дня, расположившись в уютном номере гостиницы «Центральная», мы узнали из боевых сводок, транслируемых местным телевидением, что в результате обстрела погиб парень 1992 года рождения, сиротами остались двое малолетних детей. Приказал открыть огонь военный преступник, полковник ВСУ Владимир Кокорев...

С утра было дождливо, как будто само небо оплакивало невинно убиенного молодого жителя Города роз. Нас уже ждали в Донецкой республиканской универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской — центре литературной жизни столицы ДНР. После небольшой пресс-конференции состоялась наша встреча с творческой интеллигенцией Донбасса. Мы с поэтессой Дианой Кан рассказали о крупных литературных мероприятиях Оренбуржья, представили литературный журнал «Гостиный Дворъ» и его младшего братишку — альманах-приложение для детей «Гостиный Дворик», прочитали свои стихотворения. Прозаик Александр Филиппов познакомил собравшихся со своими книгами и также прочитал небольшой отрывок из неопубликованной повести. Потом настало время отвечать на вопросы. Благодарная аудитория долго аплодировала оренбуржцам, передавшим в дар донецкой библиотеке внушительный набор книг писателей из далёкого Южного Урала. Кроме жителей Донецка, на встречу с нами приехали люди из самых отдалённых уголков Донбасса. Кстати, несмотря на непрекращающиеся боевые действия, в ДНР активно функционируют многочисленные литературные объединения. Пусть уровень их не всегда профессиональный, но люди продолжают писать поэтические и прозаические произведения, собираться для их обсуждения, жить полной литературной жизнью. Писатели Донецка, Горловки, Ждановки и других шахтёрских городов Донбасса передали нам свои книги и рукописи. Самые лучшие работы мы обязательно опубликуем в оренбургской периодике и в литературном журнале «Гостиный Дворъ».

Как отметил наш гостеприимный хозяин — генеральный директор центральной библиотеки Игорь Горбатов, — в ДНР за четыре долгих года войны не закрылось ни одно учреждение культуры, все работали в штатном режиме. Ярким тому подтверждением стала премьера балета «Пер Гюнт» в оперном театре Донецка, на которой мы, оренбуржцы, имели честь побывать. Премьера собрала полный зал, было много восторженной и одухотворённой молодёжи. Великолепная музыка Эдварда Грига и блестящая постановка

хореографа Вадима Писарева сделали своё дело — был полный аншлаг! Если бы кто-нибудь вчера мне сказал, что я буду смотреть балет в воюющем Донецке — ни за что бы ему не поверил. Люди, опалённые войной, потянулись к спасительной культуре, чтобы вылечить раненые души, приобщиться к вечному и прекрасному. В театре нам сказали, что билеты на спектакли раскупаются влёт чуть ли не за две недели до начала представления. Точно такая же картина и в драматическом театре, и в театре юного зрителя. Библиотеки полны, музеи тоже посещаются замечательно. В этот же день нам посчастливилось посетить музей Великой Отечественной войны в мемориальном комплексе «Твоим освободителям, Донбасс». Двухуровневые экспозиции музея впечатляли: зал Победы, зал военной кинохроники, общий экспозиционный и оружейный залы. Отдельное место в музее занимают экспонаты, посвящённые сегодняшним горячим дням Донбасса — страшной братоубийственной войне. Работниками музея были собраны ценные экспонаты — оружие, личные вещи, фотографии героев ДНР, отдавших свои жизни в борьбе с современным фашизмом. Перед музеем на постаменте в память о погибших дончанах — отлитый из бронзы букет роз. У подножия его — те же прекрасные цветы с распустившимися душистыми бутонами и колючими стеблями. Непокорённый Донецк — Город роз — ни прошлые фашисты, ни нынешние никогда сломить не смогут.

Мы в Макеевке — ближайшем городе-спутнике Донецка. Перед нами распахнула двери в Центральную городскую библиотеку имени А. М. Горького заведующая Ольга Конова. С караваем в руках на пороге полного зала нас приветствует Ирина Зосенко — поэтесса и медсестра, которая вывела и вынесла из-под обстрелов более тысячи человек. Сегодня солнечный осенний день, и здесь, в библиотеке, тоже всё складывается ярко и празднично. Звучат стихотворения и проза, Диана Кан и Александр Филиппов рассказывают о своём творчестве и творчестве оренбургских писателей, мы презентуем свои журналы и альманах, затем передаём в дар библиотеке им. А. М. Горького книги оренбургских литераторов. Теперь и в Макеевке есть свой оренбургский библиотечный уголок. В свою очередь, руководитель городского литобъединения имени Н. Хапланова, поэт, член Международного сообщества писательских союзов (г. Москва) и Межрегионального Союза писателей Елизавета Хапланова поблагодарила нас за визит и поддержку, рассказала о том, чем живёт литературная Макеевка, о традициях

и литературных достижениях макеевцев. На память о встрече руководитель ЛИТО вручила подборки книг. Затем прозвучали стихотворения членов макеевского литобъединения Василия Толстоуса, Александра Рака, Александра Невидомого, Ирины Зосенко и других.

«Вернувшись домой, мы обязательно расскажем о героическом народе Донбасса, о людях, которые, несмотря на фронтовые условия, тянутся к прекрасному», — говорю я и преподношу оренбургский пуховый платок заведующей Центральной библиотечной системой Макеевки Надежде Василенко.

Обратный путь показался нам более коротким. Летели из-под колёс серого «шевроле» километры, шарахались в стороны испуганные лисы, размышлял вслух знакомый наш водитель Андрей. «Скоро вновь запустят Донецкий металлургический завод, будем плавить металл», — вещал он: «Донецк — город славных рабочих традиций, мы не хотим быть нахлебниками у России... Лишь бы присоединили нас к себе побыстрее...» В багажнике комфортно разместилась необъятных размеров дорожная сумка, теперь уже набитая книгами и рукописями донбасских авторов. Мы уезжали, забирая с собой в Оренбург самые светлые воспоминания о славном Городе роз, о героическом народе Донбасса, родном нам по крови. Мирного вам неба, дорогие братья и сёстры! Победы! Мы один народ, одна страна...

Василий ТОЛСТОУС

«РОССИЯ – РОДИНА МОЯ»

Василий Николаевич Толстоус родился в 1954 году в городе Свердловске Ворошиловградской области Украинской ССР. Окончил Донецкий политехнический институт. Печатался в литературной газете «Отражение», альманахах «Свой вариант» (Луганск), «Многоцветье имён» (Донецк), «Каштановый дом» (Киев), «Серебряный дождь» (Московская область), «Семейка» (Германия), в журналах «Окна» (Германия), «Новый свет» (Канада), «Склянка часу» (Украина), «Три желания» Россия) и др. Лауреат премий: им. Михаила Матусовского (2007), им. Владимира Даля (2010), им. Олега Бишарёва (2014), областной государственной литературной премии им. Виктора Шутова (2009). Автор нескольких книг стихов. Живёт в Макеевке (Донецкая Народная Республика).

* * *

Когда сойдёт последний свет
заката,
и тень укроет ближний
террикон,
тогда сверкнёт подствольная
граната
и разорвётся здесь, недалеко.
Начнут стрелять из рощи
пулемёты,
но красоту трассирующих пуль
вы, может быть, не сразу и
поймёте,
живя в домах, искрошенных в
щепу.
В подвале тоже, в общем-то,
неплохо:
коптит свечи огарок на столе,
и мать в углу укачивает кроху,
чей мир — пространство
маминых колен.
А так — вполне приличная
реальность:
садись, накормят кашей и
борщом.
Помочь, конечно, можете.
Морально.
Мол, как вы там. И есть ли вы
ещё.

СМЕРТЬ

Умолкли птицы. Небо словно
выше.
Звезда прожгла мерцанием
простор.
Беззвучный вздох — полёт
летучей мыши.
Затих дневной досужий
разговор.
Повсюду тени. В бликах
мостовая.
Незримо шевеление листа.
Мелодия вечернего трамвая
так непередаваемо проста —
но вдруг ушла, закончилась
внезапно...
Остывший воздух дрогнул
невзначай:
тупым стеклом по вечности
царапнул
ночной мопед, стеная и стуча,
сжимая звуки в шорохи и
звоны...
...И движется, смыкается,
страшна,
из каждой щели, тонкой и
бездонной,
бескрайняя, сплошная тишина.
Одно лишь сердце с болью и
тревогой
наружу рвётся, зная наперёд,
что рядом, здесь, без света и
дороги
землёю Смерть полночная
плывёт —
её уснувшей тёмной половиной,
и выбирает время сладких снов.
Беспомощный, виновный ли,
невинный,
и млад ли, стар — для Смерти
всё равно.
Застыв, стою. Она струится
мимо,
касаясь мягко полами плаща.
...И до утра, до спазм,
невыносимо
немеет ниже левого плеча.

* * *

«...Не двигайся и руку отпусти.
Закрой глаза. Сейчас задёрну
шторы.
Я записала твой последний стих.
Нет, не последний. Что ты, я
не спорю...
Не поднимайся. Так сильнее
боль.
Лежи. Дай, лоб попробую.
Горячий.
Не ухожу. Я рядом, здесь.
С тобой.
Как жарко. Пот. Смахнула.
Нет, не плачу.
Ну что ты?»
— «Ближе. Ближе.
Умереть
легко. Глаза закрою и —
в дорогу.
Того, кем был, осталась
четверть. Треть —
ещё глаза. Язык. Совсем
немного.
Ты слышишь? Тише. Бабочка
у ног.
Нет, на руке. Опять летит.
Садится.
Ну, отгони. Я сам, когда бы мог.
У бабочек приветливые лица.
Вот и у этой. Что же ты
кричишь?
Не слышу я. Движения
инертны.

Трепещут крылья пламени
свечи.
Все бабочки, наверное,
бессмертны».

* * *

Я обманул вас: смерти нет.
Причины нет грустить и
плакать.
Там, за орбитами планет,
я уверяю — лучший свет.
Не разводите носом слякоть.
Я снова весел. Пью нектар.
Размах не выразить словами:
сегодня сею пыль Стожар,
назавтра — невесомый пар,
и вьюсь из чайника над вами.
...А впрочем, лгу: на стену лезь,
но сметь не вздумай торопиться:
ведь я никто, я просто взвесь —
так, пустота (попробуй, взвесь!),
всего изнанка, заграница.
...А так, конечно: смерти нет,
пока не стёрлась в детях память.
Укроет прах последний след —
и всё живёт. А смерти — нет.
Поют скворцы. Им что — весна
ведь.

* * *

Надену к ночи белую рубаху.
Возьму в ладонь зажжённую
свечу.
Горит огонь. Дышать не смею
в страхе,
что вдруг погаснет. Выйду и
молчу.
Простор. Цикады. Лунная
дорожка.
Вечерний ветер. Первая звезда.
Я постою на воздухе немножко,
пока шумит у берега вода,
и, вдруг услышав звуки
мандолины,
пойму, что это мама у крыльца
ласкает струны музыкой
старинной
и бьётся бас надтреснутый
отца...
Горячий воск течёт и греет
кожу,
остывший воздух горло
холодит…
…Вдруг станет ясно: день
окончен. Прожит.
И неизвестно, сколько впереди.

* * *

В пять утра без будильника
солнце
прорвалось из-за дальних
холмов.
Рыжий кочет на крыше колодца
прокричал, что он жив и здоров.
Рощу ветер погладил по кронам,
свистнул сыч в ожидании сна,
и страну покрывалом зелёным
застелила к восходу весна.
У ворот самодельную флейту
в руки взял деревенский пастух.
Под мелодию близкое лето
тополёвый приветствовал пух —
он вздымался, кружился,
вертелся
и носился легко по дворам,
а совсем не имеющий веса,
плыл пастух и на флейте играл.

* * *

За окошком зелёная рощица
закрывает собой горизонт,

и, едва уловима, доносится
птичья песня с отвесных высот.
Будит сердце мелодия грустная.
Мелодичные птичьи слова
повторяет, качаясь без устали,
молодая лесная листва,
и слова, расшифрованы
кронами,
переносятся вверх, к небесам,
чтобы там отразиться и
волнами,
с гулким эхом вернуться назад.
Понимаешь: слова очень
важные,
ты писал их на школьной доске:
одинаково ясные каждому,
на родном для тебя языке —
и уносятся ветром и листьями
к мудрецам, накопителям дум.
А у них, средь единственно
истинных,
слово «Родина» в первом ряду.

* * *

Смущаясь, дети попросили:
«Присядь, попей. Припомни,
дед, —
ты был когда-нибудь в России?
Ведь прожил, чай, немало лет.
Скажи: она вообще какая?
Такие ж хаты ли на ней?»
Ответил дед: «В ней нет окраин.
Земель немилых нет, верней.
В ней было место и Донбассу,
и прерий крымских ковылю.
Я понимал всегда и сразу,
что на Дону её люблю,
что я люблю её на Волге,
и на Днепре, и на Неве,
был не чужим в Москве нисколько,
ведь с детства думал о Москве».
«Ну, что молчишь? Ты озадачен?
Бывают лучшие края?»
«Я не молчу. Я просто плачу:
Россия — родина моя».

Ирина БАУЭР

ТРИ КОНФЕТКИ

Рассказ

Ирина Васильевна Бауэр родилась в Донецке. По образованию архитектор, математик, занимается преподавательской деятельностью. Волонтёр гуманитарного штаба «Поможем» по спасению жизней жителей Донбасса. Член Союза писателей ДНР и ЛНР (Донецк, Луганск) и Союза немецких литераторов Украины. Автор книги стихов и прозы «Тата». Печаталась в журналах «Крещатик», «Лиффт» (Москва), «Русское поле», «Берега», альманахах «Литературная губерния», «Без границ» (Израиль), «Литературный факел» (Москва) и др. Лауреат 2-го Всероссийского ежегодного литературного конкурса «Герои Великой Победы» (2016).

Корабельные сосны вторили ветру, упираясь в край горизонта. Подёрнутая зелёной ряской, вода речки уже освещалась вечерним солнцем, когда я покинул уютный ресторанчик при станции. Плотно пообедав, я с удовольствием вдыхал тугой хвойный воздух, возвращая таким образом устойчивую симметрию окружающего мира. Необыкновенно счастливыми казались расцвеченные клейкой листвой деревья. Глубина погружения в изобретённую и проверенную радостность оставалась максимальной. Достаточно усвоить нехитрый пустячок: по-настоящему счастлив лишь тот, кто не вникает без надобности в дела других людей.

Узкая дорожка прыгнула под ноги, приятно скрипел гравий, смешиваясь с тёплым песком. Я нащупал в кармане пачку сигарет, но она оказалась пустой.

До поезда у меня оставалось предостаточно времени. Основной пакет документов оформлен, дело фирмы процветало.

Я неспешно прогуливался вдоль обрыва, поросшего можжевеловыми кустами. В воздухе дрожали жирные цикады. Пахло прелым листом, сырым грибным духом из тёмных проплешин чащи.

Среди ветвей ивняка, серебрившихся под высоким изломом неба, послышалась напряжённая перебранка. Придя в необычное волнение, один из говоривших вдруг принялся орать во всё горло, что именно он обнаружил сакральную вещь.

— Где ключ?

— Там!

— Точно?

— Точней не бывает!

— Как взять?

— Не раздумывая!

— Молодец! Умён! Ты же Ленин!

В кустах мелькнула шишкастая розовая плешь, а затем возник и сам охотник за ключами — маленький жилистый мужичок.

— Сигаретой не угостишь? — спросил я.

Пренебрежительно сплюнув, мужичок оглядел меня так, точно я, чужак, выкрал вселенскую тайну, при этом узкие щёлочки глаз вдруг вспыхнули, напоминая замочную скважину.

— Есть поблизости магазин?

— Иди прямо!

Через минуту он растворился в кустах так же быстро, как и появился.

Спустя десять минут интенсивных поисков, среди набирающей густоту смоляных травостоев мелькнул магазинчик. В очереди к прилавку — красные, помеченные местечковой глушью лица. Я напористо протиснулся сквозь толпу, бросил на прилавок купюру, но продавщица, пальцем указала поверх толпы.

— Самый умный? В очередь!

Запах чеснока, самогона и припечённого ржаного хлеба растекался по всем углам. Продавщица, на синем фартуке которой было выведено чёрным фломастером имя «Катя», то и дело отсылала страждущих за «красненькой» — портвейном в конец очереди.

— Когда хлеб будешь давать? — слышалось со всех сторон.

Катя деловито выкладывала горкой тёплые буханки с деревянных поддонов на прилавок и при этом что-то неразборчиво бубнила под нос.

Я определил точку очерёдности в системе магазинных координат, а затем принялся рассматривать то, что трудно назвать витриной. Вперемежку со стопами сорочек, рейтуз и тапочек красовались вёдра разной вместимости, напоминая блеском каски кавалергардов. Во всём чувствовалась соразмерность неспешной жизни, а война казалась

запредельным крохотным пятном на рубахе. Постирал и забыл. Повторяемость рутинных на первый взгляд дел, вроде покупки хлеба или сигарет, ранит значительно больней, чем осколки. В этом заключается парадокс: попав в мирную жизнь, ты ощущаешь собственную незащищённость перед ней и тогда война, встав на пути, как ледяной торос, с новой силой обдаёт тебя мертвящим холодом.

Она, война, способна изменить твой личный штрих-код!

Отдалённый тяжёлый гул сотрясал горизонт, медленно накатывал, а потом грохотал, словно жестяной барабан.

В тот летний день мы с Наташкой устроились в тени дерева у небольшого пруда, попивая под копчёного леща пиво.

— Слышишь, как гремит?

— Это почти рядом.

— Может, обойдётся? — спрашивала меня Наташка, то и дело заглядывая мне в глаза.

Происходящее напоминало линию кардиограммы. Обнуление — смерть. Мошкара хороводом праздновала август, покусывая тонкие Наташкины лодыжки.

— Я окончательно в тебя влюбился.

— Окончательно? Смешно, — говорила Наташка, пожимая узкими плечами.

Было ветрено. В воздухе кружили души влюблённых, охраняя клочок травостоя, в который умещалась сейчас наша с Наташкой судьба. Мы приросли к пруду, белёсому выгоревшему небу и лапкам кровожадной мошкары. Я ещё рассматривал происходящее под микроскопом, увеличивая расстояние между двумя графиками функций, грохочущими миномётами и моим городом. Война казалась мне далёким и абстрактным действом.

Спустя несколько месяцев Наташкин звонок ворвался неожиданно в предрассветное утро со снежной крупкой. По тому, как она брала высоко ноту, подменяя речь неким клёкотом, я понял, что случилось непоправимое.

— Это ужас! Началось!

Дома полыхали, глядя с экрана компьютера глазами неизлечимо больного зверя.

— Мне страшно! Помоги! — кричала она в трубку.

Высокий жилистый мужик с большими, несуразно узловатыми руками ходил по развороченному двору в одних трусах и майке и всё повторял и повторял:

— Это я виноват! Из-за меня началась война! Я что-то сделал не так!

Я ощутил полное обнуление вокруг себя. Сжался до боли в скулах родной город. Жизнь мучилась жаждой. Той, что томит мошкару, стремящуюся на поле брани, каждый раз жаля с новой силой.

Мысль работала мерно, спокойно и уверенно. Терпеливый чемодан предлагал себя в кровники, давая понять, что способен обеспечить безопасность пути в иную виртуальную реальность. Полупустой троллейбус принял нас двоих. Это не бегство, нет, это лёт мошкары! Вначале не замечаешь, а на второй день зуд на всём теле.

Город, где я осел, разомлев от снегопада, от белизны божьих простыней, напоминал мне детство. Разгадать бы его живописный ряд умилительных тонконогих барышень в джинсах и деловитых парней! Понимая, что размеренная жизнь такая же огромная удача, как принять в кровники чемодан, я наслаждался каждой отпущенной мне минутой счастья.

Проходит время, и категория дураков, подвергая прошлое бесстрастному анализу, оживляет затянувшийся фурункулёз прежних душевных ран. Но только не я! Спазмы совести казались мне противоестественными.

Внезапно дверь с шумом распахнулась и на пороге магазина появилась молодая, коротко остриженная черноволосая женщина, обожжённая загаром, в плюшевом халате с обвисшими краями. Мягко ступая в войлочных тапочках, вошла, прижимая к груди тщательно спелёнатого ребёнка. Я угадал её, вспоминая всё, от чего избавился, казалось, навсегда. Наташке удалось, так же как и мне, покинуть зону военного конфликта, бежать сюда от миномётных обстрелов!

Сладковатый ветерок разносил запах горицветов и чабреца, сводил с ума от теплоты мирной жизни.

Странно, но очередь сдалась сразу безо всякого сопротивления, расступаясь перед ней. Женщина гордо проследовала к прилавку.

Катя всплеснула руками.

— Наташка, ты опять?

— А в чём дело?

— Ну и когда ты перестанешь сюда ходить?

— Когда надо, — парировала покупательница.

— Ну? — тихо спросила Катя.

— Три конфетки, пожалуйста.

— А у тебя деньги есть?

Наташка пошарила в кармане плюшевого халата и протянула яркую конфетную обёртку.

— У меня только крупные. Сдача будет?— спросила она.

— Я так и знала, — выдохнула Катя в синем фартуке.

Магазин, напоминавший жалящий улей, затих.

— Три конфетки, пожалуйста, — настойчиво тыкала она в руки продавщицы мнимую купюру.

— Не дам, надоела. Иди отсюда!

— Три конфетки, пожалуйста.

— Подходите следующий, — Катя нервно метала одну буханку за другой.

Очередь наливалась густым вязким любопытством. Три конфеты плыли в воздухе дугообразными буквами перед моими глазами. Я шагнул навстречу. Маленькая щуплая, с раскосыми скулами она смотрела на покупателей синими распахнутыми глазами, оцарапывая и притягивая одновременно. «Караимка, — подумал я. — Узнаёшь ли ты меня?»

Наши взгляды сошлись, но Наташка отвернулась, как от случайного прохожего.

— Бездушные, злые люди, — она осыпала толпу упрёками, не обращая на меня никакого внимания, — мне ж надо кормить. А если пропадёт молоко?

Три конфетки, как спасение, как последнее желание. Когда подошла моя очередь, я купил самые дорогие сладости. Катя почесала затылок, одёрнула синий лоснящийся фартук на округлом животе, затем облизнула морковные губы и осторожно спросила:

— И зачем ты её прикармливаешь? Надоела до чёртиков.

Я выхватил пакет и подошёл к Наташке. Она, неожиданно присмирев, стояла у окна, лишь поскуливала, как раненный живодёрами щенок, заботливо прижимая к груди дитя.

— Угощайся.

Такого спрессованного счастья, граничащего с безумным восторгом благодарности, мне не приходилось видеть.

— Наташа, привет, — я тихонько окликнул женщину.

Моя дублёная шкура была приспособлена к любому неожиданному повороту судьбы, я ждал упрёков. Но здесь я сплоховал. Я дрогнул. Наташка меня не узнала!

Полупрозрачными пальцами прикоснулась к глянцевой упаковке так, точно боялась поверить в реальность происходящего, как вдруг ребёнок выпал из рук. Грохот накрыл присутствующих. Из пелёнок, распластавшихся на полу, выкатилась шестерёнка, отшлифованная до серебряного блеска. Сделав круг, деталь замерла, а затем, вибрируя, успокоилась. Наташка бросилась к ней и осторожно подняла.

— Маленький мой, роднень-кий, — запричитала она. — Ты не ушибся, сыночек? А вот я сейчас поцелую мои сладкие ноженьки, рученьки. Не плачь, все устроится, обойдётся. Скоро дома будем.

Она закончила пеленать, вновь прижала к груди выдуманного ребёнка и покинула магазин. Очередь с облегчением вздохнула.

Дорога, единственная в этом месте, воздушным кружением вела меня в гору вдоль синей кромки леса. Наташка свернула влево и подалась к небольшому зданию, перед которым сиял изумрудный от солнечных лучей газон.

Война — гибельное состояние души, в момент наибольшей опасности проявляется некое отторжение её как таковой. Война — это затвердевшая субстанция, способная вытолкнуть из души человеческое начало, заполнив собой образовавшиеся пустоты. И вот ты уже клон самого себя.

Я мысленно попрощался с Наташкой, мне не было до неё никакого дела с момента, как я покинул прифронтовой город. Я вовремя выплеснул эту женщину вместе с войной из своей жизни. И если бы не провидение, что схватив за шиворот, тащит нас по жизни, мы бы не встретились! Она испугала меня своей чужеродностью, тугим узлом собранных воедино потерь, жёсткой стойкостью простреляннного дорожного знака.

«Психиатрическая лечебница» — сияла тщательно очерченная надпись на свежевыкрашенном здании.

Я обернулся, Наташка смотрела мне вслед, застыв, как каменная баба у излучины дорог. Цикады пели мне вслед прощальную песню...

СТИХИ ПО КРУГУ

Надежда ГИРЯВЕНКО

ТРЕВОЖНЫЙ ЧЕМОДАНЧИК

Понятие это вошло в нашу жизнь
так обычно
Приказом начальства,
статьёю газетной,
листовкой подъездной.
И враз чемоданчик тревожный
стал вещью привычной.
Его содержание в городе нашем
любому известно.
Под номером первым —
по списку идут документы,
Под номером «два» —
вещи ценные, деньги наличкой
(коль было),
Под третьим — лекарства,
их разные ингредиенты,
А дальше — бутылка воды,
чашка, нож, свечка,
спички и мыло...

Сегодня вошли в наши будни
тревога и горе.
Бывает, я путаю грома раскаты
и грохот орудий.
Такой чемоданчик
стоит у меня в коридоре.
Когда я смотрю на него,
То молюсь:
«Пусть он нужен не будет».

ДЕРЖИСЬ, ДОНЕЦК!

Дождливого и сумрачного утра
Рассеянный, тревожащий
аккорд...
Гром в отдаленьи. Нитью
перламутра
Рассвет бледнеет, словно
полустёрт.

К полудню город, закипев,
забудет,
Как начинался серый этот день.
Рассеянный аккорд дождливых
будней
Исчезнет, как полуденная тень.

И город нас проспектами
обнимет,
Целуя ветерком и суетой...
Я помню эту мирную картину...
Сейчас она разорвана войной...

А утро наступает как и прежде
Для жизни, для свершений,
для любви...

И я молюсь и Богу, и надежде:
«Пусть будет мир! Держись,
Донецк! Живи!»

Екатерина РОМАЩУК

ГОРЛОВСКАЯ МАДОННА

Солнечный день, но ещё не жара.
Дочка сжимает ладошку.
Скоро нам спать с тобой будет
пора,
Только пройдёмся немножко.
Лето. Июль. У людей
выходной.
В небе поющие птицы.
Скоро с тобою вернёмся домой,
И ничего не случится.
Лучше покушаешь, крепче
поспишь.
Ты ведь, конечно, устала.
Видишь, как птицы слетели
вдруг с крыш?..
Взрыв!.. И земля разорвалась...
Падают люди один за другим,
Чья-то пылает квартира.
Паника. Грохот. Огонь.
Едкий дым.
Доченька... доченька... Кира...

Анна РЕВЯКИНА

Мы — подвальные, мы —
опальные,
кандалы наши тяжелы.
Мы — идея национальная,
мы — форпост затяжной войны.
Чёрной совести боль фантомная,
боль, что мучает по ночам,
эта домна внутри огромная,
наша ненависть к палачам.
Мы священные, мы убогие,
мы у Боженьки в рукаве.
И глаза Его слишком строгие.
И следы Его на траве.
Утром встанем, пересчитаемся,
похоронимся, поревём.
Эх, война-война — девка та ещё!
Частоколы да бурелом,
заминированы окраины,
человеческий страшный суд.
Авель помнит, что всюду Каины,
только высунешься — убьют.

Виктория ЛАБЗОВА

* * *

Украденное детство... Боль и
страх.
Не страшный сон. Реальность.
Это было.
Когда открыв глаза, ты вся в
бинтах
И понимаешь, его нет. Вчера
убило.
И вой души: «За что? Ведь он
малыш!
Невинный, невиновный,
непроживший».
А кто-то всё решил за вас самих
И не спросил желания у
Высших.
А ты осталась... Почему? Зачем?
Вся эта боль. Кому нужна,
не зная.
И тихо стонет сердце исподволь,
его убийц словами проклиная.

И память повторяет, как в кино,
мгновения из той счастливой
жизни.
А разум говорит: ушли давно,
и ты, увы, не повторишь их.
И смысла уже нет. Куда идти?
Кого вести за руку за собою?
И сколько долгих лет должно
пройти,
чтоб ты смирилась с данною
судьбою?
Украденная жизнь, и не одна.
Поломанные судьбы,
поколенье...
а Души умерших детей
напомнят нам:
Донбасс никто не ставил на
колени.

Анатолий ГРАВЧЕНКО

* * *

Беспомощность страшней
невзгод,
Игрушка дураков и рока.
Страну в сраженьи третий год
Корёжит на полях Востока.
И разъезжается народ
Спасать свою больную Долю
На север, запад и восход
Стернёй, горящею по полю.
И, провожая в дальний путь,
Разлукой с каждым в сердце
ранен,
Им завещаю: «Не забудь!
Не забывай, что ты дончанин!»

Сломали дерзко все и вся,
Разруха хуже Вавилона.
С гранатою в руке босяк,
Король в короне из картона.
Господь грозился: «Аз воздам».
Пока устроит ад банкирам,
Придётся потрудиться нам
Создать условия для мира.
Чтоб каждого домой вернуть,
Я верю — этот миг настанет.
Напоминаю: «Не забудь!
Не забывай, что ты дончанин!»

Разлука с близким — ад в душе,
Неважно, где пройдёт граница.
Нам не хватает малышей,
Тепла их рук. И часто снится,
Что с ними надо убежать,
спасти от взрывов и обстрела...
Я видел, как однажды мать
Почти в минуту поседела.
И, познавая жизни суть,
Добра и зла стальные грани,
Я умоляю: «Не забудь!
Не забывай, что ты дончанин!»

НАСЛЕДСТВО

Моё бесценное наследство
Не баснословный гонорар.
Писать стихи, как цель и
средство,
Отец оставил мне, как дар.
Его красивый чёткий почерк
Стихов и писем фронтовых
Читался в буквах и меж
строчек,
Что он в бою среди живых.
И каждый раз в деревне мама
Была тогда героем дня.
И полыхал конверт, как знамя,
На бликах тусклого огня.
И мама верила — он гений!
И это было вправду так.

Его военное везенье
Сияло на клочках бумаг.
Когда война пожаром дымным
Сошла, безумная, на нет,
Путём извилистым и длинным
Седым пришёл домой поэт.
И не осталось на поэмы
Ни сил, ни времени порой.
Исчерпаны разлукой темы
Ей равной не было другой.
Но Божий дар во взгляде синем
И жар душевного огня
Сумел отдать в наследство сыну...
И этот дар хранит меня.

ОСЕННЕЕ...

Воробьиный крик,
Воробьиный звон,
Тополиный лист — невесом и сух...
Мой осенний миг,
Мой осенний сон,
Шорох лиственный убаюкал
слух...
Солнце ластится,
Тень — косынкою,
Паутинкой — лень:
не отцепишься,
Синим платьицем,
Ломкой льдинкою,
Каждым камешком речка
светится...
Осень ранняя,
Рыжей девочкой
Вдоль лесных полос —
глянь-ка, вон она!
Память раною
Каждой веточкой
О несбывшемся
растревожена...

Евгений СЕМИЧЕВ

«БОЖИЙ ВИТЯЗЬ НА ОГНЕННОМ КОНЕ»

Евгений Николаевич Семичев родился в 1952 году в Новокуйбышевске. Окончил факультет режиссуры Куйбышевского государственного института культуры и Высшие литературные курсы Литературного института им. М.Горького (семинар Ю. Кузнецова). Поэт, секретарь Союза писателей России, автор восьми книг поэзии и двух книг переводов. Лауреат премии журнала «Наш современник» (дважды), всероссийских премий – «Новая книга России-2002» и Лермонтовской (2004), Большой литературной премии России (2006), Международной премии им. Р. Гамзатова (2007), Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» (2009). Живёт в городе Новокуйбышевске Самарской области.

* * *

Снег идёт на склоне дня.
Он идёт ко мне.
Снег проходит сквозь меня...
Голова в огне.

Закипает в сердце дрожь.
Голова в дыму.
«Ты куда, куда идёшь?» –
Я кричу ему.

Замерзает в горле крик:
«Ты мне другом был!»
Он в ответ: «Отстань, старик,
Я тебя забыл!»

Я в смятенье: «Как же так?
Я ещё живой?»
Белый саван.
Белый флаг.
Снег над головой.

Слезы зябкие мои
Превратил в шугу.
Вроде зыбкой полыньи
Вся душа в снегу.

Но не слышит он меня.
Мне не по себе.

...Снег идёт на склоне дня
По моей судьбе.

* * *

И левые, и правые —
Вы мальчики кровавые.
Над Русью Божий Витязь
На огненном коне.
А вы ей только снитесь
В её кошмарном сне.

* * *

Душа у меня молода
Из хрупкого, тонкого льда.
Когда лёд оттает,
В душе расцветает
Подснежников нежных гряда.

В душе у меня бирюза
Прозрачная, словно слеза.
Звенящее лето.
И сполохи света
Мои застилают глаза.

В душе у меня тишина.
Душа несказанно пьяна.
Небесная просинь.
Бездонная осень.
Во всём виновата она.

В душе моей снежная тьма.
Наполнены всклень закрома.
Сварливая печка.
Замёрзшая речка.
Горбатая ведьма — зима.

ШАПКА

Плывёт по Волге шапка,
Дивясь сама себе,
Раскачиваясь шатко,
Как будто при ходьбе.

Плывёт вдоль побережий
Угрюмых Жигулей.
Искрится мех медвежий
Рубинами на ней..

К воде её не клонит
Ни ветер, ни волна.
Плывёт себе, не тонет
Разбойная казна.

Сапфиры и агаты
Её венчают мех.
Усеяны богато.
Не счесть каменьев всех.

…Бывало, вдрызг штормила
Река в ненастный день.
А шапку лишь ломило
Волною набекрень.

Волна стеной вздымалась,
Грозя крутой бедой.
Но шапка не ломалась
Пред волжскою водой.

Стихия бушевала.
А шапка на волне,
Сияя, гарцевала,
Как всадник на коне…

Кипит-бурлит под шапкой
И пенится волна,
Как будто вострой шашкой
Разрублена она.

И пароход, и барку
Река теснит волной,
Чтоб обходили шапку
С поклоном стороной.

И люди, что помельче,
И важные тузы

Пред шапкой той при встрече
Ломают картузы.

Раскачиваясь шатко,
Как будто при ходьбе,
Плывёт по Волге шапка,
Дивясь сама себе.

Оглаживает холку
Речную Божий день.
Идёт хозяин Волги
В воде по шапку всклень.

А кто же тот хозяин?
Он из каких людей? —
Известно, Стенька Разин —
Разбойник-лиходей.

По потаённым схронам,
Утерянным на дне,
Идёт-бредёт с поклоном
К утопленной княжне.

Но пленница таится
От Стенькиной любви.
Горит во мгле денница.
...А шапка на крови.

Окликивает горы
Речного ветра гуд.
То тайные дозоры
Стан Стенькин стерегут.

Казачью перекличку
Разбойнички ведут.
И клич «Сарынь на кичку!»
Не позабыли тут.

Когда княжну-любаву
Степан себе вернёт,
Он волжскую заставу,
Как прежде, всколыхнёт.

Раскачиваясь шатко,
Прощальный путь торя,
Плывёт по Волге шапка —
Подарочек царя.

Молва смущает разум
Уже который век.
А кто не верит сказу —
Пропащий человек!

ХОЛОДЕЦ

На тарелках дрожит холодец.
От вина запотели рюмахи.
От Володьки уходит отец,
А Володька в нарядной рубахе.

На дворе ясный солнечный день,
И распахнуто настежь окошко.
За плечо перекинут ремень,
Но оглохла от горя гармошка.

Тётя Вера, Володькина мать,
Нарядившись в красивое платье,
Умоляет Володьку сыграть
На прощанье отходную бате.

И Володька играет отцу,
Он выводит колена такие,
Что текут у отца по лицу
Неподкупные слёзы мужские.

И отец говорит: «Молодец!
Будь разумным и слушайся
маму».
На тарелках дрожит холодец,
Разделивший семейную драму.

И кричит тётя Вера: «Не тронь!
Откачнись. Не твоё это дело.
Забирай, если хочешь, гармонь.
Эта музыка нам надоела.

Не терзай понапрасну меня
И ребёнка не мучай напрасно!»
И дворовая вся ребятня
С возмущением этим согласна.

И идёт переулком отец,
Весь расхристанный, как после драки.
А не тронутый им холодец
Во дворе доедают собаки.

АРТИСТ

На вершине поднебесья
Мои юные лета
Сохраняют равновесье
Без страховки и шеста.

Непривычное томленье,
Не доступное уму.
Вход на это представленье
Не заказан никому.

Ни билетов, ни афиши —
Становись в любом ряду;
Это я по краю крыши,
Балансируя, иду.

Наш обычно сонный дворик
Погрузился в гам и свист.
И кричит нетрезвый дворник:
«Упадёшь — убью, артист!»

Не такой уж я отважный,
Чтоб без дрожи посмотреть
С высоты многоэтажной
И от страха не сомлеть.

Как я шёл по краю света,
Как прокладывал маршрут —
Пацаны потом про это
Мне с три короба наврут.

Только дворник наш болезный,
Опускаясь на скамью,
Проскрипит ногой железной,
Сплюнет в сторону мою.

Скажет: «Ты у нас придурок,
Что тут много говорить».
Но помятый свой окурок
Мне позволит докурить.

ПОДВАЛ

Он сказал: «Будем биться на кровь!»
Я вздохнул обречённо:
«Согласен».
Он рассёк мою правую бровь.
Я в сердцах его губы расквасил.

Мы курили в подвале тайком,
Как солдаты в окопе, чинарик.
Он со мной поделился платком.
Я ему одолжил свой фонарик.

А потом, чтоб загладить вину,
Мы бутылку вина раздавили.
Хорошо, что принёс он одну.
Мы и так хороши уже были.

Он сказал: «Я домой не ходок!
Твой отец будет жить с моей мамкой».
У меня по спине холодок
Пробежал и застрял под лопаткой.

Я сказал: «Ты домой не ходи.
Мы проспимся с тобой в этой яме
На всю жизнь, что у нас впереди.
И проснёмся навеки друзьями».

ФЛЕЙТА

Мальчик играет на флейте.
В сердце, как в небе, темно.
Виктор Сергеич, не лейте
Мимо стакана вино.

Девочка в розовом платье
Мальчику дарит цветы.
Виктор Сергеич, не плачьте,
Не омрачайте мечты.

Принадлежит это действо
Вовсе не вам одному.
Добрая музыка детства
Мальчику светит тому.

Сеет небесный юпитер
Радужный ласковый свет.
Виктор Сергеич, не спите,
Не упустите момент.

Виктор Сергеич, не пейте.
Вас не спасает вино.
Мальчик играет на флейте.
В небо открыто окно.

ГУДОК

Пароходик от причала
Отплывает ровно в семь.
Поздно начинать сначала.
Да и незачем совсем.

Отразился в мутных лужах
Неуютный городок.
Никому я здесь не нужен.
Капитан, давай гудок!

Распогодилась погода.
Капитан, имей в виду:
Пристань есть у небосвода.
Доплывём и я сойду.

Там приют мой и спасенье.
Там и в будни фейерверк.
И сплошное воскресенье
После дождичка в четверг.

ПОДОРОЖНАЯ

Разыгралась шальная погодка.
Туча слёзы лиловые льёт.
Воровская Воронья слободка
Забубённые песни поёт.

На железных скрипучих
воротах
Гулко лязгнул тюремный замок.
Молодых воронят желторотых
Воронёный увёз «воронок».

По этапу нелёгкая ходка,
И решёток стальной переплёт.
Воровская Воронья слободка
Передачу им в зону пришлёт.

В эшелоне столыпинском урки.
Над перроном дырявый навес.
И бравурно мелодию «Мурки»
Исполняет собачий оркестр.

У начальника хриплая глотка
И от ярости вывернут рот.
Провожает Воронья слободка
Воронят на казённый курорт.

Всё торжественно, как на
параде.
Раскалённые рельсы дрожат.
И стоят паханы при наряде.
И хмельные шалавы визжат.

С ног не валит хвалёная водка.
Ворон ворону глаз не клюёт.
На ветру воровская слободка
Подорожную горькую пьёт.

СЕРАФИМ

Серафим, поцелуй меня крепко,
Чтобы кровь проступила на лбу.
Где моя залихватская кепка?
Почему я без кепки в гробу?

С непокрытой лежать головою
Обречён я навек за грехи.
Никому я уже не провою
Никакие на свете стихи.

Две печальные чайные розы
Положите в мой ласковый гроб.
Мать-земля, утирая мне слёзы,
Спросит: «Кто целовал тебя
в лоб?»

Да один бедолага известный,
Потерявший душевный покой,
Со своей колокольни небесной
Мне махнул на прощанье
рукой…

Не грусти. Всё ещё обойдётся.
Не гневи понапрасно беду.
Я-то знаю: он тут же вернётся,
Если вновь я на землю приду.

Благодетель ты мой
шестикрылый,
Эта нежность твоя не к добру.
Серафим, не целуй меня,
милый.
Я ещё постою на ветру!

ГОРЕ

Усни, моё горе! Пускай
Тебе моя радость приснится.
Во сне ты её приласкай.
И ей суждено будет сбыться.

Во сне ты её обогрей.
Тебе заступаться за слабых.
Ты, горе, добрей и мудрей
На стылых житейских ухабах.

Я вас разбужу поутру.
Я вас провожу за калитку.
И тысячу лет не умру,
Пока вы идёте в обнимку.

ПОЭТ

По этим ступенькам непрочным,
Ведущим на горестный свет,
По грубо сколоченным строчкам
Спускается с неба поэт.

По лестнице этой отвесной
Усталый, угрюмый, хмельной,
Присыпанный пылью небесной,
Забрызганный грязью земной,

Небритый, потёртый, помятый,
Проклявший себя и свой век,
Такой никому не понятный,
Упрямый, шальной человек.

Зачем ему с неба спускаться,
Пускаться в неведомый путь? —
Средь добрых людей
потолкаться?
Солёного горя хлебнуть?

Сидел бы на облаке млечном,
Ничем никому не мешал

И людям о добром и вечном
Хорошие мысли внушал.

Так нет же! На лестнице шаткой —
Того и гляди, упадёт! —
Он машет приветливо шапкой
И с неба на землю идёт.

По этим ступенькам скрипучим,
Ведущим на горестный свет,
По строчкам своим неминучим
Спускается к людям поэт.

ВИДЕНЬЕ

Написал стихи во сне я.
И за то себя виню,
Что прочесть их не сумею —
Позабылись на корню.

Хоть одну бы вспомнить строчку
Или две,
А лучше три.
Всё отдам за эту ночку.
Нет!
Не помню — хоть умри.

Помню только:
Вне сомнений,
Высочайший штиль и слог.
Даже Пушкин — дивный гений! —
Так стихи писать не мог.

Хоть намёком,
Хоть виденьем
Отзовись из далека,
Обернись стихотвореньем,
Объявись во мне, строка.

Сколько можно продираться
Сквозь сплошную дребедень…
А стихи поэтам снятся
Далеко не каждый день.

Дорогой Евгений Николаевич,
сердечно поздравляем вас с юбилеем,
желаем скорейшего выпуска вашей
новой книги, творческого азарта,
жизнерадостного настроения и долгих
плодотворных лет жизни!

Екатерина НАГОВИЦЫНА

САНЬКА

Рассказы

Екатерина Семёновна Наговицына родилась в Свердловске. Училась в Академии государственной службы при Президенте РФ, окончила Московский юридический институт и Государственный университет им. Б. Ельцина. Участник боевых действий на Кавказе. Майор спецподразделения МВД России. Кавалер ордена Мужества. Автор повестей и рассказов о проведении контртеррористических операций в горячих точках. Лауреат литературного конкурса МВД России «Доброе слово» (2011 и 2013 год), премии им. В. Т. Станцева. Победитель международного конкурса «Славянские традиции». Живёт в Екатеринбурге.

НЕСКОЛЬКО ДЛИННЫХ ВОЕННЫХ ДНЕЙ

Под ногами хрустит кирпичная крошка. В полуразрушенном доме темно, тусклый свет попадает с улицы через наполовину заваленные окна. Надо пройти этот гадкий, вонючий, пропахнувший разложившимися телами этаж, подняться по чуть живой лестнице на второй этаж и осмотреться. В темноте наступаю на что-то мягкое, нога проваливается, и меня передёргивает. Не хочу даже догадываться, на что я наступил.

Всё здание завалено трупами. Это обусловлено его расположением — оно находится на небольшой высоте, в пригороде Грозного, и целый месяц здесь шли жёсткие бои. Наверное, по глубокому замыслу генералов, эта высота достойна, чтобы

хлестаться за неё и положить около сотни солдат, наших солдат.

Конкретная двухэтажка переходила из рук в руки раз пять и теперь вся завалена телами боевиков и наших парней. Кто знает, когда сюда доберётся хоть кто-нибудь и разгребёт эту смердящую руину — братскую могилу.

Весь город превратился в большой склеп. Да и кому это вообще надо?! Начальство сидит, поджав одно место, в Ханкале и носа не кажет. Суки! Им бы пересидеть свой срок и отвалить домой. Господам полководцам страшно и жить хочется, ой, как хочется! И мне страшно и жить хочется. Хочется вернуться домой, зайти, обнять жену, зарыться пальцами в её волосы и целовать жадно и долго. Но это если Бог даст, и я вернусь, а не стану одним из многих призрачных жителей этого дома.

Рядом начинает выворачивать напарника. Я молча протягиваю ему флягу с разбавленным спиртом. Тот утирает лицо рукавом и жадно делает два глотка. Ему тяжело, мне тоже, но я уже по местным меркам долгожитель, целый месяц протянул. Если ещё учесть, что это моя вторая война, то вообще динозавр. А он ещё неделю не разменял и сразу попал в такую переделку.

* * *

Напарник он номинально, по чистой случайности. Приблудный молоденький солдатик лет восемнадцати на вид. Пригнали устанавливать конституционный порядок в Чечне. Они ротой заходили в город на двух «Уралах» и попали под обстрел. Чиж, — это я его так прозвал, так как был похож на взъерошенную маленькую птичку, худой и нескладный, — смог выжить в этой мясорубке потому, что его выкинуло взрывом с борта машины, после чего он отполз и вжался в бетонную нишу стоящего рядом дома, оглушённый и обескураженный мощью ревущих и уничтожающих всё железа и огня. Я нашёл его на следующий день, когда он сидел в подъезде и, всхлипывая, размазывал слёзы по грязному лицу, прижимая к груди автомат, из которого не сделал ни одного выстрела. А когда я наставил на него ствол, глаза его расширились от ужаса, а лицо стало совсем детским.

— Ты кто?

— В-ваня. — Заикаясь, произнёс он.

— Твои на улице?

Паренёк кивнул и всхлипнул. Подавленный, скомканный, один.

— Пошли.

— А мои? — Он с надеждой посмотрел на меня.

— Мёртвые твои.

Ваня уткнулся в колени.

— Вставай. Надо уходить. Скоро сюда чехи придут.

Парень тяжело поднялся и пошёл за мной.

* * *

И теперь мы продвигались вперёд, туда, где по моим расчётам должны были быть наши. Просачивались от одного дома к другому, быстро перебегая от подъезда до подъезда, иногда огибая валяющиеся трупы.

Пару раз мимо пролетали грузовые машины, полные духов. Гремя гусеницами, пронёсся танк. Свой или чужой — попробуй, разбери в этой каше. Под вечер рядом прошла группа чеченов. В разгрузках, с автоматами и гранатомётами, явно не походившие на мирных жителей. Озираясь и переговариваясь по рации, они целенаправленно искали жертву. Я дёрнул Чижа за рукав, и он осел рядом. Даже не глядя на него, понял, что пацанёнок оцепенел от ужаса. Группа прошла совсем рядом. Нас разделяла кирпичная кладка разбитой пятиэтажки и было слышно, как один докладывал в рацию о раздолбанной группе федералов и подбитых танках.

Вот уроды... Когда гыркающая речь стихла, осторожно выглянул в окно — на улице было тихо. Хотя на самом-то деле было громко, очень громко — где-то методично долбила артиллерия и строчили пулемёты, в ответ огрызались автоматным огнём и хлопками подствольников. Несколько раз что-то внушительно ухнуло. Наверное, рванули МОНки.

Надо добраться до своих. Видать, сказал это вслух, так как Чиж прошептал:

— Где же их искать?

— Найдём. На окраине, в направлении Ханкалы, блокпост ставили. Нам бы через Минутку пробиться, а там рукой подать.

— Что за Минутка?

— Площадь так у них называется... Перекрёсток на тот свет.

* * *

Через пару домов натолкнулись на двух бойцов. Наши. Сидели в полуподвале. Один был тяжело ранен в голову, второй сидел рядом и зажимал ему рану руками, которые были все в спёкшихся сгустках крови. Даже если бы у него остались патроны, то среагировать на нас он бы всё равно не смог — в глазах парня читались апатия и безразличие. Я подсел, приказав Чижу смотреть за улицей. Тот только взглянул на этих двоих и сразу ушёл к выбитым дверям.

Потрогал пульс у раненого — слабый и неровный. Стало понятно, что парень не жилец. У него началась судорога. Товарищ, держа голову раненого, вдруг начал выть. В это время прибежал Чиж. Глаза его округлились.

— Т-там, на улице, группа идёт. Чечены.

— Та ё-ё-ё... Чиж! Хватай — потащили.

Рукой заткнул рот воющего и сильно дёрнул его за воротник

— Заткнись! Схватил бойца, и быстро в подвал. Понял?

Не был уверен, что тот меня услышит, но он тут же заткнулся и кивнул. Вместе подхватили под

руки его товарища, слетели вниз по лестнице и, петляя по подвальным проходам и клуням, зарылись вглубь подвала дома. В голове прыгала одна мысль: только бы не стали зачищать, тогда — конец. Сами себя загоняем в капкан. Но выхода не было. Патронов мало, да и какие из нас сейчас бойцы. Отсидеться бы. Снаружи вроде всё тихо. У чехов, видимо, тоже не было особого желания лезть в эту негостеприимную темень.

* * *

Раненый умер к утру, когда мы провалились в тяжёлый сон. Вырубились неожиданно и всё. Поэтому момента смерти никто не видел.

Я резко открыл глаза и не сразу понял, где нахожусь. Потихоньку огляделся. Рука сжимала автомат, нацеленный на нишу, через которую мы вошли в эту пропахшую плесенью подвальную комнату, на моё плечо привалился Чиж. Посмотрел на тех двоих и сразу всё понял. А его друг продолжал зажимать ему рану руками. Я встал. Чиж сполз на пол, но не проснулся, только что-то пробормотал во сне. Ноги затекли так, что не сразу смог двигаться. Да уж, хороши бы мы были, попади сюда чечены, лучше подарка и придумать нельзя. Наконец кровоснабжение восстановилось, я подошёл и потормошил спящего бойца за рукав. Тот тяжело открыл глаза и не сразу сфокусировался на мне.

— Пошли. Надо выходить к своим.

Боец промолчал.

— Пошли, твой друг умер.

Он взглянул на тело.

— Ему уже ничем не поможешь. Надо уходить.

— Это не мой друг.

Голос его был глухой, с хрипотцой и абсолютно спокойный.

— Ну, хорошо. То есть, плохо, конечно.

— Это мой командир. Он меня собой закрыл.

Сел рядом. Достал сигареты. Прикурил. Одну отдал ему, второй жадно затянулся сам. Я берёг сигареты и уже второй день не курил. Голова закружилась, и чувство голода притупилось. Мы сидели, курили и молчали. Чиж спал, неудобно завалившись набок. Вставать не хотелось. Демон безразличия начал нашёптывать на ухо, призывая остаться и спокойно умереть здесь, в тепле и сухости, а не там, наверху, в грязи и холоде, где броня, в конце концов, размажет наши тела по разбитым дорогам.

Так, стоп! Рано начал собираться умирать, хотя здесь может оказаться и не поздно. Но нет, нас так просто не возьмёшь! Зря, что ли, я один из всего своего взвода живым остался; зря, что ли, тащу с собой несмышлёного Чижа, который хочет только одного — жить. Да и этого бедолагу жаль. Надо собраться духом и идти. А там уж как Бог даст…

Парень первый докурил и поднялся, аккуратно положив на

пол своего командира. Затем бережно достал у него из бушлата военный билет.

— А жетон?

— Оставлю, я за ним вернусь.

Мы растолкали Чижа, добили магазины, сделали по глотку спирта за упокой души и осторожно двинулись к выходу.

* * *

Город превратился в декорацию для военного фильма. Всё кругом в жирном дыму — вон валит чёрными клубами со стороны Заводского района, чадят железнодорожный вокзал и центр. Многоэтажки раскололись, а иные осыпались веерами ощетинившихся панельных плит. Воздух пропитан едким дымом и больным туманом. С неба сыплет ледяной крупкой, но она не покрывает землю белизной, а лишь питает густую, лоснящуюся грязь.

Само небо висит низкое, тяжёлое и серое. Это хорошо — не будет бомбить авиация... мать её. Такое ощущение, что они воюют сами по себе, против всех, ни о ком не задумываясь и никого не жалея. Именно вот такие лётчики-налётчики накрыли наш блокпост с моими пацанами.

Вот ведь штука судьба, я ушёл со своим настоящим напарником поглядеть, что где творится, да определиться по направлениям с картой города. Залезли на верхние этажи стоящей недалеко чудом уцелевшей девятиэтажки и, сканируя в бинокль близлежащие улицы, координировали по связи блокпост, пытаясь не задумываться, почему этот город весь окутан грохотом и огнём. Гул начал приближаться, и напарник, матернув, дёрнул меня за плечо. На нас на огромной скорости налетали чёрные точки. Они быстро превратились в самолёты, из чрева которых ринулись бомбы. Земля содрогнулась и исторгла из себя крошево домов, улиц и, казалось, само нутро этого города. Ощущение было такое, что все мои внутренности в ответ сжались в один мышечный комок величиной с теннисный мячик.

— Бежим! — Заорал напарник, и мы рванули вниз, перелетая лестничные пролёты, как в детстве. А снаружи творилось что-то невообразимое — рёв, грохот, скрежет. Здание кренилось и где-то, видимо, уже осыпалось. Пролёт качнулся, и напарник упал, соскользнув руками с перил. Я рывком поднял его, и мы побежали дальше вниз, пытаясь вырваться из этой западни. По инерции вылетели из подъезда и вкопано встали. С неба сыпалась бетонно-кирпичная крошка, дальше пяти метров ничего не было видно. А когда марево осело, ландшафт изменился до неузнаваемости. Дома стали пониже, улицы поуже. На месте расположения нашего блокпоста, словно открытая могила, зияла пасть огромной воронки. БТР лежал на боку искорёженной грудой неопределённого цвета. А наш взвод, который с боями дошёл и

закрепился на этом месте, превратился в кровавые ошмётки, которые покрывали липкую зимнюю жижу. В живых не осталось никого. Атака авиации не оставила даже тел. Всё стало единым — плоть, кровь, грязь, железо и бетон.

Через пару улиц убили Лёху. Моего напарника Алексея Волнового, с позывным Боцман, убил снайпер.

* * *

И вот теперь мы втроём пытались выйти из города. Нет, что я говорю, это не город — это огромная чёрная тварь, пожирающая людей, перемалывая кости бетонными осколками зубов, переваривая их нашпигованные железом тела и смакуя поджаренные трупы, громко чавкающая и отрыгивающая кровавые ошмётки. Эта тварь, причмокивая, пила кровь, и всё время находилась в поиске, в движении, громко ревела и требовала жертв. Этот город вкусил человечины, ожил и стал сам по себе — злой, жестокий, чёрный, грозный и абсолютно мёртвый. Фигня, конечно, получается. Как это можно быть живым и мёртвым одновременно? Но в этом месте, лишённом времени и пространства, такое казалось реальным. Этот город стал безумен. И безумные шакалы носились по нему, ища новую жратву для своего божества — кромсая, взрывая, уничтожая. Ибо только трупятинка, приправленная ужасом, была по вкусу их идолу войны. Поэтому бандитам было мало убить, им надо было покуражиться, порезвиться, утолить свою жажду садизма. Им было важно сломить, запугать, исковеркать. И это началось задолго до нашего прихода. Я не знаю, что случилось с этим народом, но что-то с ним ведь случилось, раз они стали стрелять, резать, насиловать, грабить своих соседей, людей, которые жили с ними рядом столетия, с которыми они вместе встречали праздники, беды и несчастья, вместе веселились и печалились. И вдруг вспомнили, что они русские, объявили их чужими и обрекли на смерть. Разбудили страшную Тварь, не знающую жалости и сострадания. Только одного не учли эти тёмные люди, что Тварь ненасытна, не разбирает, кто свой, кто чужой, жрёт всех подряд, и имя у неё — Война.

* * *

Из размышлений выдернула автоматная очередь, которую дал наш новый товарищ, и тут же последовал взрыв, прозвучавший совсем рядом. Меня швырнуло на землю, оглушило, засыпало землёй и асфальтной крошкой, но всё это было ерундой — от кучи мелких смертоносных осколков закрыл собой парень, которого всего сутки назад, видимо, так же прикрыл собой командир. Я так и не спросил, как его зовут. Он был мёртв. Шею разворотил осколок, и из огромной раны, все ещё пульсируя, вытекала кровь, сме-

шиваясь с жирной холодной грязью. Минуту, как заворожённый, смотрел, как она, паря, растекается — алая и такая тёплая, ещё живая, а человека, которому она принадлежала, уже нет. Потом отшатнулся, вытянул из сжатых пальцев убитого автомат, тяжело поднялся и, качаясь, побежал, подскальзываясь на жиже, к ближайшему укрытию. Попутно схватил за шкирку зажавшегося Чижа и поволок за собой. А перед глазами стояли рваная рана и руки бойца в засохшей крови его командира, которую он так и не смыл.

Но на скорбь не было времени — из-за угла на нас выходили бандиты. Автоматная очередь разбрызгала грязь совсем рядом. Вскинув автомат и почти не целя, разрядил магазин. Чечены рассыпались и залегли за укрытия. Чиж вжался в бетонный блок и зажмурил глаза, его побелевшие губы всё время что-то шептали.

— Чиж, стреляй! — заорал я.

Паренёк открыл полные ужаса глаза и отрицательно качнул головой.

— Мудак. — Зло процедил и перезарядил автомат. Придётся отдуваться за троих. Вернее, уже за двоих — и с грустью посмотрел на тело солдата. Душу ещё раз сжало сожаление, что так и не спросил, как его зовут.

Бой выдался короткий. Тупо повезло. На нас выскочило несколько молодых чеченов, горячих, но ещё неразумных, и мои навыки перевесили. Но надо было уносить ноги. Сейчас подоспеют их старшие и более опытные товарищи.

Быстро собрал трофейный боекомплект, гранаты и рюкзак, в котором был сухпаёк, аптечка и тряпьё. С их автоматов снял возвратные пружины и зашвырнул в стенной разлом. Рывком поднял забившегося Чижа и потащил прочь. Остановился. Оглянулся. Вернулся. Забрал из кармана убитого нашего бойца пачку военных билетов — видимо, он в своё время собрал их у своих товарищей. Некоторые были разодраны, прострелены, другие запачканы кровью, но тяжела она была от понимания, что хозяева их сейчас лежат, никому не нужные, кто где, на этой недружелюбной, озлобленной земле, а дома их ждут близкие люди и уже не дождутся никогда. Даже тел не отдаст им эта война. Встал и хотел уйти, но не смог. Не смог оставить тело русского солдата на растерзание ублюдкам. Аккуратно взял его под руки и потащил к ближайшему дому, в подвал. И уже там закрыл ему глаза, накрыл бушлатом и завалил тело кирпичными обломками. Достал из кармана сигареты, прикурил две и одну положил на верхний кирпич. Гуляющий ветер раздувал огонёк, создавая иллюзию, что дух убитого солдата стоит рядом и молча курит.

* * *

— Чиж, ты трус!!!

Я орал ему в лицо, приправляя

речь крепкими словами, взяв за воротник и намотав его на кулаки, сдерживаясь из последних сил, чтоб не начать его бить сильно и жёстко. Всё накопленное за последнее время — страх, боль, апатия, бессилие, злоба — сейчас выплеснулись на этого нерадивого солдата. Я смотрел ему в глаза, но не видел даже лица — вместо него было какое-то сплошное чёрное пятно. Дикая ненависть бурлила в моих жилах. Я готов был зубами рвать любого, но рядом не было никого, кроме оцепеневшего от ужаса Чижа. Я тряс его за бушлат, а он сломанной куклой болтался в моих руках.

В конце концов запал кончился, и вся злость вышла, как воздух из воздушного шарика. Отпустив Чижа, привалился к стене спиной и закрыл глаза — навалились усталость и жалость к этому дураку.

— Пойми, сейчас у тебя только два пути: либо ты превращаешься в тухлую кучу говна, либо берёшь себя в руки, и тогда у тебя появляется шанс вернуться домой и пожить. Чиж, ты хочешь жить?

— Хочу.

— Тогда стреляй! Нет, даже не так — тогда убивай. А иначе убьют тебя. Зарежут, как барана, перерезав шею от уха до уха, и потом будут глумиться над твоим телом. И у них не будет даже тени сомнения. Для них ты враг, иноверец, захватчик и никому не будет тебя жалко, ни-ко-му! Ты на войне, парень, а на войне надо воевать и побеждать, биться до последнего, из последних сил. И вот если ты выживешь — наградой тебе будет возвращение домой. Ещё одна попытка пожить. Пожить за тех, кто здесь лёг. Это тяжёлая ноша. Поэтому решай сам, что ты выберешь.

Чиж вздохнул и сбивающимся голосом ответил:

— Я ведь жизни ещё и не видел, ничего не видел. На море один раз был, и то в детстве, с мамой ездили. Солёное оно и тёплое, а ещё солнце яркое и жаркое. Интересно, здесь есть солнце?

— Нет здесь ничего, кроме войны и смерти… Солнце дома будет, если вернёшься.

— Дома меня девчонка ждёт, Алёнка зовут. Красивая... — Чиж вздохнул.

А я улыбнулся, наверное, впервые за этот бесконечный месяц.

* * *

На следующее утро мы выскочили на своих. Я долго уговаривал уставших, грязных солдат, и они, в конце концов, выделили нам место на броне в колонне, которая пыталась вырваться, вывезти своих «двухсотых» и «трёхсотых».

Места внутри не было, и мы уселись сверху. Колонна двинулась, сразу развивая приличную скорость, чтоб хоть у кого-то был шанс выскочить из этого проклятого города. Но не то это ме-

сто, где мечты сбываются. Под мостом подбили первый бэтэр, который, обильно зачадив, по инерции продолжал двигаться, даже когда сдетонировал боекомплект. Со стоящих рядом полуразвалившихся домов в нас, визжа, летел смертоносный свинцовый вал. Мир взорвался, завертелся и, кружа демонической каруселью, обжигая огнём всё живое, накрыл жаром, гарью и кромешным ужасом. И это всё за пару десятков минут до спасения, за несколько километров до относительного спокойствия. Нам не хватило чуть-чуть, совсем малого, но так дорого стоящего на войне.

Вскинув автомат, я выжал весь магазин в появившегося совсем рядом боевика с зелёной повязкой на чёрной вязаной шапке. Но и он успел нажать на спусковой крючок. Очереди разорвали рёв какой-то отдельной нотой, выделенной только для нас двоих.

* * *

Открыл глаза и оглох от тишины. Нет. Вначале ослеп от яркого солнца, которое било через окно и заполняло всю больничную палату. Тёплое, нежное, почти живое, я и забыл, как оно прекрасно. Забыл, как звучит тишина. Всё забыл. И вот сейчас всё забытое и почти утерянное вернулось и навалилось всей своей силой, любовью и красотой. И даже проваливаясь в забытьё, впервые за последнее время ощутил счастье — лёгкое, почти невесомое. Лишь какая-то смутная тревога царапнула душу, но сознание потухло, не успев облачить эту тревогу в какую-либо мысль, и я провалился в глубокий сон.

Только через неделю смог худо-бедно воссоздать ход событий. Мне повезло. Даже не так, — мне невероятно повезло, как может повезти разве только в художественном фильме про войну.

Тогда к месту засады подоспели морпехи. Завязался новый бой с боевиками, которые уже ходили между искорёженной горящей бронёй и добивали раненых. По рассказу лежащего в моей палате морячка, меня хотел добить молоденький чеченец, лет эдак четырнадцати, но у него произошла осечка, что и решило наши с ним судьбы. Пуля пробила ему голову в тот момент, когда он перезаряжал оружие. Упав рядом, он забрызгал мне лицо своей кровью.

Услышав это, я неосознанно отёрся рукой, стирая уже не существующие капли крови своего неудавшегося убийцы.

А тревога моя сформировалась. Что случилось с Чижом, стало для меня загадкой. Даже как искать его, я не знал, потому что не знал его фамилии. Да и где искать? Живые воевали дальше, раненых развезли по госпиталям, ну а мёртвые... Мёртвые лежали кто где. Стало обидно, что не узнал его фамилию, не расспросил, откуда родом. Вот ведь как: прожили бок о бок несколько длинных военных дней, убивать

его учил, а самое простое, житейское, не спросил.

* * *

Через два месяца меня выписали из волгоградского госпиталя. Выпал мне счастливый билет на войне, даже два: первый — я чудом остался жив, и второй — пули ковырнули тело, но не исковеркали мою жизнь — я не стал инвалидом.

Вернулся домой и, как когда-то мечтал, обнял жену. Жизнь потекла дальше, окуная в водоворот разных житейских радостей и забот. Через несколько месяцев вышел на службу. А ещё через пару месяцев мне предложили должность снайпера в отряде специального назначения. И я согласился, хоть жена и не разделяла моей радости.

Через месяц случился срочный вызов, какой-то парень захватил заложников и угрожает им расправой. Подъехали. Приехавшие раньше сотрудники милиции доложили, что в помещении кафе находится свихнувшийся вооружённый парень и удерживает несколько человек. Дверь он забаррикадировал и орёт, что всех убьёт. Группа должна быть готова на штурм. Но основной упор на снайпера. Я занял позицию. Рядом с кафе стоял майор и пытался вести переговоры, но у него плохо получалось. Он нёс какую-то чушь про долг и Родину, а парень отвечал, что чёрные везде, всё заполонили, всё захватили и над всем надругались. Они враги, а врагов надо убивать. Майор в раздражении махнул рукой и отошёл.

Через какое-то время затрещала рация. Голос у командира был напряжённый и, в то же время, какой-то грустный.

— Гнездо. Внимание. Работай по готовности.

Я дослал патрон в патронник. Железо, откликаясь, гулко звякнуло. Вгляделся в темноту оконного проёма. Но дверь неожиданно распахнулась, на пороге возник парень, держа одной рукой за шею мужика кавказской национальности, вида рыночного торговца. Тот что-то тихо причитал. В другой руке парень сжимал гранату. И в эту долю секунды, когда они выходили, торговец начал оседать, и парень открылся. Палец потянул спусковой крючок, и в момент, когда ударник уже наколол капсюль, парень поднял лицо и посмотрел на меня.

Это был Чиж! В следующую секунду тело его было откинуто назад, заложник упал в грязную лужу и закрыл голову руками, а по асфальту катилась зажигалка в виде гранаты.

Что было потом — всё в каком-то вязком тумане. Побежал к кафе. Там уже была группа захвата — кто-то поднимал полуобморочного торговца, кто-то проверял пульс у Чижа. Двое парней не очень успешно успокаивали заливающуюся слезами девчонку, которая выскочила из

кафе. Она всё пыталась объяснить, что Ванечка не виноват, что он недавно с войны, где был в плену и над ним сильно издевались, что чудом вернулся, изувеченный, контуженный, больной. Они пошли погулять и зашли в кафе, а там компания кавказцев гуляла — стали к ней приставать, чтобы она пошла с ними танцевать, а когда отказалась, начали гадости говорить. Ваня заступился, но они не отстали, смеясь, начали его между собой толкать, типа, иди отсюда, кавалер. Тогда он схватил стул и разбил его о голову одного из кавказцев и гранату достал, но граната не настоящая, это зажигалка, они её перед этим в парке купили.

Девчонка безутешно плакала, уткнувшись в плечо бойца. Торговцы затравленно озирались, сбившись в кучу. А Чиж лежал и смотрел в голубое небо, на котором светило яркое тёплое солнце, спокойным, взрослым взглядом, как будто именно там нашёл ответ на какой-то очень важный вопрос. И лицо его уже не казалось мне детским.

САНЬКА

Сегодня меня бросил парень. Правда, если быть точной, то бросил он меня уже двадцать третий раз. Какое-то упрямое злое постоянство в повторении этого события. Это не раздражает, не выламывает сердце и не пробивает на слезу. С тупым математическим задором я делаю новую зарубку в голове, красиво выводя римское число «двадцать три». Получается два креста и частокол. Символично. Интересно, до какого рисунка мы дойдём в этих странных отношениях? Наливаю кофе и разглядываю добрый солнечный день на улице. Там, за стеклом, всё иначе — легче, веселее, ярче. Хочется сбежать, сбросив в коридорную пыль всё, что сейчас на душе. Но не получится. Нельзя. «Работа не кошка, не выбросишь в окошко», всплывает дурацкая присказка руководства. Эти сутки я вынуждена провести здесь. И сразу мозг автоматически начинает наматывать новый клубок мыслей:

«Двадцать третий раз. Не хило. Неужели я заслуживаю? Нет, конечно же, нет. И не надо себя жалеть. Да я и не жалею».

За спиной послышались почти невесомые шаги, и ко мне подошла подруга Маринка.

— Ты чего хмурым взглядом окно протираешь?

— Переживаю очередную отставку.

— О как! Опять Саня чудит?

— Чудит.

— И что, на этот раз есть новая причина для расставания или всё по-старому?

— Как обычно: «Уходи, Ольга. Ты достойна лучшего. Встретишь ещё в своей жизни замечательного и надёжного. Мне лучше одному».

— Понятно. А ты что?

— А что я? Как всегда пытаюсь ему объяснить, что не надо за меня решать, что мне лучше. И прошу его дать возможность самой выбирать. В общем, всё как всегда.

Марина приобнимает меня за плечи — держись, подруга!

Но тут её окликают и она убегает, шепнув на прощание:

— Ты же знаешь, завтра всё изменится!

Я улыбаюсь в ответ от того, что точно знаю, что действительно уже завтра утром всё вернётся на исходный рубеж. Правда, вопрос — на долго ли…

Саня встретит меня робкой, почти детской улыбкой, которая совсем не вяжется к его всегда серьёзным серым глазам и, взяв за руку, скажет:

— Привет, Ольга-Оленька, ты так мне нужна. Как воздух… Понимаешь… Я живу только потому, что в моей жизни есть ты.

И вот что на это скажешь? Какое женское сердце не замрёт на секунду от этих слов?

Да вот только услужливая память отсчитает новое число расставаний и примирений. Моя память. А Санькина… сотрёт и этот день, и завтрашний.

У него тяжёлая контузия и всё запуталось в голове в нерешаемую задачу из сплошных неизвестных. Дни его исчисляются только сменой всплывающих картин: то ему кажется, что он опять в бою управляет бэтэром, наводя пулемёт и уничтожая противника, то осознает, что вокруг уже мирная госпитальная реальность, и он должен научиться жить по-новому, то опять выжимает гашетку до железки, мстя за своего лучшего друга, а потом устало откидывается на мокрую от пота подушку и просит сестричку принести воды. И во всём этом круговороте постоянно гонит меня в лучшую жизнь, а наутро уговаривает не оставлять его. И вот что это — искренняя любовь или крайняя степень эгоизма? Где пролегла грань между самыми сильными противоположными человеческими чувствами? Я не могу найти ответ и остаётся только надежда, что может в один из дней замечательному парню Сашке станет лучше, сознание перестанет играть с ним злые шутки, война отступит, и он наконец-то сможет разобраться, что действительно ему необходимо.

И если этот день наступит, я перестану быть для него воздухом и смыслом жизни, ведь я — всего лишь его лечащий врач. И я не знаю, кто такая Ольга.

Андрей РАСТОРГУЕВ

БАГРЕНИЕ

Поэма о русских головах

Андрей Петрович Расторгуев родился в 1964 году в Магнитогорске. Окончил Уральский государственный университет и Российскую Академию государственной службы при Президенте России в Москве. Кандидат исторических наук. После окончания университета долго жил и работал на Севере, потом вернулся на Урал. Поэт, переводчик, публицист, член Союза писателей России. Автор нескольких книг стихов, переводов и литературно-критических статей, многих публикаций в литературных журналах, участник ряда антологий. Лауреат Государственной премии Республики Коми, литературной премии имени Бажова и ряда других литературных наград. Живёт в Екатеринбурге.

Уж ты батюшка, сизой орёл,
да где же ты летал?..

Не так уж давно это было — ровно за век до моего рождения. Иные старожилы тогда ещё помнили времена Пугачёвского бунта. А после первой обороны Севастополя прошло всего девять лет.

Четвёртого декабря 1864 года из крепости Туркестан вышла сотня всё ещё опального Уральского казачьего войска под командой Василия Серова. Отправлялись на недолгую разведку. Оказалось — на верную гибель. В семнадцати верстах у селения Икан казаки наткнулись на многотысячную армию Кокандского ханства во главе с его правителем Алимкулом.

В почти трёхдневном противостоянии у русских погибли и позднее умерли от ран 69 человек, ещё один скончался в плену. Но кокандцы, только убитыми потеряв, по разным сведениям, от четырёх сотен до двух

тысяч, ушли и больше на такие рейды не отваживались.

Невеликое вроде бы дело — бой местного значения, мгновение мировых перемен, благодаря которым Средняя Азия побывала частью России. Но, как любая из ярких историй, тем более военных, рассказ о нём помогает подумать и о современном человеке. По меньшей мере — о самом себе...

Автор

ПРОЛОГ

I

Про багры да режаки
ведут речи казаки:
— Багренье, багренье —
хоровоженье одно...

Все поехали к Самарской,
а нас чёрт понёс к Бухарской —
мол, с Бухарской стороны
ямы рыбою полны…

Приехали на ятóвь —
на ятови одна кровь:
кто-то нас опередил
да на рыбку угодил.
Багренье, багренье —
одно хоровоженье...

А у дедушки Петра
мы поймали осетра.
Осетра на три ведра —
просидели до утра.

Казаку, что рысаку —
не уняться довеку:
одну лошадь пропиваем,
а другая начеку...

Кошма была — кошмы нет:
улетела на тот свет.
Пропил пешню, пропил сак,
а к жене вернулся так:
— Бáгренье, багренье —
лебёдушка, багренье...

II

Непонятки чуткому — не загадки,
а с нелюбопытного взятки гладки.
Распознать утраченные слова
за усмешкой лёгкою — дважды
два.
Погляди на полке или погугли —
выйдет не тяжелее иной прогулки
по достопримечательностям, а тут
даже сноски ставить —
напрасный труд.

Не одна имеется повестушка,
как декабрьским утром стреляла
пушка,
и вперегонки, подобрав багры,
люди сыпались с береговой горы.
Разминали длани, желая дани,
и рубили первые иордани,
и — пошла безудержная гульба! —
запускали воздух под кожу льда...

Но увидеть мешкотная потуга,
как подводной лодкою прёт
белуга —
на живые продухи, на рожон
и ломает древки пяти сажён
просто мановением, ненароком,
а потом кровавит упругим боком
острия железные и крюки,
наугад вонзённые вглубь реки.

Если даже пробовать новый
номер —
насовать под лёд электронных
камер,

выйдет номер этот совсем пустой:
ни людей уже, ни белуги той.
Много с той поры в омуты-ятови
утекло воды и нерыбьей крови,
а людей вобрали, как невода,
за года разбухшие города.

Не за труд коронному человеку
гору именем соединить и реку,
да от шара Маточкина пока
далеко до Гурьева-городка,
и найдёшь навряд ли сполна
проворных
от оленных ненцев до мест
икорных,
через край заводов и крепостей
обойтись хотя бы без областей.

Отчего же мне посреди Урала
эта песня в голову так запала?
Устарела вроде бы, да успел —
сам её с друзьями однажды спел.
Не на льду речном и не на
морозе,
а в тепле домашнем — да на
серьёзе:
хоть сегодня мается человек,
занесёт, бывает, и в прежний век...

РАЗВЕДКА

I

До меня на свете ровно сто лет —
дедов нет ещё, и прадедов нет.
На планету девятнадцатый век
осыпается рождественский снег.
По линейным тишина
крепостям —
все на всенощную да по гостям.
Лишь дозоры, окликаясь:
— Не спи! —
караулят, нет ли вора в степи...

А по крыше мира в дальний
Кашгар
перевалами заснеженных гор
караван идёт косматых волов.
Во вьюка́х — полсотни русских
голов.
Терпеливые — ни слова в пути,
и пока на холоду — во плоти,
лишь когда канавы или бугры —
бьются, точно костяные шары...

В том Кашгаре правит хан
Валихан,
по снесённым головам — великан:
вон они — у глинобитной стены
пирамидою нагромождены.
Прибавление не величина,
да за русские — тройная цена:
вести добрые — владыка, ликуй! —
шлёт кокандский аталык
Алимкул...

Увезённым по горам и долам,
им не присоединиться к телам,
а с иными отсечёнными с плеч
в пирамиду валиханову лечь.
Вот такие на Востоке дела.
А тела уже земля приняла,
и что дальше приключится,
Бог весть —
прими, Господи, такими,
как есть...

II

После перечитают
заново злые вести.
После пересчитают,
один на сто или двести.
А если без долгих фраз —
приказ.

Выехать на скаку
к ближнему кишлаку.

Встретив большую рать,
боя не принимать,
но если вдвойне-втройне —
всё-таки быть войне:
дать наглецам острастки,
выпроводить с почётом,
преподнести урок.
Для боевой оснастки
с полным к нему расчётом
придан единорог...

С пикой наперевес
тоже есть интерес,
да чем дорога глуше —
с артиллеристом лучше.
Но памятливы цари —
спуску ни на толи́ку:
запрещены Яику
собственные пушкари.
Сколько сошло бурьяна
с давнего мятежа,
а всё ещё свежа
память про Емельяна...

Рыбо- да звероловы,
сами, как Пугачи,
опытные готовы
к делу бородачи,
не ожидая выгод
от перемены мест:
ежели Бог не выдаст,
то и свинья не съест.
Да, отправляясь в поле
пёхом или верхом,
знать бы врага поболее,
нежели по верхам.

III

Опытный Серов-есаул
со сборами не тянул,
но только за парапет —
навстречу киргиз Ахмет:
всадники на дороге,
просит Икан подмоги,
не считал, каковы в числе —
не оглядывался в седле...
Шлёт Серов коменданту гонца,
а комендант гневается:
попусту не выступай,
приказано — выступай!

Поехали поскорей —
повстречали двоих почтарей
из тех, что везли в Чимкент
секретный пакет
генералу Черняеву:
в том пакете отныне секрета нет —
восемь жизней стала цена его.
Снова шлёт Серов казака к
благородиям,
а ему:
— На рысь!
Есаул, не трусь!
Ты при целой сотне с орудием...

А потом — в кресты полагай
персты:
не дойдя четыре ли, три ль
версты,
повстречали вражьи аванпосты
и огни по холмам окрестным.
Благо, есаул не из торопыг:
приглядел доро́гой сухой арык —
ямка вроде бы, а когда привык,
всё целее под перекрёстным.

Отошли немного и залегли,
рьяных первыми выстрелами
смели,
тени, крадущиеся в ночной дали,
до кровавых глаз карауля.
Обложили конные, отсекли,
но что неподатливы, усекли.
И отныне столько всего земли,
сколько перелетает пуля...

IV

Несходство между мной и
азиатом
отыщут лишь патологоанатом
да землекоп неведомый, когда
под толщею культурного
компоста
заденет край забытого погоста
и различит безмолвные года,
утекшие в бездонные глазницы,
и смутною догадкой соблазнится
про давние века и города,
и разуму, избегнувшему льда,
явится тьма неслыханных
историй...
А, впрочем, ненасытный
крематорий
от интеллектуального труда
потомков избавляет без вреда.

Be positive, гляди на вещи
просто —
переживёшь полсотни или до́ ста:
какой ни набирается навар —
всё выветрится, если не товар.
Теперь и на профессорском
серьёзе
стремление в поэзии и прозе
на глубину событий и времён
считается за пошлый movie ton.
Мол, это эпигонство и отстой,
как после Льва фамилия
Толстой —
созвучие, подобие, халтура.
А в стороне от хоженых дорог
есть я и Бог — вернее, аз есмь бог.
Все остальные — сплошь
литература...

И нынешними подлыми порами
есть подлинные меж
профессорами:
когда тобою не пренебрегут —
хоть имя ненадолго сберегут.
А не найдутся — время утеряло
лишь крапинку того материала,
что без оглядки на расходный вес
вливает в исторический замес.
Когда тысячелетними путями
империи пихаются локтями,
повёрнутый спиной или скулой,
мало́й — не стой без каски под
стрелой:
и крепок человечий черепок,
а для эпохи — только черепок.

V

Вековечна кочевая забава:
пил Куря из головы Святослава,
головами покорённых племён
пирамиды городил Тамерлан...

Коль профессорские помнить
каноны,
все последующие — эпигоны,
подражатели — и несть им числа,
продолжатели — но как ремесла
home-video для телеэкранов:
это запросто — как резать
баранов,
в том числе смотрящих из-за
стекла,
как сочится клюква или свекла.

Вот бы казни поделить на
сезоны,
да поярче овцам комбинезоны,
да помедленнее, точно игра —
ставлю голову: пройдёт на «ура»...

Здесь картинка больше чем
половина.
А на памяти иная картина —
Верещагина, да не из кино:

в Третьяковке погляди полотно,
истуканом не сиди за стаканом...

Но встаёт уже рассвет над Иканом
снова стряпать посреди целины
колобки в худую торбу войны.

ОСАДА

I

Хорошая нынче в киргизской степи зима,
да худо одетому можно сойти с ума.
Пойдя к Алимкулу в заступники правой веры,
небось, поморозили крепко его нукеры
в халатах дырявых жилистые тела...
Войною они поправят свои дела:
за снятое с убиенных неплохо платят,
а в самой цене — казацкая голова.
Вернётся домой к жене в наградном халате —
мол, головы эти, как с жёлтых чинар листва...

Ты хоть за одним листком подойди сперва,
привычный набегами русского взять полону —
увидим: кому жена, а кому вдова.
И даже когда воротится тебе судьба,
пройдя оборону и не понеся урону —
на этой поляне тебе не найти раба.

И мы согреваемся, пальцами шевеля,
ещё не телами случайный устлав привалок —
из нас понемногу через сукно и войлок
живое тепло высасывает земля.
Кто нынче не скатится в очередной курган,
изрядно на кулаки намотает сопель...
Богато на нас народу наслал Коканд —
никак не менее нескольких тысяч сабель...

И вправду не Крым. И пустыня — не Севастополь,
да сизый орёл — не береговой баклан.
Там если атака, тогда выходи в штыки,
Европу за позднюю благодаря науку.
А тут не ружьё — винтовка: с живой руки
бьёт на полверсты — куда твоему мультуку.
Смотри, сторожатся и лишь иногда плюют
свинцом наудачу: мол, поберегись — ударю!

Но те же французы с британцами пушки льют
на лад европейский кокандскому государю —
они-то ядром достанут издалека.
Гляди: притащили — выкатывают пока.
Теперь будет строго — пойдёт покати-дорога:

работа для медного зверя-
единорога —
уж он отогреет бока в снеговой
росе.
Работа простая: шары запускай
по лугу,
жерла забивай-конопать,
выбивай прислугу —
иначе с конями вместе поляжем
все.

II

Летели снежочки до стылой
земли...
Лихо нам, дружочки, родины
вдали.
Не истаяла тоска во золотом
бору —
намела в очи песка по белому
ковру.
Всюду вроде бы земля — а не
наравне.
Будем привыкать мы к
азиатской стороне.

Казаки-казаченьки, не бойтесь
ничего.
Есть у нас, казаченьки, крупа
да мука.
Кашицы наварим, хлеба
напечём,
сложимся по денежке — пошлём
за винцом.
Выпьем мы по рюмочке,
позавтракаем.
Выпьем по другой —
поразговариваем.
Выпьем мы по третьей —
отца-матерь вспомянём.
Выпьем по четвёртой — с горя
песню запоём.

Мы поём, поём про казачье
житьё.
Казачье житьё, право, лучше
всего.
Дом у казака — чёрна бурочка,
жена молодая — винтовочка.
Отпусти, полковник, на
винтовку поглядеть,
чтоб моя винтовка чисто смазана
была,
вдарят по тревоге — чтоб
заряжена была.

Верный мой товарищ — конь
горячий вороной.
Служба наша служба —
чужедальня сторона.
Буйная головушка, казацкая
судьба…
Дай нам Бог, ребятушки,
пожить и послужить,
на родной сторонушке
головушку сложить.

III

Когда обиход суетлив и тесен,
то вправду, наверное, не до песен.
А если по кругу — степь,
чего бы и впрямь не спеть?
Но есть и другое дело
у тёплых пока людей:
безжалостно и умело
достреливать лошадей.

Ращённого с жеребёнка,
вскормлённого от земли,
как собственного ребёнка,
попробуй-ка пристрели.
Да нечеловечья мука,
сводящая холодом —
убийственная наука
о добром и о худом.

Товарища, тушей ставшего,
надёжного до конца,
клади, ещё не остывшего,
защитою от свинца.
Щекою к песку да к небушку,
какое над нами есть —
поближе к овсу да хлебушку,
какого теперь не есть…

Недолгою жизнью мечены
за хозяева своя
сородичи наши меньшие,
подсобные братовья.
Но люди, что к ним приравнены
в пристрелянной полосе,
не все ещё переранены,
и живы покуда все.

IV

Напрочь окружены,
к месту пригвождены —
полная безнадёга…
Что ж не идёт подмога?

Снова персты у лба:
братцы, вдали пальба —
атаковать навстречу!
Но есаул угрюм:
нечего наобум
лезть головою в сечу.

Здесь, почитай, редут —
сразу не изведут.
Коли до нас дойдут,
помощью не обидим.
Слышно железный гром,
да за степным бугром —
хо́ром да из хоро́м
выйдем, когда увидим.

Стихла пальба вдали —
малости не дошли.
Эх, не перемогли…

Шлёт Алимкул посланца:
— Русская голова,
если ещё жива,
слушай мои слова,
чтоб на плечах остаться.

Веру перемени —
на остальные дни
станешь у стремени,
братом к себе приближу.
Истинно говорю:
так отблагодарю —
каждого одарю,
всякого не обижу…

V

После писарю скажут —
мол, тех обойди, не трогай.
После того отмажут,
кто не дошёл с подмогой.
А если без долгих фраз —
приказ.

Подпоручику имярек
взять сто семьдесят человек,
два орудия и — под горочку,
торопясь казакам на выручку.
Но если большая рать,
боя не принимать —
даже в конце пути
немедленно отойти:
малочисленный гарнизон
расходовать не резон…

Шли обратно с тяжёлым
ропотом,
а другой подпоручик шёпотом
крыл по матери: вот прохвост —
оставалась-то пара вёрст.
Но исполнил — нельзя
сохраннее:
всё убытку, что лошадь ранена,
да и та уже ест овёс.

От Андрея и до Иакова
солнце вроде бы греет всякого,
да, однако, не одинаковые
обветриваются места.
Вроде всё по уставу строится,
да бумагой один прикроется,
а другому не успокоиться,
лишь бы совесть была чиста...

После всех назовут по имени.
Остаётся всё меньше времени.
Осязание, зрение ли примени —
неминуемо помирать.
На арбы правоверные не спеша
натаскали соломы да камыша,
наплели щитов — трепещи, душа:
завтра приступом станут брать.

Наступает, видно, конец концов —
значит, самое время послать
гонцов:
сыновьям доложатся про отцов,
а полковнику — как легла
сотня не опрометчивых
молодцов,
а бывалых выученных бойцов,
хоть какой кровавее из рубцов,
смертная разберёт ли мгла?

Хорошо, от ядер, летящих сквозь,
хоть немного коней, да
уберeглось...
Словно канули трое в глухой ночи.
Порох не подмочи.

ПРОРЫВ

I

Почитают Всевышнего с верой
безмерною
все кругом — православные и
правоверные
кряду неимоверные тысячи лет.
Жить безбедно и сыто, как
люди заглавные,
все хотят — правоверные и
православные,
но в любом измерении равенства
нет.
Иисус одесную или Магомет —
не отыщется в небе особых
примет,
а в неистовой тяжбе сплетаются
заново
ветви корня адамова, плода
адамова —
и антонов огонь выползает на
свет.

Как земля световою волною
омоется,
тварь любая по-своему Господу
молится,
да не всякая в утреннюю синеву.
И приходит минута, когда это
значимо,
и нутро обнажается, если
залачено —
ничего не заначено, всё наяву
через кожу, листву и траву-
мураву.
Ибо либо лежать безголовым
во рву,
либо сгинуть во мраке и вони
зиндана...
А граница — на шее по нитке
гайтана:
снять — и мысленно
перекреститься: «Живу!»

Чисто по-человечески можно
понять —
внять и не обвинять, а при
встрече обнять:

лучше на людях, мол, головы не
поднять,
чем с кровавой земли вообще не
поднять —
не приставить обратно, назад не
пришить.
Лучше жить: как угодно, но
главное — жить...

Может быть, и привыкнут не
переживать
и остылые головы вновь
пришивать —
для начала безумцам, потом
подлецам...

Навсегда девятнадцатилетний
пацан,
обезглавленный возле Бамута,
отрекаться не стал почему-то.
Опоясанный краткой дорогой
земной,
он весною родился и умер
весной —
в день рождения и Вознесенья,
ожидая иного спасенья.
И на имя Евгений сегодня во мне
отзывается первым убитый в
Чечне
экономно, без траты патронов
рядовой погранец Родионов.

Всё навряд ли возможно решить
наперёд —
у любого своя нескладуха.
Каждый сам выбирает, когда
подопрёт,
между целостью тела и духа.
Да секунда для выбора невелика,
если чувствуешь лезвие у кадыка:
что излечит, а что изувечит —
не сыграешь на чёт или нечет.

II

Спозаранок зашевелился
воинственный басурман —
немудрёными кознями вновь
занялся своими...
Вышел в поле Серов, навстречу
ему Осман —
тоже вроде бы русский, да
переиначил имя.
Тоже был головастый да
бойкий, слыхать, казак:
в образцовом полку урядник —
да с тягой к чужим порогам.
Бог весть, что там по жизни
пошло наперекосяк,
если через солдатский строй
двоекратно прогнан.
А когда до чужих порогов
подать рукой,
Бог-то весть, конечно — только
уже другой.

Наша Родина та ещё — с кровью
не отстаёт.
Наша Родина тающа —
до холодящей дрожи.
И когда быть русский русским
перестаёт?
Что теряет напрочь с малым
кусочком кожи?
Можно вслух Отечества не
поминать всерьёз,
не трепать языками в буднем
перемолоте,
но когда ты каждою клеткой к
нему прирос,
даже в крайнем случае — дело
не в крайней плоти.
Каждый день из небесной шеи
течёт заря
по отточенному лезвию
горизонта,

да не каждый, придя домой с
мирового фронта,
нахлебавшись по горло, зарезать
хотел царя...

Ах, вопросы русские — вас не
перетолочь.
Ни один ответ вашей болести не
излечит.
— Всё гораздо проще, папа, —
сказала дочь, —
мне живётся лучше там, где
живётся легче…
Все мы — люди, каждому Бог
судья,
но иные вечно спрашивают:
— Который?
На суде последнем живая душа
твоя
поклянётся Кораном, Библией
или Торой?..
И все дети как дети — покинут
отца и мать,
получить желая пайку небесной
манны.
А вот Родина-мать — это если и
жизнь отдать,
безо всяких наград и почестей,
безымянно...

Подобает высокой теме высокий
слог:
сочинял бы драмы или писал
либретто,
здесь такой трагический
просится диалог —
прямо для театра оперы и
балета.
Но законодатель живого стиха
суров:
чуть раздухаришься, пихнёт под
ребро — короче...

Ни о чём особенном не говорил
Серов,
просто время тянул на исходе
последней ночи.
И вполне различая нехитрый
его обман,
но ещё не готовый ватагу
бросать в атаку,
ни о чём особенном не говорил
Осман,
понимая чётко: эти назад —
ни шагу.

Посреди сошлись, перекинулись
парой фраз —
рта ещё вражда кровавая не
замкнула.
В неусыпный лагерь записку
понёс сарбаз —
на вчерашнее, мол, ответ
правителю Алимкулу.
Можно было хлебнуть из фляги
и покурить,
да не позволяет своя и чужая
вера.
Скажешь ветру слово — ответа
не жди от ветра.
Два живых человека — а не о чем
говорить.

И кокандцы, не тратя времени
на словеса,
повели на приступ медлительные
телеги...
Хоть прибыток жизни вроде бы
невеликий,
да ещё у смерти выкроил два часа.

III

Былые утраты в ладонях
земных весов
что сравнивать? Все по
великому счёту квиты...

Четырежды приступали за пять часов —
четырежды были с уроном большим отбиты.
Хитёр азиат на выдумки, ан шалишь —
толпою отсюда не выбьешь и до июля...
Пронзая обмазанный глиной сухой камыш,
убойную силу растрачивает пуля,
да если умом и норовом не овца —
сумеешь зазря не расходовать и заряда…
Гляди, что творит наводчик — ай, молодца!
Какую уже гранату кладёт как надо...

Но, глядя поверх говорящих ещё голов,
просвета ища из отчаянного расклада,
от северной стороны ожидал Серов
сигнала надежды, спасительного раската.
— Не выручат. Сели в неспешности тыловой,
врага со стены высматривая до зевоты...
Их можно понять холодною головой —
там русского люду на две с половиной роты.
Да разве её удержишь на холоду,
дрожа лихорадкою от боевой горячки?
Один за другим казаки на подталом льду
смолкают навек, коченея в смертельной спячке...

Они подошли на выстрел. Того гляди,
на пятой атаке дорвутся до рукопашной...

Другой босиком пройдёт разогретой пашней
в рубахе домашней, распахнутой на груди.
Другому по новой весне процветут сады,
другого развеселят заревые птицы,
и девичье сердце сильнее заставит биться
другой над размахом живой снеговой воды.
А мне прободает сердце кусок свинца —
он в тело вопьётся, горячая кровь польётся...

Но ничего иного не остаётся,
как жить до конца и прицеливаться до конца.

IV

Многим вошедшим в памятные столбцы
нечем носить мученические венцы,
но до поры, покуда не мертвецы,
незачем лишку в дырявую класть котомку...
Затемно до крепостных ворот
добрались гонцы —
а толку?

Замочною скважиною, игольным ушком
верхом на цыпочках или пешком-тишком

перетекли тенями кокандский
стан.
Выслушай, Туркестан!

— Господин полковник,
высылайте подмогу.
Что ж не дошли вчера?
Врага бесчисленно — слава Богу,
если продержатся до утра!..

А комендант в ответ:
— Братцы, никакой возможности
нет.
Сам бы шашку достал из ножен,
да город обложен:
ежели припечёт —
каждый наперечёт...

Вздрюченный гарнизон
вглядывался в горизонт,
а многозвёздный зонт
чист был, как при Адаме.
Все пережгли дотла
дымные факела,
покуда заря взошла
над вымершими садами
и доложил разъезд —
нет никого окрест.

Только тогда — приказ
без посторонних фраз:
дойти и соединиться
на этот раз...

V

Тем дорога жена,
что навсегда верна.
А верная до последнего
погибель кому нужна?..

В штабной писарской отчётности
и летописи побед
за Веру, Царя и Отечество
погибшим упрёка нет.
Но лучше перед державою
с Георгиевским крестом,
чем без головы со славою
на кладбище под кустом.
И даже среди нелишнего
божественным чудесам
надеешься на Всевышнего —
промахиваешься сам.

Покачивалась баталия
на лезвии палаша —
оканчивалась история,
развилок не положа.
Со снега кроваво-алого —
немного ещё пальбы —
останется только головы
поскладывать на арбы.
Да незачем, кто не мёртвые,
до времени на погост…
И выпрямились промёрзлые.
И двинулись в полный рост.

VI

На расправу люд неизменно лют,
да не до бесконечного...
Человек не лошадь и не верблюд —
и доказывать нечего.
Те уже застыли до снежной тли,
стали каменными почти,
а попробуй раненого пристрели,
что не в силах с тобой идти.
Отнести в овраг, отвести во мрак
Богородица не даёт…
Вот когда на помощь приходит
враг:
он без жалости — он добьёт.

Он его исправно отправит в ночь
прямиком — не обиняком...
Но и ты сумеешь врагу помочь
острым лезвием и штыком.

Голова за голову, смерть за
смерть —
на щите или со щитом.
Для начала сам не уйди во
твердь,
а крестами звени потом.

Для начала просто попробуй жить
посреди мировой игры
и служить — и голову не сложить
на земле, чужой до поры.

VII

Двигались — не бежали:
раненые держали,
да перезаряжали,
били, да не челом —
головы простужали
лезущим напролом.

Лавой с лица земли
конною бы смели,
да, видимо, командиров
изрядно перевели.
А вот Осман не отстал:
стрелков на коней —
и вперёд на высоты.
Обошли и с колена — пли!..
Самые преданные супостаты
эти предатели...

Да и здесь у кормила
было ему немило —
после ушёл к эмиру,
командовал при дворе.
Родная не доказнила,
а новая подкузьмила —
прирезали в Бухаре...

В огнеубойном спорте
заговорённых нет...

За редкой колонной по три
тянулся кровавый след.
На-ка, перевяжись —
замертво не ложись...
Медленно в обагрённый
снег утекает жизнь.
Главное — не устать,
от своих не отстать.
Не перестать... Не спать...
Встать...

VIII

Ты обезноженного меня,
теряя время, не обнимай —
подсумки лучше сними с ремня,
винтовку лучше переломай.

Что не по-божески — без обид:
иначе с завтрашнего утра
из той винтовки по нашим бить
начнут османовы снайпера...

Навоевавшиеся до дыр
не каменеют в жестокий час,
но понимают: война и мир
не прерываются после нас.

IX

Когда долетели до чёрного неба
снежинки звёзд,
серовские одолели без малого
восемь вёрст.
Израненные слабели,
растянутый строй редел...

Пока тебя не убили и плотью не
отвердел,
высаживай пули в поле по
линии огневой.
А если кричишь от боли —
значит, ещё живой,

а губы срослись от жажды —
и вовсе почти здоров...

Простреленный дважды,
команды не сдал Серов.
Атака — не драка, отход —
не одышный бег,
покуда начальный имеется
человек.

Начальному глазу видна
глубина до дна:
толпятся сарбазы, и пушка
наведена.
Но глиняные дувалы прорвёт
всегда
базальтовые завалы дырявящая
вода.
Не требуется удача, отчаяние
ни к чему —
здесь воинская задача
командующему.
И собранные внезапно на
гибельную черту
ударили хлёстким залпом —
и вышли на высоту.

Хоть, как на духу признаться,
высоточка так себе —
способнее упражняться с неё
в боевой стрельбе,
но если на ком креста нет,
посыплются, как с куста —
на сколько ещё достанет
оставшихся полуста?
Раздельно или артельно —
и эдак, и так смертельно.
И долго ли всем дышать —
тебе, командир, решать...

X

Лирическую заметку
позволь мне, читатель редкий,
пошедший со мной в разведку
из крепости Туркестан:
уж если до этой точки
добрался в людской цепочке —
останься и на высоточке,
до крайнего не отстань.

Высокого помаленьку,
чуть лишку — и перебор.
Кончается третий день, как
томительный коридор.
Но и по верховной власти
не будет четвёртой части —
а не потому, что сверх
посильного оттрубили,
и не потому, что всех
по-быстрому перебили,
и не потому, что в снег
злодеев поуложили,
и не потому, что все
дошедшие дальше жили...

Дошла наконец подмога.
А тема — до эпилога.

ЭПИЛОГ

I

Самые памятливые говорят,
что с песнями в город входил
отряд,
и даже раненые с телег,
теперь намеренные жить сто лет,
кричали не от телесных мук —
от радости в этот миг.
Один, забинтованной головой
качая, поверить не мог:
— Живой!..
Другой с неостуженным
куражом
размахивал взятым в бою
ножом...

Сойдут в кладбищенские квартиры
ещё одиннадцать, а пока
бережно в госпиталь на руках
вносили вырученных офицеры...

II

Ой, сильна целина для селянских дел:
три коротких дня — урожай готов.
И набрал правоверный арбу голов,
православный наполнил телеги тел.

Каждый поле ратное за собой
прибирает в собственные срока.
Повезли вереницею за арбой
алимкуловых раненых сорока.
А потом дожинать со степных борозд
вышли наши — охотники, не силком.
В ледяных обрубках в неполный рост
опознаешь сразу ли, кто был кем?

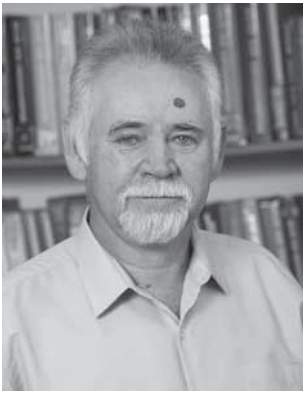
Эх, степная ширь — травяной пустырь
сплошняком без осьмушек и половин.
Хоть глаза продырь, далека Сибирь —
с камыша не наделаешь домовин.
Положили, накрыли одним холстом
и насыпали землю поверх холста,
и поставили памятник под крестом.
И забыли надолго потом о том,
хоть не сразу — спустя полста.

Что нам давний бой, прошлогодний снег?
С той поры минул и двадцатый век.
На одной сквозной мировой войне
человечья жизнь в никакой цене,
а добавить ещё гражданских —
так не стоило и рождаться.

Но природе нет никаких причин,
чтобы не сводить женщин и мужчин,
не соединять-миловать вдвойне
по одной сквозной мировой весне
без особого разрешения
для людского плодоношения.

Коли так — то, наверно, тому и быть.
Отчего не есть, отчего не пить?
Отчего мутить мировой подъём
вековым быльём, сорным бодыльём?
Велика планета, а жизнь одна:
родила — и спасибо, Родина...

Что же ты, голова моя, на ветру
в зимовой степи, золотом бору —
на плечах покуда и не с дырой,
да невдалеке от земли сырой,
где от ба́грения на багре́ние
оступается ударение?



Геннадий АНТЮФЕЕВ

МОСКВА–КИЕВ

Рассказ

Геннадий Иванович Антюфеев родился в 1955 году на хуторе Остров Суровикинского района Волгоградской области. Окончил Одесское театрально-художественное училище. Работал художником-постановщиком, корреспондентом. Печатался в альманахах «Верхний Дон», «Казачья старина», «Волжанин», альманахе Ростовского регионального отделения Союза писателей России. Автор трёх книг прозы. Член писательской Ассоциации «Верхний Дон», творческого Союза художников России. Живёт в городе Суровикино Волгоградской области.

Поезд Москва—Киев шёл по своему маршруту.

В купе находились трое: я и двое мужчин. Обоим попутчикам было за пятьдесят. Крепкие телосложением, с руками, знающими, что такое труд и нелёгкий заработок. За окнами проплывали пейзажи среднерусской равнины с широкими просторами, окаймлёнными перелесками, стайками берёз, оврагами, лесами с буреломами. Когда состав, громыхнув по мосту, поплыл мимо поля, один из попутчиков произнёс с глубоким вздохом:

— Зэмлю пора ораты...

— А чё на неё орать-то? На скотину, оно — понятно. Ты куда пошла? Ну-ка, назад! Или вперёд... Куда надо, туда и орёшь… А на землю... К ней с лаской надо, а не с ором подходить, — возразил пассажир, который сидел напротив.

— Я ж нэ говорю, що на неи трэба крычаты, я кажу, що потрибно ораты.

— А какая разница: орать или кричать?

— От ты непонятливый. Ора-аты. Розумиешь? Нэ крычаты на землю, а саму ораты...

— Не пойму.

— Ну як тоби поясныть? Ты знаешь, що е такый Будынок ООН, Организации Объединанных наций?

— ООН знаю.

—Так у тий Амэрыци е скульптура Вучетича. Называется «Пэрэкуём мэчи на орала». Той скульптор у вас на Мамаевому кургани таку вэлычэзну Батькивщыну-Мать зробыв! З мэчэм. Був я в Сталинграды. Ото, я тоби скажу, скульптура! Аж подых зупыняется! Так от, про орала. Пэрэкуём. На плугы, на лемихы... Розумиешь? Словьяны так звалы плугы — орало. От того слова и ораты землю. По-российськы... Пахать! Вы ж, кацапы, позабувалы наши словьяньски слова, понавыдумувалы нэпонятни. Вместо мисяць говорите луна... То писня луна, а як мисяць може лунаты — не уявляю.

— А я вот, к примеру, не понимаю, что такое песня-луна, — с вызовом возразил русский. — Или песня, или луна, а то песня-луна.

— Луна, лунае — это значыть звучыть, алэ нэ просто так, а красыво, з душою, плывэ по-над селом, по-над ставком з вэрбамы. Аж душу пройма. Ось, що означае писня луна.

— Ну да, песня, как луна, плывёт над твоим селом...

— Хай будэ и так. Головнэ, ты поняв.

— Понял, понял...

— А ще кажэтэ «топор». Що це за топор? То пёр, то запёр...

— А по-украински как же будет топор?

— Сокыра. Як наши пращуры казалы «секира».

— Сравнил. Секира — это боевое оружие. Секир-башка, как говорится.

— Ну, башка не башка, а в нашый мови мы нэдалэко видийшлы вид слова, що когда-то звучало на берегах Волгы та Днипра.

— Угу, и до сих пор всё той секирой машете.

— Ну, не вси... А махають ти, яки позабувалы, що мы выйшлы из Киевськои Руси: и украинци, и руськи, и билорусы... Алэ то на ных якась лыхоманка напала. Пройдэ якось...

— Ну, сосед, и хитрова-ан: знаешь русский язык и прёшь на меня, как танк... Я по-украински плохо кумекаю и возразить нечем. Гостевал у вас, но давно, кое-что выучил, да позабывал уж. Давай-ка оставим в стороне слова и славянизм.

— Нэ возражаю.

— А то, что на твоих сородичей лихоманка накинулась — это ты в самую точку попал. Чего враждуют? Зачем кричат про недругов из России? Чего делят? Вот нам с тобой нечего же делить? Нечего! Ты, вижу, работяга, и я того же роду-племени.

Эх, бывало, куда ни прибудешь, везде родную душу найдёшь. Кроме прибалтов... Они как-то кисловато к нам относились...

— Среди них и добрые люды булы.

— Конечно. Но всё равно, приезжаешь, примером, в Грузию. Горы! Море! Шашлык! Вино. Ребята гостеприимные! До сих пор вспоминаю, как отдыхалось там... Нет, взяли и разбежались в разные стороны... Да ещё и воевать надумали друг с другом... Ну куда это годится?

— Цэ ты правый, никуда не годыться. Если и разбежалися, то всё равно по-людски трэба жить. По-соседски. А сколько в семьях есть мешанины: тут тебе и кацап, и хохол, и молдован, и поляк... Так что же, теперь и из семей из-за национальности тикать? Бардак будет, а нэ життя.

— Я, брат, в пору молодости к вам ездил за сеном. В моём краю засуха траву на корню загубила. Ну и командировали на Украину. Тоже, знаешь, самые лучшие воспоминания остались от той командировки. Расположилась наша колонна чуть ли не в центре села. Да, можно сказать, и в центре, потому что до клуба — рукой подать. Площадь у них огромная такая, мы всем табором на ней уместились. А нас провожали и приказывали: «Вы там работайте да оглядывайтесь, всё же к Западной Украине поближе будете».

— А дэ ж стоялы?

— В Винницкой области.

— То така Западна Украина, как я бандурыст.

— Нам так сказали. День-другой проходит, все здороваются, расспрашивают, откуда и почему. Доброжелательное такое отношение. Чтобы оправдать выказанное доверие, стараемся, вкалываем по полной программе. Начальство ещё наказало не только сено привезти, а и помочь украинцам транспортом, совместными, так сказать, усилиями, подсобить в строительстве школы местному колгоспу (при этом слове сосед одобрительно кивнул головой), в проводке электролинии по селу, укладке дороги... Пашем, как папы Карлы, времени не замечаем. Глядь, уборочная подкатила. И там успели помочь. Ну, народ ихний смотрит: умеют кацапы работать, на совесть упираются. И заприятельствовали хохлы с нами, а мы с ними. Да и с хохлушками тоже. Гарных девчат в селе хватало предостаточно. Холостяки наши всеми силами упрочивали дружбу народов. Им на работу идти, а они только возвращаются после того укрепления. Да и женатые, чего греха таить, отыскивали вдовушек, тоже утром приходили дружбой утомлённые и смачным завтраком накормленные. А тех мужиков, что держались, кто верность оставленным на родине половинкам сохранял, стал люд в гости звать. Как отказать гостеприимным хозяевам?

— Ты, выходит, среди стойких находился?

— Выходит. Это не главное. Главное, заглянешь к какой-нибудь доброй душе, а у неё в хате на столе чего только нет! И огурчики, и картошечка, и сальце. Вот уж истинно: самый полезный витамин «С»! Да с перчиком, да с чесночком! Объедение! Настоящая пища! Ещё мне понравились голубцы и колбаса-кровянка... И ко всему — самогоночка.... Веришь, брат, утром и голова не болела. А!

— Так если добра самогонка, то чего ж голова будет болеть? То от гычанкы трещит, як казан, а если пэрвачок да из сахара... — украинец закрыл в блаженстве глаза. Открыв, спросил:

— А як тэбэ зваты?

— Иваном.

— А я Мыкола. Слушай, ты так смачно росказуешь, что аж есть захотилося. Пообидаемо?

— Можно и пообедать.

Каждый нырнул в свою сумку.

И вскоре на столе появилось много из того, о чём вели речь собеседники: курочка, картошечка, яйца, сало, хлебушек, соль, чесночок, лучок, колбаса-кровянка...

Мыкола настороженно взглянул в мою сторону, потом подмигнул соседу:

— Может, дядю Сэма спробуемо?

— Настоящая самогонка?! С Украины?

— Сама настоящая, а як жэ. Я, когда отправляюсь в Москву, беру з собою килька пляшок, а одну завсегда отставляю на обратну дорогу. Хлопци кажуть: «Зачем она тебе, ты практычно не пьёшь». Отвечаю: «А если добрый человек встретится, а мне нечем будет и угостить. Как-то не по-людськы» — «Бери, бери, всё равно назад привезёшь». Бувало, що и привозил вместе с новыми бутылкамы.

Обернулся ко мне:

— Присоединяйтесь до нас.

— Спасибо, с удовольствием. Пить, правда, не буду. А вот в котёл внесу, чем богат.

Попутчики плеснули в стаканы понемногу, для разгона. Крякнули почти одновременно и потянулись к закуске. Русский положил на кусочек хлеба сало, степенно откусил, пережевал и произнёс с удовольствием: «Пища богов! Ни дать ни взять». Усмехнулся: «Шмат сала — он и по-русски шмат сала, и по-украински. Так ведь?» — «Так», — согласно прижмурился сотрапезник.

А я получал удовольствие от их разговора, перешедшего в мирное русло, от здоровой, народной пищи и от растекающихся за окном пейзажей.

Выпив ещё по чуть-чуть, собеседники решили что-нибудь спеть.

— Только тыхэсэнько, тыхэсэнько, як у фильми «З лёгким паром!»

— Не иначе. С какой начнём? С русской или украинской?

— А з любои.

Иван подумал-подумал и затянул:

Распрягайте, хлопцы, коней
И лягайте спочивать...
Мыкола подхватил:
А я пиду в сад зэлэный,
В сад крыныченьку копать...
Допев до конца, хохол с иронией спросил:

— Так чыя ж цэ писня? Ты, мэни здаеться, нэ российскою мовою спивав, га?

Кацап хохотнул и согласился:

— Песня-то вроде русская, а поём, выходит, по-украински. Теперь твоя очередь.

Николай перед началом запева тоже призадумался и начал тихо:

Мисяць на нэби, зиронькы
сяють,
Тыхо по морю човэн плывэ.
В човни дивчына писню
спивае,
А козак чуе — сэрдэнько мрэ...

После третьей попутчики повспоминали русскую и украинскую кухню, пришли к выводу, что много есть общего, как, например, пшённая каша со шкварками, а есть и различия. Украинские галушки не похожи на русские. А пампушки? Украинские... А вареники? И те, и другие, главное, чтобы, когда надкусуешь, например, с вишней, соседу соком, сладким и бордовым, в глаз не попасть… Или, того хуже, соседке. Ха-ха-ха! А блины? Ну, это русское лакомство. Со сметанкой ли, с медком или с вареньицем... Вкуснотища, да и всё! А лапшичка из утятины?..

— Ну, давай ещё по граммуле дёрнем за наши столы богатые.

— Не перечу.

Выпили. Опять заспивалы:

Шумел камыш, деревья
гнулись,
А ночка тёмная была,
Одна возлюбленная пара
Всю ночь гуляла до утра...

Душевно выводили, с чувством, но громковато. Появилась проводница: «Господа хорошие, вы мешаете соседям. Умерьте пыл свой».

Я встал, выходя из купе, легонько оттеснил проводницу и как можно ласковее произнёс: «Родненькая ты моя, ничуть они не мешают. Напротив, такое наслаждение получаю от пения. Дружба народов — понимаешь? Такое общение дороже всяких дипломатических переговоров, торговых соглашений и прочей бюрократической туфты. Это — от сердца. Пусть поют. А поют они, по-моему, прекрасно».

Девушка улыбнулась: «Мне тоже нравится. Но всё же пусть потише это делают». — «Я прослежу».

Вернулся обратно, обнаружил собеседников, которые сидели рядом на одной полке и рассказывали друг другу о себе, о детях и семьях.

Вскарабкался наверх, слушал приглушённый говор, и по душе растекалась прямо-таки благодать. Тепло вперемешку с умиротворённостью заполняли моё естество. Будем жить, ребята! И никакие правители и политические веяния не смогут разбить многовековое братство. Мы ведь одной крови...

Виктор ТИХОМИРОВ-ТИХВИНСКИЙ

«Я ИЗ ПРОШЛОГО ВЕКА...»

Виктор Алексеевич Тихомиров-Тихвинский родился в деревне Свирь Тихвинского района в 1958 году. Работал редактором, издателем. Член Международной Ассоциации писателей-публицистов (Монреальское отделение). Печатался в журналах «Наш современник», «Дон», «Литературный Иерусалим» (Израиль), «Новая Немига литературная» (Минск), «Русский писатель», «Плавучий мост» (Германия), альманахах «Дни поэзии», «Глагол» и др. Автор 11 книг прозы и поэзии. Награждён Золотой Пушкинской медалью «За сохранение традиций в русской литературе». Живёт в г. Тихвине Ленинградской области.

И ВИЖУ Я...

Как будто бы десятки клеток
Их поглотить в себя смогли:
Едва приметны в бездне веток
Деревьев, в небе — журавли.
Они плывут в небесной власти
На свой невидимый вокзал.
А солнца луч, давясь от страсти,
На стаю коршуном упал.
Никто не знает, в чём причины
Моих, таких случайных, слёз...
Дома ночные — исполины
Над горсткой маленьких берёз
Стоят и ждут — каких регалий?
...И вижу я в слепом окне —
Не ту Россию, что в печали,
А ту, счастливую, во мне!

НА СЕННОЙ ПЛОЩАДИ

На старой площади темно и —
ни души...
Как одинока в эту ночь Сенная.
А в небе месяц светит, хоть
пляши,

Спеша в рассвет, дорог не
выбирая.
Здесь по ночам пустынно и
мертво,
Как будто вечность в сеть
времён попала.
И крепко спит закрытое метро
На месте церкви той, что здесь
стояла.
Тревожит душу вечный непокой,
И, небо петербургское вздымая,
Явилась церковь Спаса на
Сенной,
В земную твердь родимую
врастая.
И снова у Вселенной на руках
Я вижу храм на склоне этой ночи,
А белый ангел о шести крылах
Судьбу народу новую пророчит.

* * *

*...Отрежу уши, чтоб её не
слышать...*
Ю. Кузнецов

Вокруг вода. Весь мир
заполонили
Какие-то нелепые дожди.
Мы наши чувства вместе
хоронили.
Ты — под крестом. А я в своей
груди.

На то, видать, случилась воля
Божья,
А значит, Бог и прав, и виноват…
Порой любовь — сплошное
бездорожье,
Где даже царь — любви своей
солдат.
Все чувства наши, тонкие, как
прутья
Сломались от невзгод по одному,
И наш сынок рыдает на
распутье,
Забыв, куда идти теперь ему.

А где-то там, под сводами
раздора,
На улице промокшей, при луне,
Любовь младенцем плачет у
забора,
И женщиною тянется ко мне.

Она в лицо мне осторожно
дышит.
Она клянётся преданно любить.
Отрежу уши, чтоб её не
слышать.
Язык отрежу, чтоб не говорить.

АЭРОПОРТ

Глебу Горбовскому

Во мне смешались дни и ночи.
Ночей темнее нынче дни.
В аэропорт всё так же точно
Летят небесные огни.
И возвращаются обратно —
Земного блага не хотят.
Нездешний дед бубнит невнятно,
Что это ангелы летят.

ШКОЛЬНЫЙ АВТОБУС

Илье Штемлеру

Возвращаюсь из жизненной
смуты
Дней вчерашних — в сегодняшний
рай
Разбиваю судьбу на минуты,
Но кричит кто-то: не разбивай…

Небо звёздами полнит утробу,
И мне кажется: к каждой звезде
Подъезжает твой школьный
автобус
И тебя подбирает везде.

ТИХВИН

Здесь на каждом углу
есть отметины прошлого века,
Здесь на каждом столбе
проступают портреты вождей,
Те, которые стёрты, затёрты до
дури...
Калека
Точно так же у церкви
внимания ждёт от людей.

Я из памяти вышел,
как будто в рассвет из парадной.
Тот же парк и дома...
Только люди гуляют не те.
Я из прошлого века
вернулся в свой город...
И ладно...
Чтобы всё позабыть,
чтоб стихами светить в темноте.

Когда хочется спать,
когда всё вдруг теперь непонятно,
Когда хода назад
в город прошлого попросту нет,
Мне так хочется вновь
в своё детство уехать обратно,
Чтобы мама ждала,
и горел в её комнате свет.

* * *

В детстве жгли костёр мы с
мамой во степи.
Жгли на радость старикам и
детворе...
...Затопи печурку, мама,
затопи —
Я из детства возвратился на заре.
Я молился ночью, мама, за тебя!
И за здравие твоё зажёг свечу...
Эти строки посвятив тебе, любя,
Постою с тобою рядом.
Помолчу.
Засияет наше утро, как пятак.
Растворятся в белом свете
фонари.
Если что-то я и делаю не так,
Ты молчи и никому не говори.

Иван ВЕНЕВЦЕВ

УРАЛ – БЫСТРА РЕКА

Роман

Иван Степанович Веневцев (1896-1974)родился в посёлке Благословенском станицы Оренбургской (современное село Благословенка Оренбургского района Оренбургской области). Поступить в юнкерское училище, как мечталось, помешала Гражданская война. Вместе со старшим братом Василием вступил в войско атамана Дутова. После разгрома белой армии был осуждён на два года тюрьмы, затем, в 1941-м на полтора года, и в 1943-м – за антисоветскую агитацию – на 10 лет. В Карагандинском исправительно-трудовом лагере написал автобиографический роман с авторским названием «Михаил Веренцов». В 1960 году был реабилитирован. Скончался в пос.Долинка, месте своего поселения, так и не повидавшись с родиной.
Журнальный вариант романа мы публикуем в литературной обработке Валерия Кузнецова.

Войны, которые не кончаются...

Беда Гражданской войны в том, что она не кончается никогда. Свежие примеры — новые вспышки загнанных под спуд Гражданских войн в США и в Испании. После всех уверений о «замирении» и «преодолении». «Примирившиеся» вдруг сносят памятники «южанам» и «франкистам», переименовывают улицы. Это спустя почти двести-то лет (в США)! А у нас — всего сто (если считать с 1917-го), или вовсе — 25 (с 1991–93 гг.).

Не говоря уже о полыхающей под боком Украине... Где внезапно обнаружились внуки Бандеры и правнуки Петлюры, и с воплями радости подожгли «ридну хату». Нехай полыхае!

Роман «Урал — быстра река» — произведение странное в своей безыскусности. Оно даёт воочию увидеть и представить, как происходят события, обрушающие жизнь страны, семьи, человека...

Шаг за шагом, без громов и молний… Бросил цигарку, поцеловал чужую женщину, ушёл сотоварищи с фронта (бросил фронт) — и всё.

Это произведение интересно ещё и тем (но не в первую очередь), что рассказывает о трагедии именно оренбургского казачества, о неизвестных страницах Гражданской войны на Юго-Востоке России.

Станем ли мы умнее после прочтения? Простим ли? Не знаю. Но точно — станем другими.

Алексей ШОРОХОВ, поэт, секретарь правления Союза писателей России.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ НАБАТЫ[1]

ВВЕДЕНИЕ

Край мой казачий

1

Белёсым бархатом блестят выжженные солнцем степи оренбургского казачества — это выцветшим ковылём выстелены почти безлюдные равнины. Только вихри степные в полдневный зной нарушают тишину, с шумом и свистом бешеной свадьбой несутся они по полям, срывая сухую траву и колючку-катун, мешая в кучу, уносят спиралью до облаков. Точно вьётся страшная верёвка, а конец уходит в небо. Застигнутый врасплох жаворонок, скрученный потоками воздуха, долго не может выпутаться из смерча. Обескураженный стрепет теряет равновесие, кувыркается в траву.

Бегут вихри, бесследно исчезают. После них — опять тишина, сухой зной и марево. Синяя дымка скрывает даль.

Но вот на горизонте появляются кучевые облака, они поминутно растут, превращаясь в гигантские фантастические фигуры, ширятся, сливаются в огромную чёрную тучу, впереди которой идёт буря — самая страшная из стихий в этих местах. Не устоять против бури ни конному, ни пешему. Всё живое стремглав спешит укрыться в убежища.

Буря срывает скирды сена и соломы, подбрасывает их кверху в бешеной игре, былками[2] расстилает по земле; крыши с домов закидывает за село.

Вслед за бурей с неба падает море воды. От грозовых раскатов с дребезгом вылетают оконные стёкла.

Ливень ужасный, разрушительный проносится, оставляя за собой ярко-промытую радугу и отдалённые раскаты грома. Тучу с дождём и громом унёс ветер.

Выходит и нещадно палит солнце. Дождевая вода стекает в низины, через час-два прошла, высохла. Робко поднимается поваленная дождём трава. Расправляя крылья, сушатся на солнце вороны, грачи, галки — все, застигнутые дождём в открытом поле и промокшие насквозь в своём убежище. Сейчас они не могут

летать, их можно ловить руками. Пернатые хищники бьют их насмерть...

2

После таяния снегов невиданно преображается степь. Всеми цветами радуги торжествует живой зелёный ковёр на все стороны света. Мириады жёлтых, красных, фиолетовых тюльпанов вспыхивают на нём. Жаворонки над головой разливают свои радостно-мелодичные рулады.

Выпорхнув из травы, небольшая с розовой грудкой птичка сидит, раскачиваясь, над кустиком зелёной травы, обхватив тоненькими лапками веточку и не боясь человека, как бы выговаривает жалобно: «Чуть-чуть си-и-жу, чуть-чуть си-и-жу!». Ей на разные голоса вторят другие.

Человека степные пичуги подпускают почти вплотную. Посмотришь под куст: там маленькое круглое гнёздышко, искусно сплетённое из мягкой травы и выложенное внутри пухом, — а в нём пяток яичек. Пройдёшь дальше, а птичка опять сядет на своё место в гнездо. Через несколько шагов всё повторяется: взлёт другой птахи над кустом — и опять гнёздышко. Цвет яичек разный: у одних белый, у других, как небо, голубой, у третьих — серый.

...И окраска оперенья, и песни птиц — всё множит собой роскошное степное разнообразье.

А какую радость даёт этот мир: и цветы, и зелень без края, и чистые птичьи голоса, и этот жёлто-коричневый или сизо-лиловый, распластавший трепещущие крылья, как бы зависший на одном месте и зорко высматривающий в густой траве добычу, кобчик!..

А воздух степной! Им не надышишься, он не умещается в лёгких, его хочется глотать, пить — этот сухой настой цветов и трав!.. Запахи степи особенно остры после дождя, когда горячими золотистыми лучами выходит из-за туч солнце.

А звери, а птицы степи! Кого там только нет! Раздолье для охотника... Точно стада баранов, бродят по степям долгоногие журавли, охотясь за змеями, ящерицами, насекомыми. Накапливают жир тяжёлые дудаки-дрофы, с трудом, лениво поднимаясь в воздух. Низко пригнув шеи под сплошной кошмой гниющей стари-травы, укрываются куропатки, стрепеты...

На Урале и приуральных луговых озёрах стадами плавают лебеди, гуси, утки, казарки. В небе парит орёл, выслеживая пернатую добычу, камнем бросается с огромной высоты, грудью разит жертву наверняка, насмерть. Беркут и чёрный ворон спешат полакомиться остатками орлиного пира.

Человеку незаметна жестокая борьба за жизнь этого мира. Сколько степных существ в страданиях погибает, когда борьба становится непосильной, сколько растерзывается и пожирается более сильными и хищными!

Остаётся беспомощное потомство, или дети умирают на глазах родителей, вызывая страдание.

Незаметна человеку эта жизнь, полная неведомых ему страстей, стремлений и противоречий. А степному миру незаметна жестокая, осмысленная и кровожадная — борьба человеческая.

3

Голубой зигзагообразной лентой разрезая степные дали, тянется река Урал, указывая границу между Европой и Азией. Здесь когда-то угрожали Европе с востока кочевые народы. Вставшее на этом рубеже казачество вело жесточайшую борьбу, оберегая русские земли от степных набегов. Постоянным аванпостом казачество заслоняло границы от посягательств на мирную жизнь Руси. Как из гигантского мешка, рассеивались казачьи кости по степным просторам, где потом — грибами на токовищах в дождливую осень — родились станицы.

На рубежах святой Руси
Всегда стояли казаки,
В руках их пики и клинки,
А смерть всегда за их
плечами...

Жизнь в пограничной полосе подвергала казака постоянной опасности, заставляла быть всегда готовым к её отражению. Даже на полевые работы и пастьбу скота мужчины выезжали вооружёнными. Владели оружием и жёны казаков. Не однажды в отсутствие мужчин женщины защищали свои станицы от внезапных нападений.

Жизнь отбирала людей с сильным характером, выносливых, неустрашимых. Вырабатывала смелость, находчивость, умение приспосабливаться к обстановке. Среди казаков было равенство, в руководители избирались отличившиеся умом, талантом, храбростью. Привилегий по происхождению, знатности, богатству казаки не знали.

Кошмарным сном остались позади буйные времена, когда тёмными ночами, пригнувшись к луке седла, рыскали по степи чёрные всадники в малахаях с длинными чеблыками[3] в руках. Мёртвой петлёй на чеблыках привязаны окрюки-арканы. На ночных тропах через непроходимые камышовые, тростниковые ли заросли по речкам Бердянке и Илеку таились казаки, ожидая недруга. По тропам, оставшимся без караула, тихо прокрадывались лихие люди, проникали в станицы, сеяли огонь и смерть, уводили пленников — мужчин и женщин от мала до велика или, застигнутые казаками, прощались с жизнью. Выли тогда, рвали длинные косы их черноглазые жёны, оплакивая своих джигитов, которым не удалось украсть русскую женщину или дебелого казака для богатого выкупа. Не увидеться с ними больше никогда, сложили они свои головушки в жарких схватках с казаками.

Их не увидят родные, их не увидят привольные степи, их не забудут всю жизнь, какой бы долгой она ни была.

Зачем уничтожались с обеих сторон прекрасные, полные здоровья и сил жизни? Земли не хватало? Полей, просторов? Нажива ли была целью, подстрекательство ли сильных мира? Не задавались этими вопросами ни кочевники, ни казаки, а выполняли волю пославших и гибли... Лилась, лилась кровь. Берега Урала, Бердянки, Илека усеяны костями казаков и кочевников.

4

Высокая гора Маячная на правом берегу Бердянки в двух верстах от её впадения в Урал – постоянное убежище для нападающих и укрывающихся от преследования кочевников. С севера она прикрыта зарослями и стремниной Урала, с запада – горой и речкой. Скрытны здесь и пути нападения, и отступления.

В набег на казачий Приуральный пост выехал сам султан с большим отрядом из семидесяти двух всадников – отборных, закалённых в схватках. Предводитель на прекрасном сером в яблоках арабчике, приведённом год назад дядей султана из турецкого города Багдада[4]. Отряд джигитов посажен на одичалых коней – их подолгу держали в тёмных сараях, не выпуская на свет.

Набегом должно разгромить и уничтожить Приуральный, за ним – Родниковский и Паникинский посты. На них, отстоящих друг от друга на семь вёрст, не более трёх десятков казаков, разделённых на три группы. В случае удачи отряд проникнет на двадцать вёрст вглубь русской территории – до речки Донгуз.

С Приурального хорошо заметна необычная пыль из-за Маячной горы, выдающая большой отряд конницы. Время от времени на гору выскакивают два-три всадника и, погарцевав, скрываются.

Приуральный объявляет тревогу, он уже на конях. Поскакал гонец на Родниковский и Паникинский посты.

Разведчики султана разыскивают брод через Бердянку и доносят: река глубока, бродов нет, берега болотистые, в тростниках и камыше. Если отряду броситься вплавь, он будет уничтожен, прежде чем достигнет берега.

Султан решает переправляться через Бердянку в десяти-двенадцати верстах выше и быстро ведёт отряд туда. Пыль взлетает из-под ног коней. Казаки по своей территории сопровождают отряд, приближаясь к Родниковскому, потом и Паниковскому постам и соединяясь с ними. Это обещает удачу.

На двенадцатой версте облако пыли остановилось. Из складок местности появляются и скрываются конные. Ветер доносит крики – готовится атака. Через минуты киргизы[5] с душераздирающим гиканьем и криками

«алла» полным карьером перескакивают пригорок, направляясь смешавшейся толпой к Бердянке. Мгновенье — и она форсирована. Казаки стремительно отходят вглубь своей территории, к Центральной горе, что в восьми верстах к юго-западу, на пути к Донгузу. Они тщетно ожидают подкрепления от Красноярского, Перовского и Донгузского постов — те отозваны на помощь Илеку. Казаки отступают уже пять, шесть, восемь вёрст. Вот уже верх горы стремительно надвигается под ноги коней. Кочевники давно бы настигли казаков, но не решаются, надеясь, что казачьи кони утомятся и будут отставать по одному. До казаков доносятся крики, смех и ругательства.

По казачьему отряду в тридцать четыре человека вполголоса передаётся команда взводного Устьянцева: «Отступать как раз до вершины горы, а потом — с Богом на супостатов».

Гора уже позволяет видеть через голову Донгуза прекрасную равнину Илецкой Защиты[6]. Вот и вершина горы ушла под копыта коней. Басом крикнул Устьянцев:

— С Богом на врага! — и крепко выругался.

Будто вихрь налетел на казачьих коней, осадил, поднял их на дыбы, круто повернул на задних ногах. Машинально, без команды выхватили казаки клинки из ножен, радугой, разящей молнией блеснули ими на солнце.

Дрогнули, смешались нападавшие. Кто-то повернул назад, другие их задерживают. Грозная лавина сбилась в кучу, рождая панику. Казаки атаковали с обоих флангов, проникли в тыл.

Не было команды у кочевников. Все командовали или все поднимали панику, нагнетая страх.

Устьянцев давно приметил султана на яблочном арабчике. Отступая, оглядывался, ждал его в первые ряды, чтобы при контратаке сразу напасть, но тот скакал далеко сзади, а теперь сдерживал отступающих.

Устьянцев взял повод коня далеко вправо, огибал противника, ломился в тыл, к султану. Он не думал о том, что может быть смят и растерзан отступающими. Он низко пригнулся, чуть не лежал на гриве коня. Клинок, неумолимое оружие взводного, опущен чуть не до земли. Теперь Устьянцев стремительно несётся на султана, ещё мгновение — и обрушится на молодого, неопытного соперника. Нападая с тыла, казак уже в двадцати-пятнадцати-десяти конских прыжков от султана. Заметавшегося предводителя защищают четверо. Один выступил вперёд, видимо, на глазах вождя готовый умереть за него — устремил своё длинное копьё в грудь Устьянцева. Взводный взметнул клинок — копьё отскочило выше его головы. Концом клинка казак ткнул противника ниже глаза.

Двое грозили копьями с обеих сторон. Удар одного прошёл мимо, второй глубоко вонзил копьё в бедро взводного. Устьянцев ударил шашкой по копью, ломая

его, железный конец остался в теле. Вторым ударом, перерубая ключицу, рассёк плечо противника.

Последний противник султана отскочил, освобождая доступ к нему, растерявшемуся, не успевшему защититься. Клинок казака на вершок от конца завяз выше уха в голове султана. Мотнувшись назад в седле, султан натянул поводья коня, валясь к нему на круп. Арабчик встал на задние ноги, чуть не опрокидываясь на спину. Султан рухнул на траву и лежал бездыханно, как подкошенная трава.

В беспорядке, с криками «алла» отступали кочевники десять вёрст на Бердянку. Из всего отряда спаслись на быстрых конях только двадцать два джигита.

Копьё из тела Устьянцев вырвал тотчас после схватки с султаном. На пятой версте погони он, теряя кровь, в беспамятстве свалился с коня. Его нашли в траве, доставили на кордон. Арабчик убежал с отступившими.

Султана похоронили со всеми почестями как военачальника на месте его смерти в одном из оврагов Центральной горы. Этот овраг до сих пор называется «Султанский».

На крутом берегу речки Паники схоронили убитых казаков. На могиле поставили грубый дубовый крест с простой надписью: «Сидесь схоронены казаки Новоженин Митрий, Перов Гриша, Усянцев Пашурка, да Иванов Лексей, да Андронов Михайло, да Извозчиков Ондрюша. Убиты в бою с киргизцами 20 июня 1831 года. Вечна им память. Бох им судья». Впоследствии на этом месте вырос богатый хутор Мокеев. А Григорий Устьянцев, потерявший в этом бою меньшего брата, стал основателем станицы Благословенной.

5

Станица Благословенная — бывший кордон Приуральный, входивший в состав Оренбургской станицы, — заняла левый берег Урала в восемнадцати верстах выше Оренбурга и в трёх верстах от речки Бердянки.

Несколько семей русских казаков — в их числе Веренцовы — переселились сюда в первой половине XIX века из большой уральской станицы Городище. Из станицы Островной Благословенную пополнили украинские казаки — потомки запорожцев. Когда Екатерина II упразднила Запорожскую Сечь, часть казаков ушла за пределы России — в Турцию, часть — на Кубань и немногие — на Урал, где на одном из островов основали своё подобие Сечи — станицу Островную.

Переселившиеся отсюда казаки принесли с собой в Благословенную украинскую речь и свой быт: прежде всего, блистающие снаружи и внутри чистотой украинские хаты. Женщины ходили в национальной одежде, мужчины — в широченных штанах, заправленных в короткие мягкие сапожки, в белейших рубашках,

расшитых замысловатыми рисунками. Бород украинские переселенцы не носили, в обычае были длинные усы с подусниками и оселедцы[7] на затылке.

Со временем перемешались станичники в родственных связях и фамилиях. Украинские перешли в русские: Щёголи стали Щёголевыми, Щербаки — Щербаковыми, Тырса — Тырсиными. И лишь Бурлуцких не тронули изменения.

Наместник царя на восточной окраине России, в Оренбургском крае, генерал Перовский посетил однажды кордон Приуральный и сказал казакам: «Вы стоите на острие киргизского копья. Благословляю вас на подвиги. И кордон ваш отныне нарекаю называть: станица Благословенная. С Богом!»

Этого угла степи не забудет история сопротивления кочевым набегам. Здесь задержаны вольные орды, надвигавшиеся с востока вниз по левому берегу Урала...

Отдохнули кочевники от грани, осели на земле, стали разводить несметные стада скота, понемногу сеять просо.

Потянулись бессчётные верблюжьи караваны с бубенцами и колокольчиками по караванным дорогам через киргизские степи из Бухарского, Кокандского, Текинского и других среднеазиатских ханств в Оренбург, в эту бездонную торговую пропасть. Прекратились набеги, вызывающие кровопролитные схватки, теперь казаки стали крепко дружить с киргизами. Всё в них нравилось казакам: лихость конной езды, гостеприимство, мягкость и уступчивость, верность в дружбе. Привлекала даже способность «чисто» украсть и не попасться. Почти те же качества киргизы находили в казаках. Прежней вражды как не бывало, об этом старались не упоминать, а если за рюмкой и поминалось, то в шутку: мол, вы убивали нас, а мы убивали вас, что поделаешь, один Бог без греха, такое было дурацкое время. Что было, то прошло. Не будем об этом говорить. Пей, Вилизбай, я свою рюмку уже доделал.

Теперь словно и солнце стали замечать обитатели этих прекрасных казачьих и киргизских равнин, замечать и радоваться ему. Словно посветлело и повеселело оно со времён кровавых столкновений.

6

Вокруг казачьих станиц взломана целина, распаханы упругие, девственные ковыли, зреют там каждое лето обильные хлеба.

Июль... Дует лёгкий неизменный юго-западный ветер. Морской равниной волнуется золотая с тяжёлым крупным колосом пшеница, как морская зыбь, своей безбрежностью поглощает целые табуны скота при зазевавшемся пастухе. На краю жёлтого вздыхающего моря зеленеют поля, изрезанные ровными клетками, украшенные смеющимися

подсолнухами. Это бахчи, усеянные жёлтыми медовыми дынями, зеленовато-белыми тонкокожими арбузами.

Воскресенье. По полям вдоль и поперёк скачут верхом и в телегах, с жёнами и в одиночку жители станицы. Здесь именно скачут, спокойно не ездят, всегда куда-то спешат, как на пожар. Климат, история и судьба выработали по своему вкусу местный темперамент. Здесь всё делается быстро, вскачь, ватагой. Так празднуют, так дерутся, работают, так спешат в армию в мирное время, так возвращаются обратно.

В свадебные и праздничные кутежи на улицах рискованно появляться, особенно в Масленицу. Всё несётся в бешеной скачке, не разбирая дороги и углов, всё кричит, вываливается из саней, сваливается с коней, снова вскакивает и снова несётся, обгоняя друг друга. Там скачет верблюд, впряжённый в паре с коровой, они тащат плетень или воротное полотно с сидящим на нём народом. В кругу водка и закуска, все пьяные и пьют ещё. Пьяный кучер верхом на верблюде или корове завозит эту честную компанию в снежный сугроб, все переворачиваются, сваливаются вместе со своим столом в общую кучу. Трещат рёбра, ломаются руки, женщины сверкают недозволенными местами. Дикий, гомерический смех, шутки... Опять сели на свою «повозку» и затянули песни или частушки под гармошку с присвистом. Снова соскакивают, начинают бешеные пляски вприсядку – крик, шум, хохот! Там группа в двадцать-тридцать всадников поскакала за станицу, на скачки.

К Масленице в каждой станице складывается огромная снежная пирамида пяти-семи саженей[8] в диаметре и такой же высоты – «городок». Для прочности и скольжения он обливается водой. В назначенный день собираются казаки-взрослые и подростки, все на конях. Вначале городок берут старшие. Выстраиваются в версте в конном строю и по команде бросаются к нему бешеной ватагой. На пути – барьеры из хвороста и брёвен, снежный вал, горящая свёрнутая жгутом солома. Перед самым городком атакующих обстреливает холостыми залпами пехота, забрасывает их снегом. Подскакав, атакующие со всех сторон спрыгивают с коней прямо на лёд городка. Чтобы удержаться на нём, у каждого в обеих руках железные тычки, похожие на укороченный штык. Они поочерёдно втыкаются в снег и позволяют сильному взобраться на верх пирамиды. Соревнующиеся спешат, давка невероятная, падает с высоты не удержавшийся, сшибает других ниже себя... Первый, одолевший подъём, кричит свою фамилию, за ним второй, третий, четвёртый – до четырёх разрядов даются призы. Первый – золотые часы или седло с набором, другие – подешевле.

После городка – джигитовка, рубка шашкой лозы, уколы

пикой чучела. За это — новые и новые призы. Так целый день до ночи. Из станицы разъезжаются по хуторам и посёлкам поздно, часто в пургу. Взявших приз дома встречают восторженно и будут помнить об этом всю жизнь. Тут начинают «обмывать» призы. «Моют» и порой не замечают, что Масленица прошла, и идёт Великий пост.

В Оренбурге праздником руководили специально назначенные атаманом отдела казаки. С утра гудит Форштадтская площадь, по обеим её сторонам курится парок от дыхания собравшихся. В центре, неподалёку от конной статуи казака, сложен городок.

Казаки в коротких бекешах[9], отороченных каракулем по полям, приполкам и стоячим воротникам. Тёмно-синие узкие брюки с широкими голубыми лампасами заправлены в сапоги с твёрдыми лакированными голенищами, некоторые подпоясаны голубыми кушаками. На головах папахи из чёрного и серого каракуля с верхом из тонкого голубого сукна, верх крест-накрест перехлёстнут позолочённой тесьмой. Из-под папах выпущены роскошные чубы. Казаки постарше — в полушубках и валенках-катанках. Ходят, переговариваются, шутят, ждут сигнала — ружейного выстрела холостым патроном — к атаке на городок. Все они будут болеть за своих станичников, подбадривать соревнующихся криками, репликами.

Красивая, дородная стоит казачка в толпе. На плечи поверх одежды накинут полушубок. Она пристально наблюдает за атакующими городок, не замечает острот в её адрес. Один из шутников, подкручивая усы, спрашивает:

— Ты чо, здобнушка, озябла штоль — полушубок-то одела? Можа, погреть?

Другой предупреждает:

— Мотри, Гриша, она те погрет! Хлеснёт наотмашь по роже — всю жисть будешь со спины смотреть, гляди, кака она лепёха!

Её муж, Щёголев Николай, тоже будет брать городок, брать приз. Ей не до острот и шуток. Наконец долгожданно-неожиданно — выстрел! Сердце казачки замерло, щёки пылают жаром, внутри что-то оборвалось, она что-то шепчет: молится за мужа или ругается по адресу шутников — не разберёшь. Кругом бушует море: посвист, шум, гам, выкрики: «Не подгадь! Вася, Гриша, Миша...» и другие знакомые имена.

Конь Чалый под Николаем стелется до земли. Легко берёт препятствия, мчит своего хозяина к снежной пирамиде. Щёголев без папахи, тёмно-русый чуб откинут ветром в сторону, сам только в рубашке, снял верхнюю одежду — для лёгкости, потому жена и стоит в полушубке. Ольга, вся внимание, истово выкрикивает:

— Коля, только приз! Не возьмёшь, дома ничо не получишь!

Стремительно близится ледяная глыба — осталось несколько

бросков коню. Николай высвободил ноги из стремян, одной встал на седло, другой — на конский круп, напружиненно пригнулся и — как слизнула пирамида казака. Распластался на ледяном конусе, а тычки[10] в его руках заработали, подвигая извивающееся змеёй тело наверх, к заветной цели.

Из первого десятка Николай первый вскакивает на пирамиду, твёрдо и звонко выкрикивает: «Щёголев из Благословенной!» — и соскальзывает вниз. К нему уже ведут его Чалого. Он целует умного коня, гладит и треплет его шею, а тот своими бархатными губами треплет хозяина за плечо, словно поздравляет — просит угощения. Шерсть у Чалого закуржавилась завитками.

Ольга подбегает к мужу, сбрасывает полушубок на его плечи, отдаёт папаху чёрного каракуля... А сама! Так все, близко стоящие, и крякнули. Смоляные косы выбились из-под пуховой шали, лицо — румянец в обе щеки. Большие карие глаза так и сверкают — рада за мужа. А фигура! Идёт рядом с мужем, всё у неё так и колышется. Смотрят казаки масляными глазами и только усы подкручивают. Слышно весёлое:

— Эк, язви её, как разнесло-то её, заразу!

— Захошь поцеловать, дык не дотянешься через груди-то!

— Ды где там...

От «козьих ножек» в морозном воздухе потянуло дымком махорки. Ольга улыбается. Зубы белее снега и ровные, как ножом подрезаны.

— М-да-а, — раздаётся в толпе. — Дык за таку бабу я бы на купол собора вскочил без тычек!

— Будет тебе! Окстись, охальник, — сильно нажимая на «о», говорит жена казака-завистника, дёргая его за полу. — Сбегай к Уралу, мырни в майну — остынешь маненько.

— Отстань, смола, — огрызается завистник. Жена его не хуже Ольги, только постарше чуть-чуть.

— Чо, Максимыч, съел? — подливает масла стоящий рядом казак.

— Мало попало, ишшо бы надо, — добавляет другой.

— Да ладно, — говорит Максимыч, — дай, Петрович, твово табачку, у тебя слашше, — а сам уже скручивает цигарку, лишь бы уйти от щекотливого разговора.

Второй выстрел! Сорвалась со старта следующая десятка... И так до конца дня.

Не у всех получалось гладко в эти дни. Вот конь одного казака зацепился задней ногой за брус препятствия и рухнул на снег вместе со всадником. Казака выбросило из седла, он проехал на груди, быстро вскочил — и к коню, впрыгнул в седло, помчался догонять ускакавших.

Другой прошёл все препятствия, остался горящий жгут. Конь испугался огня, встал на дыбы, закусил удила и поскакал вдоль жгута в сторону Форштадта. Вдогонку неудачнику реплики:

— Ах, язви ево, забыл блины доесть у тёшши, поскакал доедать.

— Не-е, — говорит другой, — вспомнил, вчера бутылку с тестем не допили. Боитца, как бы тесть один не допил. Вот и поскакал. Вот жадный до чего, зараза!

Прискакали казаки в станицу с призами. Гудит станица. То там, то здесь слышна игра гармошек, поют разудалые оренбургские частушки-матани с присвистом, приплясом, гиканьем. Вот идут парни и молодые женатые казаки в два-три ряда, позади мельтешат казачата лет по двенадцати, подпевают, как осенние молодые петушата перед старыми петухами:

Эх, и меня солнышком
не греет,
Эх, дорогая, эх, ты моя.
Ах, над головушкой туман,
да!
А я за всё люблю тебя, да!

И — словно роняет гармонист ладный, всё вместивший в себя перебор. Не поют под него — присвистывают, приплясывают. Один-два парня выбегают вперёд, вертятся волчками вприсядку, в такт, взахлёб изумлённо-радостно вскрикивают:

Эх и ох, и ах, и ох, и эх,
и ох, и ах!

А другие уже продолжают частушку:

Эх, меня девушки не любят,
Ах, дорогая, эх, ты моя.
Эх, приклонюсь я, бабы,
к вам, да!
Я за всё люблю тебя, да!

И снова перебор с присвистом и приплясом, и другие частушки.

Останавливаются парни у того двора, где сидят девушки, начинаются танцы до глубокой ночи.

Как водой в половодье, заливаются весельем улицы станицы. Кипит она в этом веселье молодости, будоражит кровь молодым, трогает сердце, будит воспоминания у пожилых, не один раз заставляет повернуться на постели, выдохнуть-вскрикнуть: «Эх!» — перед тем, как уснуть.

Поздно вечером на улице крики: драка на кулачках, стенка на стенку полезли, конец на конец станицы.

Гришка Храмов лежал уже в постели. Услышал, сердце не выдержало: соскочил, быстро накинул полушубок, надел валенки, папаху набекрень. Помчался на улицу. Только успела жена крикнуть вдогонку:

— Куда тебя холера понесла?

— Надо, наших бьют! — огрызнулся тот.

На улице шёл «бой». Ребята того конца станицы ломили ребят этого конца. Дошли уже до Ефремова угла. Гришка ввязался в драку. Из ближних дворов выбегали казаки, на ходу застёгивая полушубки, поправляли папахи:

— Не робей, робята! Держитесь! Мы им чичас юшку[11] пустим!

Не успел Гришка смазать кого-то два-три раза и вцепиться в длинный чуб Ваське Коханову, как наскочил носом на его увесистый кулак. Искры посыпались

из глаз, из носа хлестала кровь. Батюшки! — придётся выходить из «боя». Закрылся варежкой, побежал домой.

— Ой, мамоньки! — кричит, сев на постели, жена. — Ды хто же это тебя так умыл-то?

— Хто, хто... Васька Коханов, язви ево, — докладывает о подвиге храбрец.

— Вот, говорила тебе: не ходи, дык ты не послушал! Чо, наелса?

— Ды ладно тебе шипеть-то! — огрызается Гришка.

— Ды ты-то сдачи дал аль нет? — не унимается та.

— А как же! Ухватил за чуб и выдрал половину, — хвалится Гришка.

— Ну тода ишша ладно, кыль так, — успокаивается Мария и ложится досыпать.

Разделся и Гришка, умылся, посмотрел в осколок зеркала, вмазанный в печную трубу. Батюшки! Вместо носа какая-то чертовщина, похожая скорее на чекушку от задней оси телеги. Махнул рукой, нырнул под одеяло, лёг у пышного и горячего бока Марьи. Успокоился.

Последний день Масленицы. Прощёное Воскресенье. Все обиды прощаются в этот день. Ходят друг к другу прощаться.

Сашка Крыльцов зашёл к своему соседу Петру Храмову. Тот сидит на скамейке, хмурый. Под глазом «фонарь» чернее дождевой тучи.

— Эк ты, ядрена маш! Ды хто это тебе приклеил тако яблоко? — спрашивает Сашка.

— А ты чо, не помнишь рази? — отвечает Пётр вопросом на вопрос и поясняет: — Кода лезли стенка на стенку, дык ты меня и угостил на здоровье.

— А ты тоже хорош! Привесил мне свой кулак-свинчатку на грудь, чуть не задохнулся, — жалуется Сашка.

— Ну ладно, чо уж топерь? Айда, давай прошшатца, — говорит хозяин дома.

Встали друг против друга, поклонились в пояс:

— Прости меня, Сашка.

— Бог простит, — отвечает тот. — И ты прости меня, Петя.

— Бог простит, — отвечает этот.

Из горницы появляется жена Петра, боком пролезла в дверь:

— А, кочеты! Прошшаетесь? — спрашивает Клавдия. И только хотела продолжить, муж перебивает:

— Ладно-ладно. Неси, чо у тебя там вкусно и горько.

Клавдия выносит бутылку самогона-первача и на закуску сдобные кокурки, крендели, орешки из теста.

Пётр наливает два тонких стакана — под склень[12].

Сашка сомневается в крепости напитка, плеснул в ложку и спичку подсунул. Вспыхнуло в ложке синим пламенем.

— Да, хорош, пожалуй, — отмечает гость.

Выпили залпом, вылили, как воду в горшок. Гость закусил орешком, кокурку положил в карман:

— Спасибо. Ну, я пойду. Мне ишшо к Ваньке Азарину надо зайти, как он там?

— А ты прикладывай медный пятак к глазу-то, помогает, — прописывает верный, испытанный на себе рецепт Сашка.

Прощёный день прошёл. Гармошки прячут в сундуки, чтобы глаза не мозолили. Завтра Великий пост. Играть нельзя, грех. Пусть отдыхают гармошки до Светлого Воскресения — Пасхи.

7

Между казаками нередки иногородние, не казаки. Их здесь называют разночинцами или просто мужиками. Они приехали из разных губерний Центральной России от малоземелья. Иногородние здесь дёшево покупают землю, занимаются сельским хозяйством. А ещё дешевле земля у киргизов, не делёная, общественная. Продаёт её любой член аульного общества кому угодно и сколько успеет продать. Нередко купленая земля оказывается запроданной другим продавцам. А пользуется ею тот, кто первый вспахал. Не успевший вспахать наделяется землёй в другом месте или получает деньги назад. Скандалов не бывает никогда. Да и вообще киргизы с русскими, особенно с казаками, никогда не скандалят, в любом случае предпочитают согласие.

На вольных и дешёвых земельных угодьях оборотистые иногородние быстро богатеют, становятся почётными членами общества. Их уже называют по имени и отчеству, в противном случае быть ему до смерти «Артёмкой-мужиком». Казаки даже отдают дочерей в богатые иногородние семьи, правда, с большой потугой, лишь в случае какого-либо порока у невесты или при крайней её бедности.

Сколько бы лет, даже поколений ни проживал иногородний в казачьей среде, в казаки всё же он принят быть не мог, кроме как с высочайшего повеления, по исключительным причинам или заслугам, или при переселении — в приписное казачество.

Селиться же или купить рядом дом иногороднему могло разрешить казачье общество на своём общем сходе. Никакого общепринятого голосования здесь не бывает, просто закричат несколько человек, играющих ведущую роль: «Жалам принять» или «не жалам» — и всё будет кончено — остальные их поддержат, ведь они их друзья, родственники или собутыльники. Они только заявят, что за положительное постановление нужно оставить сходу столько-то вёдер водки. Она тут же доставляется, водружается на стол и тут же без зазрения совести распивается всеми, ковшом, причём начинает атаман. А писарь уж настрочил постановление, если он ещё трезвый, не успел напиться до начала схода. Для успеха выгодной сделки с обществом нужно подпоить самых горластых казаков-заводил да купить побольше водки

сходу, и сделка будет узаконена. Её не отменит даже сам наказной — войсковой — атаман, имеющий власть в войске едва ли меньше самого императора.

Ни вольная земля, ни привилегии не давали богатства казакам. Уходя на службу в мирное или военное время, казак обязан был приобрести коня с седлом, шашку, пику и всё обмундирование. Это стоило более двухсот рублей, как четыре крестьянских коня или шесть коров. Если казак собирал в полк двух-трёх сыновей, он разорялся. Сбор в армию и отбывание воинской повинности до сорокапятилетнего возраста: караул у денежного ящика, у арестной камеры, конвоирование арестованных — через четыре недели в пятую — отменила только революция...

Высокие боевые качества казачьих воинских частей зависели от специального воспитания, с детства приучавшего к упражнениям, строю, службе, и от офицеров-казаков. Казаками командовали казаки. И командир, и подчинённый вместе вырастали в одной станице, как росли их отцы и деды. Лучших, самых расторопных молодых посылали в военные училища, и они становились командирами по профессии, другие оканчивали местную станичную школу и, отслуживши действительную службу, возвращались в родную станицу заниматься земледелием. Офицер знал каждого своего казака: на что годен, как будет вести себя в бою, что можно от него ожидать. Командиру верили, он был свой брат — не пошлёт на выполнение непосильной задачи, на убой. В бою казак не мог струсить, вокруг были все свои — и поддержат, и выручат: «Сам погибай, но товарища выручай», и если к нему всё же прилипла кличка «трус», тогда в станицу хоть не возвращайся. До конца жизни будет эта кличка на нём и перейдёт на его потомство. Будут показывать пальцем: «Вот идёт сын Васьки-труса или отец труса». Поэтому в бою казаки не щадили себя: «Иль грудь в крестах, или голова в кустах», стремились показать лихость, удаль. Так создавалось гармоничное единство воинской части, делавшее её непобедимой.

8

Казак везде казак. Немало и сумасшедших выходок, сумасбродства и безрассудства видели уральские берега.

Урал в полном разливе, бушует в нём жёлтая, как глина, вода. До пяти вёрст разлился он, затопив сквозные леса, луга со старицами и озёрами. Глубина его в это время до пяти-восьми сажен, быстрина неуследимая. Страшна высота крутого берега, особенно под Благословенной. Смотришь в ледоход с этого отвесного яра на бурлящий Урал — кружится голова. В это время лучше не подходить близко к яру.

Красноярской станицы казак Касаткин заехал в Благословенную по пути — он сеял на её земле.

Встретили дорогого гостя сватья, приятели и собутыльники. Не обошлось без выпивки. Вся шайка гуляк направилась к кабаку. Долго толпа пировала около кабака, где у коновязи стоял привязанный конь Касаткина, впряжённый в тарантас. За оглоблю тарантаса привязан был второй, не запряжённый.

О чём бы ни говорили казаки, они всегда сводили к разговору о конях: об их цене, лихости, красоте, выносливости и других достоинствах. Касаткин сказал, что его конь — вот этот самый, который впряжён в тарантас — не боится ничего, и в огонь, и в воду полезет. Благословенцы его поддразнили, говоря: если, мол, это правда, то нужно доказать на деле, ну вот хотя бы, спрыгнуть с этого яра в Урал, в воду. Другие пьяные приятели, моргая друг другу, сказали, что, мол, если бы этого потребовали от благословенца, то любой бы из них сделал это сейчас же, а красноярцы этого не сделают, потому что они все трусы.

Пьяного Касаткина будто пчела ужалила в самое сердце, уж больно задето было его казацкое самолюбие. Он скрипнул зубами: «А, так вашу мать!» — и, вскочив с места, как сумасшедший, впрыгнул в тарантас и погнал в карьер по улице, к Уралу.

Кричавшие и бежавшие за ним собутыльники остались далеко позади, Касаткин их не слышал. Огромной высоты круча, бурлящий под ней, внизу, мутный Урал неумолимо летят навстречу. Чуб бьёт по лицу пьяного, как будто хочет удержать хозяина, спасти животных. Касаткин ещё раз скрипнул зубами и уже перед самым яром ещё раз хлестнул кнутом... Конь, привязанный за оглоблю, около яра встал, натянул и оборвал повод. Впряжённый же в тарантас конь не сдержал тяжёлой упряжи и по инерции вместе с тарантасом и своим хозяином грянул в пучину.

Утяжелённый железом тарантас тут же потянул коня ко дну, и их больше никто не видел. Касаткин же всплыл и был спасён. После того как он очнулся, первый его вопрос к окружившим был: не спасли ли, кроме него, бутылку водки, спрятанную под кошмой в тарантасе...

Но всякому веселью приходится знать и печали...

9

Знойный июль 1914 года. Начали жать хлеба. Чистили землю, поливали водой, застилали соломой и ездили по ней на телегах — готовили тока для обмолота колосовых.

День жаркий, тихий. Тяжело сваливать с жнейки[13] налитой сжатый хлеб. Беспрерывно хочется пить. После жнитва ещё более тяжёлая молотьба, потом пашня на зябь, и — кончаются все полевые работы, все едут с полей до весны. Этого с нетерпением ждёт каждый, строя радужные планы. Но судьба по своему усмотрению коверкает их и диктует свои,

которые никто не в состоянии изменить.

Полдень. По оренбургской дороге летит клубок пыли. Не видно того, кто поднял с дороги эту пыль. Неужели пьяный в страдную пору? Ветер хлестнул поперёк дороги — ясно стал виден всадник, скакавший во весь карьер из города к станице. Над головой его темноватый лоскут — флаг. Когда всадник приблизился, проявился и цвет флага — ветер полоскал его на солнце, и он переливался оттенками от темновато-вишнёвого до ярко-красного.

Дрогнуло у всех сердце. Красный флаг не обещал ничего, кроме слёз, смерти, сиротства. Он означал тревогу и ужас, разлуку и томительное ожидание близкого. А близкий — сын, брат или муж — находит покой навеки в чужих полях и лесах. Никто не увидит его больше никогда. Вот о чём возвещал красный флаг. Где бы ни находились в это время казаки, они бросали всё и скакали к станицам и посёлкам.

Заскакавший в станицу всадник уже передал бумагу атаману, и тот сейчас же направил по всем дорогам верховых — с тревогой, с такими же красными флагами.

Прибывшие увидели у станичного правления казака чужой станицы, он водил по двору за повод взмыленного, загоревшегося коня. Казак оказался из Форштадта — казачьей части Оренбурга, такие форштадты есть почти во всех городах на территории казачьих войск. Все наперебой спрашивали приезжего о причинах тревоги. А он в сотый раз отвечал:

— Война, ребята, война. Нам объявили войну Германия и Австрия, язви их, а за нас — Англия и Франция.

Все собрались к станичному правлению. Женский и детский плач сливался с песней, которую тянули успевшие уже подвыпить казаки. Некоторые из них ещё и дома не были, а с поля поскакали прямо к кабаку, а потом в правление — видно, чуяло сердце, что завтра продажу водки запретят.

На крыльцо правления вышел атаман с насекой — символом власти — в руке, стал читать манифест: «Божию милостию, Мы, Николай Второй — царь Польский, Великий князь Лифляндский и прочая, и прочая, и прочая, объявляем всем верным нашим подданным... что на нашу Святую Русь напали две державы...» Все слушали с поникшими головами, без фуражек...

Наутро старики, женщины и дети поехали провожать своих близких. Как всегда, в мирное ли, в военное время при отправке казаков в поезд садится не более трети личного состава — остальные пьют где-то в кабаках и ресторанах, разъехавшись по всему городу.

Эшелон уже погружен: кони, обмундирование, оружие, сундуки и сундучки с личными вещами и вообще вся материальная часть — вот уже дано отправление.

Бегает низший командный состав, упрашивает служивых, которых удалось найти в ближайших трактирах, садиться в вагоны... Набрали немногим больше половины состава, потом отставшие догонят эшелон на пассажирских и скорых поездах. Это вошло в систему и как бы «узаконилось». Начальство на это махнуло рукой...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Империалистическая война полыхала уже два года. Мужское население станиц заметно поредело: на улицах и в поле только женщины, старики и подростки. Сократились и посевы, кроме хозяйств, не тронутых военными требами. Годы войны радовали разве только урожаями.

Сегодня осмотр посевов. Пусть сенокос не закончен, но жать колосовые пора настала. Осмотрел все свои посевы и решил немедленно приступить к жнитву Степан Андреевич Веренцов, казак лет шестидесяти, ещё прямой, с курчавыми седыми волосами и окладистой, с сединой бородой. Он возвращался домой на тарантасе с женой Еленой Степановной, на вид ещё молодой, со следами недавней красоты в тонких чертах.

Настроение у Веренцовых приподнятое, урожай на всех их загонах хороший. Жена задаёт нескончаемые вопросы о жнитве, о сенокосе, на котором осталось много не заскирдованного сена, и о хозяйстве вообще. Степан Андреевич не успевает отвечать, иногда просто ленится и отмалчивается.

— А сколько у нас нынче всего посеяно, отец? А?

— Да я тебе уже тыщу раз говорил: кубанки русской и безостки восемнадцать десятин, да шесть овса, да три проса, да там картошки, да бахчишки... Ах, да смотри, мать, нас Гнедой не по той дороге повёз. Нам ведь надо на бахчи заехать, дынёшек нарвать, а он нас домой потащил, — Степан Андреевич потянул за одну вожжу, чтобы свернуть с дороги.

— Ну что ты, отец, не смотришь? Ведь если не заедем на бахчи, то увезём назад домой харчишки для караульщика, — укоризненно заметила Елена Степановна.

Степан Андреевич виновато улыбался, насвистывая какой-то мотив.

Долго ехали без дороги по пожелтевшим ковылам и бороздам на залежах. Борозды указывали: здесь когда-то были посевы. Из-под ног коня выскочил заяц, он сидел в своём убежище до последнего, когда Гнедому оставался до него шаг. Заяц теперь бежал, спотыкаясь, чуть не до смерти перепуганный. И Веренцовы были недовольны: кинувшийся от зайца Гнедой чуть не вытряхнул их из тарантаса...

Внезапно вылетали совы, садились невдалеке на кучу земли или старого сена, с удивлением смотрели круглыми жёлтыми глазами, с угрозой разевая рот и вертя огромной головой.

Степан Андреевич шёпотом ругал Гнедого за тряское бездорожье. Наконец, уже невдалеке от бахчей, выехали на дорогу, которая тут же стала расходиться по разным межникам среди бахчевых клеток.

Около Веренцова загона их встретил седой караульщик старик Прокофий. В молодости он пришёл из Тамбовской губернии, спасаясь от малоземелья. Кроме жены да четырёх детей, ничего не привёз. Сначала Прокофий нанимался в работники, а в летние сезоны отдавал в батраки и двух своих сынишек. Теперь живёт самостоятельно, имеет дом, принят обществом на постоянное жительство. В этом году он сеял бахчи с сельчанами и решил охранять их сам, как и бахчи ближних хозяев.

— Чевой-то долго ты, Степан Андреич, не едешь на свою бахчу. Я уж заждался. Дынь очень много наспело, иные переспели, развалились, — сказал вылезший из балагана и вытирающий усы и бороду Прокофий. Он вежливо поклонился Елене Степановне и подал руку Степану Андреевичу.

— Ну, до дынь тут. С покосом никак не развяжемся: копён восемьсот бросили не скирдованных. Жать хлеб скорей надо, — оправдывался Веренцов.

Как молодые, Веренцовы спрыгнули с тарантаса, привязав к колесу вожжи, не надеясь на Гнедого, — тот с тоской посматривал на дорогу к дому и косо водил глазами в сторону хозяев.

Все трое взяли мешки, пошли по бахчам собирать дыни.

— Ну, чего там про войну-то слышно, Степан Андреич? Скоро у них там мир-то будет ай нет? — спросил Прокофий.

— А пёс их знает, у них не поймёшь, — ответил тот, — то так напишут, то этак. Сейчас, говорят, какие-то еропланы стали летать да подглядывать, а то бонбу кой-когда сбросят. Вот так сукины сыны, до чего додумались. Тут уж надо бы поскорее ударить на немцев и разбить, а то ещё до чего-нибудь додумаются. А у нас на фронте-то, говорят, войсков меньше, чем в тылу. Ну какая это война — один воюет, а пятеро под забором спят. Мой Пётр пишет из Финляндии, что их до сих пор не отправляют на фронт, как бы они ни просились. Ну что они их там — солить, што ли, хотят, всю войну их там держат?

Восьмой Оренбургский казачий полк, где служил Пётр — средний сын Веренцовых, вместе с Донскими, Кубанскими и другими казачьими полками стоял в Финляндии с начала войны четырнадцатого года.

— Ну и шут с ними, пусть не отправляют, целея сыновья будут, — заметил Прокофий.

— «Целея», «целея», — горячился Веренцов, — тогда и воевать

не надо, а сказать немцам: «Лезьте на спину, ладно уж, будем возить». Вильгельм-то ведь сам полез, кто его звал? — Прокофий молчал. — Вот Дмитрий мой, тоже вернулся с фронта, — продолжал Веренцов, — казаков обучает в Бердской станице. Поехал я туда к нему недавно, да только расстроился. Там такое войско, што всех палкой можно перебить: у одного бельмо на глазу, у другова одна нога короче другой, у третьева обе ноги короче, чем следоват. Крестник Егор пишет с фронта, што из присланного пополнения некоторые и ружья-то держать не умеют, а некоторые бегут с фронта домой.

— Андрей мой пишет, — шёпотом говорит Прокофий, — што скоро, пожалуй, война кончится... Да уж скорей бы кончалась, ну её к лешему, кому она нужна?..

Веренцов не ответил. Он не разделял такого взгляда. Он голубил в сердце надежду на полную победу над противником, сыновей своих ждал с войны офицерами или с полными бантами Георгиевских крестов... на худой конец.

Разошлись врозь. Долго собирали дыни и арбузы, носили к балагану, укладывали в тарантас.

— Ну, будет, отец, ну их, с дынями. Вот-вот затрезвонят от обедни, нас будут ждать обедать, — положила конец этому Елена Степановна, подошедшая к мужу.

— Правда. А то вон уж и Гнедой все глаза проглядел, ждёт не дождётся, — согласился тот.

Веренцовы тронулись к станице. Сзади слышались слова благодарности Прокофия за оставленную сметану, молоко, ватрушки, табак. Ещё раз оглянувшись, Степан Андреевич закричал: «Ешь больше дынь, Прокофий, теперь ездить за ними некогда будет!»

— Ну вот и слава Богу: посевы посмотрели, дыни везём, — умиротворённо заговорила Елена Степановна. — А как я рада, что на наших загонах все хлеба хорошие. Ну, как наш загон, так хлеб стоит, как умытый, лучше всех. А всё Бог дал, всё Бог...

— Вот то-то и оно-то, — отозвался Веренцов, — а ты всё, дурья голова, весной тарахтела: «Будет, отец, сеить, хватит сеить» — передразнивал жену Веренцов. — Вот теперь как намолотим тышчи четыре одной пшеницы, ды овса, ды проса, вот тогда и жени Мишку зимой. А хлеба у нас, говоришь, хорошие, то я так и знал, что будут хорошие. Это не то, што Бог дал, а надо обработать хорошо, да хорошими семенами засеить, тогда и Бог, хоть не хочет, а даст. А то, черти, не спашут как следоват, не заборонют, да и засеют мусором, потом сидят и ждут урожая, а урожай-то идёт мимо ихнева загона и не видит, што здесь чево-то посеяно. Вот так-то. Мишка у нас — тоже молодец работать, сделат всегда по-хозяйски и без лени. Што молодец, то молодец, нечего зря говорить, — закончил

размышлениями вслух о младшем сыне Степан Андреевич.

Приехавшая на отдых в станицу молодая барыня, встретив Мишку с друзьями в роще, поделилась восторгом с подругой:

— Да-а... Экземпляр... Не пожалела природа ни материала, ни внимания, — и загадочно-томно улыбнулась Мишке. О его-то женитьбе и сказал Степан Андреевич жене.

Елена Степановна ухватилась за эти слова. Она давно уговаривала мужа женить сына. Доводы приводила разные: «Ну и што же, если набор в армию? Пусть берут, сноха останется в дому, опять работать есть кому будет. А разве лучше, если его где-нибудь ножом пырнут ночью на улице? Вот они нынче все с ножами стали ходить».

Степан Андреевич упирался, не соглашался: вот, мол, вдруг с Дмитрием или с Петром што-либо на фронте случится, так у тех сколько детей останется? Тех надо воспитывать, а тут ещё и Мишку женим, и от него будут дети. Пусть ходит холостой.

— Што ты, што ты, отец, Бог милостив, не допустит, ничего не случится, — волновалась Елена Степановна.

— Милостив, милостив. Я ничего не говорю, я так, к слову, от слова ничего не случится, а война своё берёт, — такими доводами отвечал Веренцов. А теперь он сдался. Помолчав, буркнул невнятно:

— Да, пожалуй, жени, шут с тобой, — и махнул рукой.

— Да, да, да, ну конешно, надо женить, знамо, женить, — подхватила весело жена. — Но вот кого сватать-то, отец, мы за него будем? Все девки мне как-то не нравютца, какие-то все вихровки.

— Ну, если здесь не нравютца, то в Нежинку езжай, может, там полутши, — советовал муж.

— Ну, везде они нончи одинаковы, — растягивая слова, говорила Веренцова. — А на сторону сватать я не поеду. Как праздник, так сноха будет ташшить Мишу туда в гости. Да погостить, скажет, пусть на недельку-другую к своим, а я опять одна по хозяйству. А нынче зимой только одних дойных коров будет пять штук, ды теляты, ды ягняты.

— Да его и женить-то сейчас не надо бы, да ведь он избегался весь, как кобель, — заворчал Степан Андреевич. — Он уже года два не ужинат; уж Митька хорош был пёс, а этот чишше того в десять раз. Кода приходит с улицы, кода спит, чёрт ево знат, зараза. Зимой скотину как следоват не уберёт, убежит через плетень или через сарай. Встанешь на двор перед утром, смотришь: лезет через плетень, как сатана.

Елена Степановна присмирела, она знала, что в этих случаях муж всегда сваливал вину «за плохое воспитание сына» на неё.

В большие праздники, когда в станице шли гулянья, Елена Степановна не спала ночей. Мишке она тогда говорила: «Миша,

сыночек, я только боюсь, чтобы они в драке не оттискали тебе бока», Мишка уверял мать, что никогда этого не случится. В драках он почти не участвовал, да и пьяным напивался очень редко, берёг силы для других похождений.

Степан Андреевич продолжал:

— Вот у кума Ивана парень, у Ивана Степановича парень, у Митрия парень, — как красные девки ходят. А этот холера, как бугай обчественный, ну как бугай. Ты скажи ему, чтобы он не водил к нам Семёнова Гришку и не дружил с ним, Гришка по бабам ходит. Отец его, Семён Петрович, в воскресенье пришёл на сходку в правление, а там Михайлин сват прямо при всех и ляпнул ему: «Семён Петрович! Ради Бога, привяжи ты свово Гришку, от нево сношонку никак не спрячешь. Бежит и бежит со двора. Пошлёт её старуха вечером коров доить, а она наденет ведро на кол вверх дном и — ходу. В ворота не удасца, так через плетень убежит, вот и смотри ей взад-то. Побить её боюсь. Пожаловатца Гришке, он, идол, ишшо бока отомнёт». А ты знаешь, мать, как ему, Семёну Петровичу, стыдно было. Вот и наш Мишка шататца до света. А всё ты, всё ты, холера лупоглазая, избаловала ево: «Мой сыночек, мой чафранчик» — передразнивал жену Степан Андреевич. — Вот напечёт он нам лепёшек, этот «чафранчик»... А тода пристала: «Гармонь, отец, купи ему гармонь двухрядку». Прямо одолела, чёртова цыганка, у-у-у, черти... — в сердцах выговаривал Степан Андреевич присмиревшей от Мишкиных проделок Елене Степановне.

2

Без радости прошло детство младшего сына Веренцовых — семья в те годы переживала трудные времена. Степан Андреевич пришёл с действительной старшим урядником, был выбран станичным атаманом и прослужил на этой должности девять лет. Семья скопилась большая, а хозяйство без рабочих рук пришло в упадок. «Если бы я не бросил атаманить, — говорил после Веренцов, — то на себя и на ребятишек пришлось бы сумки повесить. А жена всё ещё послужить да отдохнуть уговаривала».

Бросил Степан Андреевич службу атамана, но долго не мог вылезти из нужды, пока не подросли старшие дети: дочь и два сына.

С давних пор их станицу посещали летом дачники: из разных городов приезжали сюда подышать свежим степным воздухом, покупаться в Урале с его прекрасными пляжами, попить кумыс из ближайшего киргизского аула, порыбачить, поохотиться. Ежегодно все дома станицы занимали господа-дачники, а хозяева ютились в землянках во дворе — зимнем прибежище для телят и ягнят.

Дачники, чаще всего — женщины, барыни, как их здесь называют, мужья их где-то служат.

Приезжали и парами, но «Бог их знает, супруги они или посторонние, — Бог им судья. Бывало, куда ни пойдёшь, — рассказывают жители, — везде видишь: господа лежат в одиночку, лежат парами, обставятся зонтиками да бутылками с кумысом. Лежат в поле, лежат в роще чуть не под каждым кустом, лежат на песке по берегу Урала. Ну везде, везде лежат. Говорят, будто бы греются да зажариваются на солнце: «выгоняют какую-то болезнь». Ково они там выгоняют, ково загоняют, леший их знает, дери их горой», — говорили жители станицы, погружённые в собственные крестьянские дела. Бывали случаи, что такую-то барыню видели с таким-то казаком, тоже будто бы подогревались.

Мишке было пять лет, когда к Веренцовым приехала барыня из Перми с тремя детьми, няней и кухаркой.

Было лето. Проснувшись рано утром, Мишка направился было на улицу, но решил зайти в землянку, где мать готовила что-то и пекла хлеб. Мишка надеялся перекусить. А есть он хотел всегда.

Войдя в землянку, он попросил у матери поесть.

— Вон там в чугунке варёная картошка, ешь, — сказала мать, не поворачивая головы. Мишка заглянул в чугун. Там был мелкий, варенный в кожуре картофель, который лень бывает чистить.

Мишка взял чугунок руками, как ухватом, и понёс на стол, испачкав руки в саже, которую сейчас же вытер о рубашку. Отломил насколько хватило сил, кусок хлеба, достал из печурки соль и принялся за еду. Он очищал картофель от кожуры, присаливал и покидывал в рот одну за другой вприкуску с хлебом. Это продолжалось долго. Елена Степановна уж забыла о Мишке, суетясь у печки. Тишина была нарушена появлением барыни на пороге землянки. Ей, как видно, не спалось на новом месте, она уже выходила на крутой берег Урала — до него было шагов сто, и, вернувшись, решила поближе познакомиться с хозяйкой-казачкой.

Она тут же заметила Мишку, чья белая, как ковыль-цветун, голова еле возвышалась над столом. Он не видел в чугуне картошку и доставал её ощупью, привставая для этого. Опять садился и опять вставал, громко сопел и жевал с набитыми щеками, из-за чугунка крадучись смотрел на барыню, поминутно вытирая рот и нос рукавом рубахи.

— Ах, какой прекрасный, какой очаровательный мальчик! Это ваш, хозяюшка? — спросила барыня и, не дожидаясь ответа, пошла к столу. — А что он здесь кушает? — как бы сама себя спросила она. — Ах, батюшки, хозяюшка! Да вы что: такую грубую пищу да такому малюточке! Ах, Боже мой, Боже мой! — чуть не со слезами повторяла дачница.

Елена Степановна вспомнила, какая участь может ждать её

картошку, и быстро пошла к столу со словами:

— Ах, чёрт бы его взял, а я и забыла, он тут, наверное, всю картошку сожрал. — Она заглянула в чугун: — Так и есть. Ах ты, обжора ты этакий! Да как ты не подавился? Вот смотри, — обратилась она к барыне, — грубу пишшу, говоришь. Да ведь я тут без малова на четверых варила, а он всё стрескал. Вот тебе «чаровательный», возьми ево за грош, язви ево», — вопила она.

Мишка, видя, что ситуация принимает опасный оборот, поспешил сбежать на улицу.

Изумлённая барыня молча покинула землянку: «Боже мой, Боже мой, каких детей людям Бог даёт, с каким аппетитом! Картофель, сухой картофель! И едва ли у него когда-нибудь желудок болит, судя по его виду. А мои-то, Боже мой! — мясных блюд не надо, сладкие не хотят, молочные на желудок действуют. Да, если накормить их сухим картофелем, да ещё таким недоброкачественным — ну и поминай, как звали...»

Елена Степановна, оставшись одна, продолжала ворчать:

— Ну, пусть только явится этот «чаровательный», я ему накладу палкой. Те были хороши, хоть кадык завязывай тряпкой, жрали — не наготовишься, а этот дак ещё жаднее всех...

Кухарку свою барыня застала ожидающей распоряжений к завтраку. Она рассказала о том, что минуту назад видела и слышала, обрисовала Мишку, назвала его необычайным существом, выросшим, как цветок-тюльпан на этой грубой ковыльной почве. Решив немедленно посмотреть этот цветок, кухарка предложила барыне попросить хозяйку, чтобы та отпускала мальчика к господскому столу — может, под влиянием Мишкиного аппетита и дети будут хорошо кушать. Барыня похвалила кухарку за находчивость. И делегация направилась к землянке.

Елену Степановну они застали на том же месте и за тем же делом. После вступительной речи барыни с доказательствами необходимости и пользы Мишкиного участия в господских обедах приступили к главному: просьбе, где по адресу хозяйки и её мужа не скупились на обещания благодарности в случае согласия. Наконец кухарка сказала:

— Ну поймите же, хозяюшка, ведь с вашим мальчиком ничего не случится, у нас его никто не обидит, за это вы уж, пожалуйста, не беспокойтесь.

Елена Степановна давно бы прервала квартирантов и не дала бы так себя упрашивать, но она долго не могла понять, что от неё хотят господа. Когда те кончили, она, рассмеявшись, сказала, что была бы очень рада, если бы господа взяли Мишку, этого обжору, себе совсем. Причём остерегла, что Мишка может обожрать их, разорить.

Замахав руками на это предостережение, женщины, до безумия

радуясь, выпорхнули из землянки. И начались приготовления к завтраку. Елена Степановна между тем недоумевала: «Ну зачем им надо, чтобы ихние дети много ели? Ходят, ишшут помошников пожрать. Гы-ы, чудные-то... Тут впору кадыки ребятишкам завязывать, а они бегают по дворам, ишшут помошников обедать, ничо в толк не возьму».

Когда в господской половине завтрак был готов, приглашать к столу Мишку пошла вся семья: барыня, няня, кухарка и трое детей. Замыкала шествие кошка Мурка, привезённая из Перми, белая, как снег, и мохнатая, как ёлочный Дед-Мороз. В тот момент, когда весь отряд был за воротами, Мишка сидел на дороге посреди улицы, вытянув ноги, и нагребал пыль в подол рубашки. Барыня сразу узнала его и, как будто найдя утерянную драгоценность, закричала: «Вот он, вот он! Этот самый!» Мишку стали звать на несколько голосов: «Мальчик, мальчик, иди сюда!» Мишка не сразу понял, что зовут его. Оглянулся за спину — нет ли кого за ним, там никого не было. Тогда только Мишка решил, что позывные относятся к нему. В беспорядке на этот раз высыпал пыль из подола, вытер о рубашку пыльные ручонки, заложил их за спину и как взрослый зашагал к воротам, где его ожидали семь душ.

— Как тебя зовут, мальчик? — обратилась к нему барыня.

— Мишкой. А што? — ответил и сразу спросил Михаил Степанович, не убирая рук из-за спины.

— Мишенька, нам всем страшно хотелось бы, чтобы ты всегда, всегда участвовал с нами при кушании в завтрак, в обед и ужин. Ты сейчас кушать хочешь?

Первых слов Мишка не понял, но последние ему очень понравились:

— Хочу! — живо ответил Мишка и бойко посмотрел на всех. Все расхохотались.

Впервые Мишка слышал подобное. Он привык к более лаконичному: «Иди обедать, иди жрать, ждать не будем». И это было понятно и достаточно.

Старшая дочь барыни Юля перечислила Мишке названия блюд на завтрак, но ни об одном из них Мишка никогда не слышал. Он прошёл вперёд и направился в барские покои, сопровождаемый всеми. Он шагал и недоверчиво озирался по сторонам — не подвох ли какой.

На кухне их ждал стол с приготовленными тарелками, мисками и светлыми, как зеркало, металлическими ложками. Детей рассадили за столом. Мишку поместили между шестилетним Бориком и восьмилетней Кларой. Мишкин одногодок Борик ростом выше Мишки, но вдвое тоньше и легче. На грудь им повесили белые, как снег, салфетки. Повесили и Мишке на потерявшую цвет от грязи рубашонку. Он сидел с опущенными по швам руками и робко рассматривал свою

салфетку. Его белая голова еле виднелась из-за стола. К Мишкиному удивлению, перед каждым поставили отдельную тарелку и положили коварную, горячую, как огонь, во время еды ложку.

Мишка знал обеды лишь из одной общей большой чашки, всей семьёй, деревянными ложками, поэтому всё, что сейчас происходило за столом, захватило его так, что время для него остановилось. Он поворачивал голову в сторону каждого, кто приносил что-либо на стол. А когда увидел в руках кухарки желе, не выдержал, спросил:

— А это што у тебя, сладкий кисель, што ли?

— Да, да, да, именно кисель, — скороговоркой ответила та.

— Ево тоже есь будем, штоль? А? — поинтересовался Мишка.

— Разумеется, кушать, а куда же его девать? — улыбалась барыня.

— Гы, я думал, гостям наварили. У нас только гостям варят, — сказал Мишка, шмыгнув носом и подвинув тарелку с чем-то к своему краю.

— Да, да, гостям мы наварили. Но ведь ты-то у нас гость? Ну, вот тебя и будем угощать, — успокоила кухарка.

Мишка недоверчиво улыбался и облизывал губы. Юля, тринадцатилетняя дочь барыни, целовала его в голову, в лоб, в щёки. В ответ Мишка чесал места поцелуев и вертел головой.

Положили котлеты с подливом — обычно завтрак был скромнее, но сегодня походил на обед — няня предположила, что дети, проголодавшиеся в дороге, будут кушать больше обычного.

Как только Мишкину тарелку наполнили, он, не дожидаясь других, тотчас взял в обе руки по котлетке и быстро съел, а подлив выпил через край, прежде чем ему успели сказать: «Мишенька, ты с хлебом кушай, а то желудок испортишь». После этого отвернул салфетку и тщательно вытер о рубашку руки и губы. Затем подвинул к себе тарелку с белым хлебом и стал есть хлеб.

Никогда этим женщинам не приходилось видеть подобное и так смеяться. Весь обед они забавлялись своей «игрушкой», которая невозмутимо отвечала на все вопросы с детской простотой, а главное, деревенскими выражениями. Барчуки, недоумевая, смотрели на него и тоже смеялись, особенно Юля.

После завтрака дети вышли из-за стола, с них стали снимать салфетки. Мишкина оказалась более грязной изнутри — от рубашки, испачканной в пыли, в саже, в дёгте и ещё в чём-то, несмотря на то, что вчера он её сам «стирал» в Урале, перемазав в болотной грязи в роще, куда ходил с друзьями за грачатами.

Когда сняли салфетки, Мишка отряхнул и разгладил рубашку на животе, как бы опасаясь: не испачкалась ли она о салфетку, и направился к выходу, но Юля его остановила:

— У нас есть хорошие игрушки, мы пойдём все вместе играть на улицу. А сейчас нужно поблагодарить маму, няню и тётю.

Слова «поблагодарить» Мишка не понял, но когда дети стали подходить к женщинам, подавать руки и говорить «Спасибо», Мишка последовал их примеру — это ему было известно.

Совсем забыл Мишка о том, что он дома. Ему казалось, он попал в какой-то неведомый мир. Он забыл всё, что помнил о доме вообще. Проходя мимо своей землянки по двору, он постарался поскорее прошмыгнуть, чтобы не быть снова втянутым в её безрадостную бездну. Больше всего он боялся, чтобы не вышла мать и не отругала за то, что он надоедает господам, да ещё и объедает их. А может, мать не забыла ещё картошку?

Принесённые игрушки совсем ошеломили его. Таких красивых мячей Мишка не видел никогда в жизни, даже у барчат, а уж у друзей — где там иметь такие сокровища! Вот уж теперь он наиграется в мяч, сколько захочет. А то свалял из коровьей шерсти, что это за мяч! Слёзы одни, а не мяч! Намокнет — суши его целый день, а потом шмякнешь об стену, а из него вода во все стороны и не отпрыгивает. Мученье одно.

Без Мишки теперь даже не садились за стол — дети заявляли: мол, у них плохой аппетит, когда нет Мишеньки. Когда наставало время обеда, а Мишка отсутствовал по каким-нибудь «неотложным делам», то приходилось ждать его или разыскивать, ничего не поделаешь.

Иногда заходила Елена Степановна и ласково у квартирантов спрашивала, не надоел ли им Мишка да не объел ли он их, а то, мол, и прогнать неудобно. Тогда Юля бросалась ей на шею и просила не говорить этого. Барыня же подтверждала, что она очень довольна прекрасным настроением своих детей в обществе хозяйского ребёнка.

3

В середине срока господского отдыха приезжал на несколько дней сам барин, здоровый полковник лет сорока. Барин сказал, что Мишенька — необыкновенный мальчик с интересным, многообещающим будущим. Лаская Мишку, приговаривал: «Богатырь ты будешь с виду и казак душой...»

Барин уехал, и побежали, как прежде, весёлые, заполненные играми, купанием и обеденными церемониями дни.

Но всему бывает конец. Сизокрылым голубем пролетела Мишкина сплошная масленица.

Квартиранты, а особенно Юля, стали просить Елену Степановну отпустить с ними Мишку в Пермь. Елена Степановна не соглашалась:

— Оно бы шут с ним, наплевать, пускай бы ехал, у нас их, вы сами знаете, кроме него семеро, да и привезти то вы бы ево привезли весной, куда он к шуту

денется, с хлеба долой, но ведь вы с ним замучаетесь. Мишка, ведь это такой человек — ево вон в город с собой возьмёшь, дак и то он злу тоску нагонит: домой да всё, домой хочу. А с вами вон только до обрывов доедет и начнёт кричать, как поросёнок под ножом, — Елена Степановна приводила убедительные примеры. — У-у-у, и не говори, Юлечка, и не проси, милая, проклянёте вы и нас, и себя.

Благодатный город Пермь представлялся Мишке не таким, как Оренбург со своими огромными, мрачными домами и душными, пыльными, шумными улицами, от которых в сон клонит и домой хочется. А в Перми и воду-то берут не из Урала, а из какого-то крючка, согнутого из железа, просто на улице. Тоже плохо, пойди-ка, искупайся там, попробуй. Нет, Пермь-то, наверное, хорошая станица. Роща большая, больше нашей, грачат там, должно быть, полно, лови, сколько хочешь. Подсолнышков много растёт, а арбузов и дынь — сколько влезет. В ярах стрижиных гнёзд — видимо-невидимо, а рядом висит солодковый корень в руку толщиной, дёргай знай. Мишка согласен ехать, но мать — ни в какую. Придётся остаться, нельзя же мать обижать, чего доброго, любить не будет. Мало ли што хочет Юля! Она вон говорит, што могут увезти меня потихоньку от матери, эх, какие хитрые, а рази так можно? Вот если бы они и маму взяли, вот это бы да!

За несколько дней до отъезда поехали в город фотографироваться с Мишкой, он был заснят в разных позах и гримасах. И отдельно с Юлей. До этого Мишка свою физиономию, кроме как в ведре с водой да в начищенном самоваре нигде не видел, даже в зеркале. Зеркало у Веренцовых было старое, почерневшее, прибитое высоко, чтобы не достали дети. На прощанье Мишке подарили столько всяких игрушек, что их могло бы хватить до старости.

В день отъезда все уже до восхода были на ногах. Юля в эту ночь не спала ни минуты. Она несколько раз подходила к сеням землянки, где спал с матерью Мишка, совершенно равнодушный к завтрашнему событию. Елена Степановна не могла знать страданий Юли, иначе бы она отступилась от своего решения, отпустила бы Мишку с господами, а там — как знать? Может быть, и остался бы в Перми навсегда. Юля то ходила по двору, то сидела на крыльце и ждала, не выйдет ли Мишка; ей хотелось в последний раз погладить его по белой пушистой голове... Уже перед утром, когда Юля всё ещё сидела с распухшими от бессонницы глазами на своём крыльце, на вопрос няни, давно ли она встала, ответила: «Только сейчас». Что-то подсказывало ей, что правду говорить нельзя.

Никакие уговоры на Юлю не действовали, она рыдала до самого Оренбурга. С ней плакали

и остальные дети, им тоже не хотелось расставаться с Мишкой. На одной из станций как будто уже успокоившаяся и смотревшая в окно Юля вдруг не своим голосом закричала: «Мишенька! Вон Мишенька!» — и бросилась к окну. Поезд, набирая скорость, отходил от перрона. Девочку еле удержали и успокоили. Позднее Юля рассказывала, что вне всякого сомнения она видела на перроне Мишеньку...

И этому должен был прийти конец. Под новыми впечатлениями Юля постепенно забывала Мишку, но всё же дала себе слово, что хоть через десять лет, а увидится с ним, чтобы больше не расставаться. Какой любовью любила она Мишку — трудно понять.

Впал в тоску после отъезда квартирантов и Мишка. По нескольку раз на дню заходил он в дом, осматривал все уголки: не окажется ли там что-нибудь, напоминающее о дачниках, и не найдя ничего, выходил со слезами. Иногда со двора он отчётливо слышал голоса Юли и барчуков в доме, бросался туда, но кроме жуткой тишины, там никого не было.

4

Мишка перестал есть, с ним случилась горячка. Болезнь в таких случаях — лучшее лекарство. С квартирантами Мишке было не до друзей, ведь столько игрушек у барчат! А теперь, пожалуйста, можно сходить. Пришли друзья, и через несколько минут их ватага была уже в роще. Со всех сторон окружала их шелестящая листва, пронизанная золотистыми снопами солнечных лучей; густые кусты шиповника с ярко тлеющими плодами, заросли жимолости, опутанной цепким хмелем. Порхали, щебетали на знакомые голоса птицы.

Мишка забежал на то место, где больше месяца назад выпустил в кусты нескольких грачат из своего садка. Птенцы, очевидно, уже летали вместе со взрослыми, вон сколько их кружилось над головой, роняя белые капли.

Под кустами колючего шиповника и жимолости женщины выбирали ежевику, она росла здесь в изобилии, крупная, иссиня-чёрная, такая сладкая! Только пробивающаяся кое-где жёлтая листва выдавала приближение осени. На бахчевых полосах у рощи над Уралом звали к себе дыни, арбузы, тыквы, подсолнухи с тяжёлыми, свисающими, высматривающими что-то на земле головами. Ласкали глаз светло-жёлтые и буро-зеленоватые дыни, некоторые, не снятые вовремя, растрескались под жарким солнцем, источают аромат, стоит только взять в руки... А белые и полосатые тонкокожие арбузы! Воткнёшь в него конец ножа — арбуз тут же раскалывается пополам, мякоть в нём красная, даже с каким-то розоватым оттенком, посыпанная, как бисером, мелкими каплями влаги, а вкус, а аромат... Боже!..

Мишку не занимало сейчас всё это. Он неотступно думал об уехавших, ему казалось, что, пока он здесь, они вернулись в станицу. Он опрометью кинулся домой.

После этого Мишка пролежал ещё несколько дней. В полубреду видел перед собой Клару, пытающуюся побороть его, Борика – с худенькими ручонками. Иногда, договорившись с няней съесть полагающееся ему не за столом, а на улице, Борик, подав Мишке знак, убегал с едой за соседний угол и ожидал друга. Дорогу за угол Мишка знал хорошо, там он с удовольствием «выручал Борика из беды».

Видел Мишка перед собой и милую, какую-то близкую, родную Юлю, никогда без улыбки не смотревшую на Мишку, в каком бы настроении ни была. Иногда, подбежав к ней, он обнимал её ноги. Он помнит постоянные слова Юли: «Мамочка! Да посмотрите же сюда, убедитесь, что Миша бесподобно забавный!» А иногда Юля с тем же бежала к Елене Степановне, целуя её, упрашивала пойти посмотреть на этого проказника, но Елена Степановна, поцеловав барышню, как дочь, отвечала:

– Боже мой, а то я ево не знаю. Он мне по ночам надоел, как лихоманка, все бока протолкал ногами, возьмите ево хоть на одну ночь, ради Бога. – Но Мишка не хотел ложиться ни с кем, кроме матери, несмотря на то, что у неё на постели кусали блохи и клопы.

Но вот и пожелтели листья на деревьях. Сильные осенние ветры сметали их в кучки, разбрасывали и, покрутив вокруг какого-то невидимого центра, складывали на другом месте. Совсем обнажились деревья, сквозь них ясно просматривалась даль. Горячие летом песчаные пляжи опустели и похолодали. Пусто и жутко в роще, не слышно в ней ни одного голоса. Там, где были тяжёлые головы подсолнухов, теперь чёрное поле, утыканное толстыми, короткими будильями. На бахчах темнели брошенные, убитые заморозками недозревшие дыни, арбузы, тыквы. Утки уже не плавали по реке, а собирались стаями по берегам – с поджатыми ногами плотно припав к песку, поминутно жалобно и громко кричали, как будто звали улетевшее лето.

По ночам в небе слышны были на разные голоса крики пролетающих птиц. Блестящая лента Урала хорошо видна им с высоты, она указывает путь с севера на юг – к морю на зимние квартиры. Иногда перелётные птицы останавливались на дневную кормёжку, стаями садились на воды Урала, озёр, стариц. Садились на просторные поля, собирали по жнивью оставшиеся колосья и зерно.

В эту осень Мишке казалось, что лето увезли с собой барчата, и оно сейчас с ними там где-то.

5

Вскоре пошёл снег. Суровая настала зима. Ежедневно дули морозные ветры, воздвигая огромные снежные дюны. Как в спиртной бочке, захватывало дух. По ночам трескались оконные стёкла. Даже в полдень не грело яркое холодное солнце.

Степан Андреевич собрался на ближайшую, в одной версте, мельницу смолоть пшеницы на муку. Мишка стал просить взять его с собой. Он знал, что на мельнице очень интересно: всё крутится, стучит, всюду что-нибудь сыплется. Но разве отец может понять всю силу и серьёзность Мишкиного желания. Он наотрез отказался взять, пугая трескучим морозом и вьюгой. Мишка обращался уже и к матери, чтобы та попросила отца, но она тоже отказалась. Она в этих случаях всегда, как назло, держит сторону отца. Да они, видимо, договорились как-нибудь оставить Мишку дома.

Тогда Мишка решил действовать самостоятельно: надел пальтишко и пошёл на улицу караулить. Когда отец выедет, Мишка побежит за ним вслед до самой мельницы на расстоянии, чтобы не увидел отец и не вернул назад кнутом.

Степан Андреевич поехал из ворот не оглядываясь, только потеплее закрылся воротником тулупа от ветра. Мишка побежал сзади.

На выходе из станицы перед последними домами сильный морозный порыв хлестнул Мишке в лицо и сбил с ног. Он встал и побежал снова. Последние дома остались позади. Сани отца скрылись в пурге. Ветер дул в лицо. Мишка напрягал усилия. Давно исчез погнавший рысью отец. Морозный ветер, как спиртом, заливал нос, рот и уши, сбивая с дороги. Наконец ветер, как из гигантского насоса, резанул снегом в лицо. Мишка задохнулся, упал и потерял сознание. Метель в бешеной пляске закружилась над ним, наметая сугроб.

В последний момент Мишка услышал какой-то голос далеко впереди и испугался, что это отец заметил его. Как оказалось, это был голос казака — родственника Веренцовых. Он возвращался с мельницы и, когда поравнялся со Степаном Андреевичем, громко ответил на какой-то его вопрос и поехал рысью.

Вдруг конь его остановился и, фыркнув, бросился в сторону.

Казак соскочил с саней. Он решил, что Веренцов потерял какую-то одежду, и поддел её кнутовищем. Одежда не поддавалась, пришлось взять руками и поднять...

Казак прискакал домой, бросил коня у ворот, вбежал в избу с Мишкой в руках и закричал растерявшейся от испуга жене: «Скорей давай отогревать, кажется, до смерти замёрз Веренцов Мишенька!»

Что стало бы с Юлей, если бы она видела сейчас Мишку? Она сошла бы с ума. Юля в этот

момент сидела на мягком диване и рассматривала Мишку на фотографии, привезённой летом из-под Оренбурга. Сегодня ночью она так странно видела его во сне. Мишка стоял на зелёном поле, весело смеялся, а на голове у него был большой букет цветов, корни которых свесились до колен и крепко опутали ноги. «Это плохое предзнаменование», — сказала мать Юле.

Положенный на лавку, Мишка еле дышал. Он был без сознания. Белыми, как снег, и жёсткими, как дерево, оказались пальцы на руках, щёки и уши. Всё это стали оттирать снегом. Осмотрели ступни ног, сняв валенки — ноги были не поморожены, но не догадались посмотреть колени, поражённые больше всего. В тёплой комнате они оттаяли сами, с них каплями стекала вода.

Через час Мишка пришёл в чувство и спросил:

— А где же Юля? Как какая Юля? Она вот сейчас тут стояла.

Ещё через два часа Мишку отвезли домой.

Елена Степановна благодарила родственника и его жену, заочно ругала Степана Андреевича и Мишку. Тем дело и кончилось. Мало ли чего бывает.

Степану Андреевичу рассказали об этом уже без всякой подчёркнутости и интереса. Так и прошло всё, только Мишка после этого лет пять жаловался на нестерпимую боль в коленках, но прошло и это. Да только ли это... Проходила суровая зима, наступало жаркое безоблачное лето. Не перечислить Мишке, сколько раз приходилось ему тонуть в Урале, прежде чем он научился плавать. Несколько раз сам вылезал из глубины, много раз вытаскивали за уши и за ноги купальщики постарше.

Но однажды Мишка чуть было не ушёл навсегда «бурок ловить». Спасла его, совсем скрывшегося под водой, какая-то девица. Не придавая этому большого значения, она вытащила Мишку на берег, шлепнула по мягкому месту, обругала; заметив его взгляд, закрылась ладонями ниже пояса и снова побежала в воду, крикнув на бегу:

— Чей-то, холера, ведь чуть совсем не утонул, собачий сын! — И тут же забыла о нём.

Мишка полежал на берегу, несколько раз его стошнило, потом он, как пьяный, поплёлся домой, где ничего о случившемся не сказал, чтобы не наказали и не запретили ходить на Урал.

6

И опять наступила зима... По слёзной просьбе Мишки старшие его сестрёнки рано научили его читать и писать, лишь бы приняли его поскорее в школу. Чтобы не оставался он дома и не приходилось бы сестрёнкам вздыхать, сидя в школе: «Ой, ну что же опять там сегодня будет с нашими куклами? Опять там остался этот Мишка, опять он все куклы разорит, собачонок».

Но Мишку по молодости в школу не принимали, и он отсиживался дома. Как ни следила Елена Степановна по просьбе дочерей за Мишкой, чтобы он не громил их кукол, не оставлял их «в чём мать родила», уследить за ним было трудно. Куклы были на печке, где поселялся и Мишка. Прогнать его оттуда зимой некуда, на улице холодно. Мишка посматривал на кукол, поставленных спиной к стене с растопыренными руками. Перед ними тщательно сложены лоскутики всяких цветов, разные пузырьки и бутылочки. Чего там только нет, сердце замирает! А как хочется всё посмотреть да поиграть! Но мать, как на грех, долго не уходит. Время тянется вечностью. Мишка, посапывая, то ляжет, то сядет неподалёку от кукол, то подвинется, то отодвинется. Наконец мать ушла. Действовать нужно скорее, иначе вернётся мать и придётся с куклами распрощаться до завтра... Елена Степановна вскоре вернулась. Мишка сидел на том же месте, никаких подозрений.

К приходу девочек Мишка залезает под нары у печки. Он знает, что сёстры сейчас поднимут шум, но вот как старшие отнесутся к их горю — разгрому кукольной семьи? Если пошумят да перестанут, можно будет вылезти из-под нар, а если будет угрожать опасность, может быть, придётся посидеть до ночи, ничего не поделаешь.

— А где Мишка? — с порога спрашивают мать явившиеся из школы девочки.

— А шут ево знат. Убежал куда-то, — отвечает та.

— Ну, если удрал, значит, опять нашкодил, — совещаются между собой девчонки. Повесив сумки на гвоздь, быстро вскакивают одна за другой на печку — проверять своё несчастное хозяйство.

— Ай-ай-ай! Батюшки! Мама, мама, да что же ты смотрела? Да ведь что он здесь настряпал, востроглазый, — обнаруживают сестрёнки опустошение в кукольных рядах; крик, плач на разные голоса, угрозы по адресу опустошителя.

— Вот у этой куклы юбка была завязана на поясе, а он завязал на шее!

— А у моей, у моей-то руку завернул за спину, и теперь она не держится, мотается.

— А у меня вот здесь был пузырёк, а в нём вода, будто духи, а он, шельмец, воду-то вылил, а туда посадил муху да заткнул...

— Лоскутики, лоскутики самые красивые выбрал и не знаем, куда девал. Да ещё много тут беды натворил, да разве сразу увидишь... А-я-яй!

Мишка тоже чуть не подал голос из-под нар, мол, зря кричите: лоскутики-то все целы и заткнуты в валенок матери, но спохватился: время сейчас самое жаркое, да и вообще-то, пожалуй, дело дрянь. Как видно, сегодня придётся сидеть долго, перестарался с куклами-то.

Скоро обед, но тут, видно, не до обеда. Эх, и злые они сейчас, думает проказник. Но боялся Мишка напрасно, его никогда не наказывали, а проделки его вызывали у старших только смех.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

С дынями и арбузами Веренцовы подъезжали к станице. Степан Андреевич ругал про себя Мишку – шёл парню уже восемнадцатый год, сравнивал со старшим, Дмитрием, которого Мишка перещеголял своими проделками.

«Вот Пётр, тот совсем другой, – думал Степан Андреевич, – тот не такой, как эти заразы. Он к бабам совсем не касатца, а и мне-то никогда слова поперёк не скажет. Оно хоть и Мишка-то смирный, нечего зря говорить. А уж Митрий-то – ох-хо-хо. Я уж, вить, прямо побаиваюсь маненько, язви ево. Вон какой клок бороды выдернул, да в коленку пнул тода, на Петров день в пьяном виде, – Степан Андреевич машинально потрогал левую сторону бороды. – Ну, это опять бы ладно, но вот по бабам оне бегают, язви их, вот ето мне больше всего не нравитца. Ну, какую сласть они находят в этих бабах, а? Тьфу, заразы! Подь они все к чёрту, язви их... А всё-таки мне их жалко, война сейчас, могут погибнуть едыкие молодцы».

С этими мыслями Веренцов подъехал к дому. Елена Степановна тоже была в задумчивости. У ворот их встретил Мишка.

– Вот, Миша, я тебе самую сладкую дыню отложила, – сказала мать.

– Ну, вот и спасибо, а я её Мите подарю, – сказал сын.

– Как Мите? Разве он приехал? – спросил отец.

– Да, приехал. Окончил курс, скоро уезжает в училище. Все учебники привёз мне и велит выучить их к весне.

Дмитрий на действительной служил вахмистром. Когда началась война, не успел доехать до фронта – вернули в тыл: в должности кадрового инструктора обучать мобилизованных казаков. Войсковое начальство предложило ему, кроме того, окончить курс общеобразовательного ценза вольноопределяющегося[14], чтобы поступить в военное училище.

Брата Мишку Дмитрий любил – как и он, тот был развит, красив. Сельскую школу Мишка окончил с похвальным листом, любил читать, хорошо писал – грамота Мишке давалась легко, здесь он был на голову выше своих одногодков. Дмитрий решил тянуть брата за собой, довести до офицера, пользуясь военным временем.

Услыхав о приезде сына, родители послали за ним и его женой. Дмитрий пришёл сейчас же.

Отец шёл с заднего двора, когда Дмитрий показался в воротах. Посреди двора они встретились,

обнялись и крепко расцеловались, хотя недавно виделись.

Степан Андреевич увидел у сына на погоне кроме вахмистрской нашивки пёструю по краю обшивку из белого, жёлтого и чёрного кантов, что означало образование вольноопределяющегося.

Дмитрий был в новом, хорошо пригнанном мундире, касторовых брюках с голубыми лампасами, фуражке с голубым околышем и кантом, с белой фарфоровой кокардой. Всё шло ему, цветущему в свои тридцать лет.

Шумно беседуя, отец и сын шли к столу. Елена Степановна выбежала навстречу. Степан Андреевич остановил Дмитрия, отошёл от него шага на два и, обойдя вокруг с приложенной ко лбу рукой, с жаром сказал:

— Мать, радуйся детушкой, радуйся красавцем. Как знать, может быть, и не долго придётся радоваться: вон как полыхает война, в её хайло не мало надо таких молодцов, — и слёзы радости и тёмного предчувствия увидел Дмитрий на глазах отца.

Мать вытирала фартуком непрошеные слёзы, шептала:

— Бог милостив, он не допустит... — она крепко поцеловала сына.

Дмитрий самодовольно улыбался, не тронутый словами отца о войне. Он сунул в руку матери какой-то гостинец и, смеясь, сказал громко:

— Только тяте не показывай, а то отнимет.

— Ну нет, я это не люблю. Мне бы побольше на столе да в стеклянной посуде, — шутил Веренцов.

Радостный круг семьи Веренцовых зашумел во дворе, в тени садика за сытным столом. Июльское солнце благодатным светом щедро заливало двор. Как жар, горела на солнце кокарда фуражки, висящей на гвозде, изумрудами переливался галун на голубом фоне погона. Переполняющую гордость вселял в родных будущий казачий офицер Дмитрий Веренцов. Всё в эти дни радовало Степана Андреевича и Елену Степановну: и крепкое их хозяйство, и урожай, и будущее детей.

По случаю приезда Дмитрия вскоре собрались гости, и всё закрутилось колесом. А потом гости и хозяева толпой вышли со двора Веренцовых и направились по улице.

Как хорошо пройти со своими по родной станице! Снова увидеть милый с детства высокий берег Урала, ровные улицы с уютными одноэтажными домами, вознёсшимися над рекой. За Уралом глаз отдыхает на родной панораме лесов и лугов, за которыми в туманной дымке, в мареве дрожит размытый расстоянием Оренбург.

Урал с золотыми и мягкими, как пена, песками по берегам, горячими в полдневный зной пляжами уносит зеркальные воды в неведомую, манящую даль, к просторам Каспия. Справа вспыхивает на солнце крест храма

соседней станицы Нежинской, невидимой отсюда из-за лесов.

Гудит станица в воскресный день, охваченная лугами и рекой внизу — с одной стороны и степью — с другой. Выговаривает что-то гармошка на улице, ей вторят другие на Урале и в роще. Гремят многоголосые песни старших и разухабистые частушки молодых. Пёстрым шумом жизни уходит станица далеко за пределы дня в глубокую ночь. С озёр и стариц доносятся голоса перекликающихся лягушек. Слух улавливает шелест листьев. Как масло, горит истома в молодой крови...

2

Совсем стемнело. Мишка стоит за углом и ждёт: толпа с улицы давно уже топчется против дома, где для него открыто окно. Наконец проходят. Мишка чуть не бегом поравнялся с условленным окном, в нём темно, но за ним угадывается фигура.

— Миша, это вы? — слышит он шёпот и видит поданные ему руки.

Едва коснувшись мягких рук, Мишка вскакивает в окно.

Это та самая молоденькая барыня из Калуги, Галя, которая неделю назад улыбалась Мишке в роще. В тот день она невольно долго наблюдала за ним, но он, не замечая, весело балагурил с товарищами. На обратном пути Галя просила свою хозяйку, сопровождающую её в прогулках, передать Мишке записку. Та наотрез отказалась: тогда, мол, Мишкины барышни, а главная из них Надёжка, сживут её со света. Причина была другая, хозяйка прочила свою родственницу в невесты Мишке.

Несколько раз Галя проходила мимо дома Веренцовых, но Мишка, видно, был в поле. Невыносимо ждать до воскресенья, тянулся долгий, скучный четверг. Приехали хозяева с лугового сенокоса, сказали, там прошёл сильный дождь, едва ли он даст работать, и завтра все едут домой.

Галя снова быстро собралась, взяла зонтик, ридикюль и заспешила на берег Урала. Она долго ходила по крутому яру, поглядывая на дом и ворота Веренцовых. На душе было неспокойно, каждый звук вызывал острую тревогу, приходилось на него оглядываться...

Вдруг ворота Веренцовых стукнули и открылись, полотно калитки ушло внутрь, во двор, но никто не появился. Но вот со двора выбежали один за другим шесть коней, а седьмой красивый гнедой, с всадником. Это был Мишка. Вертясь волчком на неосёдланном коне, он с длинным кнутом в руке налетел на сбившихся в кучу коней, завернул их и по широкому спуску под гору в карьер погнал в рощу. На молодую женщину он не обратил никакого внимания.

Галю кольнуло в сердце. Она растерялась, будто её захлестнуло волной, и она вот-вот утонет. Справившись с собой, она

поспешила в рощу. Она тяжело дышала, украдкой смотрела по сторонам, ей казалось, что все знают, куда и зачем она спешит. И какая-то радость била в грудь, просилась наружу, как будто только что спаслась от гибели.

Но гибель только начиналась...

Прогнав коней в глубину леса, Мишка с уздечкой и кнутом на плече ходил по кустам, рвал ежевику и ел.

Увидев его, Галя подалась за куст. Стройный, тёмно-русый, в забранной в брюки белой рубашке с расстёгнутым воротом, в котором странно белела, споря с загаром лица и шеи, грудь, Мишка ошеломил её. Она поймала себя на желании броситься на него, как кошка на мышь, и не выпускать из объятий... Он действительно был хорош.

Вот Мишка завернул за куст и — увидел её, раскрасневшуюся от стыда и волнения, со свёрнутым цветным зонтиком и ридикюлем в руках, в белом полотняном отглаженном платье и белой панаме, цветных тапочках на босу ногу. Мишка на мгновение растерялся и хотел уже обойти женщину, но она, улыбаясь и путаясь в словах, заговорила с ним:

— Миша... Извините, вы не испугались меня?

Мишка отрицательно покачал головой: «Откуда она знает имя?»

— Я давно хотела... вас видеть и поговорить с вами, — тихо говорила барышня и смотрела мимо него. — Вообще, мне хотелось бы... быть с вами знакомой... Я впервые вижу казаков, о которых так много рассказывал папа... Мне хочется расспросить вас, как живут казаки, каков их образ жизни, их нравы и прочее... К тому же здесь невыносимо скучно, я не знаю, куда себя девать...

Странная незнакомка запнулась. Пунцовая краска залила нежное, не тронутое загаром лицо. Мишка с интересом рассматривал её с головы до ног. Оба молчали. Ей казалось, что она сейчас провалится или сгорит со стыда.

— Да-а-а, задали вы мне задачу, барыня, — почесав лоб, проговорил Мишка.

— Для вас я не барыня, а только Галя, — кокетливо улыбнулась она.

Мишка бессознательно сделал шаг вперёд, оказавшись рядом с ней, в облачке её духов. Галя тяжело дышала, как птица в сетях. Она казалась Мишке жалкой, страдающей, разбитой. Она смотрела в землю. Как-то машинально Мишка убрал с её платья зелёный лист, упавший на грудь. От его жеста Галя вздрогнула и широко раскрытыми, недружелюбными глазами посмотрела на Мишку, в глазах которого не было ни насмешки, ни нахальства, кроме безразличного застенчивого простодушия. Уловив это, Галя улыбнулась и тем удержала Мишку, совсем уж было готового сбежать.

— Галя, нас здесь могут увидеть, — борясь с собой, сказал

Мишка. — Здесь рвут ягоды наши соседи, — соврал он, — расскажут по всей станице — меня засмеют. Лучше встретимся вечером у ваших ворот или ещё где, как вы захотите, а сейчас мне надо скорее домой, меня ждут, мне некогда.

— Ну хорошо. Только обязательно! — радостно и капризно сказала Галя. — Значит, так: крайнее окно моей квартиры будет открыто, и я буду ждать в окне. Да? — тихо спросила она.

— Ждите, приду, — ласково сказал Мишка, неожиданно для себя обнял её за талию, чмокнул в щёку, круто повернулся и побежал по тропинке. Галя крикнула ему вслед:

— Миша, Миша! Ровно в десять часов вечера, да?!

— Не знаю я часов, у нас их нет. А как смеркнется, так и приду, — отозвался он, прежде чем скрыться за кустами.

Уже на высоком яру, где начиналась станица, Мишка оглянулся. Галя выходила из рощи и чуть заметно махнула ему рукой. Мишка постоял немного, хотел что-то крикнуть, но рядом кто-то шёл.

Не чуя ног, Галя пришла домой, к месту и не к месту смеясь, стала угощать хозяев сладостями. Потом занялась приготовлениями к вечеру.

Ей было жутковато, временами она раскаивалась в том, что делает. Нервно ходила по комнате, останавливалась, засмотревшись в одну точку. Начинала бить нервная дрожь и сковывала всё тело, руки не находили места. Она принимала решение: не открывать окно, а выйти к воротам, встретить его, посидеть у ворот, поговорить — и всё. «Нельзя же так сразу! Что он подумает? Осудит и не придёт больше». Но тут же передумывала: «Нет, впущу его в комнату, закроем ставни, зажжём свет и будем сидеть, разговаривать. Ничего не случится. Он не позволит глупостей... А там что будет».

А у самой снова, как в ознобе, начинали дрожать руки, ноги, всё тело. Она то садилась, то вставала: «Я не могу больше, я готова встретить тебя, милый, желанный, иди скорее!»

Когда Мишка вскочил в окно, Галя, не выпуская его рук, на секунду прижалась щекой к его груди, потом попросила посидеть в комнате, пока она закроет окно, и опрометью выбежала.

Мишка остался один посреди комнаты. Слышно было, как бьётся сердце. Где-то на улице пели девушки, играла гармошка, а здесь нежно тикали дамские часики. «Вот чёрт меня догадал прийти, — думал Мишка. — Теперь, как окунь, попал на кукан. Да где же она запропала? С каких пор закрыла окно и не идёт...» Он готов был сбежать, но выхода через дверь не знал, в этом доме он не был никогда.

Вбежавшая в комнату Галя в темноте натолкнулась на Мишку. Она, чуть касаясь, обняла его: «Ну, вы теперь мой гость», — и

пошла зажигать свет, но тут же вернулась со словами: «Ах, я и забыла, как же я не сообразила, бросила гостя на произвол судьбы, — ощупью подвела Мишку к кровати — Вот здесь посидите, пока я зажгу лампу», — и хотела уходить.

Мишка, державший её за руку, натолкнулся около кровати на Галю, ощутил её всю, ждущую, и каким-то током пронизало его... Он крепко обнял её за талию и притянул к себе. Она, как лиана, обвила его, задрожав всем телом. И бросились они с размаху, как с крутого яра в глубокую воду... И долго не отпускали друг друга, чтобы зажечь свет.

Когда свет всё же зажгли, Галя попросила:

— Не смотри на меня...

Мишка сел к столику, где лежало несколько книг, взял верхнюю с тиснением на обложке «Ги де Мопассан». «Ого, — подумал он, — поневоле на стену полезешь. Я этого автора знаю». Чтобы не смущать хозяйку, взял другую. Подошла Галя, села напротив.

В глаза друг друга они не смотрели. На ней был застёгнутый на одну петлю шёлковый цветной халат, обнажавший шею и начало груди с трогательной, затенённой сейчас ложбинкой. Он поневоле увидел волнистые волосы, небрежно собранные и зашпиленные на затылке, беспомощные завитки, свисающие с боков на розоватую шею. Эта женщина была прекрасна. Такая она была ещё желанней, чем в начале встречи.

Мишка понял неуместность любого разговора, зашёл со спины и стал целовать Галю. Чем грубее были его ласки, тем милее они казались ей. На обоих напала неудержимая весёлость. Приблизив лицо и как будто запоминая, Галя рассматривала Мишку, заглядывала в глаза, гладила шею, руки, обнимала голову. Она пошла за занавеску кровати и позвала оттуда:

— Миша, Мишенька, иди сюда, иди скорее! Ох, что здесь случилось! — Мишка зашёл — Галя смеялась и тянула его к себе. Мишка потушил лампу...

Галя, дочь богатого калужского собственника Бориса Васильевича Мазорцева, в двадцать лет была выдана за хорошего человека, офицера. Прожила она с мужем всего два месяца. В четырнадцатом он ушёл на фронт и в том же году был убит. Галя искренно переживала его смерть, тем более что только начала входить во вкус семейной жизни. Но время шло, и горе постепенно размывалось. К ней многие сватались, но чувства Гали как будто заморозились. И только в станице при встрече с Мишкой с неё внезапно спали какие-то путы, мешающие ей жить. Всей молодой страстью она потянулась к его свежести и силе.

Галя и Мишка смогли расстаться только под утро. А потом уже не пропускали ни одного вечера. Смешало дни и ночи переполненное счастьем время.

3

Между тем война, раскрутив свой гигантский маховик, требовала всё новые и новые жизни. Здесь молодые в радостях любви сетовали, что часы скачут минутами, там, на фронтах, люди слёзно просили кого-то, чтобы ночь проходила скорее. Ночные минуты тянулись часами. Смерть как будто спешила воспользоваться темнотой, внезапно, безжалостно хватая, отнимая цвет жизни. А прекрасные тела, только что трепещущие надеждой, обезобразив, превращала в гниль. И всё же люди с винтовками наперевес бежали и бежали на врага, падали, корчились в смертной агонии и умирали. Другие ползли на животе или сидели в окопе, встречая врага огнём; разорванные снарядом, погребались развороченной землёй навеки.

Не видели пока этого перед собой Галя и Мишка, не знали, что их очередь страдать и умирать близка, что их тоже неотвратимо втянет безжалостный водоворот...

Сегодня, в день приезда Дмитрия, Мишка пришёл к Гале через задний двор. Она встретила его нетерпеливыми поцелуями. Днём, оставаясь одна, Галя думала о будущем. «Я не могу уехать отсюда одна. Если и уеду, станет так плохо, что, наверное, вернусь. Я уже не могу без этой неуклюжей нежности, без всего, что зовётся Мишей, Мишенькой... Женихи в Калуге — мухи около мёда, лгуны болезненные, противно с ними говорить. Они и липнут-то из-за денег. А ведь этому ничего не надо, он и сам богат, и своё-то, не задумываясь, отдаст. Казаки не жадные, они вон и состояния пропивают».

Мишка сегодня пришёл позже обычного, был расстроен, но Галя этого не заметила. Его отругал отец за ночные прогулки, после которых Мишка дремал на работе. Они сели к столику.

— Миша, давай поженимся, — скороговоркой, как бы шутя, сказала Галя, покраснев, как яблоко. Мишка непонимающе смотрел на неё в упор. Галя не выдержала шутливого тона, обхватила Мишкину шею, уткнулась ему в грудь и прошептала:

— Я хочу быть твоей женой, твоей навсегда...

Мишка встал, отступил на шаг, в упор продолжая смотреть на Галю. По её лицу катились слёзы. Мишка с какой-то досадной грустью смотрел в глаза женщины, ещё недавно эфирно-недосягаемой, а теперь жалкой, уничтоженной...

— Да ты что, Галечка? Да разве это можно? Ты — барыня, а я? Я — простой казак. Меня тогда задразнят, скажут: «На барыне женился! А кто тебе работать будет, дуралей? Ребятишки будут за мной бегать: «Барин, барин, дай копейку». Ведь ты нас вот такими видишь, Галя, только на праздники, дома, а посмотрела бы в поле — под пылью не узнала бы никогда. Там у нас только одни зубы белеются. Наши бабы

сручные к работе: вилы возьмёт, черенья не терпят — ломаются, на жнейку сядет — сваливает, как мужчина. Наша баба любого городского мужика поборет, да ещё через себя, проклятая, норовит бросить, язви её. Если взять тебя в поле, то за неделю с тебя весь лоск слезет, люди узнавать не будут...

Галя вытерла слёзы, молча слушала. Мишкины доводы убеждали. Но что же делать? Поехать домой одной, а его оставить здесь — нельзя и подумать об этом! Никто не сравнится с Михаилом. Ах, какой бы они были парой! И потом, из него так легко сделать человека «хорошего общества». Ах, Миша, Миша Веренцов! К тебе можно быть равнодушной, только пока не увидишь, не побудешь с тобой...

— Ну хорошо, милый. Ты женишься на станичной девушке. Только боюсь, скоро раскаешься, вспомнишь, но поздно. Будешь с женой, а думать будешь обо мне. И вернуться невозможно... Ну... в общем, не нужно об этом. Больше я об этом не скажу ни слова... Чтобы не портить тебе настроения.

Но настроение было уже испорчено. Не Галиным признанием, а нечаянным сословным холодком.

— Скажи, милый, ты хорошо умеешь скакать на коне? — вдруг спросила она, чтобы развеять натянутость, с мужественной весёлостью заглядывая казаку в глаза.

— Ну и чудная ты, Галечка, — рассмеялся он. — У нас бабы и то скачут верхом, как сумасшедшие, — Галя нахмурилась. — На коне скакать — какая хитрость, — продолжал Мишка. — Ты посмотрела бы, как я на свиньях скакал, вот это да!

— Как так, на свиньях? — спросила Галя.

— Да так: в детстве я со своим другом Панькой, вот с тем, с которым мы сегодня днём шли по улице, я играл на гармошке, а ты в это время стояла у ворот... Да, забыл, когда мы прошли мимо тебя, Панька толкнул меня в локоть и говорит: «Вот эта бы штука тебе, Миша, как раз была бы под масть».

Галя рассмеялась:

— А ты что ему сказал на это?

— Да так, улыбнулся и промолчал.

— Напрасно. Ты сказал бы, что я уже давно твоя.

— Мне ещё не надоело ходить к тебе, — возразил Мишка. — Признался одному, значит, признался десяти. От десяти узнают сто, а там и ловушку нам устроят. Ты думаешь, никому это не надо? Многим.

— Да, ты, пожалуй, прав. А друга твоего я теперь знаю. Правда, я его не рассмотрела как следует. Ну, расскажи про свиней, Мишенька, — домогалась Галя.

— Вот ты друзей моих не знаешь, а если бы я шёл с девушкой, ты все оборки у ней пересчитала бы. — Галя смеялась. — А про свиней так. Мы с этим другом

подладились на свиньях кататься. Увидим их на улице, загоним на пустырь, прижмём стадо к углу и прыгаем им на спину. Они пулей вылетают с пустыря и мчатся домой. Сколько раз падали с них! Держаться-то не за что и спина колесом. Я однажды скакал целый квартал на одной свинье, как Иван-Царевич на сером волке. Сижу, радуюсь, ветер в ушах свистит, а она скачет и хрюкает, а потом неожиданно как шмыгнёт в ворота... и я башкой доску в воротах выбил. После этого перестал на них кататься.

— Ой, да какие же вы все забавные, — хохотала Галя, предлагая Мишке вина.

— Нет, Галя, мы и так, наверное, сегодня с тобой проспим, — возражал он.

— Ну, миленький, выпей! Я прошу, Мишенька! Я не буду спать, буду следить за временем, — просила Галя. Они выпили.

Через час Мишка лежал на спине, ощущая под шеей мягкую руку, и говорил:

— Ну, Галечка, я на тебя надеюсь. Если хочешь спать, то прямо скажи, тогда я сам спать не буду.

— Нет-нет, мой милый, даю слово. Я так хочу, чтобы ты уснул. Я могу и днём, а тебе-то завтра опять эта адская работа в поле. Спи, спи, Мишенька, спи, мой родной, мой дорогой, мой желанный.

Последних слов Мишка почти не слышал... Он уснул как убитый, обняв на груди другую её руку.

Галя тихонько высвободила руку из-под Мишкиной шеи, поцеловав его в чуб, в губы, в грудь, на носочках пошла за спичками.

Ей хотелось посмотреть на него сонного. Коробку спичек сожгла она, рассматривая Мишку с ног до головы, расстегнула рубашку, целовала в грудь, в лоб, в щёки. Лежала щекой на его груди, обвив руками вокруг пояса: «Ну как бы увезти тебя с собой? А как папа радовался бы, да и мама, что у меня такой муж, да ещё казак! Говорил же папа, провожая сюда: «Поезжай, Галечка, не раскаешься, понравишься хорошо. Увидишь там оренбургских казаков, с ними мне доводилось кутить в Вышнем Волочке. Бесподобные весельчаки, самоотверженные люди и ужасные выпивохи».

Перед глазами появилась мать, ласково кивая Гале, поздравляя с законным браком... И целовала Мишку, как сына. Галя спала, убаюканная волнами видений.

Вдруг голова Гали упала на постель. Из-под неё выскочил, как ужаленный, Мишка.

— Галка! Разиня ты эдакая! Караульщик, хрен тебе дать, дрыхнешь!.. Во дворе-то — утро. Как теперь пойду? Дома меня ищут, на жнитво ехать, — суетился Мишка. Схватил в темноте сапог — не лезет что-то — тьфу, чёрт, не на эту ногу, — сопел Мишка, как паровоз. Хохочущая Галя зажгла свет, бегала вокруг него, теребила за нос, за уши,

дёргала за руку, мешала одеваться. вместо Мишкиной рубашки подала свою.

— Мишенька, Мишенька! Брюки-то ты забыл надеть!

Мишка сбросил почти надетый сапог, схватил брюки, сунул ногу, она попала в карман. Мишка рассмеялся и тут же нахмурился: «Надёжка, та никогда не проспит, а эта, зараза, растянулась и дрыхнет».

Галя хохотала, рассмешила и Мишку. Он на бегу поцеловал её. Галя вышла за ним, шутила: «Миша, вернись, полежи ещё немного...»

Мишка молча отмахнулся, погрозил кулаком, побежал на задний двор. Через минуту затрещал плетень, треснул сломанный кол, и всё стихло.

Галя вздохнула и вошла в комнату, там было тихо и пусто. На спинке стула висел забытый казачий ремень. Галя схватила его, судорожно сжала в руках и как бы в каком-то удовлетворении тяжело села на стул. Улыбаясь, как в лицо ребёнку, смотрела она на ремень, разложенный на коленях. И поцеловав его, гладила мягкими ладонями. Ей стало легче и не так грустно.

4

Мишкина знакомая станичная девушка Надёжка не могла понять, почему Мишка не появляется на улице уже около месяца. Она надоела Паньке просьбами, чтобы тот сходил к Веренцовым, узнал в чём дело. Панька всякий раз возвращался один и отрывисто докладывал: «Мишку чёрт с квасом съел. В семье тоже не знают, где он бывает».

— В монахи, штоль, записался, язви ево, иль на нёбу улетел на метёлке. В земле ковыряла, там нет. Ну как сдох, ну как сдох, — сетовала Надёжка. — Ну пумаю, ну пумаю!

Перепрыгнув через плетень, Мишка вышел с вдовьего двора на другую улицу, по ней уже гнали в табун коров. Из-за угла выходили коровы Надёжкиной семьи. Как заяц, увидевший свору борзых, Мишка заметался из стороны в сторону: «Наверное, Надёжка гонит коров, — подумал он. — Куда деваться? Шмыгнуть в какие-нибудь ворота — все дворы незнакомые, а во дворах хозяева перекликаются».

Тем временем из-за угла вышла последняя корова. «Сейчас появится Надёжка», — думал Мишка. За коровами вышла Надёжкина сестра. Мишка облегчённо вздохнул, как будто сбросил непосильный груз. Поравнявшись с Мишкой, она насмешливо взглянула и вопросительно улыбнулась. Мишка покраснел, как зарево: «Как бы не догадалась да Надёжке не сказала, язви её». Надёжкина сестра вмиг догадалась, что Мишка с улицы возвращается домой, но Надёжке не сказала. Все Надёжкины семейные Мишку любили и зла ему не желали.

Поить коней гнал работник Шарип. Мишка встретил его в

воротах и шутливо выдернул кнут из его рук.

— Давай я погоню, — сказал он, — а ты иди скорее собирай всё, что ещё осталось не уложенного на подводы. Скоро ещё двое придут, нанятые на уборку.

Шарип осклабился, ткнул кнутовищем Мишке в живот.

— А гиде пояси? — спросил он. Мишка махнул рукой, погнал коней на Урал, поить. Всё обошлось.

Степан Андреевич с похмелья спал долго, чуть не до восхода солнца. Вчера он собирался выехать на жнитво до зари, но его никто не разбудил, и сегодня он не в духе.

— Люди давно все уехали, а нас всё черти давят. Теперь бы надо уж там быть. Эта кукла тоже дрыхла, разиня чёртова, — сетовал он на жену. — Хоть бы ты, Шарипка, разбудил, уж если нет хороших хозяев ни одного чёрта. Мишка, гы, да Мишку самого с семи собаками надо искать. Ему наплевать, что без остатка сыпется... Ему бы только бегать до полночи, а дома пусть всё пропадёт.

Мишка улыбался, как подсолнечник, моргал Шарипке и думал: «Ни хрена, Степан Андреевич, наши с тобой бабы не стоят. Моя тоже проспала, проклятая. Нечего сказать: и свекровь, и сноха дрыхли до свиного визга, — улыбался он, вспоминая проведённую ночь. — Давай, Стёпа, прогоним их обоих и одну Надёжку на двоих возьмём, она нас будет будить, — хмыкал про себя Мишка... — Не расстраивайся, толку мало, лучше возьми Галю в снохи, она всех будить будет... к обеду. Ах, Галечка, Галечка, нет бы собрать меня толком, а она хохочет да бегает вокруг. Ах ты, Галюнька!»

Наскоро позавтракали, вышли запрягать. Потом снова зашли, сели все в ряд на скамейку, посидели несколько секунд, враз встали, помолились на иконы, где была зажжена лампада, а по бокам — две большие свечки, и вышли во двор.

Восемь рабочих коней и четыре пары быков, запряжённые в разные упряжки, вывел Веренцов на жнитво. Его обоз растянулся на квартал. Сзади шли две жатвенные машины.

Мишку отец посадил почему-то с собой, на переднюю подводу. Может быть, хотел с ним о чём-то поговорить, посоветоваться по хозяйственным делам? Это он делал часто. Мишка лёг на бок позади отца. Обоз потянулся на выезд из станицы. Из каждой улицы выезжали таборы отдельных хозяйств: на конях, на быках. Собаки налетали друг на друга, катаясь клубками, поднимая пыль. Дороги шли вместе, за станицей расходились врозь и устремлялись на разные полевые участки.

Мишка уже давно заметил Анюшку, но вида не подавал. Анюшка ехала с братом на одной повозке. Брат её был хорошим другом Мишки. До Надёжки Анюшка была постоянной Мишкиной

знакомой, а теперь, когда Мишка переметнулся к Надёжке, Анюшка не давала ему прохода. Он от неё прятался, а если спрятаться не удавалось, не обижал, сидел с ней у двора.

Анюшка знала, что Мишка гуляет с Надёжкой, но покорно стояла у ворот своего дома и ждала, когда Мишка пойдёт мимо. Не выдавала своей ревности Анюшка и ничего не говорила о Надёжке, чтобы он не обиделся. Мишке это нравилось, и Анюшку он просто жалел. Её-то и увидел сейчас он. «Как бы не подбежала сюда с каким-нибудь «делом», у них ведь, у этих баб, всегда какое-нибудь дело да есть». Не успел Мишка подумать, как с Анюшкиной подводы раздалось: «Миша! Миша! Ми-ша!» Он, услыхав её сразу, думал, что она перестанет, но Анюшка кричала уже в третий раз. Мишка взглянул и погрозил ей кулаком, она ответила ему тем же.

Степан Андреевич услыхал третий возглас Анюшки, а когда Мишка повернулся и погрозил, Степан Андреевич огрел Мишку кнутом вдоль бока и заворчал про себя что-то.

— Я-то при чём! Вон её иди хлестни... не раскаешься, — съязвил Мишка. Отец не расслышал последнего слова. Он отпускал какие-то беззлобные ругательства то ли по адресу Мишки, то ли Анюшки, то ли просто так, в воздух, по привычке.

Анюшкин брат сунул сестру в бок:

— Ну что разоралась, дура? Вот дядя Степан услышит, так распишет тебе кнутом мягкое место, да и Миньку-то подведёшь, и тому ввалит кнута!

Анюшка хохотала, уткнувшись лицом в плечо брата. Она уже видела, как Степан Андреевич стеганул Мишку. Она думала: «Покрепче, покрепче стегани его, дядя Степан, это ему за сегодняшнюю ночь». Ей уже передали, что Мишка пришёл с улицы утром...

5

Сегодня на жнитво выехали все. Станица снова опустела. В поле Мишка загрустил. Не прогоняли скуку ни работа, ни общество Шарипки, отца и рабочих. Вечером приходили на стан поздно, в темноте. Наскоро ужинали и ложились спать, чтобы подняться до восхода. Сон сражал всех, как насмерть, но Мишка долго лежал на сене лицом вверх и смотрел на звёзды — сон не шёл к нему. «Ну что же мне делать? — думал он, — уж не жениться ли на Гале? Да нет, нельзя, отец не согласится, он скажет: «Ты что же это, сукин сын, выдумал? Берёшь эту цацу, чтобы только спать с нею, а работать кто тебе будет? Ведь ты с ней в нищие выйдешь, так твою...» Да и пойдёт, и пойдёт меня чистить. Вот чёрт её поднёс тогда. Свои девчата уж как-то и не тянут, а эта, ну как приколдовала, чем чаще ходишь, тем больше тянет, ах растак её, — ругался Мишка и повернулся

на другой бок. — Если поехать с ней в Калугу... Как она говорит: Калуга — город хороший, отец у неё богатый, она одна дочь у отца. Там будет весело. Ох, едва ли там веселее, чем здесь. Уезжай туда, а там и казаков-то не увидишь ни одного. Да заставят ещё казачью фуражку снять, а надеть мещанскую шапку, а то ещё хуже — кепку, отец приедет туда, да эту кепку-то вместе с головой и оторвёт... Фу. Да-а-а-а, а на службу-то, на службу будут брать? Гы-ы, да ведь там прямо в пехоту попадёшь и будешь ходить с винтовкой на плече, «Чубарики-чубчики» петь. А здесь-то и конь, как вихрь, и седло с набором, и шашка новенькая, блестит, как зеркало, и пика... Нет, Галечка, хорошая ты, лучше наших всех, говорить нечего, какая-то вроде как сладкая. Вот я до сих пор всё ещё и прикоснуться к тебе как следует боюсь.

Вот жалко, я теперь Митю, наверное, не увижу, уедет, а то бы с ним посоветоваться. Он бы всё сделал... Да ведь вот беда, она, наверное, работать ничего не умеет: ни хлеб печь, ни коров доить, ни телят поить. Нет, уж, видно, проводить её поскорее...

Вот если бы можно было здесь взять Галю и никуда с ней не ездить, это бы хорошо, но ведь отец не согласится и люди задразнят. Эх, Галя, Галюня, чёрт тебя поднёс, заразу. До тебя я хозяином в станице был — над всеми парнями и девками, да как заиграю на гармошке... Дух захватывает! А теперь и гармошку в руки не беру, её, наверное, мухи всю засидели, не знаю, что на улице делается... Только, знаю, прячусь от всех, да к тебе. Вот дурак, разиня. Казачью фуражку с голубым окольшем позорю... Тьфу, мать твою так... Жаль, что Гнедой сегодня в машине ходил, он бы выручил, сейчас же у неё был бы. Завтра не запрягу Гнедого, договорюсь с ребятами, а главное, с Шарипом, и ускачу, как только стемнеет...» — с этим решением Мишка уснул.

Днём, во время обеда Мишка пошёл к Паньке, к его стану в версте от Веренцовых. Панька лежал на сене, животом кверху, курил папироску и гладил ладонями живот под рубашкой. Увидев друга, Панька вскочил.

— Ну ты, соловей болотный, — выругавшись, обратился Панька к другу. — Надёжка мне злу тоску нагнала, всё пристаёт, чтобы я ей сказал, куда ты пропадаешь по вечерам, а я и сам не знаю. Ты что мне-то не скажешь?

— Да никуда я не хожу, — задумчиво, растягивая слова, ответил Мишка. — Ты сам знаешь, какой у нас отец, он ни себе, ни нам не даёт покоя, гоняет, как зайцев: за лесом, за сеном, за дровами, да мало ли зачем. Ну а у тебя как дела?

— У-у-у-у... и не говори, — махнул рукой Панька, — в воскресенье и домой не ездил, и ещё воскресенья два не поеду. Верка проходу не даёт, коровой ревёт. Держит себя за брюхо и скулит:

«Што будем делать, што будем делать?» — «Делай, говорю, што-нибудь, ступай к бабке Графене, я заплачу потом. Дам с воз пшеницы, а то и больше. Бегала она там куда-то, но у неё ничего не вышло...

6

А Верка бегала в это время со двора во двор: не поможет ли кто-нибудь выгнать болезнь, давно уже привязавшуюся к ней...

Когда чёрными змеями поползли слухи о том, что Верку часто видят ночами с Панькой, тётка Графена с улыбкой потёрла ладони: «Врёшь, придёшь ко мне, никуда не денесся. А заплатить-то тебе есть чем, да и у Паньки амбары не хворали...»

С тех пор прошло три месяца. Верке ничего не оставалось делать, как идти к Графене. Она прознала, что тётка Графена с женщинами идёт в лес за ягодами. Верка тут же поспешила втереться в их компанию. А матери сказала, что уж очень хорошие ягоды нашли бабы в лесу и её зовут с собой. И мать Верку отпустила.

В лесу, когда бабы разошлись, Верка боком-боком старалась приблизиться к Графене. Она косила глаза в сторону баб, как бы не услышали её разговора с Графеной. Наконец та зашла за куст, Верка тут как тут. Она стала говорить, путая слова, сбиваясь с толка:

— Тётя Графена, а тётя Графена, я... давно... бегаю... всё хочу тебя увидеть да поговорить. — Графена насторожилась. — У меня што-то давно... нет ничего... А вот тута, — большим пальцем потолкала она в живот ниже пояса... чево-то...

— Ну-ну, знаю, знаю, — перебила её Графена, — приходи ко мне вечером, сделаю што-нибудь, — она многозначительно нахмурила брови.

Верка ошалела от радости, чуть не поцеловала Графену, высыпала ей все ягоды из своей корзины. На возражение Графены божилась, что ягоды ей не нужны, а если и нужны, то она себе ещё наберёт. Она готова была идти прямо к Графене. Она слышала, что Графена в этих случаях хорошо помогает...

А вечером Графена сказала, что лечить уже поздно, болезнь «пустила глубокие корни». Теперь одно спасение — подтягивать потуже пояс юбки и всё...

И подтягивала Верка свой пояс всё туже и туже с каждым днём... А после говорили, что Верка при помощи Графены зарыла пятимесячного выкидыша в яру, около кладбищ. На кладбище-то, мол, нельзя, он не крещёный.

— Настряпали мы с Веркой, — говорил Панька, — хоть глаза домой не показывай...

7

Уходя от Паньки, Мишка ни о себе, ни о Гале другу не сказал. Галя, так или иначе, должна ехать домой, он ехать не может, его никто не пустит. Он

поскучает-поскучает да перестанет. А Паньке сказать, он расскажет девчатам, те после засмеют.

Тяжёлый камень остался на Мишкином сердце. Ещё тяжелее он казался от того, что грусть Мишка испытывал первый раз в жизни...

Галя несколько вечеров выходила к воротам, где подолгу просиживала напрасно, ожидая Мишку.

Сегодня Галя, раздетая для сна, сидела на подоконнике и прислушивалась к звукам вечерней жизни. Иногда она бросалась то к двери, то к окну, но слух её обманывал. Несколько дней она не запирала на ночь дверь со двора: «Придёт, когда буду спать, а дверь окажется закрытой, и уйдёт обратно». Сейчас она слушала, как где-то недалеко тихо пели девушки, чудом не взятые в поле. Гармошки не слышно нигде. Если и приезжал кто-то из парней случайно по делу с поля, то ходил по улице незамеченным и на гармошке играть стыдился, чтобы не сказали: «Страда идёт, а он, лодырь, дома».

Галя уже знала Мишкину игру на гармошке, которая всегда доводила её до слёз.

«Где-то играет, играет Мишенька, а сюда не идёт. Уж не обиделся ли на что?» — шептала она сквозь слёзы. Девушки пели:

Мил послал другую сватать,
Я в постели стала плакать.
За плохова пришли сватать,
Я лежала — не спала.

«Вставай, дочка, —
мать будила, —
Я просватала тебя».
На горе ковыль цветёт,
Не жди, милый не придёт...

С другого конца еле слышно доносилось:

Чудный месяц плывёт
над рекой,
Всё объято ночной тишиной.
Ничего мне на свете не надо,
Только видеть тебя, милый
мой.
Только видеть тебя
бесконечно,
Любоваться твоей
красотой.
Но, увы, коротки наши
встречи,
Ты спешишь на свиданье
с другой...

Песнями девушки довели Галю до слёз, даже рыданий. В комнате было душно и жарко, она сбросила с себя всё и уснула на мокрой от слёз подушке.

Уезжая из станицы, Дмитрий Веренцов сидел в два часа ночи у отца. Они допивали последнюю полбутылку. Дмитрий просил отца привезти ему во двор с поля воз сена, как-нибудь, между делами. Степан Андреевич обещал послать подводу, ночью перебросить это сено.

Когда Мишка пришёл от Паньки, Шарип сказал, что хозяин посылает его наложить воз сена и привезти на стан. Для чего, Шарип не знал. К вечеру воз сена стоял на стану.

С загадочной улыбкой при испытующем взгляде Степан Андреевич подошёл к сыну:

— Михаил, домой ехать хочешь?

Мишка больше от радости, чем от неожиданного комизма вопроса отца отвернулся и расхохотался. Потом буркнул что-то непонятное от стеснения.

— Ужинай и запрягай, отвези Мите этот воз во двор, — сказал отец.

Предупреждать о том, что вернуться нужно сейчас же, отец не посчитал нужным.

Мишка ужинать не стал — не хотелось. Запряг коня и, отъехав за бугор, поехал с возом рысью. Сноха встретила Мишку, посадила за стол ужинать.

— Покушаешь, Мишенька, и ляг, усни, а я с ребятами пока сено складу, а потом разбужу тебя. Ты там на жнитве замучился.

Мишка рассмеялся.

— Спасибо, сестричка! — обрадовался он тому, что его не заставят складывать сено. — Но спать не хочу. Я пока схожу в одно место, по своим делам, ладно? А? — спросил Мишка.

— Ох, Миша, не пробудь, смотри, на этих делах до утра, а то и мне тогда попадёт за то, что отпустила тебя. Ну, ступай, — согласилась сноха.

Мишка подошёл к знакомым воротам — никого нет, тихонько постучал в ставень — нет ответа, постучал громче — то же. Мишка пошёл домой, на полпути остановился: «А что, если тихонько пройти в ворота, зайти с крыльца и постучать в дверь?»

Он вернулся. Ворота оказались закрыты, он кое-как перелез через высокий забор, прошёл в сени, до избной двери. Не закрыта.

Мишка зажёг спичку, переступил порог и бросил её, обжёгшись. Он захватил сразу кучу спичек. Сквозь их вспышку из глубины комнаты, от кровати длинно уколол радужный лучик её колечка. По большой подушке разметались волосы. Голова чуть откинута. И сон не успел стереть какого-то детского выражения обиды на лице. Цветущая, полногрудая, порозовевшая, Галя лежала почти на боку. Полные белые ноги слегка подогнуты. Мерно подымалась и опускалась грудь. Подчиняясь её дыханию, подымались и опускались золотой браслет на одной руке и два колечка — на другой.

Мишка опять обжёг пальцы и попятился назад — он не хотел будить её сейчас. Тихонько вышел на крыльцо. С заднего двора на него бежал хозяин с вилами и криком: «Кто там ходит, протакую мать...»

Мишка рванул с крыльца в один прыжок до забора, а забор перемахнул, как будто и не задев за него. Через несколько секунд хозяин открыл ворота и пустился за Мишкой по улице. Мишка, как заяц, путал следы, домой бежать было нельзя. Он прыгнул через чей-то плетень и скрылся в огородах...

— Барыня, барыня! К вам лез какой-то вор! Вот сейчас убежал, — разбудил Галю хозяин. — Я его увидел, когда он выходил на крыльцо, и побежал за вилами. Ну, ладно удрал, а то бы я его посадил на рожки. Посмотрите, барыня, не украл ли что?

Галя не подала виду, что знает вора...

Мишке ничего не оставалось делать, как не солоно хлебавши отправиться домой.

Елена Степановна испугалась, спросила: «Миша, что случилось? Почему ты один и пешком?»

Мишка сказал, что привозил сено снохе. А утром рано попросил разбудить его. Поужинав, Мишка лёг, но сон не шёл к нему. Какой там сон! Галя стояла перед глазами такая, какой он только что видел её. Его кидало то в жар, то в холод. Он проклинал не в меру ретивого хозяина дома.

Приехав на стан чуть свет, Мишка сказал Шарипу, чтобы сегодня дал отдых Гнедому, не запрягал его в жнейку, а вечером, как только стемнело, сел на него и стрелой помчался в станицу.

У Гали окно было открыто, затаясь, она ждала его.

Как только Мишка подошёл, она протянула ему обе руки. Повиснув друг на друге, они кружили по комнате, как помешанные. Галя сквозь слёзы рассказывала о своих переживаниях...

Нахохотавшись досыта над вчерашним, Галя стала просить Мишку взять её с собой на жнитво.

— Если мягкие места чешутся, то ладно, возьму. У отца кнут хороший, сам плёл, — спокойно сказал Мишка.

— А разве очень сердитый твой отец? — опасливо спросила Галя, заглядывая в глаза.

— Да нисколько не сердитый, но ведь если дать нам волю, то мы или кого-нибудь привезём на работу да будем там потешаться, не работать, или сами уедем на неделю. Так и хлеб останется на корню в зиму.

— Ну, Миша, тогда покажи мне поля, прокати меня куда-нибудь.

— Это можно, — сказал Мишка. — В воскресенье я поеду на бахчи за дынями и арбузами и тебя возьму с собой.

— Как я рада, как я рада, — прыгала Галя вокруг Мишки, — Ведь у нас в Калуге нет бахчей, там не растут дыни и арбузы.

— А сейчас я лягу, караульщик у меня есть хороший, не боюсь, что просплю.

Влюблённые смеялись. Галя закрывала ему руками рот, запрещала говорить о прошлой своей оплошности и обещала сегодня не спать: не гасить лампу, сидеть рядом с Мишкой и держать часики в руках.

— Ну смотри, Галя, ты на самом деле не подведи меня, — предостерегал Мишка, идя к кровати. Галя пошла вслед за ним «прощаться».

8

На стан Мишка приехал вовремя. Там все уже были на ногах, подгоняли скот — запрягать в машины. Мишка сейчас же взял вилы и пошёл к жнейке, чтобы занять самое трудное место — сбрасывать вилами хлеб. Сегодня он был в хорошем расположении духа, а память о бессонной ночи отгоняла усталость. Его позвал к себе отец. Мишка насторожился и направился к нему быстрыми шагами, думая: «Как бы не ошарашил чем, если узнал что-то». Но отец ласково взглянул сыну в глаза, положил руку на голову, сказал:

— Ты, Миша, лезь в балаган, усни часок-другой, хлеб сваливать Шарип сядет.

Через несколько минут обрадовавшийся Мишка спал как убитый.

Через час Степану Андреевичу нужно было пойти на стан по делу. Он зашёл в балаган, понюхал воздух: «Што за чёрт, всё время от него ташшит и ташшит каким-то дикалоном альбо[15] духами? Инды в носу вертит! Уж не подцепил ли какую барыню, холера». Мишка лежал на спине, раскинув руки. Его свежее матовое лицо, волнистые тёмно-русые волосы, мускулистая грудь и плечи притянули внимание отца. Степан Андреевич остановился, посмотрел: «Хорош всё-таки сынок, язви ево, не наглядишься. И джигитовать — собаку съел, и шашкой рубит неплохо. Пусть поспит, жалко будить».

Степан Андреевич вышел из балагана, продолжая думать о сыне: «Ну вот по бабам-то, по бабам, зараза, бегает, у-у-у, холера».

Вернулся к балагану, чтобы разбудить. Дошёл до двери, постоял, махнул рукой, повернулся и пошёл к машинам...

Мишка суетился, собирался на бахчи. Предупреждённая вечером, Галя должна была ждать за станицей. Степан Андреевич, отправляясь к обедне, увидел на дворе Мишку с пологом в руках, им он собирался закрывать Галю, если встретится кто по дороге. Отец спросил:

— Куда это ты полог-то берёшь? На што он тебе?

— Да я им самые хорошие дыни накрою. А то парни встретятся: «Дай, да дай». Не дать както неудобно, — подморгнул сам себе Мишка.

Степан Андреевич прошёл...

За станицей, в полверсте около дороги, которую показал вчера Мишка Гале, стоял раскрытый зонтик, за ним лежала его хозяйка.

Мишка подъехал к зонтику, смеясь, пригласил:

— Ну, впрыгивай скорее, толстушка! Ещё не подсаживать ли заставишь? Если будем подсаживаться, то и останемся двое на дороге, коню-то только вслед посмотрим, он ждать не будет.

Смеющаяся Галя села. Поехали. Она никак не могла устроиться удобно.

В тарантасе сидели с вытянутыми ногами, на разостланном пологе с запасом с Галиного края на случай, если нужно будет лечь и закрыться.

Ехали и разговаривали, шутили, играли, как дети.

Никогда Галя не испытывала такой полной жизни, как сейчас. Каждый кустик, даже пожелтевший, а не только зелёной травки, каждая вылетевшая птичка вызывали восторг. Галя сваливает Мишку на спину, он хохочет, сваливает её. Она не боится и не стесняется Мишки. Она изучила его, искусно руководит им. Что впереди, будет видно, но сейчас самоуверенная радость так и рвётся наружу, так легко на душе, как будто и солнце-то иначе светит-греет.

За недолгую жизнь с мужем Галя не ощущала такого даже в медовый месяц. То ли не созрела к тому времени женственная способность её всё отдать любимому и, может быть, всё взять, то ли вызывала приторность разрешённость любви, уверенной в чувстве другого. Здесь всё было не так. И запретные, урывками, встречи, и боязнь потерять, и ревнивые подозрения. Гале казалось, что Мишка порой равнодушен, недостаточно прикован к ней, а она даже не могла схитрить, что любит другого. Здесь не на кого указать, и Мишка всё равно не поверит. «Утащить бы его в Калугу, вот там ревновал бы, не спускал с меня глаз. — Но тут же возбуждение сменялось печалью. — Он ведь такой, что может сесть на поезд и поминай как звали... И ключа к нему не подберёшь, обыкновенные не подходят, ни один. Зачем я пошла тогда в рощу, когда увидела его впервые? Ну, полюбовалась бы, и только. Так вот нет! Этого мало, решила добиться его. Вот и добилась. А если бы не это, он теперь, может быть, ходил бы к какой-нибудь девушке... Нет, нет, я не раскаиваюсь, он должен быть только моим, больше ничьим. Не могу представить, что он где-то обнял и поцеловал другую. Я уверена, он этого не сделает, он только мой. Да и подозревать его ещё рано, он так молод, так молод, ох, Боже мой, Боже мой...»

Всё это передумывалось в одинокие бессонницы, прежде чем всё-таки заснуть, убедив себя очередной иллюзией. Сны снились непонятные своими страшными картинами...

Как бы твёрдо ни решила она прекратить или хотя бы ослабить влечение к Мишке, у неё ничего не получалось. Она была уже бессильна и словно плыла большой рекой в половодье на льдине далеко от обоих берегов.

Нет, этому может помешать только стихия, стечение обстоятельств, чужая воля или внезапное разочарование, отвращение к любимому.

Что её ожидало впереди?

— Будет видно... — повторяла она. А сейчас радуется. Мишка с ней, а она с ним, и больше ничего не нужно!

Она бросается на него, сваливает на спину, целует. Рыжий подозрительно и лениво оглядывается, то прижимает, то ставит уши и слегка фыркает.

— Вот, смотри, Галечка, Рыжий тоже за меня горой.

Вдали показалась подвода.

— Ну, Галина Борисовна, кто-то едет навстречу. Ложись и закрывайся, — полушутя-полусерьёзно сказал Мишка.

Галя легла на спину, головой на приготовленный тулуп. Она тряслась от хохота. От сотрясения тарантаса ходуном ходило под пологом пышное тело.

Встретившийся сельчанин в недоумении посмотрел на необыкновенный Мишкин груз, проехал, ничего не спросил. Впереди показалась ещё подвода.

— Лежи, Галя, не вставай, кто-то ещё едет, — предупредил Мишка. Встречный быстро продвигался. Галя молчала.

— Тр-р-р-р! — закричал, подъехавший вплотную и выпрыгнувший из своей телеги Панька.

— Ты што же, распротакая-сякая, я еду домой, а ты из дома? — выругался приятель и подошёл к Мишке. Тот смутился, покраснел, в упор смотрел на друга.

— Да мы... да я... на бахчи. Скоро вернусь, тороплюсь к отходу обедни... Ну, я поеду скорее... — путался Мишка.

— Обожди, чево торопиться? Ну как у тебя дела-то? А это чево везёшь под пологом? — И не дожидаясь ответа, Панька за спиной у Мишки лапнул пятернёй, пощупал сквозь полог необыкновенный, мягкий Мишкин груз.

Галя как-то по-поросячьи тихонько визгнула и повернулась на бок. Мишка резко дёрнул вожжами, рысью поскакал мимо Паньки, задев ему за ногу задней осью. С хохотом упал боком на Галю. Вслед грозил кнутом, кричал Панька:

— Я вот тебе, чертяка... ноги чуть не поломал!

Мишка ускакал. Панька бурдел про себя: «Ну кого же он здесь возит? Не иначе — Надёжку. Ну я её, заразу, сегодня проберу, скажу — скулишь: «Не вижу ево уж больше месяца», а сама инды под полог забралась...»

— Вставай, Галя, теперь не ляжешь, хоть пускай сам царь встретится.

Галя встала. Вспотевшая, смеющаяся, надела панаму.

— Ну почему не лягу? Лягу, если нужно будет, всё, что захочешь — сделаю.

После часа езды они выехали на высокую гору, с которой, как на ладони, открылся Оренбург.

9

Как вечно дышащий организм, сияющий златоглавыми церквями, многотонный и многоголосый звон которых щемил сердце, Оренбург сообщал нечто радостное, сонливое, манящее. В иной чуткой душе мог вызвать слёзы — чтобы потушить страсти и обиды, излить жалость и соболезнование или чрезмерную радость.

Остановившиеся на горе Михаил Веренцов и Галина Мазорцева стояли около коня. Равнина из-под их ног уходила к подножью Оренбурга и впивалась острым ребром в железнодорожную дамбу, вымощенную белым камнем-плитняком, дамба струилась из-под стен Оренбурга, бежала на Ташкент. За ней голубой лентой смыкалась с горизонтом линия Урала. Левее её в дымке дрожали станица Павловская, а ещё левее на юг — немецкие хутора.

Оренбург, поднявшийся на куполообразную гору, открывал глазу все свои храмы, большие здания и улицы, ровными чёрными рубцами лёгшие вдоль и поперёк огромного пригорода — Форштадта. Главы многих церквей блистали золотом.

Отметивший вершину горы самый высокий в городе храм женского монастыря произвёл на Галю непонятное впечатление. Она несколько раз переспросила Мишку, что это за церковь такой высоты. А когда он сказал об огромном кладбище около монастыря, Галю словно ржавым гвоздём кольнуло в сердце. Она громко вздохнула — вздохом ещё незнакомого ей предчувствия — и, не отдавая себе отчёта, попросила:

— Миша, когда я умру, схорони меня на этом кладбище... — и рассмеялась, вытирая глаза.

Он не ответил, приняв это за неуместную шутку.

Не хотелось уходить отсюда.

Во все стороны под уклон горы бежали хлебные поля, одни желтели жнивами или несжатой пшеницей, другие зеленели просом, бахчами. По дорогам в Оренбург и Киргизию тянулись нескончаемые караваны верблюдов с вьюками или впряжённых в телеги.

Прокофий давно заметил лошадь Веренцовых, но не мог понять, кто сидит с Мишкой. Он приложил руку ко лбу и стоял, дожидаясь.

— Брось, дядя Прокофий, смотреть, всё равно не узнаешь, — сказал Мишка и остановил коня.

Чтобы подойти к Мишке, Прокофий описал большой круг, обойдя спрыгнувшую с тарантаса барыню, часто моргая, косил глаза в её сторону.

— Здравствуйте, дедушка! — звонко, серебристо поздоровалась с ним Галя.

Прокофий обтёр ладони о потерявшие цвет штаны, подошёл, подал рассмеявшейся Гале руку. Мишка тихонько хохотал, стоя около коня.

— Здравствуй, барыня, здравствуй, матушка! Вот у меня уж в балагане-то хорошо, холодок... Идите туда с Мишей, ведь у нас Миша-то не казак, а просто енерал.

Улыбаясь, Галя пошла к балагану. Прокофий семенил к Мишке.

— Михайло, это кто же, жена альбо кто? Уж больно хороша, язви её, — тихо домогался Прокофий.

Галя, всё слыша, смеялась.

— Нет, дядя Прокофий, просто знакомая дачница, попросилась прокатить и всё.

— Плохо, — поморщился Прокофий, — уж больно она тебе под масть, уж больно хорошая, ну как хвархворовая вся дочиста, кляп ей в дыхало. От неё одним дикалоном наисся, индо в нос шибаат. Ты женись на ней, как-небудь, Михайла. Мне и то уж больно хочетца, чтобы ты женился на ней...

Пока они собирали дыни и арбузы, Галя бегала по бахчам, ловила кузнечиков.

Прокофий несколько раз звал её к себе и Мишке, но Гале вдруг захотелось побыть одной. Она с восхищением рассматривала, как растут дыни, арбузы, тыквы, подсолнухи, пожелтевшие огурцы.

Прокофий энергично уговаривал гостей остаться до вечера, но Мишка и Галя распрощались с ним.

Прокофий просил барыню, сложив руки на грудь:

— Барыня, матушка моя, красавица бесценная, ты уж выдь за Мишку-то замуж, как-небудь, поскорей, а то и мне-то терпенья нет ждать вас, инда поджилки трясутца, хочетца, чтобы вы женились поскорей. Ведь Мишка-то у нас, холера, больно хороший, язви его. За ним вон наши девки просто сдыхают. Дочь вон эфтова...

— Ну ладно, ладно, дядя Прокофий, — сказал Мишка, — хватит, до свиданья.

Прокофий замолчал. Галя, еле отдышавшаяся от смеха, схватила за вожжу.

— Обожди, Миша. Чья, чья дочь, дяденька? Скажите, чья?

— Да шут их знат, — увернулся от вопроса старик, метнув взгляд на Мишку, — оне все, аж голяшки мокры, бегают за ним.

— Ну поедем поскорее, Галя, а то он договорится до хорошего.

Прокофий долго смотрел вслед редким гостям. Вернулся к балагану, сел. Вдруг соскочил, стал кричать Веренцову.

Еле услышавший Мишка остановился. Прокофий бежал, как молодой, кричал:

— Миша, забеги там, ради бога, к нам, скажи моей старухе, чтобы она пришла ко мне и принесла табаку, — погладил бороду и вернулся...

Мишка хохотал. Галя покраснела и стыдилась разговаривать...

Перед станицей Галя сошла с тарантаса и, попрощавшись, пошла в сторону, чтобы зайти в улицу с другой стороны, сказав Мишке:

— Не опаздывай, буду очень ждать.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Панька шёпотом ругал проснувшегося Мишку. Он на корточках сидел у изголовья друга. Мишка лежал на спине, потягивался и посмеивался.

— Ну, Анютку дак Анютку вёз под пологом, што особенного, так бы и сказал, а то чухнул да ускакал, и за ногу задел осью, чуть ногу не сломал. Я думал, ты Надёжку вёз, а стал ей говорить, так она и знать ничего не знает... Ну айда, пойдём скорее.

Мишка умылся. Взял в руки гармошку.

Группа девушек сидела у ворот дома, почти напротив Галиной квартиры. Парни подошли туда, там была и Надёжка.

Из комнаты Галя услышала голоса молодёжи, быстро оделась, вышла ко двору, села на скамейку. Ей хотелось получше рассмотреть Надёжку, о которой рассказывала ей хозяйка. Надёжка, мол, не дурна собой, ну така бойка, така бойка, на одной ноге семь дыр вертит. Ну, солдат, да и всё...

Гале неудержимо захотелось посмотреть эту казачку-«солдата». Интересна ей была и вся молодёжь этих мест. Парней и девушек собралось много. Молодёжь веселилась, удивляя городскую барышню вольными, развязными взаимоотношениями и жестами.

Сердившаяся Надёжка не выдержала, отозвала Мишку в сторону, попятилась шага на два, взяла руки в бока, часто моргая глазами:

— Да ты што ж, собака, целыми возами зачал баб возить по степям, инды полог чуть-чуть сошпиливашь! Всё говоришь, отец не пускат на улицу, а сам бегаш, как кобель по мясным рядам. Говори, кто лежал под пологом, а то сейчас вот этим камнем ошарашу.

— Если бы я так на тебя рассердился, то ей-богу, не стал бы с тобой разговаривать. Ну что тебе стоит послать меня ко всем анчуткам и гулять вон с Васькой. Он ведь за тобой все сапоги износил, бегает, и парень он хороший, — уговаривал Мишка.

— Да не люблю я Ваську, подь ты с ним к чёрту, — на глазах у Надёжки блестели слёзы.

— Ну ладно, разбираться будем после, а здесь улица и день, люди видят, над тобой же будут смеяться. Да и зачем ты меня ругаешь? Я ведь тебе не муж, и ты мне не жена и не пристяжная, и ты, и я с кем хочем, с тем и гуляем. А баб, говоришь, возами возил, то никаких баб я не возил, это над тобой Павлушка подсмеялся, а ты поверила, он уж говорил мне об этом. Вот, говорит, я Надёжку разыграл. Эй, Паня, пойди сюда, — закричал он другу. — Вот ты её разыграл, а она меня чуть не избила.

Панька поспешил с выручкой.

— От-та дура, я посмеялся, а ты поверила, зараза. Тьфу, ну хоть ничего им не говори, всё равно придумают.

Успокоенная Надёжка, улыбаясь, побежала к девушкам. Панька и Мишка о чём-то поговорили, рассмеялись и вернулись к молодёжи.

Обрадованная Надёжка не отходила от Мишки, а он жался от неё, чувствуя на себе взгляд Гали.

Наконец Мишка предложил пойти всем на другую улицу.

Девушки, а за ними и парни с хохотом ушли за ближайший угол.

2

Подходило время отъезда Гали домой, в Калугу.

Она знала, что в станице учительствует дама, Анна Григорьевна, на зиму приезжает из Оренбурга, а сейчас проводит каникулярное время дома. Надо найти эту даму и договориться, чтобы та уступила Гале свою работу. Галя оплатит ей жалованье за весь год сразу отцовским чеком.

«Брошу Калугу. Зачем мне гимназия, зачем карьера? Здесь спокойней, и воздух чистый, сельский... — по-детски рассуждала Галя. — Но как найти Анну Григорьевну?»

Галя спросила хозяйку, та ответила: «Знаю я, што у нас учительша Анна Григорьевна, а где она живёт, глаза лопни, не слыхала».

Галя пошла к атаману.

Любезно приняв Галю, атаман, которого она назвала не господином атаманом, а по имени и отчеству, Василием Анисимовичем, сказал ей:

— Я не знаю, но мне кажется, барыня или барышня, что наша учительница Анна Григорьевна Голощапова живёт в Форштадте. Точно её адреса я не знаю, и едва ли он где значится. Её адрес можно получить только у тех людей, с которыми она здесь знакома. Можно узнать у Веренцовых, она к ним ходила.

Краска бросилась Гале в лицо. Ей показалось, что на последних словах атаман улыбнулся, хотя он не имел в виду другого смысла.

Галя поблагодарила, быстро повернулась и вышла.

«Как видно, изрядно вымуштрованный, из недавних военных, и, кажется, не рядовой казак, — подумала Галя. — Что значит любовь — она всё окружающее заставляет любить. Вот даже атаман их мне нравится, а я даже простых казаков боялась». Галя долго думала об этом миловидном, с чёрными глазами атамане.

Она дала телеграмму домой: «Чувствую маленькое нездоровье, задержусь несколько дней после срока. То же скажите гимназии. Целую. Галя». Но вместо нескольких дней шла к концу вторая неделя.

Как масленый блин, зажаренный и затомлённый на жирной, горячей сковороде, чувствовал себя около Гали Мишка...

Добилась-таки Галя адреса Анны Григорьевны. От Мишки она ничего не могла узнать. На её вопрос он ответил:

— А шут её знает, где она живёт. Зимой она всё к нам ходила, журналы да газеты носила, а мы читали. А зачем ты спрашиваешь? Зачем она тебе нужна?

Галя не ответила и снова спросила:

— А молодая она, интересная или нет?

— Она славная, хорошая, мы все её любили, — растягивая слова, ответил Мишка.

Галя тяжело дышала, напряжённо слушала.

— Ей лет... лет... сорок, высокая-высокая, вот здесь и то ей, пожалуй, надо сгибаться, — показал Мишка на небо...

Галя облегчённо вздохнула и поцеловала возлюбленного.

С адресом на руках Галя собралась завтра выехать в Оренбург для договорённости с Голощаповой, а сейчас пошла погулять по берегу Урала, где часто проезжали Веренцовы с молотьбы. Они возили хлеб в амбары. Мишка подладился приезжать верхом каждый вечер. Если приезжал днём на подводах с хлебом, а Галя ходила по берегу, он бросал на дорогу записку. Галя брала, в записке были время и место их встречи вечером.

И с Гнедым Галя завела знакомство. Он не возражал, когда Мишка подсаживал Галю верхом, а сам водил коня в поводу. Спокойно и весело было на душе у обоих.

Она надеялась договориться с Голощаповой — сидеть дома, получить сразу за целый год жалованье, кто не согласится? Да ещё Галя ей что-нибудь подбросит, не оставит в обиде.

Галя будет учительствовать здесь, в станице. Наплевать ей на калужскую гимназию. Если она будет здесь, около неё будет и Мишка, а стало быть, и нескончаемое счастье.

С милым радость
нестерпима,
С милым тёплая земля,
Даже карканье вороны —
Лучше трели соловья...

Разгуливая по крутому берегу Урала, Галя увидела извозчика, он ехал по городской дороге, пылил своей пролёткой, где сидел какой-то господин в шляпе. Пролётка проехала далеко от Гали и скрылась. Галя не придала этому значения, мало ли здесь ездят разных дачников и начальников из Оренбурга.

Она ходила, думала о Мишке, а сердце о чём-то пугливо ныло. Она увидела торопящуюся к ней хозяйку. Галя не знала причины, но сердце уколол кто-то... Хозяйка махала рукой, подзывала к себе:

— Барыня, тебя там какой-то барин спрашивает.

Гале казалось, что у неё оторвалось сердце, волнение, смешанное с непонятным испугом, перехватило дух. Она еле шла за хозяйкой. С тоской и болью в сердце взглянула на дом Веренцовых. Как будто вели её на казнь, и она в последний раз смотрела на вольный свет, который сейчас казался стократ милей и прекрасней.

«Ну кто же это? — спрашивала себя Галя. — Муж? Но он убит ещё в четырнадцатом. Кто-нибудь из знакомых? Не может быть, никому я не писала... Папа? Нет, он работает. Уф!»

— А молодой он, хозяюшка, или старый? — дрожащим голосом спросила она.

— Да молодой вроде. Да я и не посмотрела, как следует, — ответила та.

Оставался один квартал до квартиры. Вот сейчас будут видны хозяйские ворота, около которых — извозчик и нежданный гость.

Когда прерываются какие-либо сильные стремления или страсти, то ставшая этому причиной встреча с самым близким становится безрадостной. Состояние было такое, что лучше бы не ходить туда, а вернуться и уйти куда-нибудь далеко-далеко, в поле, там есть надежда увидеть Мишу, а здесь?.. Как будто шла она на суд, к тяжкой каре. Ноги заплетались. Наконец вошли в улицу, откуда стал виден извозчик около хозяйского дома; но где же барин?

Вдруг сзади кто-то закричал: «Галечка, Галечка, милая!»

С выступившими на лице бисеринками пота Галя оглянулась — к ней подбегал вышедший из-за угла отец. Она необъяснимо боялась приезда мужа и только тут облегчённо вздохнула и бросилась на шею отцу.

— Галечка, как я рад, что ты здорова. А ведь ты нас с мамочкой совсем перепугала. Мамочка почти не спала, всё просила меня скорее поехать за тобой. А ты как хорошо пополнела, так хорошо выглядишь, — целуя дочь, радовался Борис Васильевич.

Галя смутилась, покраснела, простодушные слова отца показались ей двусмысленными.

— С тех пор как хозяйка пошла за тобой, мне показалось, много прошло времени, и я пошёл навстречу, тем более был рад, что пошла гулять, из чего можно было заключить, что ты здорова, — радовался отец.

Подошли к воротам. Галя попросила отца обождать, пока она осмотрит квартиру, — в полном ли она порядке для встречи отца. Она боялась возможных следов мужского пребывания.

Борис Васильевич охотно согласился, предложил извозчику попросить разрешения хозяев заехать во двор, передохнуть, закусить.

Галя всё больше радовалась приезду отца. Она была уверена, что Мишка отцу понравится.

В квартире отец ещё раз поздоровался с дочерью. За обедом Галя угостила отца ликёром, на что он шутливо обратил внимание: «Кому приготовила? Уж не сама ли стала пить?» Галя отшучивалась, краснея.

После рюмки ликёра голова у Гали пошла кругом, о чём-то тосковало сердце. Она решила разом сбросить тоску, рассказать отцу всё. «Сегодня или завтра, а говорить нужно», — думала она и тут же, как бы шутя, сказала:

— Папочка! Я уж совсем не хочу отсюда уезжать домой.

— Надеюсь, это и была причина болезни, — заметил отец. —

Боже мой, уж не влюбилась ли ты здесь?

— Да, папа, — лаконично, всё с той же шутливой интонацией ответила она.

Борис Васильевич замкнулся, задумался. Галя просила извинения. Разговор не вязался до самого вечера.

Борис Васильевич чувствовал себя как бы обиженным, но не хотел пытать дочь. Чтобы рассеять неприятное впечатление, заменить его приятным, даже радостным, как рассчитывала Галя, она решила как можно скорее показать отцу Михаила. Она помнила о расположении отца к казакам.

С наступлением сумерек Галя сказала отцу, что должна сходить в одно место. И пошла за станицу, где в последнее время по вечерам ожидала Веренцова, а он подъезжал верхом, спрыгивал с коня, и уходили они далеко в степь.

Сегодня Галя хотела, чтобы Мишка пошёл с ней к отцу. Она радовалась предстоящему исходу смотрин.

3

Было ещё совсем светло, когда Мишка гнал с поля коней по случаю субботнего дня. Мишка заметил, как в ворота Галиной квартиры вошёл какой-то барин. Как горячим банным паром хватило Мишку с ног до головы: «Или муж, или хахаль из здешних господишек. Сейчас бежать туда нельзя, приходится ждать сумерек».

Бессильно злясь, он нажал на коней, как будто они виноваты, что к Гале пошёл хахаль и поймать его там нельзя. Кони столпились у ворот, лезли, давили друг друга и, проскочив во двор, пробежали далеко в сарай и робко смотрели оттуда.

Ужинать Мишка не хотел, ждал сумерек, чтобы пойти и прихватить у Гали соперника, пока тот не ушёл.

Смеркалось. Мишка зашёл с заднего двора. Во дворе вглядывался в каждый угол — не стоит ли там с кем Галя? Подошёл к крыльцу — дверь в сени открыта. Сбросил башмаки около крыльца, прошёл в чулках по сеням до комнатной двери, она открыта. Около раскрытого окна, спиной к нему, сидел мужчина, света в комнате не было. Мишка попятился в сени, вышел на крыльцо.

«Значит, она рядом с ним сидит, только против окна видно его, а она — против простенка. Муж или хахаль?» — подумал весь вспотевший Мишка. В висках стучало, от злобы и ненависти он дрожал, как в лихорадке. Снова зашёл в комнату. Ему казалось, что он отчётливо видит Галю: она сидела рядом с мужчиной против простенка и держала его руку на своих коленях.

Только сейчас Мишка сердцем почувствовал жгучую ревность, которую раньше не замечал за собой. Только сейчас он горячо почувствовал безмерную любовь

к Гале. Нет, он не мог отдать её в руки другого, в руки соперника. От бешеной ревности в горячей Мишкиной голове появилось: убить его!

За окном закричала Галя: «Папочка! Вы, наверное, ругаете меня?

Как будто проснулся Мишка ото сна или очнулся от припадка. Фигура Гали, сидевшей у простенка, вмиг исчезла. Мишка ясно представил обман мыслей и мишуру иллюзий. Попятившись назад, он вышел в сени без звука.

Появившаяся с улицы в воротах Галя, увидела его, тихонько подбежала, обняла, поцеловала.

Мишка молчал, говорить он не мог.

— Что с тобой? Милый... Ты весь дрожишь... — спросила, всматриваясь в него, она.

— Это кто там сидит? Не хахаль ли? — еле выдавил казак.

— Да это же папочка! В гости ко мне приехал, — неудержимо целовала она Мишку. — Ну успокойся, мой родной, — радовалась Галя, что у возлюбленного колыхнулась ревность. — Да ты почему же в чулках? Ну успокойся, мой желанный, я понимаю тебя, — упрашивала Галя, не замечая брошенных у крыльца башмаков.

Мишка молчал, тяжело дышал. Состояние было такое, когда человека прерывают, не давая закончить необходимое дело.

— Ну успокойся, — повторяла Галя, — вот тебе задание: сходи домой, обуйся и приоденься, немного успокойся и сейчас же, сейчас же приходи, а я этим временем приготовлю кое-что. Иди! Только скорее вернись, не заставляй меня плакать, ожидая тебя, — провожала до ворот Мишку Галя.

Мишка в каком-то полузабытьи почти не слышал её слов, не понимал их.

Проводив Мишку, Галя убежала в дом. За воротами Мишка увидел себя в одних чулках, вернулся к крыльцу, надел башмаки, побрёл, как пьяный, домой. Болела голова. О чём он думал в этот момент, он не знал, не мог припомнить и после.

Дома машинально надел сапоги, брюки, фуражку и наборный ремень. Он всё же сознавал, что идёт на смотрины. У зеркала расчесал всклокоченные волосы, поправил набок фуражку.

4

Вернувшаяся Галя быстро зажгла в комнате свет, поцеловала отца, собрала на стол.

Борис Васильевич понял, что должен прийти кто-то из Галиных подруг. Те слова, сказанные при встрече, не выходили из головы. Он терялся в догадках. Галя, калужская красавица, приехала в деревню и вдруг втюрилась, как «оглобля в кузов». «Не может быть, — думал отец, — вот сейчас придёт кто-нибудь, и я постараюсь расспросить».

Галя налила отцу чайный стакан ликёра. Борис Васильевич отказывался, но дочь упросила. Вслед за первым налила второй,

а если, мол, скучно одному пить, то я позову хозяина или их взрослого сына, который только что приехал с поля.

Борис Васильевич согласился. Галя выскочила за дверь, чтобы подтвердить слова о хозяйском сыне. Минуты тянулись, Мишка задерживался.

Борис Васильевич спрашивал: скоро ли?

Наконец Галя услышала, как ворота тихо открылись. Она вышла во двор.

— Миша, ты не стесняйся папочки, он очень хороший. Мы пока не будем говорить ему о нас. Я тебя пока рекомендовала хозяйским сыном.

Мишка в волнении не понял сказанного Галей: «Какой хозяйский сын? Что она говорит? Пока не будем говорить о нас... Ему и никогда-то не нужно говорить».

— Я сейчас войду, а ты — через минуту, — добавила, целуя Мишку Галя. — Только не забудь, милый, мы не должны до времени выдавать себя.

Мишка махнул рукой вслед вошедшей в дверь Гале. Минуту обождал.

Борис Васильевич услышал шаги в сенях, взглянул на приоткрытую дверь. Смелым рывком, без предупреждения кто-то широко открыл её.

Разница между вошедшим и теми, кого Борис Васильевич когда-то встречал в Вышнем Волочке, была лишь в отсутствии у этого голубых лампасов на брюках да в его молодости. Бросалась в глаза фуражка с ладным лакированным козырьком, плотно прилёгшим ко лбу. Фуражка с голубым околышем придавала Мишкиному лицу особую прелесть. Левый висок прятался под чубом, покосившим фуражку на правый бок.

Мишка сказал одно слово: «Здравствуйте» и, смотря исподлобья, встал у порога чуть ли не боком к Борису Васильевичу.

Галя замерла, счастливая, улыбающаяся.

Борис Васильевич пошёл навстречу. Мишка пожал его протянутую руку и снял фуражку.

Борис Васильевич, не выпуская гостя, повёл его к столу, приобняв за плечо.

Неравнодушие Гали было очевидно, она бегала вокруг отца и Мишки. Хотелось сесть рядом с женихом, как она его сейчас воображала, обнять его, поцеловать... Села подальше от обоих. Сейчас же Мишке налила ликёра. Мишка выпил, не ожидая Галю, и подмигнул ей. Он скользил взглядом по отцу своей любимой. Борис Васильевич был дородный, элегантно одетый красавец. Мишке он очень понравился.

Угощая его, Борис Васильевич спросил:

— Вы только сейчас приехали с поля?

— Нет, я с поля давно, — сказал, закусывая, Мишка и подумал: «Хватился, — только приехал, — я все дела уж переделал и тебя чуть к праотцам не отправил, ладно ещё, Галя...»

— А мы вас ждали-ждали. Галечка сказала, что вот-вот приедете, а вас всё нет и нет. Отец ваш тоже дома? — спросил Борис Васильевич.

— Нет, отец приедет утром, остался ток караулить.

Галя подавала ему какие-то знаки, но Мишка думал: «Э-э-э, не моргай, это она просит, чтобы я пил больше. Вот ещё тоже баба, всегда ей хочется, чтобы я больше пил, как будто я не знаю, сколько нужно пить».

Борис Васильевич спрашивал Мишку о военной службе, скоро ли он будет мобилизован, о хозяйстве.

Мишка рассказывал об отце и братьях, о казачестве и его традициях. Здесь же проговорился о том, что в течение предстоящей зимы должен закончить подготовку на курс вольноопределяющегося по общеобразовательному цензу, с этим старший брат его припирает к стенке.

После этих слов Галя хотела подойти к нему, расцеловать и тут же объясниться отцу, не скрывая даже своих матримониальных перспектив, уж очень весело и отрадно было на душе от выпитого, но Галя побоялась Мишки. «А вдруг он встанет, — подумала она, — скажет: «Да с чего ты это взяла? Так твою перетак...» Ведь от этого медведя всего можно ожидать. Как только он уйдёт, всё расскажу папе».

— Да, при вашей комплекции, наружности и воспитании я вижу вас через некоторое время не заурядным кавалеристом, прекрасно владеющим только шашкой и пикой. Желательно увидеть вас настоящим, служившим службу казаком. Когда будете возвращаться с фронта, куда вы, пожалуй, через годок попадёте, то я и Галя просим заехать к нам в Калугу, — рассмеявшись на последних словах, сказал Борис Васильевич.

— Постараюсь, если дыр мало в голове будет, — весело сказал Мишка, — но при условии, если Галина Борисовна до того времени не выйдет замуж.

Борис Васильевич подозрительно посмотрел на дочь и рассмеялся.

— Нет, нет, — сказал он, — не выйдет.

Огнём жёг этот разговор захмелевшую Галю. А последние слова окончательно выбили её из колеи, она подошла к отцу, поцеловала его и заплакала.

Мишка покраснел, как будто попался с поличным. Борису Васильевичу всё стало понятно, но он старался не подать виду и не стал спрашивать её о причине слёз, боялся, что дочь скажет такое, что ему станет стыдно перед этим молодым человеком. Он сказал ласково и тихо:

— Дочка, иди ляг, отдохни, а мы ещё немного посидим.

Галя уходить не хотела.

«Надо скорее сматываться, — подумал Мишка, — а то ещё ляпнет что-нибудь, тогда — не знай, передом выходить, не знай задом.

Вот ведь какая, немного выпьет – и повело».

Мишка стал вставать, Галя не пускала. Мишка стал прощаться с отцом Гали, она не позволяла прощаться. Наконец Борис Васильевич попросил отпустить Михаила Степановича, так как хочет поговорить с ней. Он простился с Мишкой, крепко и долго жал ему руку.

Борису Васильевичу не хотелось расставаться с Мишкой, этот казак захватил, приковал к себе, но нужно было разрядить атмосферу, помешать неуместным откровениям дочери. Он хотел объясниться с ней по горячим следам. Мишку он просил прийти на следующий день, напомнив, что завтра праздник.

Галя хотела проводить Мишку, но простилась у сенной двери и быстро вернулась.

Мишка вышел к воротам, постоял и пошёл искать Паньку, думая: «Вот ведь какая, шут её взял, меня просила не говорить, а сама расписала почти всё».

В квартале он встретил Надёжку с подругой и ушёл с ними на вечёрку.

Вернувшись из сеней, Галя попыталась лечь, но отец позвал её. Галя села к столу.

– Дочка, объясни, не скрывай ничего, – сказал он, ласково, несколько сбоку взглянув ей в глаза и погладив руку.

Разгорячённая Галя без смущения стала рассказывать всё, что знала о родственниках и самом Мишке. С особым нажимом остановилась на старшем брате, уверяла отца, что если бы он увидел старшего сына Веренцовых, то невольно пошёл бы за ним, ища дружбы, а Михаил, по её мнению, превзойдёт брата, за это она ручалась. В конце концов Галя сказала, что если бы даже и раньше пытались ей доказать несостоятельность партии с Веренцовым, всё равно это было бы уже поздно.

Теперь одна её цель и просьба к отцу, чтобы он помог ей увезти Веренцова с собой в Калугу или позволил бы остаться здесь, другого выхода уже нет. Кроме того, Галя подчеркнула, что не сомневается в том, что отец никак бы не возражал против её решения, если бы знал более подробно Михаила и его семью.

Отец молчал. Галя думала: «Ах, какое это скучное занятие – объяснение ясного! Ну зачем я не пошла проводить Мишу? Он теперь дома так скучает. Я готова ходить с ним всю ночь. Если бы он позволил бывать на их вечёрках или посиделках».

Борис Васильевич внимательно выслушал дочь. Веренцов ему нравился. Но как изменить слову, давно уже данному двум-трём калужским женихам, которые просят подействовать на дочь. К тому же все как на подбор: и знатные, и богатые, и молодые. «У этого когда-то будет положение, а у тех уже есть. Правда, дети... любо будет посмотреть,

но ведь они люди-то какие — не удержишь его в Калуге: сбежит и дочь увезёт, а мы опять останемся одни. Он в своём-то Оренбурге и то не будет жить, так и будет тянуть в свою станицу. Ему хоть генерала пожалуй, всё равно предпочтёт плуг в руках да скакать по полям, чем гулять с дамой по городу. Город-то для них, чтобы лишь попьянствовать, нахулиганить и попасть в полицейский участок или ускакать домой без шапки и без колёс. Ах, Боже мой, как бы отговорить её хотя на время».

— Так вот, дочка, — начал он, — я полностью разделяю твоё решение, не возражаю против твоего выбора, но вот дело в чём, ты подумай: время сейчас военное, Михаил Степанович может быть взят на фронт во всякую минуту. И если будешь здесь, то рискуешь оказаться в такой скуке, что с ума сойдёшь, а к нам выехать и родители Веренцова не позволят, и ты не захочешь их обидеть. Я могу согласиться на твою жизнь здесь лишь в том случае, если ты сейчас же, при мне, войдёшь в дом Веренцовых. И второй вариант: если даже и согласится он сейчас поехать к нам в Калугу, то он раньше, чем доедет до Самары, уже начнёт оглядываться назад, а туда, в Калугу, приедет и заскучает с первого же дня. Обожди-обожди, дай договорить, — остановил он рукой Галю, начавшую было возражать. — Ты его, дочка, ничем не забавишь. Ты думаешь его какой-нибудь оперой заинтересовать? У-у-у... Ему конь нужен для поля. Они согласны обливаться потом и дышать знойной пылью на сенокосе, пашне, молотьбе, чем сидеть, ничего не делая, в городе. Если почему-либо приходится задержаться в городе больше чем на сутки, то они там начинают пьянствовать, хулиганить или скучать до слёз. Такие они люди, дочка. Они совсем другого устройства. Ну а самое главное — то, что у нас его захватит мобилизация, тогда поминай как звали. Ведь он в кавалерийскую-то часть ни за что не пойдёт, если она не казачья, а уж если в пехоту, то он тут же застрелится, но не пойдёт... или нас всех перестреляет... Да ты не смейся, Галя, честное слово, были уже такие случаи. Я их ведь хорошо знаю. Они насколько забавные, настолько и опасные. Один выход, самый верный: договориться, что он приедет к нам прямо с военной службы, если будет скоро взят, а если война скоро кончится, а он взят не будет, кроме как на действительную службу, как у них говорят, а их берут в двадцать один год, то я весной сам поеду за ним и привезу, если на это будет его согласие. После нашего отъезда он скорее даст согласие поехать к нам, так как заскучает, если верить твоим доводам. Как ты на это смотришь? — говори теперь.

Галя думала. Слёзы ей застилали глаза, а в воображении

сменялись картины, нарисованные отцом. Мысли путались. Самым страшным было представить горькую скуку в стенах своего дома в Калуге, когда Миша где-то далеко, гуляет с девушками, отвыкает от неё, и она по своей же вине, по своей нерешительности теряет его навсегда.

«Самое надёжное — это увезти его с собой, но как это сделать? Ведь нет ещё его согласия, ещё нет ничего определённого, как говорить с отцом?» — маялась она.

— Папа, — сказала она, — я знаю, вы только помочь мне хотите, сделайте так, чтобы я с ним не расставалась, я просто не могу, иначе не могу. — Галя поцеловала отца в лоб, прежде чем уйти к себе.

Полагаясь во всём на отца, Галя и не заметила, что внутренне сдалась. Первую позицию оставляешь шагом, с последующих бежишь бегом. Если бы Галя могла слышать, каким погребальным звоном для её планов прозвучали её последние слова. Отец знал теперь, что увезёт дочь домой, без сомнения.

5

Гале не спалось. От всего недавнего было невыносимо тяжело, она не могла собраться, чтобы обдумать всё по порядку. Теперь она думала о том, что Мишенька один, скучает дома и вряд ли заснёт до утра.

Она едва уснула к свету и как будто тут же проснулась. Было уже утро. Звонили к обедне. Хозяйка объявила, что завтрак будет готов через полчаса. Галя решила пока сходить на берег Урала, может быть, увидит Мишу, может, сумеет бросить ему записку, в которой писала: «Ещё лучше, если днём, а вечером-то обязательно приходи, как можно раньше. Беспокоюсь о твоём здоровье после выпитого вечером, и не покидают меня мысли о том, что ты скучал всю ночь. Целую. Г.»

Мишка и Панька высоко сидели на куче брёвен у веренцовского двора, наперегонки позёвывали и тёрли глаза. Они вместе не спали до утра.

Панька первый увидел Галю, когда она во второй раз проходила по яру, вскользь поглядывая в их сторону.

— Чья это госточка ходит? Столько время не уезжает, почти все господа уехали, а её чёрт клещщами прижал... У ково она квартирует, ты не знаешь, Мишка? — спросил Панька. — Это никак та самая, которая тогда у двора сидела, помнишь?

Мишка на мгновение взглянул и с напускным равнодушием ответил, искусственно позёвывая:

— А откуда я знаю, у кого квартирует, а у двора-то сидела, говоришь, то где помнить, все они сидят у двора.

Галя была замечена Панькой, Мишка уже не мог подойти к яру, оставив друга. Галя поняла это и, пройдя два раза, ушла

домой. Записка осталась непереданной.

На крыльце она застала отца, ожидающего её к завтраку. Смотря на жизнь трезво и просто, он решил уговорить Галю уехать через два-три дня. Весь сегодняшний был болезненно натянут. Отец искал более убедительные аргументы для скорейшего отъезда, а Галя весь день ждала и ждала Мишку, но он не шёл.

Борис Васильевич знал, что если Михаилу предложить поехать с ними вместе, он откажется сразу же, поэтому можно заводить этот разговор без боязни. При отказе поездку Веренцова в Калугу отложить на более дальний срок, а там Галя забудет, окружённая подругами и весельем. На этом и кончится всё.

Пришёл Мишка. Встретив его радушно, Борис Васильевич мало-помалу заговорил о своём и Галином отъезде, прозрачно намекнул, что хотел бы видеть Михаила Степановича у себя в Калуге, сейчас же, на положении зятя.

Мишка хотя и учтиво, но наотрез отказался: у него уже всё готово для военной службы, конь откормлен и обучен, даже на бегу ложиться умеет, седло со всем с прибором с иголочки, шашка новая, блестит, как зеркало, они уже со своим другом Павлом выезжают чуть не каждое воскресенье в поле рубить татарник, изображающий лозу, там же они учатся джигитовке. Не успев закончить, Мишка увидел Галю бледной, как воск. Он взял Бориса Васильевича за руку и стал упрашивать не увозить Галю домой:

— Через неделю, по моим расчётам, я получу ответ от старшего брата, в котором он должен просить отца и мать взять Галю снохой в дом. Я об этом просил брата, он для меня это сделает. Родители во всём его слушают, даже как-то его побаиваются. Я ему всё описал о себе и о Гале, ответ от него будет обязательно хороший.

Галя повеселела, но Борис Васильевич знал, как вести дело. Он стал упрашивать Михаила не возражать против отъезда Гали, даже дал слово, что когда согласие родителей будет получено, то Михаил приедет в Калугу, где Мазорцевы ликвидируют своё предприятие, продадут два своих дома и переедут всей семьёй в Оренбург. План его понравился юной паре. Ни Мишка, ни Галя не смотрели далеко.

Борис Васильевич торжествовал.

Отъезжать решено было через два дня. В Оренбурге нужно было сфотографироваться по одному и вместе.

Недосыпала, пылила, жарилась на солнце страда. Степан Андреевич, не зная Мишкиной нужды быть в Оренбурге, послал его на дальнее поле обмолачивать хлеб нанятому человеку.

Мишка еле успел прискакать на коне в станицу в день отъезда Мазорцевых.

От слёз Галя не могла говорить, она выплакала всё и потому уже рыдала, судорожно вздрагивала всем телом до самого момента отъезда.

На прощанье она могла лишь сказать, глядя в покрасневшие глаза Мишки:

— Буду ждать тебя... до смерти. Или искать...

— Галя... — вдруг прозревая, тихо сказал Мишка, — если и женят меня, ты одна у меня жена. Никого у меня больше не будет.

Оба говорили правду. Мишка надеялся на письмо брата, которое, по его мнению, должно было решить его судьбу. Но не знал Мишка пути своего письма, которое передал «надёжному» человеку, другу, чтобы тот опустил его в почтовый ящик в Оренбурге. Друг письма не опустил, а прочитал и спрятал, чтобы в нужный момент показать Надёжке, на которую заглядывался и мечтал на ней жениться. Не знал и друг Васька, что роет могилу своим мечтам, что письмо, дошедшее до адресата, могло бы устранить самого опасного противника на Васькином пути к Надёжке. Мишка бы освободил путь, уходя к Гале.

(Продолжение следует)

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Набат — тревога; бой в доску, звон в колокола для сбора народа по случаю пожара или иной общей опасности.
2. Былка — травинка, былинка, стебелёк.
3. Чеблык — длинная палка, шест.
4. Город Багдад до 1917 года — в составе Османской империи.
5. Киргизы — до 1917 года. От киргиз-кайсаков Младшего жуза или Малой орды на территории нынешнего Казахстана.
6. Илецкая Защита — ныне город Соль-Илецк.
7. Оселедец — чуб, коса или косма на темени головы.
8. Сажень — 2,13 метра.
9. Бекеша — сюртучок на меху.
10. Тычки — заострённые металлические штыри.
11. Юшка — мясной или рыбный навар, в переносном значении — кровь.
12. Склень, всклень — говорят о жидкости в посуде: полно, вровень с краями.
13. Жнейка — машина на конной тяге для уборки зерновых.
14. Вольноопределяющийся — в русской армии XIX — начала XX века добровольно поступивший на военную службу после получения высшего или среднего образования и несущий службу на льготных условиях.
15. Альбо — разделительный союз — или, или же.

Елена СУРИНА

ПРЕДТЕЧА

Елена Евгеньевна Сурина (Анирусс) родилась в Орске. Окончила механико-математический факультет Московского государственного университета, вернулась в Орск и с тех пор преподаёт в Орском гуманитарно-технологическом институте – филиале Оренбургского госуниверситета, училась заочно в Литературном институте имени А.М. Горького (семинар В.И. Фирсова). Печаталась в альманахах «Гостиный Двор», «Орь», сборниках «Отражение», «Башня», «Поют любовь вам ангелы-поэты», «Времена года».

БУБНЫ ЗА ГОРАМИ

Да раскатится бубен зелёный
В ноги к нам предрассветной
стезёй!
Колдуны, над землёй
воскрешённой
Покамлайте весенней грозой!
Вознесите Всевидящим данный
Голос, криком порадовав рот, —
Пусть, врачуя проталины-раны,
Юность свежей травою взойдёт!

Эй, кудесники, чествуйте лето, —
В небе солнца расчищен исток!
Жёлтый бубен звучит над
планетой
Словно долгий шмелиный
гудок.
Колос зреет, и множатся птицы,
И прогрета речонка до дна…
Спи, сыночек, пока тебе
спится, —
Сладко бродит в душе тишина.

Бейте в красные бубны, шаманы!
Рыжих лис нацепите хвосты!
Ярко льётся сквозь дождь и
туманы

Ниспадающий шелест листвы!
Поддержите алеющий пламень, —
В нём былому легко умереть;
Всё равно слишком быстро
над нами
Застывает небесная твердь.

А теперь... собирайтесь, провидцы,
В дом зимы и копите жирок, —
Колотушкой по округу биться
Вместо вас подряжён ветерок.
Он потом докружит до метели,
А метель — разрастётся в
буран…
Всё, что за год стучали и пели —
Просто снег. Льдистый отблеск.
Обман.

ПОДЛУННОЕ

В маленькой спальне в одной из
квартир
Девочка хочет забыть этот мир,
Мир был жесток. Жизнь была
тяжела.
В маленькой спальне четыре угла.

В маленькой спальне она у
окна, —
А за окном — тишина и луна.
Больше не вспомнить ни звёзд,
ни планет...
Только луны утешающий свет.

Он как мелодия, как эликсир,
Он помогает забыть этот мир,
Жизнь, что сегодня опять тяжела,
Маленькой спальни четыре угла.

Девочка спит. У ладони её
Лучик луны задержал остриё,
И ускользает на крашеный пол,
Так и не сделав целебный укол.

МОЛИТВА К ОФЕЛИИ

Сохрани меня от безумия,
Если я не смогла сама;
Светлой щедростью полнолуния
Нищебродке дана сума, —

Не для счастья дана, для скудости,
Чтоб копила полушки-дни...
Не прошу о безликой мудрости, —
От безумия сохрани.

Ну а если же не останется
Малой милости для меня,
Подари полоумной страннице
Горстку лунного ячменя.

Чтоб не жала бы я, не сеяла,
А с молитвою на устах
Накормила ворону белую
И других небывалых птах.

СОЛДАТИКИ

Поиграем в войну словно в
детстве — без крови —
Из коробки одной и соратник
и враг,
Командиры лихие — с мизинцами
вровень,
Все солдаты встают после
шквальных атак.

У солдатиков нет матерей
оловянных,
Женщин в тёмных платках не
положено тут,
И крестов — не наград, а
простых, деревянных,
Отчего-то в наборы с игрой
не кладут.

Впрочем, их для солдат
раздобыть не проблема,
Если хочешь, две спички крест-
накрест свяжи...
Всё как будто взаправду, но
лишь — без измены, —
Без холодного зверства, без
смерти и лжи…

Так давай же играть! Выводи
батальоны
Ряд за рядом — соседнему миру
назло,
Где повестки несут по домам
почтальоны,
И откуда безжалостно детство
ушло.

ПРЕДТЕЧА

Нам, последнему воинству
Судного дня,
Не прописан в контракте среди
многоточий
Пункт о Божьем запрете начала
огня, —
Если можешь стрелять, то
стреляй сколько хочешь.

И в сердцах под ременной
чертой портупей
Обезврежены и милосердье,
и жалость...
Крика ворона перья на крыльях
черней,
Было белым крыло в день,
когда выдавалось.

Нам привычнее взрывы, чем
звуки осанн,
Нам обещан паёк по свершении
дела,
И похожи на наши врагов голоса,
И знакомы глаза в перекрестье
прицела.

Есть одно только правило в
нашей войне, —
Делать выстрел в упор, если
спросят ответа
На вопрос «Вы, ребята, на чьей
стороне?»
Так как стороны тьмы нынче —
стороны света.

* * *

Лист Мёбиуса вывернут наружу,
Сменилось направленье кривизны,
И над любовью проползает ужас,
И зимы скачут впереди весны.

О, те, кто это делал, точно знали,
Как болью править мировой
формат, —
Свести концами завитки спирали
И руки резко заломить назад.

Победное насилие тотально,
А бытие — экран былых кино;
От гибнущей галактики до
спальни
Сознанием оно искажено.

А впрочем, нам с тобой не всё
равно ли,
Куда, зачем ведут дела и дни?
Ведут они туда, куда позволят,
Ведь я и ты — простые муравьи...

* * *

Объясни мне слово «быль»,
объясни мне слово «небыль»...
Отобрал седой ковыль землю у
травы и хлеба, —

Отливая синевой, он сияет в
лунном свете,
А над ним — голодный вой, это
волк луну заметил...
Что ж, до полночи — шажок,
лунный свет сойдётся клином,
С неба спустится божок в
ипостаси лошадиной
И до утренней росы будет мчать
в крови и мыле —
Уцелевший чудом сын
Диомедовой кобылы.
А за ним — помчится волк, степь
ковыльную тревожа...
Кто тут жертва, кто тут бог,
кто тут был?..
И небыль — кто же?

ТРИ РАДОСТИ

(на картину Н. Рериха)

После дня трудового
крестьянский народ
Вышел слушать-послушать, как
дивно поёт
Тем, кто млад, тем, кто в силе, и
тем, кто уж стар
О трёх радостях песню
хожалый гусляр.

А и первая радость — да мир
над землёй,
Слез с коня боевого Егорий
святой,
Не тревожит его ни война и ни
бунт,
Он ведёт безоружно в ночное
табун.

А вторая-то радость — у
взрослых и чад
Ни несчастий, ни хворей, —
и бродит меж стад
Николай Чудотворец, — от зла
и обид
Лишь телят да коровок под
солнцем хранит.

Ну а третья-то радость...
та радостней всех, —
Люди напрочь забыли про злобу
да грех,
И, оставив судейское место своё,
Сам Илья Громовержец ушёл
на жнивьё.

Ой, гуслярская песня, —
и в смех, и всерьёз...
Аж в очах облака засияли от слёз,
И на облаке гладит почти наяву
Богородица взрослому Сыну
главу...

ПРОЩАЛЬНОЕ

Уведи моего коня,
Напои из чужой реки,
Пусть пойдёт он, уздой звеня,
Смяв копытами васильки, —

Не оглянется, не всхрапнёт,
Не вздохнёт по моей руке,
Вкус почувствует новых вод,
Что синеют невдалеке.

Даже пешему по плечу
К ним губами в жару прильнуть...
Я же облаком полечу
В невозвратный последний путь,

Но увидеть ещё смогу,
На мгновенье сдержав полёт,
Как, послушный теперь врагу,
Конь мой вдоволь из речки пьёт.

Владимир ПЕТРОВ

ВЕЧЕРИНКА

Рассказ

Владимир Иванович Петров родился в 1947 г. в с. Староякшикине Грачёвского района Оренбургской области. Окончил Московский институт железнодорожного транспорта.
Служил в армии. Работал на различных инженерных и руководящих должностях в системе МПС. Поэт, прозаик, член Союза писателей России, лауреат областной Аксаковской премии, премии альманаха «Гостиный Двор» им. Валериана Правдухина, региональной литературной премии им. П.И. Рычкова (2017).

Пётр Кондратьев с явной неохотой собирался на вечеринку к Гриньковым, что никак не вязалось с его устоявшейся славой компанейского мужика, после рюмки-другой могущего спеть и сплясать, вальсом и сладкими речами головы хорошеньким женщинам вскружить, порою до ревнивого чувствительного щипка Аленькой, как называл он свою жену Алёну.

С недавних пор к уединению потянуло его. Стишки и рассказики складывались в нём, выхода всё настойчивее искали. Начал он пописывать, время своё ценить. Жалко стало ему весело растрачиваться. На прожитое оглянулся. Как-никак годы подкатывали к зрелости, и, чувствовал он, было ему что людям сказать. Потому-то раз за разом пропускал он выпивоны и гулянки всякие, даже вот приглашению друга детства не обрадовался, как бывало. Интересные

мысли ему ночью явились, скорее бы на бумагу их выложить.

Зазвонил телефон. Трубку взяла жена.

— Гляди-ка, и Маша приехала, — сказала она после разговора. — В кои-то веки надумала...

Сообщение жены изменило настроение Петра.

Просто всё объяснялось. Мария была первой его любовью, подростковой пусть, но до сих пор незабываемой. Давненько не пересекались их пути. Лет двенадцать назад в последний раз виделись они в родной деревне и то мельком. Мария сошла с автобуса, на котором Кондратьевы отъезжали в город. Успели только перемолвиться.

— Останемся на денёк, — предложил тогда Пётр жене. — С Машенькой поболтаем...

— Хорошо бы! — поддержала его Мария.

— Жаль, не можем, — обняла свою подругу-однокашницу Алёна, почти силком затолкала мужа в автобус, больно ущипнула. — Пообщаться захотел?

— Зря ты, Аленькая, — удивился он её ревнивому чувству. — Знаешь ведь моё отношение к тебе...

Улыбнулся Пётр давнему.

— Радуешься скорой встрече? — правильно истолковала Алёна улыбку повеселевшего мужа. — Смотри мне! Мойся иди.

Пётр чмокнул её в ямочку на щёчке, закрылся в ванной.

— Интересно, какая она теперь? — думал он о Марии, с удовольствием нежась в заправленной хвойным экстрактом воде.

Завспоминалось.

...В тот жаркий май нестерпимо буйно цвела редкая в деревне сирень. Не было её в кондратьевском палисаднике, не пылала она и у Гриньковых. Украдкой наломал Петя Кондратьев охапку сиреневых веток с приглянувшегося куста чужого сада, отобрал в букет самые пышные гроздья.

— Для меня постарался? — синеглазо глянула тринадцатилетняя кокетка. — Ой, спасибо, Петенька! Не ожидала... А ландыши принесёшь?

— Принесу, — от похвалы Петя зарделся всеми конопушками. — Первые подстерегу.

Не выполнил он обещание, обстоятельства изменились. До первых ландышей, как отличника, на Чёрное море, в Артек его направили.

Родители радовались за него. Ему же не очень хотелось расставаться с родной сторонкой. Зачем куда-то ехать, когда нежной зеленью покрылась земля, бело-розово зацвели сады, до купания нагрелась очищенная после весеннего паводка речка, певчими птичками и «слепым» тёплым дождичком пронизывался майский воздух... Главное, с Машенькой не хотелось расставаться. Он только-только от неё.

— Море скоро увидишь. Вот бы и мне с тобой, — говорила Маша.

— А мне бы лучше в твои синие глаза смотреть, чем на это Чёрное море, — хотел признаться он, но не осмелился, сказал лишь: — Нисколько не хочется уезжать.

— Ладно уж, езжай, — разрешила она с наигранным вздохом, прочитав Петькины мысли. Или Петьке так подумалось. — Привезёшь мне белые голыши с морского берега и большого рака.

— Краба, наверное?

— Во-во, точно, краба. Не забудешь?

— Ну, что ты!? Обязательно привезу...

— Живой ты? — постучалась в дверь ванной Алёна. — Давай закругляйся. Душ не успею принять...

Гриньковы жили поблизости. Всё равно Кондратьевы умудрились опоздать. Долго собирались. На сей раз Пётр, пожалуй, больше жены у зеркала крутился, галстук подбирал к новому костюму, показаться Марии хотел.

— Наконец-то! — встретил их именинник, несколько раз до того звонивший им. — А мы не выдержали, успели уже по стопке пропустить.

— Правильно сделали. Гости с поезда, устали, проголодались, — Пётр обнял друга. — Ну, с Ангелом тебя!

Поздравила и Алёна, подарок вручила.

Прошли в зал, поздоровались, разместились за столом.

Пётр огляделся. Как он и ожидал, гости были дальние, в большинстве знакомые. Мария сидела сбоку от него, что не позволяло ему хорошо видеть её. Лишь когда она поздравительное слово взяла, внимательно разглядел свою первую любовь.

Мария пополнела. Полнота соответствовала её возрасту, но, как показалось Петру, не совсем подходила ей, как-то приземляла, уменьшала в росте. Он ожидал увидеть её по-прежнему привлекательно-стройной, что всегда, ещё с тогдашней давности, выделяло её среди других девчат.

— Не окосеешь? — намекая на слишком пристрастные взгляды мужа в сторону Марии, спросила Алёна.

— Нет, — Пётр даже не почувствовал подвоха. — Ты же знаешь, что в питии я контролирую себя.

— Посмотрим, посмотрим, — не стала уточнять Алёна.

Вечеринка, как и положено, с каждым тостом смелела. Гости уже и привычную песню в честь именинника спели, и подвигаться пожелали. Потому виновник застолья объявил перекур, мужиков на балкон увёл.

Некурящий Пётр недолго продержался среди курильщиков, в зал вернулся, где гостьи танцевали под магнитофон. Он привстал в дверях, посматривал на танцующих, невольно сравнивая Марию со своей женой. Они, как бы специально для него,

неспешно вальсировали друг с дружкой, мол, смотри, Петенька, прикидывай.

Несмотря на полноту, Мария гляделась. Всё же былое, броское, притягивающее взоры мужчин, пригасло в ней, и он с удивлением, даже с радостью осознал явное превосходство жены. Но тотчас и пожалел о несостоявшемся празднике долгожданной встречи:

— Укатали горки любовь мою первую.

Вернулись курильщики, внесли оживление. С жёнами затоптались. Мария присела к магнитофону, стала рассматривать кассеты.

— О чём думаешь? — спросила мужа Алёна.

— На Машу гляжу вот...

— Молодец. Не слукавил. Так и знала... Любуешься?

— Опять двадцать пять! — огорчился Петя её тоном. — Я же не в том смысле.

— В каком ещё?

— Пожалел... Изменилась она сильно. Видно, трагическая гибель сына сказалась.

— Не дай Бог, конечно, никому её переживаний. Мать есть мать. И всё же, думаю, не замёрзни её Толик, сейчас ей легче б не было. Он же тогда уже кололся вовсю… — Алёна вздохнула, неожиданно упрекнула Марию. — В наказание, видно, ей такое за... излишнее внимание мужчин.

— Да всё у неё сложилось бы иначе, — мысленно возразил Пётр жене. — Будь осмотрительнее она в молодости, не дай взрослому кудрявому нефтянику на велосипеде увезти себя, ещё несмышлёную. Сдёрнуть бы глупышку с велосипедной рамки, по попке недозрелой надавать, а кудрявого с помощью дружков от неё скорее отвадить. Куда там, сдрейфил... За него это другой Машин ухажёр сделал, отпугнул наглеца. Как выяснилось, женатым тот был, в каждой деревне развлекался. Поздновато малость ему челюсть свернули и рёбрышки посчитали...

— Давай не будем в давнем копаться, — сказал он, растревоженный воспоминаниями. — У каждого свой крест. Нам бы собственный достойно нести. А про меня плохое не думай. Пожалел просто Машу...

— Обо мне бы лучше подумал, — не успокаивалась Алёна. — Сердце прибаливать стало. За сына волнуюсь. Как он в чужом городе без нас? Чем кормится? Как учится? Не пьёт ли? А Маша, смотрю, здоровьем покрепче меня. На свежем воздухе всё же. В лесу, считай, её работа и дом. Как я, конторской пылью не дышит. А ты глаз от неё оторвать не можешь. Сравниваешь, похоже? Конечно же, сравнение не в мою пользу...

— Скажешь тоже, — Пётр нежно привлёк жену к себе. — Ты у меня намного лучше Маши выглядишь. Осанистее, увереннее...

— Льстишь? — потеплела голосом Алёна. — Лапшичку на уши вешаешь?

— Правду, Аленькая, говорю. Ты у меня...

— Покурили, размялись. Прошу за стол, продолжим, — именинник не дал Петру выдать жене достойный комплимент.

Хозяйка, с помощью повзрослевших дочек успевшая перемыть тарелки, подала чистые и принесла горячее.

От новой порции выпивки и вкусного жаркого гости заметно отяжелели, потянулись к песне. Когда, кажется, перепели все известные застольные и выдохлись, именинник предложил конкурс на лучшую ещё не спетую песню, выставил шампанское.

— Приз победителю, — сказал он. — Поехали по кругу. Кто первый? Смелость зачтётся при подведении итогов.

Гости приняли предложение, старались выискивать новые напевы.. Из-за незнания слов не всем удалось довести лихо начатую было песню до конца, но до Петра были сделаны уже несколько серьёзных заявок на победу.

Пётр запел о Чёрном море. Неожиданно вспомнилась ему эта песня, как раз созвучная его сегодняшнему настроению.

Самое синее в мире
Чёрное море моё, —

пел он о глазах Марии, в синеве которых когда-то готов был утонуть навсегда.

Так не ревнуй, дорогая,
К Чёрному морю меня, —

переводил он взгляд с Марии на свою Аленькую. Не сбился ни разу, до завершения песню довёл. По праву досталось ему шампанское, тотчас пошедшее в розлив.

Так и дотянули до второго перекура, до новых танцев под магнитофон.

Алёна взялась помогать хозяйке убраться со стола, готовить его к завершающей части застолья вечеринки — «самоварной».

Мария угадала желание Петра, не вышедшего с курильщиками на балкон:

— Потанцуем?

— Можно. Только не очень быстро. Боюсь, укачает.

— Стареем, Петенька?

— Да, бегут годочки...

Былое вспомнили. Выпитое, наверное, способствовало редкой откровенности. Не раз Пётр ловил себя на мысли, что понапрасну они давнего коснулись. В отличие от него подзабыла Мария многое. Даже как следует представить не смогла его, тогдашнего деревенского, а вот кудрявого нефтяника до родинки на шее запомнила.

— Выходит, первая любовь? — спросил он, погрустнев от неожиданной до обиды короткой Машиной памяти, всё же надеясь получить от неё более приемлемый для себя ответ.

— Впервые, помнится, голову потеряла с ним, — перечеркнула

она еле теплившуюся в нём надежду. — Хотя, пожалуй, влюбилась по-настоящему в девятом классе. Помнишь Покровского, из соседней деревни, новичка-симпатягу?

— Как же! — Пётр едва сдержал вздох разочарования. — Что же разбежались? Вы же в одном классе с ним учились, за одной партой сидели.

— Не сладилось... Я с ним куда угодно пошла бы, да он трусоватым оказался...

Слова Марии цепляли Петра за живое, хотя никаких претензий не мог он ей предъявить. Между ним и Марией ничего такого и не было. Не целовались даже, как следует...

Дотанцовывали молча.

— Хорошая вечеринка получилась! — прервал молчание Пётр, вдруг обрадовавшись рассеявшемуся миражу, так долго и сильно владевшему им. Реальная высветилась картина.

— Постарался братишка, — согласилась с ним Мария, не догадываясь о происшедшей в нём перемене.

Вечеринка продолжалась, но для Петра она уже закончилась. Ему нестерпимо захотелось домой, к отложенным бумагам. Только с этических соображений выдержал он чаепитие. Лишь перед уходом разговорился, а Марию расцеловал в дверях:

— Прощай!

— Так я не уезжаю, — улыбнулась она. — Завтра на утренней похмельной лапшичке увидимся.

— Теперь это не имеет никакого значения, — хотел сказать он, но помешала решительная Алёна.

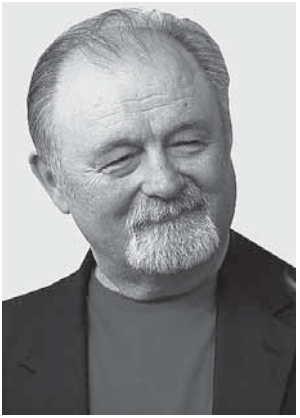
— Нацеловался? — язвительно поинтересовалась она, когда они вышли в январскую морозную, ветреную ночь.

— Попрощался с первой любовью, которой, оказывается, и не было, — закружил он жену.

— Не чокнулся, случаем... от счастья? — рассердилась она не на шутку.

— Точно! — Пётр поставил её на уже слежавшийся снег. — Оттого счастлив, что ты у меня есть и была одна-разъединственная!

Он обнял жену, и они направились домой, подгоняемые ветром, который за вечеринку, как и его настроение, резко переменился направлением.



Павел РЫКОВ

ВЕЧЕРНЕЕ

Павел Георгиевич Рыков родился в Москве в 1945 году. Окончил Московский государственный институт культуры. С 1988-го по декабрь 2012 года руководил Государственной телерадиокомпанией «Оренбург». Поэт, прозаик, драматург. Член Союза писателей России. Лауреат многих международных и российских премий в области радио и телевидения, конкурса «Современная российская пьеса» в номинации «Драматургия добра» (2006), премии им. В. Правдухина альманаха «Гостиный Двор» (2010), региональной литературной премии им. П.И. Рычкова (2012), (2017), губернаторской премии «Оренбургская лира» (2016), Аксаковской губернаторской премии (2016).

* * *

Свет предвечный, свет вечерний,
Утишающий жару...
Ветер воду кроет чернью
По речному серебру.

Мгла укрыла лес прибрежный;
Дуб ли, вяз – не разобрать…
А над ними звёзды нежно
Дню вослед начнут сиять.

В час закатный, час конечный
Помолись: благодарю,
Господи, за свет предвечный
И последнюю зарю.

* * *

Взгляни на звёздные узоры,
Что в небесах по вечерам,
Раздвинув облачные шторы,
Неведомый являет нам.

Зачем? Ужели на потеху
Зевакам, выпившим пивка,

Готовым умирать от смеха
Иль опечалиться слегка?

Или безумному поэту,
Который в меру скромных сил
Безмерную картину эту
В строку, как в гроб, заколотил?

Иль звездочёту-астроному,
Что, вперившись в трубу,
вскричал
О том, что звёздные законы
Он и без Господа познал?

Нет! Лишь влюблённым...
Нам с тобою...
Ты помнишь: полночь, я и ты
У кромки звёздного прибоя,
Ниспосланного с Высоты.

ЖУРАВЛИ НАД ИСТРОЙ

На заре берёзы, будто свечи,
Листья златоцветные зажгли.
Улетая, созывают вече,
Клича в поднебесье, журавли.

Как узнать: ликуют иль рыдают
По тому, что ждёт их вдалеке.
Иль молитву чудную читают
На своём журавьем языке.

Отражает их круженье Истра,
И уносит взмахи крыл река.
А над нами нежно-серебристы
Перистые ткутся облака.

Покружат и, выстроившись
клином,
Растворятся в небе, чтоб весной
Из далёких стран дорогой
длинной
Воротиться, как всегда, домой.

Час придёт, и ты вослед за
стаей...
Но не сможет отразить вода,
Как ты вознесёшься, улетая,
Чтоб не возвратиться никогда.

ЗАЗИМОК

Выпал снег. Но пока что немного,
Как маляр в первый слой
побелил.
Видно, нынче у снежного бога
Не достало желанья и сил.

Чтобы, ветру подвластна,
взметнулась
Белым вихрем его борода,
И берёзка под ветром прогнулась,
И притихла, смиряясь, вода.

От метели, мы знаем наверно,
Нам с тобой никуда не уйти...
Но уже своей кистью неверной
Снег для смерти разметил пути.

РОСЧЕРК

Êîãäà ÿ ãîâîðþ: «Ï ðîñòè»,
À Âû â îòâåò: «Äà-äà, ïðî ùàéòå»,
Î, Áîæå! Ñêðåùèâàòü ïóòè
Òàê òðóäíî. Ëåã÷å – áåñïî ùàäíî
Âäóõ ðàçîéòèñü. È íè ñëîâöà,
Í è âçãëÿäà âñåää, íè ñîæàëåíüÿ.
Âíèç – òðè ñòóïåí÷êè êðûëüöà
È ñëåä ïî ñíåãó. Ðàñòîðæåíüå
Âñåãî, ÷òî áûëî è ïðîøëî,

Êàê íå áûëî – òàêîå äåëî...
À óòðî ì ñîëíå÷íî, òåïëî.
È ñíåã, è ñëåä – âñ¸ óëåòåëî.

È òîëüêî â íåáå ãîëóáî ì
Ваш росчерк — облачным пером.

ПЕРВОЕ НОЯБРЯ

Так далеко до тепла.
Путь утомителен, долог.
Ночью пороша легла,
Словно накинула полог
В доме на все зеркала,
Как перед вечным покоем.
Чудится, колокола
Грянули. Ветер завоет,
Мчась через лес напролёт...
Окоченевший просёлок;
Хрустнет, растрескавшись, лед,
Будто оконный осколок
Под каблуком у тебя.
Значит... А что это значит?
Та, что глядела любя,
Вычеркнет, переиначит
Прошлое. Скажет: «Прощай».
И беспощадней: «Прощайте».
Походя, вдруг, невзначай
Бросит: «И не отвечайте.
И не пытайтесь гадать:
Что, почему — не поймёте»...
Ветер вздымает замять
Снежную. Ввек не найдёте
Даже и следа шагов.
Даже единого следа...

Был тот ноябрь таков —
Время разлуки и снега.

Оксана ВАСИЛЬЕВА

НОЧЬ, УТРО, ВЕЧЕР

Рассказ

Оксана Владимировна Васильева родилась в Новотроицке. Закончила филологический факультет Орского государственного педагогического института имени Т.Г. Шевченко. Работает учителем в школе-интернате № 1 г. Новотроицка. Публиковалась в местной и областной периодической печати, альманахе «Гостиный Двор», городском литературном альманахе «Вечерние огни», сборниках «Красный угол», «Стихотерапия». Живёт в Новотроицке.

— Почему же ты не спас меня, Господи?
— А кто посылал тебе корабль, лодку и бревно?
Из анекдота.

Чудный вечер. Снежок. Может прогуляться, а? И ведь сразу ноги замёрзнут, снег на лицо налипнет. А из окна всё так мило и, главное, безопасно.

Ну, умеешь, умеешь, что тут говорить! Ты ведь делаешь это, походя, даже не замечая: тут снегом сыпанул, там фонарь зажёг! И вот он, дамы и господа, — чудный вечер!

Знаешь, в такой вечер славно было бы умереть. А что? Вот так лечь, не зажигая света, слушать тиканье часов, потом закрыть глаза и умереть, ни о чём не сожалея, ничего не страшась, с лёгкой душой.

Скажи, зачем я тебе? Почему ты не отпускаешь меня? У меня ведь ничего нет, кроме снов и разговоров с тобой. Не думаю, что тебе нужен собеседник. Ты

даже не слушаешь: мало ли кто бубнит под ухом. Мама так всегда радио включала, негромко, не пытаясь вслушиваться, просто чтобы чувствовать, что ещё жива. Но тебе-то это зачем? Может, ты просто ко мне привык? Уж я-то точно к тебе привыкла за столько лет.

Когда мы начали разговаривать? В мои тринадцать? Ты помнишь? Я тогда впервые посмотрела на себя в зеркало как бы со стороны: огромная нелепая девица с унылой физиономией и прыщами на лбу. И кто, по-твоему, должен был отвечать за это безобразие?

А тебя вообще не было! В школе говорили. Скажи, атеисты — это ведь твоя шутка, да?

Я придумала тебя себе. Вот только не надо банальностей: никакой бороды и облаков не было!

Забавно, да? Ты создал нас, как говорят, по образу и подобию своему, а мы потом подогнали тебя под свои стандарты. Ну и как, не жмёт?

А вообще, мне всегда нравилось разговаривать с тобой. Знаешь, ты ведь никогда не перебиваешь, даже если я несу полную чушь, и ещё с тобой не надо притворяться. Ты и так всё обо мне знаешь: ты видишь, как я ем, сплю, чешусь, не говоря уже о...

Да, так вот, о моих тринадцати: помнишь, я задала тогда тебе тот же вопрос: зачем? Зачем нужно было придумывать генетическую программу, давать жизнь стольким поколениям моих предков, свести в конце войны в захолустном госпитале родителей, чтобы потом получить вот это, в зеркале?

И зачем тебе моя жизнь сейчас? Ради какого эксперимента ты заставляешь дышать и двигаться бесполезное тело и трепыхаться ничем не примечательную душу? Ну да, когда была жива мама, в этом был определённый смысл. А теперь?

* * *

Томочка ушла два часа назад, а я никак не могу уснуть. Вот уж с чем никогда проблем не было, так это со сном. Спала всегда как сурок и не просыпалась бы. А тут... Спать не могу, гулять не хочу... Какое разнообразие выбора-то!

...Письмо на столе. Перечитала уже три раза. Это что? Очередная твоя шутка?

И как всё мгновенно вернулось! Да-да, это сердечное ёканье. А я уж было подвела черту, как говорится, подбила бабки. Бабка подбила бабки, хм! Так нет, тебе вдруг просто необходимо стало напомнить мне, что я ещё могу что-то чувствовать!

Почерк у него всегда был отвратительный! Сколько я ни билась!

А я знала, что письмо от него. Ещё не видя почерка, сразу знала! Как только Томочка сказала, что мне на интернат пришло письмо.

А она, наивная душа, ещё вертела конвертом перед моим носом:

— Угадай, от кого?

Да чего гадать-то.

Выхватить письмо, сунуть в руки пальто, шапку и сапоги, выставить Томочку из квартиры, и все дела!

Но тут я представила, как она растерянно стоит в коридоре, смотрит на дверь и хлопает белёсыми ресницами. А её чёрный поношенный сапог шмякается возле моего дверного коврика. Да уж!

— Понятия не имею, кто мог мне написать — сказала я самым равнодушным тоном.

— Ну-у, с тобой совсем неинтересно! Это же от Бека, ну от Кадырбека твоего, помнишь? Ну что ты стоишь? Давай, читай скорее!

А знаешь, нам с Томочкой повезло. Ну, в смысле, нам — это тебе и мне.

Смотри, она и ко мне привязана по каким-то неведомым причинам уже много лет, и к тебе без претензий. А ведь могла бы.

Мужа похоронила, двух спиногрызов на себе вытянула, выучила. И эти засранцы тут же сбежали (ты же понимаешь, мама, большой город — большие перспективы!) Звонят по праздникам.

А она каждый день тащится на работу (что же я, Любочка, буду дома сидеть?) И улыбается, всё время улыбается...

* * *

Скажи, что со мной не так? Что со мной всегда было не так? Ведь это со мной, а не с миром, да? Ведь люди вокруг меня както умудряются быть счастливыми — Томочка та же?

Помнишь, я задыхалась в детстве? Мне всё казалось, что вот ещё чуть-чуть, и я смогу вздохнуть полной грудью. И вот этого чуть-чуть всегда не доставало!

Я всю жизнь так прожила: вот ещё чуть-чуть...

* * *

А море, помнишь? Как мы с мамой ждали лета! Откладывали деньги в старую обувную коробку. Это же был целый ритуал. Мама приносила домой зарплату, раскладывала на столе денежные кучки. В одну из них шли только самые новые или бережно разглаженные мамой купюры. Я доставала из шифоньера коробку с изображением красной туфельки на крышке, и мама укладывала туда деньги: «На море!»

А в апреле мама села шить сарафаны в горошек: мне красный, себе синий. Я делала уроки за столом, а мама сидела напротив, склонив голову над шитьём. И когда я отрывалась от тетради, то видела пробор в её волосах и несколько седых волос, почти незаметных для постороннего невнимательного глаза. И на меня тогда накатывала такая волна любви, что на глазах слёзы выступали, и приходилось срочно вжиматься лицом в учебник, чтобы мама не заметила.

А чем всё кончилось?

Ну конечно, море мне не понравилось! Оно как-то потерялось за мелкими составляющими

образа «съездить на море». Галька на пляже была крупной, жёсткой и обжигающе горячей. Стоило сесть или лечь на одеяло, и она тут же с превеликим удовольствием впивалась в тело. Морская вода оказалась отвратительно горько-солёной. В первый же день меня захлестнуло волной, и я тут же наглоталась этой гадости. А медузы? Бр-р-р! Мягкие и скользкие, как сопли.

А эти тела на пляже? Никогда не думала, что люди так некрасивы. Эта жующая, сопящая, жужжащая, потеющая масса толстых, кривоногих, плешивых, рыхлых, веснушчатых, обгорелых, волосатых тел покрывала весь берег и сползала в море бахромой дико орущих детей.

А ещё я отравилась чебуреком. И сарафан на мне сидел как на корове седло. А мама была счастлива, что вывезла дочку на море.

Ну, вот скажи, почему я помню только это? Ведь было же море в моей жизни, было, а вдохнуть — не получилось. Почему так?

* * *

«Здрасти Любовь Григорьна!

Пишит вам ваш бывший учиник Бек. Надеюсь вы меня ищо помнити. Как у вас дила?

А я про вас всигда помню. Потомушто вы были мне как мама!

А миня забрали в армию. У миня всё хорошо. Толька я очень сильна скучаю. Я решил написать вам письмо. Толька я вашева адриса низнаю паэтому написал на интырнат. Надеюсь письмо да вас дайдёт!

Дарагая мам Люба!

Паздравляю вас снаступающим Новым годом!

Жилаю чтобы у вас всё было хорошо!

Если у вас будит время напишите мне ответ!

Досвидания. Кадырбек»

* * *

Счастье — это как вдох полной грудью, да?

* * *

Чёрт, что ж такое со сном-то! Ерунда всякая в голову лезет.

(«Продолжаем разговор», — сказал Карлсон.)

Сколько у меня выпусков было за все годы? Шесть? Восемь?

Почему именно он? Почему именно этот мальчик?

Мы же с ним, как инопланетяне, из разных миров.

Нам даже поговорить не о чем.

А помнишь, как его привезли из детдома в шестом классе?

Он забился в угол, дрожал, от глаз — одни щёлочки, и голова, большая, бритая, вся в шрамах.

Зверёныш! Он укусил меня за руку, когда я попыталась вытащить его из угла, а я съездила ему по башке, и он опять забился в угол, свернулся и завыл! И мне пришлось полчаса успокаивать

его, сидя рядом на линолеуме школьного коридора. Сначала он подвывал, потом просто всхлипывал и трясся всем телом, потом затих. И тогда я решилась погладить его по голове. Может, всё началось именно там, в школьном коридоре?

От него вечно несло столовкой и куревом. Он ждал меня у дверей интерната, и когда я входила в ворота, косолапил навстречу через весь школьный двор. Он не обнимался, как все, а просто тыкался лбом в моё плечо и вздыхал. И мне приходилось притягивать его рукой за плечи, и вот так, в обнимку, идти к школе.

Да, да, да! Ты всё знаешь, кому я вру! Да, мне это нравилось! И если он вдруг не встречал меня, я начинала беспокоиться. Сердце куда-то ухало, и я ускоряла шаг.

* * *

Наверное, я могла бы родить своего. Ну да, могла бы! Вот только...

«Сначала — муж, потом — ребёнок!» Я ведь долго считала это правильным. Наивная девушка!

А в тридцать пять уже всерьёз размышляла, не стать ли мне матерью-одиночкой. Ну, чисто те-о-ре-ти-чес-ки!

Разговор с мамой, помнится, свёлся к двум фразам:

— Мам, может мне родить кого-нибудь?

— Доченька, ты собралась замуж?

Н-да-а!!! Поговорили!

Ну и потом, необходим был мужчина (кому я объясняю?) А вот мужчины-то как раз и не случилось.

Так что образ «девушки порядочной» в глазах мамы, а также знакомых и соседей, был сохранён.

Да знаю я, знаю, что ты сейчас скажешь... Принцы? На белых конях? Какая гадость!..

Но то, что предлагал ты...

Ты ещё Димку вспомни!

Димка, маленький, щуплый, рыжий, ниже меня ростом? Ну да, я помню, как он на меня смотрел. Он всегда на лекциях садился на третьем ряду, справа, и смотрел. Нет, не просто смотрел — прожигал взглядом. У меня каждый раз к концу лекции щека горела.

Он пригласил меня танцевать тогда на студенческом новогоднем вечере. Мы, наверное, дико смешно смотрелись. Я ещё надела босоножки на каблуках, и Димка дышал где-то на уровне груди. Сопел, как паровоз, я прямо-таки дождаться не могла, когда уже закончится музыка.

А потом он потащил меня целоваться на лестницу к чердаку, где обычно курили. Там такая решётка была с висячим замком. И он меня прижал спиной к этой решётке и начал целовать. По-твоему, это должен был быть самый романтичный момент в моей жизни, да?

Ну, может я и правда что-нибудь такое почувствовала бы, но он же приложил меня прямо к замку! Больно, чёрт возьми! И

губы у него были такие мокрые! А уж когда он начал меня по груди оглаживать, совсем смешно стало. Да не хотела я его обижать, я же не просто так засмеялась, ну щекотно было! Ну, и правда, смешно немножко!

Кто ж знал, что он так остро отреагирует?

Переключился на Зиночку из параллельной группы, на Пономарёву, худенькую, бледненькую, ему под стать как раз! И потом они такие гордые ходили, когда она в сентябре уже с животом появилась!

Вот тебе и Димка!

Ты действительно думаешь, что я могла бы быть счастлива с ним? Ты, правда, так думаешь?

* * *

Вишнёвое варенье! Точно. Бордовая капля на жёлтой льняной скатерти. Как он испугался тогда, бедный мальчик, побледнел и застыл с чайной ложкой в руке.

— Ничего страшного, — сказала я, — всё отстирается. Допивай чай и укладывайся.

Ну вот, опять! А ведь почти заснула. Ночь воспоминаний, да?

Сколько он тогда пробыл в лагере? Дней пять?

Помнишь, как он тащил в автобус вещи в белом замызганном пакете без ручек, а сверху еще нагло высовывалась мятая сигаретная пачка? А потом прилип лицом к стеклу и махал мне, пока автобус не исчез за углом школы?

Через пять дней вечером позвонил директор.

— Любовь Григорьевна, извините за беспокойство. Рудов.

(Это ж-ж-ж неспроста!)

— Добрый вечер, Анатолий Иванович.

— Добрый вечер. У меня к вам просьба (Ну вот, я же говорила!). Кадырбек сломал руку. Сейчас он в травмпункте. Вы не могли бы забрать его оттуда и устроить в школе на ночь. А завтра он уедет в лагерь. Я, к сожалению, сегодня занят.

— Да, конечно.

— Ну, спасибо. Всего доброго.

— До свиданья.

Вот радость-то под вечер! Переться в больницу, потом — в интернат, будить сторожа, искать, куда бы положить Бека... А в школе — ремонт!

Да и потом, ребёнок, наверняка, голодный. Чёрт!

— Мама! Мы можем приютить пострадавшего на ночь?

И что на меня тогда нашло? Никогда не смешивала работу и дом. Просто, выходила со школьного двора и выключала рубильник: никаких детей, никаких разговоров о школе. Всё, мой дом — моя крепость!

Это Томочка вечно кого-нибудь из интерната тащит: помыть, постирать, постричь, покормить. Мать Тереза!

А тут и я рассуропилась. Ну надо же!

И всю дорогу до травмпункта злилась за это и на себя, и на Бека, и на весь мир за компанию.

Ну, приехала, смотрю - сидит около дежурной медсестры, тихий, маленький какой-то. Лицо чумазое, дорожки от слёз, но не плачет уже. Левая рука по локоть загипсована, он её к груди прижимает, баюкает и вздыхает. Картина маслом!

— И как тебя угораздило? — я всё ещё злилась.

— Любовь Григорьна! — вскинулся, радостно так. Шагнул навстречу, ткнулся носом в плечо.

— Так что всё-таки случилось?

— С велика упал, — сопит, но не отрывается.

Ну, потрепала его по голове, обняла за плечи:

— Что, — говорю, — пойдём в гости?

Даже не знаю, кому из нас было сложнее. Наверное, всё-таки ему. Я-то была на своей территории.

— Ну вот, раздевайся, проходи!

Он разулся и долго топтался у двери, дырку на правом носке замаскировывал. Я накрыла ему на кухне и ушла, чтобы не смущать.

Пока я застилала диван, на кухне зашумела вода. Бек стоял у раковины и пытался одной рукой вымыть посуду. Тоже мне, чистюля!

Я отогнала его к столу, налила чаю, пододвинула ближе вишнёвое варенье.

Вишнёвая капля будто загипнотизировала его. Он, не сводя глаз со скатерти, обжигаясь, в два приёма сглотнул чай, отодвинул табуретку и попятился от стола.

* * *

Знаешь, он ни разу не улыбнулся за вечер. И вообще выглядел таким несчастным, что я снова разозлилась. Вот же, не было печали!

И ведь всегда с ним так: если плохо ему — ну просто не ребёнок, а воплощение мировой скорби (ах, где мои носовые платки!), а если смеётся — то сразу весь, всем организмом!

Помнишь, как на него глобус свалился? Месяца полтора прошло с его приезда к нам. Он тогда ещё обживался, сторонился одноклассников, да и взрослых, большей частью.

Учёба его угнетала. Вечером, когда мы с классом готовили уроки, он засыпал на последней парте, прямо на учебниках, приоткрыв рот. Иногда, в сгустившейся от усердия тишине (что, как ты понимаешь, случалось нечасто!) слышно было, как он похрапывает. Дети оглядывались, но посмеивались беззлобно.

Обычно он просыпался к концу второго часа самоподготовки и с минуту ещё приходил в себя, бессмысленно таращась по сторонам. А его щека до ужина хранила отпечаток уголка учебника.

В тот раз пробуждение было, видимо, слишком быстрым. Когда грянул звонок, Бек, едва вынырнув из сна, резко вскочил со стула, пошатнулся и привалился плечом к стенному шкафу. Шкаф вздрогнул всем телом и сбросил с себя глобус. Африка пришлась аккурат на Бекову коротко стриженную макушку. Класс захихикал.

Бек присел от неожиданности, ухватился рукой за ушибленное место и вдруг затрясся. Сначала мне показалось, что он плачет, и я даже рванулась к нему из-за стола, но вдруг остановилась.

Он смеялся, смеялся легко, потряхивая плечами и зажмурив глаза. И, глядя на него, уже в голос начали смеяться все.

Тогда я первый раз и увидела, как он смеётся...

Около полуночи, когда я заглянула в зал, Бек спал на моём диване, укрытый до подбородка одеялом. Меня в маминой комнате ждала раскладушка и, по всей вероятности, не самая уютная ночь в жизни. Я ещё постояла немного в дверном проёме, размышляя, оставлять ли свет в коридоре, и вдруг услышала странный звук: Бек то ли стонал, то ли скулил, не открывая глаз и не просыпаясь.

* * *

Скажи, как ты это делаешь? Или я уже спрашивала? Как из такого многообразия людей ты находишь двоих, именно в этот миг необходимых друг другу?

Похоже, меня на лирику потянуло! Запоздалая отрыжка сериалов и любовных романов. Помнишь, был такой период? Смотрела и читала, да-да-да! Ну и что? Мне теперь гореть в геенне огненной? Или что там у тебя ещё в запасе?

А разве сериалы придумал не ты? Или это происки врагов? Ну да ладно, сам разберёшься.

Слу-у-шай, я только сейчас подумала... а Беков велосипед? Это ведь ты, да?

* * *

Я просидела около него до утра. Гладила по голове. Под короткими жёсткими волосами наощупь угадывались шрамы.

Он перестал скулить. И вдруг, всё так же, не просыпаясь, поймал мою руку и пристроил себе под правую щёку. Ещё повозился, глубоко вздохнул и затих.

В такие моменты, наверное, положено думать о тяжёлой судьбе брошенного ребёнка и о собственной впустую текущей жизни, да? Ну, чтобы придать пафоса ситуации! Ты же любишь, когда пышно и торжественно. Или это мы придумали, что любишь?

Ну вот, ни о чём я не думала. Просто мне было хо-ро-шо! И дышалось легко и полно!

А под утро тело затекло так, что я почувствовала себя деревянным манекеном. Вытянула руку у Бека из-под щеки и пошла на кухню.

Ну? Ну и чего ты ждал? Что после этой ночи всё переменится?

Что я прижму его к своей трепетной груди, и мы обольёмся слезами умиления, как две родственные души, наконец-то обретшие друг друга?

Как говорит одна моя знакомая: «Я т-тя умоляю!»

Бек на следующее утро уехал в лагерь, а я вернулась к своему полусонному существованию. Болото поглотило брошенный камень, круги улеглись, воду затянуло ряской, всё!

Времени-то уже, а! Четвёртый час! Поздравляю, Любовь Григорьевна, у Вас бессонница! Дожили!

* * *

Да, всё осталось по-прежнему!

Он всё так же встречал меня у школы, я всё так же, вернувшись домой, старательно забывала о работе до завтрашнего дня.

Его седьмой, восьмой, девятый классы...

Знаешь, я ведь почти ничего не помню из этого времени.

Хочешь, удивлю? При всём своём разнообразии, жизнь скучна! Твоя придумка, да?

И уехал Бек без меня. Их, нескольких сирот, увозили в областное училище. Томочка говорила, что он ждал до последнего, оглядывался на ворота.

А я лежала с температурой под двумя одеялами и самоотверженно боролась с вирусом. В конце концов, вирус я победила, а Бек уехал. И я всё забыла.

Слышишь, я всё забыла!

Я всё забыла, ушла на пенсию, похоронила маму. Я уже давно не живу.

Ну что ты хочешь от меня услышать?

Что я жалею?

Да, чёрт возьми, я жалею!

Жалею, слышишь меня!

О жизни своей дурацкой!

О том, что так и не начала дышать полной грудью, жалею!

О том, что всё ещё живу, непонятно зачем!!!

Скажи, зачем?!

Молчишь?

Ты всё время молчишь!

Тебе не до меня!

Тебе всё равно!

А мне надоело, слышишь! Мне всё на-до-е-ло!

Отпусти меня, слышишь!

Отпусти меня!!! Отпусти!!!

Отпусти...

* * *

Сдаётся мне, джентльмены, это была истерика.

Рассвело совсем.

* * *

Ты будешь смеяться, но я еду.

Еду, ты слышишь?

Наверное, сама ещё не до конца в это верю, но всё-таки еду.

Целый день, как савраска, носилась по городу: билеты, подарки, даже варенье у Томочки выпросила, вишнёвое. Абсолютно не представляю, что нужно туда везти. Получилось две огромные сумки. Ты бы видел, как я их пёрла на вокзал. Клоуны отдыхают! Ладно, хоть проводник помог в вагон затащить.

Сто лет в поездах не ездила. А тут, смотрю, ничего не меняется.

И напротив меня, конечно же, разговорчивая старушка, древняя, но любопытная. Сейчас она пристроит багаж, расстелит постель, хлебнёт чаю и начнётся:

— Ну, вот и едем, слава Богу! К сестре в кои-то веки выбралась. Новый год вместе отметим. А у вас, смотрю, сумки такие тяжёлые. Тоже в гости?

Ну что же, глубокий вдох!

— Я к сыну еду. Он у меня в армии.

Виталий МОЛЧАНОВ

«ПО ПАМЯТИ ВДОЛЬ...»

Виталий Митрофанович Молчанов родился в 1967 году в Баку. Окончил Московскую академию нефти и газа. Служил в армии. Печатался в «Литературной газете», в журналах «Дети Ра», «День и Ночь», альманахах «Лёд и пламень», «Паровозъ», «Гостиный Двор», «Башня», «Чаша круговая», в «Антологии русской поэзии XXI века» и др. Лауреат региональной литературной премии им. П. И. Рычкова (2014), премии им. С.Т.Аксакова (2014), премии «Оренбургская лира» (2014), Международного литературного конкурса им. А. И. Куприна (2016), Всероссийской премии им. Д.Н. Мамина-Сибиряка (2016), Волошинской премии (2016). Председатель Оренбургского регионального отделения Союза российских писателей, директор оренбургского областного Дома литераторов им. С.Т. Аксакова.

РУСЛАН

Из Уфы — в Оренбург, мимо
загнанных в степь деревень.
Дует в щёлку сентябрь,
запотевшее сушит стекло.
Пассажир я сегодня, водителя
робкая тень,
Жму на «газ» по привычке. Для
раннего утра светло.

Мы полночи в дороге, и камнем
лежит разговор
На душе у меня, тайн чужих
лучше вовсе не знать...
...Проезжая Шиханы — цепочку
загадочных гор,
Над болотом судьбы замостили
некрепкую гать.

Там трясина такая — ни
вырваться, ни проскользнуть:
Рос в неполной семье, рядом с
матерью был одинок.
Фары били дуплетом, неоном
расстрелянный путь
Падал нам под колёса,
признался Руслан: «Я игрок.

С малолетства бушует в крови
нездоровый азарт,
Взять удачу за бороду, кажется,
очень легко,
И в тюрьме кантоваться
пришлось из-за меченых карт,
Раз каталу избил — козырило,
но в масть не легло.

Стал копейку свою зарабатывать
честным трудом,
На машину скопил да и в
частный подался извоз,
Мы с Людмилой, женой,
переехали в собственный дом,
Только счастье опять полетело
кошаре под хвост.

Игровой автомат — вот напасть,
личный мой Черномор,
Не могу обойти ненасытную
щель стороной,
Всё швыряю туда...» За цепочкой
шихановских гор
Злой сентябрьский туман вдруг
деревья покрыл сединой.

У судьбы на закорках трясину
невзгод не пройти,
И жену не вернуть, и долгов не
отдать ни рубля.
Надо жизнь изменить... На
расстрелянном светом пути
Горизонт заалел — тормози,
оторвись от руля,

На обочину выйди и грудью
широкой вдохни
Воздух чистой степи,
побеждающий дым городов.
Только ты и Господь, вы
сегодня на трассе одни,
Я не в счёт, избавленья проси у
Него от оков.

С Черномором расстанься,
спасись в этой дивной глуши,
И Людмилу вернёшь, и родите
вы сына и дочь!..
Мы остаток пути в Оренбург
проводили в тиши,
Битым козырем пала в поля за
шиханами ночь.

КОЛОБОК

Не кляни судьбу напрасно,
городской рисуй лубок.
Помнишь сказку: утром ясным
покатился Колобок
По дорожке из окошка, сквозь
туман, и пыль, и дым.
Вились роем злые мошки надо
лбом его крутым.
Надкусили в серединке, махом
выели кусок —
К бабе с дедом на картинке
возвратился Колобок.
Не высок, скорее низок,
круглый, как ни посмотри.
У него волшебный список —
деда три да бабки три.
Одному купить картошки, а
другому — молока,
Третьей сахара немножко,
манки, свёклы... В кулаках
Сжаты ручки от пакетов —
крепок он и коренаст,
Весь в трудах зимой и летом,
вам последнее отдаст.
Не откажет ни знакомым, ни
соседям, ни друзьям.
Помощь близким — аксиома,
помощь дальним видел сам.
Вечно крутятся собаки под
ногами Колобка,

Бесприютным носит «наки»:
корки, кости из кулька,
Сахарок всегда в карманах:
«Подходи, собачий люд!»
Урезонит самых рьяных:
«Слабым тоже есть дают!»
На судьбу пенять напрасно,
если дырка в голове.
Так случилось: утром ясным,
городской поверь молве,
Укатили санитары прямо в
дурку Колобка,
Не теряя время даром,
подлечить его слегка...
...Он вернулся, встрепенулся,
обратился к списку дел!
Я, здоровый, сразу б сдулся,
так бы в жизни не сумел.

СЫН

Летает пыль по закуточкам,
Свисает паутины клок.
Довольна мать — она с
сыночком
Побелит завтра потолок
И наведёт порядок в доме.
Приехал сын... Он рядом, тут.
Кукушка скрипнет в полудрёме:
«Часы не скоро заведут».
— Как долго я ждала, Олежка,
К стеклу прильнув горячим лбом.
Вокзал-то рядом, что за спешка,
Билеты выкупишь потом.
Ещё успеешь в путь обратный,
Сынок, подольше погости.
Рукавчик кацавейки ватной
Зачем-то скомкала в горсти.
И слёзы вымерзли в морозы,
Остатки выплеснув тепла.
В потёках скатерть из вискозы —
Поесть соседка принесла.
— Не болен ли, сынок любимый,
Как внук, невестушка моя?
Вернул бы Бог частичку силы,
К тебе б слетала за моря.
Но ничего, теперь мы вместе,
Жаль только папы с нами нет...
...Кукушка дёрнулась на месте,
Когда сорвали шпингалет,
Вошли в квартиру тёти Лены —
Она лежала на полу
Совсем одна... Синели вены...
Лишь пыль комочками в углу,
И паутины клок небрежный
Свисал уныло с потолка.
— Каким ты маленький был
нежным.
Как рвался к нам издалека...

ЖЕНЯ

Показала осень зубы — зябко
стало по утрам.
Первый месяц, самый глупый,
предрекает зиму нам:
То дохнёт морозом в лужи, то
нырнёт за воротник,
Пыльный смерч в момент
закружит... Так изменчив,
многолик
День сентябрьский с позолотой
края солнца в рвани туч.
Шаркнут бабушкины боты по
асфальту: «Хуч да хуч».
Невеличка, как сухарик, на
сединах — капюшон,
А под курткой — словно шарик.
Может быть, такой фасон?
Нет, клубком свернулась Женя,
крошка Женя, той-терьер.
Плавно бабушки движенье,
боты мерят длинный сквер,

Прижимает Женю к сердцу и
бормочет на ходу:
«Нам, старушкам, надо греться,
я сейчас домой пойду.
Погуляли, Женя, хватит,
сокращаю моцион.
Пусть бумажки ветер катит,
гонит мусор на газон».
Не хозяйка, а подруга, каждый
раз один маршрут.
— Что-то слышать стала туго,
ноги тоже не идут,
Не сдавайся быстро, Женя, нам
с тобой вдвоём скрипеть…
...Туч неспешное круженье,
осень красит листья в медь.
«Хуч да хуч», — шепнули боты
и потопали в подъезд.
Бабушка нальёт компота, Женя
каши ложку съест,
Включат древний телевизор и
залягут на кровать.
До сентябрьских ли капризов,
лишь бы утром вместе встать…
Показала зубы осень — из
Урала воду пьёт.
Бабье лето мы попросим, пусть
скорее к ним придёт.

КОШКИ

Виктору Фёдоровичу

По памяти вдоль, как по ровной
дороге,
Неспешно бредут стариковские
ноги,
И палочки стук раздаётся в
ушах.
А рядышком кошки, голодные
кошки,
В пакете — кастрюльки да
чистые плошки,
Для каждой своя... В тёплой
каше и щах
Не густо обрезков колбасных
и мяса —
Но пенсии мизер для среднего
класса
Достаточен толк понимать в
овощах.
Бездомным животным к чему
разносолы?
Вот котик с бельмом на глазу,
невесёлый,
Был изгнан во двор за увечье
своё.
Старик поманил бесприютного
пальцем,
И плошка с обедом досталась
скитальцу —
Завидует с голых ветвей
вороньё.
Судьба человечья так схожа с
кошачьей:
И нас выгоняют, и мы горько
плачем,
Меняя меха и шелка на рваньё.
Лет десять, день в день,
несмотря на погоду,
Хвостатому нёс пропитанье
народу
Седой человек, а потом
перестал...
Ушёл навсегда, и теперь в
райских кущах
Для Божьих котят варит кашу
погуще
И щи, раз нектар по знакомству
достал.
У нас во дворе молодая соседка
Вдруг с плошками вышла в
нарядных балетках,
В добро превращая презренный
металл.

Александр ФИЛИППОВ

МЕЛГОРА*

Записки тюремного врача

Александр Геннадьевич Филиппов родился в 1954 году в Ворошиловграде (ныне Луганск) на Украине. Окончил Оренбургский государственный медицинский институт, Академию государственной службы при Президенте РФ. Работал терапевтом, служил в армии, органах внутренних дел, консультантом в информационно-аналитическом отделе аппарата Законодательного собрания Оренбургской области, заместителем главного редактора газеты «Южный Урал». Майор внутренней службы запаса. Прозаик, печатался в журнале «Москва», альманахах «Каменный пояс», «Гостиный Двор», коллективных сборниках. Автор нескольких книг прозы, член Союза писателей России. Лауреат губернаторской премии «Оренбургская лира» (2004), региональной литературной премии им. П.И. Рычкова (2007). Живёт в Оренбурге.

В отсутствии заключённых конвойные солдаты любили пошуровать на производственных объектах, тырили оттуда для отцов-командиров или собственных нужд всё мало-мальски ценное, не запертое под замок: инструменты, стройматериалы, краску. Но стоило колонийским производственникам пожаловаться на кражу, а то и задержать с поличным, например, с ведром краски, солдатика, как со стороны командования батальона следовали ответные меры.

Комбат своей властью «закрывал», то есть изымал пропуска бесконвойников, запрещая выпускать их за пределы жилзоны. На хоздворе визжали голодные свиньи, оставался на приколе трактор «Беларусь», развозивший обед заключённым, работавшим на производственных объектах...

---

* Продолжение. Начало в журнале «Гостиный Дворъ» № 2

В ответ начальник колонии приказывал отключить в казарме электроэнергию или подачу горячей воды в батареи отопления.

Такие разборки тянулись порой месяцами.

Периодически Медведь и Вайнер встречались где-нибудь на нейтральной территории, пили водку, мирились, но разница задач, стоящих перед конвоем и производством, вскоре вновь приводила к конфликтам, ссорам и взаимным «подлянкам».

Конвойные офицеры, в отличие от колонийских, служили по войсковой системе. Их часто переводили с места на место, отчего они не успевали обрастать хозяйствами, огородами. Колонийские же офицеры, по обыкновению, до пенсии работали в одном и том же «учреждении». Как правило, были они родом из близлежащих деревень. Обосновывались в посёлке прочно, по крестьянской привычке, обрастали хозяйством: дачами, гаражами, сараями, сеновалами. Держали живность — птицу, свиней, а многие и коров.

В этом они близки были с конвойными прапорщиками — «контролёрами», которых тоже в основном набирали из местных.

Большинство офицеров-«конвойников» заканчивали в своё время училища внутренних войск и считали себя профессиональными военными. А потому к разношёрстной «аттестованной» колонийской братии — бывшим шофёрам, строителям, зоотехникам, дослужившимся к пенсии до капитанов и майоров, — относились высокомерно и презрительно дразнили «профсоюзниками».

При этом конвойные офицеры непосредственно с осуждёнными не работали, на охраняемую территорию обычно не входили и смотрели на зеков только через прицел автоматов. Это, в свою очередь, давало колонийским право именовать конвойных «вояками» и считать ничего не смыслящими в зоновской жизни.

К слову, строго говоря, офицерами «аттестованных», то есть носящих погоны работников колонии, называть было не правильно. Официально они именовались «начальствующим составом органов внутренних дел» и носили специальные звания — лейтенант внутренней службы и т. д. Автор этих строк, например, сейчас числится майором внутренней службы в отставке.

Заключённые звали солдат конвойного батальона «чекистами», а солдаты зеков «жуликами». Ни те, ни другие ничего обидного для себя в таких кличках не усматривали. В рассказы об избиении солдат внутренних войск на гражданке бывшими зеками не верится, ибо, к чести «жуликов», на моей памяти ни один тюремщик не подвергся целенаправленной мести со стороны освободившихся заключённых. В зоне — да, бывало всякое. Впрочем, я говорю сейчас о прошлом...

В сущности, и солдаты, и зеки находились почти на одинаковом подневольном положении,

а в бытовом отношении заключённые жили даже лучше.

Странно было наблюдать, например, когда рано утром с визгом открывались тяжёлые колонийские ворота и строем, по пятёркам, в предзонник выходили сытые, рослые, в щеголевато подогнанных чёрных «молескиновых», тщательно отутюженных робах заключённые. Сапоги и тяжёлые, с металлическими заклёпками ботинки надраены до блеска, высокие каблуки подбиты для форса бряцающими по асфальту подковами.

А поодаль ёжились на ветру худые низкорослые солдатики с цыплячьими шеями, торчащими из ворота мешковатых, не по росту, замызганных и отродясь не глаженых гимнастёрок, с грубо наляпанными заплатками на коленях и задницах, в ржавых от пыли, вкривь и вкось стоптанных сапогах — «кирзухах» и нахлобученных до ушей выгоревших, замасленных, как блин, пилотках.

— Привет, чуханы! Когда на дембель? — кричали им весело зеки, поблёскивая самодельными «рандолевыми» фиксами, а солдатики отмалчивались, простуженно хлюпали носами и баюкали в руках казавшиеся непомерно тяжёлыми для них автоматы.

Дедовщина в конвойных войсках процветала страшная. Старослужащие по многу часов не меняли «салаг» на открытых, продуваемых со всех сторон (чтоб не спали) вышках. И какой-нибудь таджик, сутки не евший, не спавший, ошалевший от свирепых уральских морозов, буквально выл на посту. И вой этот (или песня — не разберёшь) — разносился по ночам над заснувшей зоной и колонийским посёлком.

Иногда отношения между «чекистами» и «жуликами» перерастали прямо-таки в дружеские, основанные на полном взаимном доверии. Мало того, что солдаты снабжали зеков чаем, водкой, перебрасывали всё это через забор в обмен на «шаробешки» — поделки. Один дневальный рассказал мне историю, от которой отцы-командиры, узнай об этом, могли бы сойти с ума. Осуждённый к восьми годам за разбой Шура Коровин... периодически заступал часовым на вышку!

Происходило это на кирпичном заводе. Среди конвойных солдат оказался земляк из соседней деревни. Шура давал ему деньги, и пока «чекист» бегал за водкой и чаем в расположенный примерно в километре от охраняемого объекта райцентр, «жулик» с автоматом, заняв его место на вышке, бдительно охранял периметр. Водку делили по-честному: бутылку солдату, две — Шурику...

Тот, кто читал рассказы Сергея Давлатова, служившего в своё время именно в конвойных частях, согласится, что это не выдумки.

Я и сам однажды стал свидетелем чего-то подобного.

Однажды зимой навалившийся внезапно буран мгновенно

замёл степные дороги. Два «КамАЗа», выехавшие с кирпичного завода с двумя сотнями зеков, увязли на полпути в сугробах. Связи с колонией не было. Зеки стали замерзать в железных будках, сидевшие там же, через решётку, у заднего борта «чекисты» и вовсе околевали на открытом ветру. До жилой зоны оставалось километров шесть. Обеспокоенное тем, что фуры с заключёнными не прибыли вовремя, сгинули где-то в ревущей ветром степи, колонийское начальство послало на разведку пожарный автомобиль, отличавшийся высокой проходимостью. Но и он где-то безнадёжно увяз.

Не дождавшись помощи, конвой решил выпустить зеков из запертых будок и добираться до зоны пешком.

Я был на вахте, когда глубокой ночью на освещённое прожекторами пространство у ворот вдруг вывалила из снежной кутерьмы чёрная толпа и по пояс в снегу вломилась в предзонник. Дошли! При этом некоторые зеки несли на себе ослабевших «чекистов», некоторые волокли их автоматы с подсумками...

Несколько слов о конвойных собаках. Вспоминаю случай уже из «изоляторского» периода моей службы.

1991 год, августовский путч на воле. В следственный изолятор Оренбурга пришёл абсолютно отмороженный этап грузинских воров. Видать, были в МВД СССР светлые головы, которые в этой неразберихе спроваживали «отрицаловку» в родные республики. Но нам-то что делать? В камере 40 человек, а нас, ментов, вместе с «кадровиком», мобилизованным из штаба, — всего пятеро. По восемь откормленных зеков на брата. Они орут: «Менты, бидарасы, всех резать будем!»

Надо привести их в чувство, чтобы поняли, куда попали. Доставили из «запретки» Малыша — огромную кавказскую овчарку и затолкали в камеру. Лай, вой, рёв. Открыли через пять минут — у Малыша морда в крови, все зеки на шконках, на втором ярусе. Арестанты кричат: «Ой, начальнык, убери собака!»

Вывели всю камеру в коридор, посадили на корточки, руки за голову. Нашли пахана. «Командир, этап на Тбилиси через неделю... Гадом буду — нормально будем себя вести. Оренбург на всю жизнь запомню. Хороший собака здесь водится!» И добавил с присущей кавказцам хвастливой гордостью: «Этот собак — земляк наш. У нас на Кавказе все такие — гордые и бесстрашные!»

8

В местах лишения свободы действовали так называемые общественные организации осуждённых. Были зоны, в которых заключённых загоняли в такие объединения или «секции» чуть ли не палками. Например, с этапа заставляли новичка писать заявление о «добровольном» вступлении в СПП — секцию

профилактики правонарушений, что-то вроде народной дружины. Надо ли говорить, что состоять в членах такой секции для основной массы заключённых считалось позорным?

На Мелгоре к вступлению в ту или иную секцию особо не принуждали. Все заключённые, становившиеся завхозами, дневальными в отрядах, бригадирами и нарядчиками, работавшие в хозобслуге и на пищеблоке, автоматически зачислялись в СПП.

Существовали и другие секции. Например, СКМР — секция культурно-массовой работы, СБС — санитарно-бытовая секция, СФСР — секция физкультурно-спортивной работы, и даже СОКМГ — секция общественных корреспондентов многотиражных газет! Последние должны были сочинять заметки в общую для всех оренбургских колоний газету — многотиражку «За честный труд», прозванную заключёнными «сучий вестник». Писали о передовиках производства, рассказывали душещипательные истории о раскаявшихся и «завязавших» уголовниках. Активных корреспондентов поощряли внеочередными посылками, свиданиями, а то и представлением к условно-досрочному освобождению.

Положенную члену СПП повязку на рукаве (в одних зонах — красного, в других — белого цвета с надписью «СПП») никто из заключённых на Мелгоре не носил. Это считалось «западло» даже у активистов. Помню, перед какой-то большой проверкой из области Медведь поручил замполиту зоны подполковнику Елизарову обеспечить «должный вид» всего зоновского актива. Замполит передал команду ДПНК, тот, по нисходящей, — завхозам отрядов.

Когда Елизаров повёл комиссию на территорию жилзоны, у входа перед вахтой стояла шеренга бравых ребят с белыми повязками на рукавах.

Гости, среди которых, помимо тюремного начальства, было «вольное» партийное и комсомольское руководство, в том числе дамы, вполне демократично поздоровались с встречающим «активом» за руку, принялись оживлённо расспрашивать о житье-бытье. Те чинно и благородно отвечали на вопросы, рассказывали, как борются с нарушителями дисциплины и внутреннего распорядка дня в колонии.

В ходе этой беседы замполит находился в состоянии, близком к обмороку. И, безмолвно шлёпая губами, показывал украдкой из-за спин проверяющих кулак дежурному по колонии. Ибо шеренга «активистов» состояла целиком из зоновских «петухов» — педерастов.

Поскольку настоящие «активисты» надевать повязки категорически отказывались, завхозы, получив приказ ДПНК, не мудрствуя лукаво, выдали «знаки отличия» подвернувшимся под

руку отрядным «пидорам» и послали приветствовать прибывающую комиссию.

Впрочем, были в колонии и энтузиасты художественной самодеятельности, и спортсмены, которые действительно организовывали концерты, футбольные и волейбольные матчи, но — для души, а не по принуждению.

Так, завклубом в жилзоне работал осуждённый — певец Москонцерта, получивший срок за ресторанную драку, а в библиотеке хозяйничал бывший второй секретарь Краснодарского обкома КПСС, осуждённый за взятки — большой любитель книг и знаток художественной литературы.

По-настоящему сообщество зеков делилось не на секции, а на множество ячеек, которые назывались «семьями». Члены одной «семьи» подбирались по принципу землячества, совместной работы, просто взаимным симпатиям. Никакого сексуального смысла в понятии «семья» не было.

Её члены поддерживали друг друга морально, делились посылками, «ларьком», а в случае необходимости кулаками защищали «семьянина», не давая в обиду.

Были маленькие «семьи», состоящие из двух-трёх затурканных бедолаг, и большие, «влиятельные», из десяти и более человек.

Я не раз наблюдал, с какой трогательной заботой друг о друге садилась за скромный ужин в отряде такая «семья». Кто-то старательно нарезал заточенным черенком алюминиевой ложки (ножей в личном пользовании иметь зекам не разрешалось) сало — чтобы всем поровну, другой, обжигаясь, нёс кружку свежезаваренного чая. Кто-то выкладывал из бумажного кулёчка грязные липкие конфеты без обёртки — «ландорики».

В санчасти семьёй из трёх человек жили дневальные: бывший хоккеист, подававший когда-то большие надежды в спорте, но осуждённый за разбой Шура Коровин, убийца Виталик Виноградов и насильник Володя Кузнецов.

Шура Коровин был физически очень силён, но, как часто случается среди спортсменов, до изумления простоват. Свои восемь лет срока он схлопотал, по сути, за... попытку познакомиться с симпатичной девчонкой.

Будучи навеселе, встретил на улице приглянувшуюся девицу, попытался завязать знакомство. Но сделал это по простоте душевной хамским образом: снял с неё солнцезащитные очки и водрузил на свой картофелеобразный нос. По его разумению, девушка должна была попросить вернуть очки, и, слово за слово, тем самым дать повод с ней познакомиться ближе. Однако девица убежала в слезах. Шура погнался за ней, намереваясь вернуть ненужные ему очки. Тут-то и подвернулся навстречу милицейский патруль. Девица бросилась к стражам порядка, указала на обидчика. Пэпээсники, не разобравшись,

принялись крутить Шуре руки. В потасовке он накостылял милиционерам. При обыске в кармане у него нашли перочинный нож...

В итоге — статья за грабёж, сопротивление сотрудникам милиции, суд, тюрьма...

Виталий Виноградов — умный, осторожно-вкрадчивый, в драке убил незнакомого парня, угодив ему в голову кирпичом. Срок — десять лет. Как несовершеннолетний, начинал сидеть ещё в зоне на «малолетке».

— Зашёл во двор к матери, — рассказывал он о своём преступлении. — Первое мая отмечали. Поддатый, естественно. Увидел незнакомого парня. «Привет, — говорю, — корешок!» А он мне: «Да пошёл ты...» Ка-ак? В моём дворе — и такие грубые слова в ответ на приветствие? Врезал ему. Он мне. Покатились в драке. Под руку попался кирпич. Я швырнул в него. Расстояние было метров пять. Я уже семь лет сижу и всё кирпичи в цель швыряю. Ни разу, трезвый, с такого расстояния не попал. А тогда — пьяный, прям в тыковку... Наповал. А всё дурость, понты детские! — корил себя искренне Виталик. — Ну, послал он меня. Если бы я промолчал, мимо прошёл — через пятнадцать минут забыл бы навсегда об этой встрече. А теперь на горбу червонец тащу...

Володя Кузнецов — орчанин из бывших «блатных». Шесть лет лишения свободы за групповое изнасилование. Зрелая, но несовершеннолетняя девица пошла с тремя парнями ночью на дачу пить водку. Как она представляла себе этот способ проведения досуга с юношами — история, как говорится, умалчивает. Что там было и как — Вовка не помнил. На следующий день девчонка призналась в своих похождениях матери. Та — в милицию...

Когда задержали двух его подельников, Володя Кузнецов скрылся. Уехал на Каспий. Работал там в рыбоохране. Имел личное оружие. Рассказывал о схватках со стрельбой с браконьерами. Скрывался лет пять.

— Потом мать пожалел. Решил сдаваться. Думаю, отсижу, пока она совсем не состарилась, — рассказывал он мне. — Приехал домой. Мать обрадовалась, стол накрыла. А тут и менты пожаловали — сосед, видать, стукануул. Руки вверх и всё прочее... Я им: «Мужики, не спешите. Я же сам пришёл, никуда не денусь! А тут вон, сколько всего приготовлено. Мать стол накрыла. Давайте посидим, выпьем...» Согласились. Посидели часа два, выпили крепко, только что песни не пели.... Ну а потом, как положено, в наручники и в райотдел... Менты, что меня доставили, обнимаются со мной на прощанье, дежурный по отделу не врубится никак, что к чему. Спрашивает: «Вы другана привезли или преступника доставили?..»

Несмотря на разность характеров, жили дневальные дружно. Только однажды видел я, как поссорились Коровин и Кузнецов.

У Вовки был день «отоваривания» — когда один раз в месяц можно было по безналичному расчёту набрать в зоновском ларьке продуктов питания на «положняковые» восемь рублей.

Ассортимент ларька небогат: дешёвые сигареты, махорка, рыбные консервы, туалетные, письменные принадлежности, трусы, майки, тапочки. Из «деликатесов» — конфеты без обёрток — «дунькина радость», они же «ландорики», печенье, каменной твёрдости пряники, чай.

Вовка припёр в каптёрку наполненный в ларьке «сидор». Вскоре из каптёрки донеслись шум, крики. Войдя в закуток, где жили дневальные, увидел красного от ярости Шуру, обиженного Володьку и хохочущего Виталика.

— Вы чего тут разорались? — сердито поинтересовался я.

— Дык... я ему говорю: возьми повидлы! — в сердцах принялся объяснять Шура. — А он шампунь купил. Два сорок за флакон. Лучше бы на эти деньги банку повидлы взял!

— Ну, на хрена, Александр Геннадьевич, лысым шампунь?! — покатывался с хохоту Виталик, поглаживая себя и приятелей по стриженым «под ноль» головам.

Впрочем, недоразумение вскоре прояснилось. Оказывается, Кузнецов потратился на шампунь ради кота, пригревшегося в санчасти. Тот, не взирая на высоченный забор, сигнализацию, каждую ночь пробирался на волю — в посёлок. Вот и нахватался там от подружек блох. И Володька решил помыть «донжуана» шампунем...

О стрижках. Заключённых полагалось не реже раза в десять дней стричь наголо. Волосы разрешалось отращивать за три месяца до освобождения. Впрочем, если зек допускал в этот период нарушение режима, за которое водворялся в ШИЗО, его обязательно стригли «на лысину». Формально — из санитарно-гигиенических соображений (профилактика вшивости), а реально — в наказание за проступок.

И ещё к слову: держать животных заключённым категорически запрещалось. Однако в жилой зоне практически в каждом отряде жили коты. На чердаках — голуби. На производственных объектах — собаки. Колонийское руководство смотрело на эти нарушения сквозь пальцы. Ибо понимало, что забота о «братьях наших меньших», сострадание к ним, тоже, как ни крути, а входит в процесс перевоспитания уголовных преступников.

Да и животные были приучены прятаться при появлении сотрудников, которых легко отличали от зеков.

У нарядчика, например, жестокого убийцы Новикова, едва ушедшего в своё время из-под расстрела, в «бендюжке», заменявшей ему кабинет, жил голубь Петя. Дикий «сизарь», которого нарядчик выкормил из птенцов. Так вот этот голубь, вольготно

разгуливавший по помещению, заслышав команду: «Петя, менты!», мгновенно вспархивал и забивался на антресоли под потолком, становясь невидимым для представителей колонийской администрации...

9

Во время обхода палат в санчасти я обратил внимание на заключённого по кличке Мартышка. Худощавый симпатичный парень сидел на кровати, притулившись у тумбочки, и что-то быстро писал. Увидев меня, вскочил, захлопал быстро глазами.

— Письмо, что ли, пишешь? — поинтересовался я.

— Да, маме. В стихах.

— Ну, прочти!

Мартышка охотно, с выражением стал читать. На мой взгляд, стихи были плохие, но искренние. Я похвалил автора. Тот радостно вскинулся:

— Я уже посылал стихи маме. Она пишет: ты прямо поэтом там стал!

— Пидором ты стал, а не поэтом! — грубо осадил его Шура Коровин.

Мартышка угас, втянул голову в плечи. Ну что тут поделаешь?

«Опущенные», «петухи», они же «обиженные», «круглые», «пидоры» были низшими, абсолютно бесправными существами в зоновской иерархии.

Если в женских колониях однополая «любовь» действительно походила на это чувство — с объятиями, ревностью, ухаживаниями, то в мужских зонах всё было наоборот. Предмет своих же домогательств втаптывали в грязь, презирали.

При этом далеко не все «опущенные» были пассивными гомосексуалистами. Чаще всего «обижали» насильно, за какие-то прегрешения. Нарушения зоновского этикета, воровство у товарищей — «крысятничество».

«Опущенный», даже насильно, незаслуженно, оставался таковым навсегда, сколько бы раз не доводилось ему потом «сидеть». За сокрытие «масти» могли убить. С ним, «по понятиям», нельзя было разговаривать, есть за одним столом, прикуривать от его сигареты, здороваться за руку, пользоваться его вещами. Впрочем, эти запреты не распространялись на сексуальные контакты.

В отрядах «обиженным» отводились отдельные спальные места — где-нибудь у порога, принимать пищу в столовой разрешалось только за специально отведённым для них столом, особняком от других. Посуда для «опущенных» помечалась насечками — чтобы не перепутать с «чистой». Любой, даже случайно вступивший в бытовой контакт с «опущенным», сам мгновенно превращался в «петуха».

На ступень выше по положению в зоновской иерархии стояли «черти». Среди них было множество тех, кто, как говорили в зоне, «загнался», перестал

следить за собой, умываться, стирать и гладить одежду, завшивел.

Оказывались в этой «масти» и те, кого называли «кишкой», проще говоря, обжоры. По зоновскому этикету требовалось эдакое показное равнодушие к пище. Уважающий себя зек никогда не уписывает лагерную похлёбку за обе щеки, а ест будто нехотя, с отвращением, не торопясь.

Помню, посетив как-то «крытый», то есть тюремный режим, я обратил внимание на то, что стол в камере уставлен мисками с нетронутой пищей, хотя время обеда давно миновало. Местный начальник медчасти подосадовал в сердцах: «Так здесь же воры сидят, с понятиями. Не жрут, пока всё не остынет, не начнёт прокисать к чёртовой матери!»

— Еда, гражданин начальник, дело свинячье, — с презрительной ухмылкой пояснил мне обитатель камеры, зек, обряженный в полосатую робу особо опасного рецидивиста.

Но встречались обжоры, которые, съев свою пайку, вылизывали миску, охотно доедая за соседом. Они-то и оказывались неминуемо в разряде «чертей».

Однажды мне довелось отправлять в районную больницу заключённого-новичка с разлитым перитонитом. Оказавшись впервые в столовой, он, съев порцию каши, попросил добавки. Ему подали целый «бачок» — с полведра перловки. Он опустошил и его. После этого кто-то из соседей по столу саданул обжору кулаком по туго набитому животу так, что желудок лопнул...

Помню, как в категорию «чертей» перевели дневального, съевшего отрядного... кота!

А вот к собачатине ещё со времён сталинских лагерей относились с уважением. В моё время собак тоже ели уже не от голода, а из зоновского шика. Был случай, когда на кирпичном заводе зеки умудрились вытащить из запретки и сожрать... караульного пса, мстительно повесив шкуру на колючую проволоку. Происшедшее было расценено как ЧП, в батальон нагрянула проверка...

Зоновские опера быстро вычислили едоков, но помалкивали из вредности и злорадства...

А вот вкусивший кошатины опускался в глазах братвы «ниже канализации».

К слову, коль речь зашла о еде. В некоторых детских колониях «западло» было есть... помидоры. Или курить сигареты «Прима». Дело в том, что и томаты, и пачка сигарет были красного цвета, который ассоциировался с «активом» и считался «позорным». Детки могли отказаться от свидания с матерью, если она приезжала в красном платье, туфлях или косынке. Во взрослых зонах таких дурацких «понятий» уже не существовало.

«Опущенные» приносили массу неприятностей администрации колонии, а завхозам — дополнительных хлопот. Приходилось заморачиваться с их

трудоустройством, ибо из бригад их гнали. Завхозы, матерясь, водили в баню, «прожаривали» в дезкамерах от вшей и чесотки вещи и постельное бельё. Сами «опущенные» постоянно ссорились и дрались между собой.

Видимо, всеобщее презрение снимало с изгоев последние нравственные запреты. Они постоянно что-то крали друг у друга, жаловались администрации и в надзорные инстанции, «стучали» на всех подряд.

Впрочем, даже в их среде был свой «начальник», «козырный пидор», который разбирался в их склоках, мирил.

В некоторых зонах «обиженных» пытались собирать в отдельные отряды, но те разводили там такой дикий «беспредел», так издевались над своими же товарищами по «масти», что от этих затей отказались.

Я как-то поинтересовался у заключённых, распространяется ли такое отношение к «опущенным» и на «вольную» жизнь? Ведь там зоновский «петух» может оказаться уважаемым членом общества, отцом семейства? Мне ответили, что «предъявлять» специально бывшему зеку из этой категории на свободе нельзя. Нужно просто стремиться не иметь с ним ничего общего. Например, оказавшись случайно в одной компании, встать из-за стола и уйти. Не объясняя причин.

Я уже говорил, что в зоне добро и зло часто меняется местами. И строгое, неукоснительное соблюдение «мастей» в блатном мире никогда не позволит, к примеру, сформировать в России по-настоящему «толерантное общество» в западном понимании. В котором сексменьшинства смогут занять лидирующие позиции. Наш родной, отечественный криминалитет им этого никогда не позволит.

10

Активистов в зонах называли «козлами», «красными», «ссучившимися». У старых зеков где-нибудь на особом режиме ещё можно было прочесть на груди татуировку с аббревиатурой «БАРС». Накалывалась она в энкавэдешных лагерях и означала: «Бей актив, режь сук». То есть активистов.

По зоновской иерархии «козлы» располагались где-то возле «чертей», но фактически положение их оказывалось много выше. Активисты работали дневальными, завхозами, бригадирами, и ущербность свою ощущали разве что на этапе да в штрафном изоляторе, где их содержали отдельно от других категорий осуждённых.

По столичным циркулярам в «актив» администрации следовало зачислять заключённых, «твёрдо вставших на путь исправления и перевоспитания, осознавших свою вину перед обществом и оказывающих положительное влияние на других осуждённых».

Те же МВДэшные инструкции требовали от лагерного

начальства «решительно избавляться от активистов из числа приспособленцев, преследующих при сотрудничестве с администрацией корыстные цели». Но... других просто не было! Да и сами активисты не скрывали, что сотрудничать с администрацией колонии их заставили сложившиеся обстоятельства.

— Поднялся на зону, — рассказывал мне завхоз одного из отрядов, бывший десантный прапорщик, досиживающий за убийство 15-летний срок, — меня в хорошую «семью» приняли. Не то, чтобы «блатную», но авторитетную, из крепких «мужиков». Поездил я на кирпичный завод с полгодика, потолкал тачку. А потом говорю своим: «Всё. У меня пятнашка, за это время я тут от такой работы загнусь». И пошёл в актив. Тут легче. Был дневальным в отряде, «локальщиком», теперь вот завхозом. Всё-таки сыт, в тепле, пырять по-чёрному не приходится. Кстати, вы не знаете, амнистия участникам войны на меня не распространяется? Я чехов в 68-м на уши ставил...

Бывший десантник, которого в зоне звали уважительно по отчеству — Романыч, зарезал колхозного агронома.

— Я в отпуск в деревню к матери приехал, — рассказывал он. — А дело к Новому году. Полдеревни стало к празднику свиней резать. У меня лучше всех получалось. Говорят, рука тяжёлая. Всажу нож — и не пикнет. Сразу наповал. Ну и резал всем подряд. В каждом доме, как принято, по этому случаю угощение, выпивка. Однажды сидим за столом после забоя, выпиваем. Я про Чехословакию рассказываю. В газетах-то писали, что мы там прямо как ангелы себя вели, войска то есть. А на самом деле навели шороха.

Помню, выстроили на аэродроме наш полк, под утро, светало уже. Сейчас, говорят, командующий приедет. Точно, вскоре прикатил генерал, посмотрел на нас, а потом как заорёт: «Это вы кого здесь поставили?! Почётный караул или десант? Расстегнуть гимнастёрки! Тельняшки показать! Засучить рукава до локтей! А теперь вперёд, сынки! На выстрел отвечать тысячью выстрелов!»

Я рассказываю, а рядом агроном сидит. И ну на меня наезжать. «Вы, — кричит, — палачи свободолюбивого народа!» «Ах ты, — отвечаю, — сука, интеллигент херов!»

У меня от обиды башку переклинило. Взял со стола нож, которым свинью резал, и засадил ему в грудь. Насквозь, аж к стене, как жука вонючего, приколол! Вот и выходит, что я, гражданин доктор, вроде как политический. Только не тот, что против советской власти, а наоборот, защищая её, пострадал...

Виталий Виноградов активистом стал так.

— Когда осудили, мне ещё восемнадцати не было. Отправили в зону для «малолеток». В первый же день в карантине дневальный

подходит, и, поигрывая чётками в татуированных руках, спрашивает: «Ты кем по этой жизни стать хочешь?» Я отвечаю: «Пацаном». Блатным, то есть. А он мне: «Ну, тогда пошли, пацан, потолкуем за эту жизнь». И повёл в каптёрку. Только зашёл туда — мне тубарём по башке как дали! Я с копыт и выстегнулся.

Очнулся, смотрю — вы не поверите, табуретка деревянная, тяжёлая, — на дощечки разлетелась. А дневальный щерится: «Вставай, пацан. Вот тебе тряпка, начинай полы мыть». В общем, били на малолетке не по-человечески. А заступиться некому. У меня же статья — убийство, я в стерлитамакскую зону, на спецусиленный режим попал. Земляков нет. Там такую сопливую блатату, как я, без подогрева с воли, вмиг разворовывали. Ну и, пока не опустили окончательно, пошёл в актив...

У орчанина Володьки Кузнецова другая беда.

— На воле-то я с блатными крутился. Пахан мой в авторитете был, семь ходок на зону. Там и помер. Я его и видел-то только на свиданках, в полосатом прикиде. Сейчас, наверное, в гробу переворачивается, узнав, что сын по «козьей тропе» пошёл.

Я ведь раньше как думал? Блатная братва — все за одного. Романтиком пришёл на зону, у меня «пионерская зорька» в заднице играла. Попал в семью «отрицаловки». На объект выехали, «бугор» на тачку показывает: впрягайся! Я ему, дескать, от работы кони дохнут! А бригадиром тоже орчанин был, он освободился уже, а потом его на воле замочили по пьяному делу. Здоровый бычара! Отмордовал он меня. Я — к корешам: братва, заступитесь! А они мне: ты сходи в санчасть, сними побои, а потом напиши жалобу «хозяину». Бригадира с должности снимут за избиение, тогда мы с ним разберёмся.

Я потом понял, конечно, что бугор прикрывал их от работы, от ШИЗО спасал, вот они с ним и не хотели отношения портить. Меня такая обида взяла! Я и плюнул. «Какие вы, говорю, блатные! Суки вы продажные, а не пацаны!» И пошёл в актив.

Охотно пополняли ряды активистов «случайные пассажиры» на зоновском корабле: бывшие военнослужащие, инженеры, врачи, осуждённые хозяйственники — расхитители социалистической собственности, взяточники и просто влетевшие «по бытовухе» работяги и колхозники. Зачисление в актив давало им кроме относительно лёгкого трудоустройства и комфортного житья ещё и возможность досрочного освобождения, выхода на «химию», в колонию-поселение.

Кстати, вспомнилось, как до начала 90-х годов прошлого теперь века на горожан-оренбуржцев наводили страх так называемые «химики» — осуждённые условно или освобождённые досрочно с направлением на стройки народного хозяйства. А ведь

среди них были в основном зоновские активисты и «чёрные пахари» — «мужики», «прочно вставшие на путь исправления». «Отрицаловка» на «химию» не попадала.

К слову расскажу забавный эпизод из той поры. Мою супругу, врача-фтизиатра с Мелгоры, капитана внутренней службы Филиппову Ларису Александровну где-то в середине 80-х отправили на повышение квалификации в Оренбургский областной противотуберкулёзный диспансер. Оказавшись там, она с удивлением узнала, что персонал и больных диспансера затерроризировали несколько «химиков», попавших туда в связи с выявленным туберкулёзом лёгких. Они пьянствовали, грубили, а то и угрожали врачам, отбирали вещи и продукты питания у прочих больных. Пробовали вызывать милицию — но те отказались связываться с «туберкулёзниками».

Ларисе Александровне коллеги — вольные доктора, не без злорадства, естественно, поручили «курировать» две таких палаты, в которых лежали досрочно освобождённые заключённые.

На следующий день врачебная комиссия во главе с главврачом облтубдиспансера пожаловала в эти палаты на обход. И чуть в обморок не попадала!

Захламленные палаты с неуправляемыми пациентами были чисто вымыты, прямо вылизаны, больные чинно сидели на аккуратно заправленных койках. У входа застыл рослый зек, который при виде врачей рявкнул на всю больницу: «Встать!» Обитатели палаты дружно вскочили, заложив руки за спину. А «старший палаты» зычным голосом доложил Ларисе Александровне: «Гражданин доктор! Палата в количестве шести человек к утреннему обходу готова!»

И больше никаких проблем с «химиками» в тубдиспансере не было.

Секрет такого мгновенного «исправления и перевоспитания» был прост. По существующему тогда законодательству заключённый, направленный на стройки народного хозяйства и признанный там по болезни нетрудоспособным, подлежал возвращению в места лишения свободы, то есть в зону. Вольные доктора об этом не знали. Зато капитан внутренней службы Филиппова доходчиво объяснила своим подопечным, что при малейшем нарушении дисциплины приведёт в действие это положение. А в зоне, даже будучи больным туберкулёзом, особо не охамеешь...

11

Основная масса осуждённых относилась к категории «мужиков». Именно они работали на производстве, выполняли план, обеспечивая благосостояние колонии. По воровским понятиям, зоновский «мужик» обязан добросовестно трудиться, за что администрация, в свою очередь, должна была расстараться

обеспечить его всем необходимым. Что при нарастающих кризисных явлениях на закате социализма, в пору тотального дефицита — продуктов питания, одежды, постельного белья, когда порой невозможно было найти на складах даже курева, — было совсем не просто.

«Сначала отдай положняковое, потом требуй!» — вот главный принцип отношения массы «мужиков» с лагерным начальством.

Осуждённые из этой категории не встревали во всяческие внутризоновские разборки. Не претендовали на лидерство, роль «авторитетов». Целью большинства из них было «отсидеть, как положено», и скорее, лучше досрочно, освободиться.

За влияние на эту категорию заключённых, составляющую примерно 80 процентов от числа всех осуждённых, и боролись между собой администрация и «отрицаловка» на Мелгоре.

При этом администрация чаще всего оставалась в проигрыше, ибо уже в силу своего должностного положения была обязана «закручивать гайки». Укреплять режим содержания, дисциплину, «вышибать» производственный план. Да и «отдать положняковое», повторяю, было довольно сложно. Ситуацию с тотальным дефицитом усугубляли хитрые снабженцы, закупавшие за бесценок то тухлую рыбу, то такое же, на последнем издыхании, мясо, вороватые повара... Много находилось желающих урвать кусок из и без того не слишком сытного зоновского пайка.

На этом и строили свою политику лидеры «отрицаловки», тщательно фиксируя все промахи и недостатки в работе администрации, подзуживая «мужиков» против ущемления их прав, выступая в роли защитников от «произвола и беспредела» тюремного руководства.

За это от «мужиков» требовалось передавать в «общак» часть продуктов из ларька, посылок, пронесённых нелегально со «свиданки» денег. Всё это предназначалось для «подогрева» содержащихся в штрафном изоляторе и в «БУРе», подкуп сотрудников колонии и конвойных, безбедную жизнь «блатных».

В те годы о «всероссийском воровском общаке» ходили только слухи. На Мелгоре сколотить его так и не удавалось — зона считалась «красной», «сучьей», «замороженной», где власть крепко держали администрация и «актив».

Никаких «воров в законе» на усиленном режиме тогда не было и быть не могло, поскольку здесь отбывали срок наказания осуждённые впервые. Это потом, уже в перестроечные годы, воровское звание стали получать и даже покупать так называемые «апельсины» при первой отсидке или вовсе не сидевшие. В годы, о которых я пишу, это почётное для всех сидельцев звание ещё не было так девальвировано.

На Мелгоре существовала так называемая «отрицаловка», «парни» или «пацаны», которые пытались придерживаться воровских традиций, но оставаться в этом статусе долго им удавалось редко.

Особо рьяных, которые «не гладились», то есть не шли ни на какой контакт с администрацией, лагерное начальство прятало в штрафной изолятор, помещения камерного типа, он же «БУР», а затем отправляло на тюремный режим, на «крытую».

Это позволяла введённая в те годы в Уголовный Кодекс статья, если не ошибаюсь, 88-я со значком 3, предусматривающая наказание от одного до трёх лет за злостное нарушение режима содержания, дезорганизацию деятельности исправительно-трудовых учреждений. Осуждённые по ней уже в местах лишения свободы переводились для отбывания дальнейшего срока наказания на тюремный режим.

Из числа «отрицаловки» в зону наподобие Мелгоры на воровских сходках обычно назначался «смотрящий», призванный приглядывать за тем, чтобы администрация «не творила беспредел», разбиравший «по воровскому закону», «по понятиям», всяческие конфликты среди осуждённых.

По данным оперчасти, пара человек из «блатных», содержащихся на Мелгоре, претендовали в своё время на эту роль, но их кандидатуры не утвердили на «воровских сходняках».

Однажды на Мелгоре появился армянин, прибывший этапом из другой зоны. Он быстренько наехал на уши местной «отрицаловке», представившись посланником легендарного вора в законе Васи Бриллианта. «Кумовья», возмутившись такой наглостью, подбросили в зону «маляву» с информацией, что новичок — бывший «активист», переведённый к нам на Мелгору по оперативным соображениям.

Обычно так поступали, чтобы спасти жизнь «намутившему» в зоне заключённому. Переводили в другие колонии за пределы региона, а то и республики.

Этот армянчик, которого все звали Ара, был патологическим вруном. После развенчания самозванца Медведь приказал мне спрятать его в санчасть — чтобы не проломили башку или не прирезали в отряде.

В тот же день Ара пожаловал в мой кабинет. Плотно закрыв за собой дверь и оглянувшись по сторонам, представился шёпотом:

— Я старший лейтенант КГБ. Фамилии моей вам знать не положено. Под видом заключённого выполняю в местах лишения свободы специальное задание партии и правительства. От вас, товарищ капитан, требую оказывать мне максимальное содействие!

В ту пору среди зеков и администрации действительно ходили легенды про гэбистов, разъезжающих под видом зеков по зонам с целью разоблачения каких-то преступлений против государства, а

заодно и выявлявших нечистых на руку сотрудников колоний.

— Поскольку я старше вас по званию, — серьёзно ответил я ему, — то приказываю вернуться в палату и приступить к уходу за тяжелобольными. Или мытью полов. На данный момент вы здоровы, в лечении не нуждаетесь, а содержать просто так в стационаре дармоеда я не намерен. Даже из числа офицеров КГБ!

— У вас будут крупные неприятности! — покидая кабинет, зловеще пообещал Ара.

Через день его отлупили, так как он стал шарить по тумбочкам в палатах и воровать продукты у прочих больных.

Мне пришлось попросить начальника колонии убрать его из санчасти, так как уже даже здесь не могли гарантировать неприкосновенность «крысятника».

Узнав, что его собираются перевести в штрафной изолятор, Ара наглотался сапожных гвоздей, иголок — на рентгеновском снимке я насчитал штук тридцать инородных тел в проекции желудка. Зек потребовал отправить его в «вольную» больницу. На операцию.

Встречаясь с такой формой членовредительства довольно часто, я не стал паниковать. Несмотря на то, что Ара хватался руками за живот, мученически закатывал глаза, клинических признаков прободения кишечника не наблюдалось. А ещё через пару дней, при повторном рентген-исследовании, стало ясно, что все гвозди и иглы покинули организм или «отошли», как выражаются доктора, «естественным путём».

Понимая, что штрафного изолятора теперь уж точно не избежать (членовредительство в те годы расценивалось как злостное нарушение режима содержания), Ара где-то раздобыл молоток, два больших гвоздя и прибил себе, сидя на кровати, ступни к полу. Когда мне доложили об этом, страдальца уже освободил Шура Коровин. Не заморачиваясь поиском клещей или плоскогубцев, он просто взял Ару за шкирку, поднял, оторвал от пола, и погнал пинками к выходу из санчасти, где армянчика уже ждал дежурный наряд контролёров с тем, чтобы препроводить в ШИЗО. Позже, насколько мне известно, его отправили куда-то уже из нашей зоны по тем же «оперативным соображениям».

«Сучьей зоной» Мелгора стала после крутой разборки активистов с блатными.

Оперативники проморгали назревавший конфликт, и ночью несколько десятков активистов, вооружившись палками и заточками, пошли по отрядам мочить «отрицаловку».

Заходя в помещение, орали: «Блатным — встать! Мужикам и остальным — лежать!»

Тех, кто поднимался, били. Лежащих не трогали, но оказавшиеся среди них «блатные» отныне считались «разворованными». Несколько человек попали

в санчасть, одного «пацана» едва не забили насмерть — его спас, накрыв своим телом, как отважный командир выпавшую из рук новобранца гранату, ДПНК Батов.

С тех пор власть в зоне принадлежала «активу», но авторитетные зеки, конечно, оставались.

Помню, был такой орчанин по фамилии Сухов. К нему с жалобами частенько бегали «мужики», приходила советоваться и «отрицаловка». Прапора-контролёры относились к этому невысокому, жилистому, действительно сухому какому-то заключённому с уважением, и по пустякам не трогали.

Сухов был убийца, ушёл из-под «вышки» и первых пять лет после помилования провёл на «крытой», то есть на тюремном режиме.

Оказавшись однажды в санчасти, он пил чай с дневальными, словно простой «мужик», мастерил из разноцветных ниток и проволоки какие-то цветочки и дарил их медсёстрам. Был отменно вежлив, никогда не повышал голос, медиков ни о чём не просил, безропотно вынося все назначенные ему процедуры.

Я как-то поинтересовался:

— Послушай, Сухов. Извини, конечно, за любопытство, но ты из «блатных» или как? Смотрю — и с активистами, и с «отрицаловкой» на равных кентуешься, чай пьёшь...

— Я, Александр Геннадьевич, папа римский, — усмехнувшись, разъяснил он. — Живу, как хочу, общаюсь, с кем хочу. Меня во многих зонах знают. Если что не так — любому глотку зубами перегрызу. Но — за дело. А все эти «масти», воровские понятия — ерунда, детский сад для малолеток. Главное — в любой ситуации человеком оставаться...

Как-то обитатели ШИЗО, протестуя против каких-то притеснений администрации, замутили голодовку. Среди них оказался и Сухов. Держались арестанты стойко, Сухов, который был старший по возрасту, ослабел больше других. Я по медицинским показаниям решил вывести его в санчасть.

— Не пойду, — решительно мотнул он головой в ответ на моё предложение перебраться в стационар из бетонной камеры, в которой даже голые нары на день откидывались и пристёгивались к стене. — Что братва обо мне подумает? Не-е... Спасибо, конечно, за заботу, гражданин доктор, но мне такая лафа не канает...

К слову, объявление голодовки тоже считалось злостным нарушением режима. Объявивший голодовку непременно водворялся в штрафной изолятор. Три раза в день ему приносили в камеру пищу и оставляли на два часа. Потом, если заключённый отказывался есть, уносили.

Принудительное кормление осуществлялось через зонд, специальными питательными смесями, но не ранее, чем через десять дней после начала голодовки, по медицинским показаниям.

Однако на моей памяти никто из голодающих такой срок не выдерживал — либо конфликт исчерпывался, либо аппетит брал своё.

Да и, в соответствии с инструкциями «для служебного пользования», принудительно кормить следовало только тех заключённых, кто объявлял голодовку, предъявляя обоснованные требования, которые по объективным причинам администрация не могла удовлетворить в данный момент. Кроме того, принудительному кормлению, согласно тем же инструкциям, подвергались психически больные, отказывающиеся от приёма пищи, а также иностранные граждане, арестованные и осуждённые за шпионаж. Шпионов на Мелгоре никогда не содержалось, психи, как правило, наворачивали порции за троих, вылизывая миски, так что желудочным зондом за все годы службы воспользоваться мне ни разу не довелось.

Ну и, если уж речь коснулась «авторитетных» зеков, блатных.

Весь мой тюремный, да и житейский опыт подсказывает: если «сидельцы» в зоне или на воле начинают вас оскорблять, угрожать — это наверняка уголовные сявки, ни на что не годная шелупонь, черти.

«Правильные пацаны», «здравые арестанты» так себя не ведут.

Помню, в 1980 году, ещё до Мелгоры, во время службы в армии, в Белой Церкви (Украина) я вдруг, молодым лейтенантом, оказался самым главным доктором артиллерийского полка. Все старшие по званию и должности ушли в Афганистан, а нас, «двухгодичников», «пиджаков», как я теперь понимаю, пожалели.

Я жил при части. Однажды в воскресенье подошёл ко мне фельдшер срочной службы младший сержант Аслан Кертиев, кабардинец. И рассказал, что к его земляку, дагестанцу, приехали мать и брат. А увольнительную выписать некому. И не могу ли я отвести солдатика в гостиницу, на встречу с родными?

Привёл. Брат солдата — слегка за тридцать, подвижный, очень вежливый кавказец, небольшого росточка, с усиками, усадил меня за стол. Угощал душевно, прямотаки потчевал… Был сверхлюбезен, предупредителен. Мы с ним тепло попрощались.

Позже я спросил Аслана:

— Кто этот парень? Учитель? Музыкант? Такой интеллигентный…

— Он, товарищ лейтенант, вор в законе. Его весь Дагестан боится и уважает…

(Продолжение следует)

Вячеслав ЛЮТЫЙ

«ПЕВЕЦ НЕПОНЯТНОЙ, ЗАКАТНОЙ ПЕЧАЛИ»

*О книге стихотворений Андрея Шацкова «Первозимье»**

Вячеслав Дмитриевич Лютый родился в 1954 году в городе Легница Польской народной республики. Окончил Воронежский политехнический институт, Литературный институт им. А. М. Горького. Литературный критик, публицист, председатель Совета по критике Союза писателей России. В настоящее время – заместитель главного редактора журнала «Подъём». Лауреат премии Общественной палаты Воронежской области «Живые сокровища славянской культуры», премии журнала «Подъём» «Русская речь» (2004), премий журналов «Ковчег» (2008), «Русское эхо» (2009). Член Союза писателей России. Ведущий рубрики «Литературная критика» журнала «Гостиный Дворъ». Живёт в Воронеже.

Лирика Андрея Шацкова в сознании читателя прочно связана с той литературной территорией, на которой встречаются и взаимодействуют искусство слова, переменчивая планида певца, православные контуры неба и былинная слава древней Руси. Эти черты в разной степени присутствуют в стихах поэта, но никогда не покидают его строки совсем. Лирический герой Шацкова отчётливо сопоставим с проживаемой нами сейчас эпохой, когда, казалось бы, уже названы и многими приняты как единственно верные духовные ориентиры родной земли, однако личное одиночество угнетает душу и распространяется всё шире и шире. Судя по всему, распад советской страны оставил в душе современного человека незаживающую рану, надлом, который

*Андрей Шацков. Первозимье. Стихотворения. — М.: Вест-Консалтинг, 2017.

мешает ему расправить плечи и властно заявить о своих чаяниях. Причём речь идёт не о социальных акцентах, не о правде, которую так часто стала побеждать ложь, не о судьбе, которая могла бы сложиться иначе. Перед нами в какой-то степени угасание воли к жизни, которое подпитывается не исчезающей, глубоко спрятанной в сердце горечью.

Только с замершим сердцем
творится неладное что-то.
Только ноги не знают, куда
в одиночку брести.

Лирическому герою нужно немногое, хотя и бесконечно важное для него: живая мама, чуткая и всё понимающая возлюбленная, детская определённость во взрослой суете, радость от каждой проживаемой минуты. В реальной жизни любой, наверное, захотел бы того же, но в поэзии бесчисленное множество нюансов раздвигают названные ориентиры и помещают в образовавшиеся бреши и поля всё изобилие действительности. Именно так изображены природа и людские взаимоотношения у Андрея Шацкова. Словно сеть с бесчисленным количеством ячеек, его бытие привязано к этим опорам и свисает с них в бездонное пространство морщинами, наплывами и волнами, которым нет конца.

Его часто сравнивают с поэтами Серебряного века. Вероятно, основания для такого сопоставления есть. Однако Шацков, скорее, близок авторам первой волны русской эмиграции, которые постепенно стали осознавать, что жизнь скользит сквозь пальцы и нет таких сил, которые могли бы её удержать и вернуть былое. Вот только прошлое у современного поэта и у давних его предшественников совсем разное, тем не менее, само чувство, с которым проживаются мгновения во втором десятилетии нового тысячелетия, чем-то удивительно напоминает лирические настроения минувшего века. Это означает, что Россия вернулась, пройдя виток спирали, в ту же мировую точку, и человек сегодня тоскует подобно своему прадеду.

Ты забыл нас в сумерках —
Ярила,
За три дня до встречи
Рождества...
Восковую руку уронила,
Не окончив знаменье креста.

Плыли тучи в северном
приходе,
Шли дожди, стуча о корку
льда.
До чего не вовремя приходит,
И не в пору — зимняя вода.

Я бы, если мог, беду руками
В вашем топком городе
развёл.
Чтоб мосты — поднялись
в небо сами,
Шпиль на Петропавловском
процвёл.

Я бы мог... да расточились
силы
По бесплодно прожитым
годам...
На краю безвременной
могилы
Брату руку зябкую подам.

Он нальёт вина, отломит
хлеба...
Мне ль не знать, по праву
старшинства,
Как уходит Ангел дымом
в небо
Даже накануне Рождества.

Здесь приметы внутреннего существования и детали внешнего мира выбраны автором удивительно точно и слиты друг с другом единственно верным для этого стихотворения образом. И нужно отметить, что перед нами герой, вписанный в знакомый городской пейзаж, являющийся его частью и не стремящийся оторваться от горестной земли и найти эфемерное счастье где-то в другом месте, с иными людьми у плеча и любовью, которая совсем не похожа на то, что ещё живёт и дышит в зябкой памяти поэта.

Андрей Шацков прекрасно живописует русскую природу, пожалуй, ещё и по той причине, что понимает себя её органичной частицей. Любовно выделяя её малые штрихи, он словно бы сливается с ней духовно и интеллектуально, отчётливо зная, что за пределами родной земли для него жизни нет. Сегодня так изображать природный окоём не принято, стихотворная речь стала более компактной и рациональной. Но именно в подобном неторопливом течении поэтических слов, скорее всего, и есть некая соразмерность с прекрасным — с русским пейзажем, русской далью, русским укладом. Потому развёрнутый лирический образ у Шацкова просторен, узнаваем и непосредствен, а локальный — почти случаен.

Зима не уходит. Под Рузой
сугробы в лесу.
И ночью за окнами светят
морозные звёзды...
Вот-вот Благовещенье.
Пасха, глядишь, на носу.
Но грают вороны и рушат
грачиные гнёзда.

И грозен пра-птицы зимой
замороженный зрак.
И северный ветер несёт и
несёт свои хлопья.
Никак не наступит весна,
не наступит никак!
И смотрят грачи в леденящую
даль исподлобья.

Мне в суетном марте
хватило метелей сполна,
И ждать половодья отбило
любую охоту.
Когда же медведи очнутся
от вечного сна?
Когда же возьмутся капели
с утра за работу?

Холодные руки оближет
шершавый язык.
Мой пёс самый первый
учует весну за забором:

Но слышит волков,
охраняющих логова, рык.
И видит, как снежные тучи
несутся над бором...

Между тем, автор прекрасно умеет заворожить читателя обнажённым поэтическим приёмом, почти ничего не добавляя в текст из области смыслов и впечатлений. И тогда видится зрелая рука мастера, для которого ремесло осталось позади, и теперь он старается иметь дело только с волшебством: «И будут падать, отбивая такт // Задорных маршей, юные капели... // И грянет март! Но будет всё не так... // Но будет всё не так на самом деле».

В последние годы широко распространилось словосочетание «православный поэт». Это новое противоречивое понятие соединяется порой с лирикой Андрея Шацкова почти автоматически. Между тем, нелепо обременять литературное творчество церковно-проповедническими задачами. Подобная миссия осуществляется другими людьми, а поэты в таком контексте — почти всегда непослушные пасынки. Они оказываются живым полигоном, на котором разворачивается борьба добра и зла, веры и неверия, сильной воли и уныния. Их уста, в которые Бог вложил дар вдохновенной речи, рассказывают нам о вещах неосязаемых, о предметах плотных и зримых, о подвиге и падении, о терпении и своеволии. И уже затем мы получаем признания, которые объясняют нашу душу и характер, показывают без утайки все дороги, которые открываются перед нами. Когда поэт сокрушённо говорит об унынии, в его словах мы видим себя. И это — драгоценный подарок, в котором народно-православное начало соединено с внутренним одиночеством горожанина.

К обедне снег растает и
земля —
В постыдной наготе
предстанет снова.
И медью зазвенят, не веселя,
Колокола Великого Покрова.

Как Судный день —
бестрепетно суров
По Новому и Ветхому
заветам,
Ты наступил, октябрьский
Покров,
Предзимье предварив по
всем приметам.

За смертный грех Уныния
— прости,
И затвориться дай в
безмолвной келье...
Играют свадьбы где-то
на Руси,
Но что мне на чужом пиру
похмелье.

Когда в душе сомненья и
разлад,
Верши молитвы праведное
слово.

И станет звездопадом —
снегопад
В урочный день российского
Покрова!

Оставаясь одиноким в круге знакомых и близких людей, поэт находит собеседника в историческом прошлом, и почти всегда такая встреча сопряжена с какой-либо роковой вехой, которая из дальней дали притягивает его взгляд и будит в нём силы, которые до поры неведомы и ему самому. И будет справедливо подчеркнуть, что граница между нынешней поэтической душой и депрессивной музой прежних литературных поколений лежит в этой смысловой и нравственной области. Такое отличие не родилось самопроизвольно, без сомнения, тут сказался духовный опыт стояния за правду и справедливость во время Великой Отечественной войны. Послевоенная русская советская поэзия чрезвычайно насыщена перекличками с древними битвами и героями, самопожертвованием и верностью отчей земле. И потому глубокая печаль современной лирики непосредственно связана с нынешним смутным временем, но по отношению к протяжённому русскому бытию она имеет подчинённый характер. Жёсткий вызов эпохи способен извлекать из сердца поэта великие признания. Вот почему его имя стоит поверять этой последней искренностью.

Он принял смерть, но
принял на миру!
И лёг со всеми в братскую
могилу.
А ты — один, и твоему перу
Остановить набега не под
силу.

Но что бы ни пророчил
этот сон
И где бы ни стояли вражьи
кони,
Ты можешь вздынуть
колокольный звон,
Оставив шрам ожога на
ладони

От вервия сияющих лучей,
Во искупленье посланного
Спасом.
И вспыхнут разом тысячи
свечей
По всем Святой Руси
иконостасам!

Андрей ТИМОФЕЕВ

«НОВЫЕ ТРАДИЦИОНАЛИСТЫ» КАК БУДУЩЕЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Андрей Николаевич Тимофеев родился в 1985 году в городе Салавате республики Башкортостан. Окончил Московский физико-технический институт, Литературный институт им. А. М. Горького (семинар М. П. Лобанова). Публиковался в журналах «Новый мир», «Наш современник», «Бельские просторы», газете «День литературы». Ведущий рубрики «Дневник читателя» на сайте «Российский писатель». Победитель 3-го литературного славянского фестиваля «Золотой Витязь», лауреат премии им. И. А. Гончарова. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

И тоска ещё бывает такая нестерпимая по воображаемой, возможной литературе, что любой несправедливый выкрик в свой адрес простишь критику...

В. Лихоносов

1

Герои этой статьи — молодые авторы, вошедшие в литературу в недавнее время, — Андрей Антипин, Юрий Лунин, Елена Тулушева, Алёна Белоусенко, Иван Маков и другие. Все они либо младше тридцати, либо немногим старше, и большинство из них публиковались в журнале «Наш современник». Журнал, разглядевший в своё время в молодом Распутине будущего русского классика, и сегодня верен своему призванию, он ведёт целенаправленный поиск молодых талантов, открывая их произведения для своих читателей.

Надо сказать, что творчество героев нашей статьи не осталось

незамеченным — о них говорили на Круглых столах по критике при Союзе писателей России и на Селезнёвской конференции в Краснодаре; о них писали как маститые критики — Александр Казинцев и Алексей Татаринов, так и их ровесники — например, молодой критик Ирина Шейко. Более того, на них нападали, их защищали — в течение нескольких месяцев на страницах «Литературной России», «Нашего современника» и «Дня литературы» шла ожесточённая полемика, начатая Сергеем Морозовым, обвинившем молодых авторов в чрезмерном следовании традиции и в оторванности от жизни.

Впрочем, в данной статье полемики не будет — во-первых, полемика с Сергеем Морозовым исчерпалась в тот момент, когда было убедительно доказано, что вызвана она не желанием критика поговорить о новых именах, а целенаправленной кампанией «Литературной России», направленной на дискредитацию «Нашего современника». А во-вторых, нам важно будет не защитить этих авторов от каких бы то ни было нападений, но серьёзно осмыслить их творчество.

Новое поколение в литературе — это не всегда радость обретения значительных произведений или авторов, обладающих полноценным художественным мировоззрением, — но всегда надежда. И потому, чтобы рассуждать о новом поколении, недостаточно, на наш взгляд, просто перечислить наиболее талантливых его представителей, проанализировать их достоинства и недостатки, сделать выводы об их сходстве или различии между собой. Важно сказать, на что же мы надеемся, то есть ответить на вопрос, какой именно мы хотим видеть современную литературу, какими качествами она должна была бы обладать, какие задачи ставить, какие вопросы решать — иначе говоря, каким мы представляем себе её идеальный образ. Такой подход вообще характерен для русской критики — например, В. Белинский и А. Григорьев, а в последние времена — В. Кожинов, М. Лобанов, Ю. Селезнёв не мыслили себе разговор не только о молодом поколении, но и вообще обо всей современной им литературе без проверки её на соответствие суровому идеалу, который они держали в своём уме и своём сердце.

По этому пути попробуем пойти и мы.

Но для того, чтобы говорить об идеале, формировать в своём представлении не абстрактные его характеристики, а реальный, объективно существующий образ, необходимо понять, в какой точке исторического развития отечественной словесности мы находимся в настоящее время — как мы здесь оказались, куда движемся. Нельзя писать о современной литературе, не осмыслив историю её развития, не поняв

внутренней логики, по которой это развитие происходит, ведь «полнее сознавая прошедшее, мы уясняем современное; глубже опускаясь в смысл былого — раскрываем смысл будущего; глядя назад — шагаем вперёд»[1].

В рамках этой статьи мы, конечно же, не будем покушаться на осмысление тысячелетнего пути русской литературы — лишь укажем на то, что отечественная критика занималась этим напряжённым осмыслением и именно в нём (а не в простом разборе произведений современников) видела своё подлинное назначение. И мы теперь можем следовать по этому проторённому пути, обнаруживая основание духовно-нравственных исканий русской литературы в её древних памятниках, таких, как «Слово о Законе и Благодати» и «Повесть временных лет»; наблюдая, как русское народное самосознание впервые во всей целостности воплотилось в личности Пушкина; как напряжённо и трагически искала русская литература возможность преодолеть «пошлость пошлого человека» в произведениях Гоголя; как пыталась «при полном реализме найти в человеке человека» в романах Достоевского; как спускалась на неведомую ещё литературе глубину человеческого характера в диалектике Толстого; как приходила к потрясающей широте народного у Шолохова; как внезапно выражала то советское, что являлось частью подлинно-русского, в лице Андрея Платонова и Леонида Леонова; как копила мудрость в военной прозе 60-х и выражала накопленное в «деревенской прозе». Развитие русской литературы — глубокий и сложный, но в то же время внутренне логичный процесс, и мы до сих пор находимся внутри этого процесса, хотя до конца и не отдаём себе в этом отчёта. А значит, и идеальный образ современной литературы не может не быть как бы продолжением этой магистральной линии.

Но для того чтобы продолжать, нужно от чего-то оттолкнуться. Не могло быть Гоголя без Пушкина; Достоевского без Гоголя; Шолохова без Толстого — вот и современная литература не может появиться на пустом месте, не может не быть связанной с последним мощным явлением в русской литературе на сегодняшний момент — с «деревенской прозой» 60 — 80-х годов. Конечно, здесь под «деревенской прозой» мы подразумеваем вовсе не узко-тематическую литературу о деревне и крестьянстве, а те наиболее значительные художественные произведения Валентина Распутина, Василия Белова, Виктора Лихоносова, Фёдора Абрамова, Виктора Астафьева, Евгения Носова, которые в первую очередь, по словам Валентина Распутина, «занимались нравственным здоровьем человека — и человека настоящего, и человека будущего». У деревенского направления были и другие цели

— выражение народного самосознания, развитие и обогащение языка художественной прозы, сохранение памяти об укладе народной крестьянской жизни, решение насущных общественных проблем, но поиск и утверждение нравственного идеала было целью первоочередной. И именно в этом современная литература призвана продолжать традиции своих предшественников.

Однако если в 60-х — 80-х годах авторам деревенской прозы идеал виделся ясно и явно: «добро и зло отличались, имели собственный чёткий образ»[2], и лишь угадывалось, что добро и зло вскоре перемешаются, что «добро в чистом виде превратится в слабость, зло — в силу», то современные писатели получили в наследство от морока 90-х годов не только разрушенную страну, но и повреждённый нравственный облик человека. И это, безусловно, главный вызов, с которым новому поколению придётся столкнуться.

Между «деревенской прозой» и сегодняшним молодым поколением — три десятка лет, вместивших перестроечное брожение, крушение страны, постмодернистский угар и медленное отрезвление — три десятка лет, во время которых у писателей и критиков традиционного направления почти не оставалось сил на осмысление, а хватало только на истощающую борьбу, необходимую для выживания русской литературы. Но задача нового поколения уже не бой во внешнем литературном и общественном процессе — не утверждение реализма над постмодернизмом, а патриотизма над либерализмом, задача нового поколения — поиск и осмысление внутреннего вместо внешнего, и в этом смысле — возвращение и подлинное наследование великим авторам русской литературы. Впрочем, может показаться, что мы считаем последние тридцать лет эдаким чёрным пятном, во время которого не происходило никаких особенных художественных достижений и открытий, это, конечно же, не так. Во-первых, в это время продолжали творить признанные классики «деревенской прозы»; во вторых, писали свои лучшие произведения те, кого можно было бы назвать «младшими деревенщиками» — Владимир Личутин, Владимир Крупин и духовно близкие им — Николай Дорошенко, Пётр Краснов, Вера Галактионова; продолжали это направление в следующем поколении — Михаил Тарковский, Анна и Константин Смородины; а в следующем — ближайшие предшественники героев нашей статьи — Ирина Мамаева и Дмитрий Новиков. Все эти авторы так или иначе черпали творческие силы в следовании традиции и пытались осмыслить тяжёлое для страны и народа время, в котором жили; и они так же могут служить примерами для молодых авторов, входящих сегодня в литературу.

И вот теперь, оглянувшись назад и определив в прошлом те маяки, на которые нам необходимо ориентироваться, мы можем двинуться вперёд и попытаться ответить на вопрос, какой же мы видим идеальный образ современной литературы, что ждём от нового поколения, какие надежды (может, чрезмерно смелые) на него возлагаем.

Итак, во-первых, современная литература, на наш взгляд, призвана пытаться проникнуть вглубь человека, осознавая и открывая всю сложность его душевного мира, всю бездну возможного падения и всю пронзительность раскаяния и милосердия. Ведь в центре русской литературы всегда была душа человека и тот нравственный компас, который позволял ему различать добро и зло. И речь идёт не только об исследовании вечной неизменяемой природы человека, но и ответе на вопрос, что нового современная эпоха может открыть внутри нас, как она изменяет нас, и как мы сами можем изменяться и двигаться к извечному нравственному идеалу в новых исторических условиях.

Во-вторых, современная литература, на наш взгляд, призвана воплотить в своих произведениях народное самосознание, понять, как русский народ воспринимает современный исторический этап своего развития. Трагедии 90-х годов уже было посвящено несколько серьёзных художественных произведений, например, повесть Валентина Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана» или повесть Николая Дорошенко «Запретный художник», но это был взгляд ещё как бы изнутри, полный горечи и отчаяния, — возможно, более полное осмысление этой трагедии ещё впереди. С другой стороны, в последнее время произошли страшные события в Донбассе, которые, несомненно, ждут своего автора. И может быть, идея русского мира, о которой так много сейчас говорят, будет восприниматься нашими потомками не просто поверхностным лозунгом, а началом мощного всплеска народного самосознания.

Понять, что нового современная эпоха открывает внутри нас и как русский народ в своей целостности воспринимает текущий этап своего развития — это значит, по большому счёту, осмыслить своё время. Зачастую современная, особенно либеральная критика, представляет отражение своего времени главной задачей литературы, однако понимает это отражение как запечатление сиюминутных тенденций, эдакого фотографического слепка с мгновенной ситуации и не желает признавать, что тенденции эти потеряют актуальность через несколько лет — а вместе с ними почти наверняка утратит ценность и творчество писателя, который пытается эти тенденции схватить, и размышления критика

о таком писателе. Подобный взгляд — поверхностен, он отражает отсутствие целостного мировоззрения. Напротив, понять, что в нравственном устройстве человека и в мироощущении народа есть характерного именно для сегодняшнего исторического момента, — значит разрешить вопрос об отражении своего времени максимально полно и глубоко.

И задача эта даже не узко-литературная, но и в полном смысле общественная. Ведь сейчас мы приходим к пониманию того, что экономика, политика, военная мощь — всё это ничто без человека, без антропологического идеала, обрести который невозможно без осознания себя частью своего народа. И задача русской цивилизации сейчас не только и не столько в том, чтобы вернуться к сильному справедливому государству, но, прежде всего, в том, чтобы показать этот идеал поступками, а в конечном счёте — всей жизнью каждого русского человека. Эту задачу невозможно решить в той модели коллективистского государства, где в духе Великого инквизитора распределяются небольшие материальные блага взамен на покорность, которую предлагают сейчас многие, даже искренне желающие России добра и процветания, люди. Воспитание целостного мировоззрения наших соотечественников, обретение в каждом из них глубокой личности — вот что могло бы дать нам шанс. А воспитание целостного мировоззрения невозможно без искусства и, в частности, без литературы.

И наконец, в-третьих, развал страны в начале 90-х годов прошлого века не только обернулся глубокой трагедией русского народа, не только дал нам небывалый опыт крушения и возрождения, но и высвободил тот мощный религиозный пласт, который находился у наших соотечественников в генах, воздействовал на них опосредовано, через русскую литературу и философию, но не мог быть осознан в полной мере в советское время. И теперь мы можем говорить о том, что у современной литературы есть и ещё одна задача, даже сверхзадача, может, и невыполнимая практически, но чрезвычайно важная — это выразить христианское мировоззрение, понять и показать человека, в душе которого с силой властвует христианский Идеал, но сделать это не в форме нравоучительной сентенции, а в форме живой жизни, воплощённой в слове. Это означало бы следующий шаг от предельной человечности русской литературы (и «деревенской прозы» как последнего мощного его воплощения) ко второму тому «Мёртвых душ». И может быть, русской литературе и нужно было сначала заглянуть так глубоко в человека, как она смогла сделать в романах Достоевского и Толстого, а потом в полной мере осознать свою близость к народу, к его корням, в

лучших произведениях XX века, чтобы наконец, пережив очередную трагедию, развалившую страну изнутри, показать всему миру путь человека к христианскому Идеалу.

Допустим это; скажем об этом ясно, но осторожно; поймём умом, что обыкновенный грешный человек не может претендовать на то, чтобы вести кого бы то ни было к Идеалу; осознаём опасность «говорить о грехе там, где надо говорить об ужасе, или о святости там, где надо говорить о красоте»[3]. И более не дерзнём рассуждать о том, что не можем вместить в себя — лишь сохраним в сердце этот образ как недостижимый Идеал «воображаемой, возможной литературы», предоставив промыслительной силе определить, в какой мере этот Идеал достижим в реальном мире.

И вот на такой высокой ноте мы и приступим к рассмотрению конкретных произведений молодых прозаиков и попытаемся взглянуть на их творчество сквозь призму того представления об идеальной современной литературе, которое мы выразили выше. И пусть это новое молодое поколение ещё только формируется, пусть оно ещё сыро, пусть оно пока ещё — лишь обещание, надежда. Но, если эта надежда имеет какое-то основание, то что же может быть радостнее для вдумчивого читателя и русского человека?

2

При упоминании имени молодого иркутского прозаика Андрея Антипина обычно говорят о его языке, наследующем Валентину Распутину. Это не лишено смысла. Действительно, именно живой народный язык — это и та среда, в которой молодой писатель чувствует себя как рыба в воде, и предмет его напряжённого творческого освоения. И здесь Антипин наследует, на наш взгляд, не только и не столько Валентину Распутину, сколько «младшим деревенщикам», таким как В. Личутин и А. Байбордин.

Образность языка молодого прозаика несомненна. Вот главный герой повести «Дядька»[4] заходит в дом, где живут братья с невестками: «Он робеет в присутствии невесток, к которым никак не может привыкнуть, и всякий раз идёт в дом, как в черёмуховый сад, где юно и пьяно качаются сарафанные ветки, а от грубых и нарочно громких замечаний братьев не знает, под какую половицу запасть. Отшучивается полным ртом и до ушей заливается банным жаром, когда невестки окликают его, как маленького: — Мишенька, тебе ещё окрошки подать?» Вот привычно ссорятся старик со старухой и не могут никак примириться в повести «Плакали чайки»[5]: «Нет, от венца не было меж них понимания и уж, видно, до гроба не найдут одного слова на двоих, будут таскать его каждый день в свою сторону, как

пилу-двухручку, к чёрту изведут совместную жизнь». Вот в ранней повести Антипина «Капли марта»[6] мама, находящаяся в больнице на лечении, звонит своему сыну, оставшемуся с бабушкой в деревне: «Мальчик звал маму приехать и, конечно, пускал слезу. На другом конце тоже хлюпало, а потом сыпались короткие гудки: курлы! курлы! Как песня осенних журавлей. Их было так много, что если бы всех собрать в стаю и заставить разом заплакать, то мама с бабушкой ужаснулись бы: сколько мальчик перенёс из-за них горя! Но, кроме него, никто этих брошенных мамой гудочков собрать в себе не мог, и поэтому ни одна душа не ведала о приключившейся с ним беде».

Как свежи эти сравнения дома, в котором живут молодые жёны братьев, с черёмуховым садом; отношений между пожилыми супругами с двуручной пилой, которую те тянут в разные стороны; гудков в трубке после звонка мамы с курлыканьем журавлей. Язык Антипина наполнен такими примерами.

А иногда образность его поднимается даже до подлинной поэзии, как, скажем, в зачине повести «Дядька»: «Когда они жили-были, небо коптили, горькую пили, а пуще робили, любили горько, пред сильным робели, но врагу не спускали, правды стыдились, над кривдой скорбели, а уж пели от сердца — гармошки рвали, а в сердцах тужили — волосы рвали; так вот и были, лихо хлебали не за полушку, не за получку пахали, на семь ртов подмогу растили; словом, не шибко жили, стариков гневили, кресты топтали, под крестик державу крепили, а себя — забывали... Однажды уходили, меркли, мёрли, мёрзли, таяли, затухали, затихали, падали в могилы, засеивались безвестными костями от Непрядвы до обглоданного рейхстага, да так, что и до сего, уже пожатые, стоят у ворога в горле и не дают хищникам покоя... Но вот вышел срок, и они почти все иссякли, измелели, испелись, испились, извелись на Руси, исчезли в клубящемся прахе и глубинной горечи земли... И, пустив шапку по кругу, изыщем ли нынче верные слова, чтобы поведать о них? что им сказать? да и услышат ли? и надо ли им?.. Молчат».

Язык Антипина, ясный и простой в ранних повестях, становится богатым до медовой густоты в поздних, например, в «Горькой траве» или «Дядьке», так что редкий гурман сможет проглотить повести целиком в один присест. Эта усложнённость и избыточность языковой ткани — следствие того, что основное внимание Антипин-прозаик, видимо, уделяет именно языковой сфере, а художественное развитие воспринимается им, прежде всего, как обогащение языка. И потому, с одной стороны, мы видим в антипинской прозе — языковое богатство, чрезвычайно ценное в наше «безъязыкое» время; а с другой стороны

— сталкиваемся с неоправданным усложнением текста, вынуждающим буквально «продираться» сквозь него. Кажется, именно своеобразная прочистка языка под проточной водой, его осветление, гармонизация — и есть первоочередная задача прозаика в настоящий момент. Возможно, движение в сторону языковой чистоты и строгости другого представителя «деревенской прозы» — Виктора Лихоносова (наследующего в этом смысле Ивану Бунину), могло бы быть для него перспективным.

В языке и в его художественной образности — корень и антипинского психологизма, так что подчас герой вырастает перед нами не столько благодаря своим мыслям, чувствам и даже делам, сколько благодаря языковой образности. Вот Дядька в своей обычной стихии, пьёт берёзовый сок после работы на пашне: «Дядька обеими руками подносит склянку ко рту. Ночь мигнула звездой, а склянка полнёхонька. Сок льётся через край, сверху барахтаются муравьи. И Дядька пьёт этот сок прямо с живыми муравьями, и те муравьи, которые чудом спасаются от раззявившейся воронки, мечутся по стеклянному ободку, но и они не уходят от гибели, и медведь смахивает их языком». Таким герой предстаёт для нас в минуты, когда занят делом, осознаёт, зачем и для чего живёт: «Уж если что-то озарялось в нём и, шаркнув о рёбра, высекало короткую искру, то всё в Дядьке схватывалось единым стихийным порывом, трудно и гулко нарастало и, двигаясь к выходу деятельным добром, мощным зарядом ударяло в руки, как молния в дерево, и жизнь сама собой билась в пульсации некой свыше отворенной жилы, пёрла в руки, словно рыба в крупные сети, а разная мелочь и чепуха существования проплывали насквозь, не задевая Дядькиной души». А вот тот же Дядька вдруг вскипает обидой на мир и начинает бегать по селу, искать выпивку: «И была это уже не дума, а думка — поспешная, некрасивая, жалкая. В этой слабенькой думке, как в обмелевшей реке, зияли рельефно и зримо все камни, все коряги и повороты Дядькиной иссушённой души: где занять, найти, добыть, выпросить, украсть...» И когда все эти разрозненные куски собираются в одно, то и предстаёт перед нами характер Дядьки — с одной стороны, спокойный и уверенный в себе медведь, с другой — молния, ударившая в дерево, пульсирующая теперь в нём, выходящая деятельным добром; в одни минуты душа полная, как сети с крупной рыбой, а в другие — изворотливая, во время поиска выпивки, как обмелелая река.

Чтобы полнее проникнуть в художественный мир Андрея Антипина и проверить его на соответствие тому образу современной

литературы, который мы нарисовали выше, нам необходимо будет несколько абстрагироваться от языковых явлений и проследить динамику развития молодого прозаика в отрыве от них[7].

Антипин начинал свой творческий путь с повестей «Капли марта» и «Соболь на счастье», в которых мир воспринимался глазами маленького мальчика. Это очень гармоничные тексты, с одной стороны — безусловно, воплощающие личный опыт молодого автора, его воспоминания об окружающей его жизни, а с другой стороны — проникнутые стремлением соответствовать классическим образцам русской прозы. Можно сказать, что мировоззрение автора этих повестей в хорошем смысле — сказочно, потому что, сколь бы трагичен не был окружающий героя мир, читатель всё равно ощущает невозможность конечного торжества зла над добром. Но, выражаясь словами Юрия Селезнёва, «это не пресловутые «розовые очки», а сознание того, что трагедия — не последнее слово мира, но лишь одна из сторон Целого»[8].

Особенно ясно это видно на примере повести «Соболь на счастье»[9]. В ней описывается жизнь обычной российской семьи в 90-е годы. Отец и мать постоянно ссорятся, хотя и живут вместе. Отец зарабатывает больше и не разрешает матери брать вкусности, которые покупает на свои деньги. Их сын, главный герой повести, также не берёт отцовскую еду, потому что ему обидно за мать. Мальчик мечтает когда-нибудь поймать в лесу соболя, чтобы продать его дорогую шкурку и разрешить семейные проблемы. Страна рушится, денег постоянно не хватает. Одна хваткая подруга-предпринимательница предлагает матери героя заняться «бизнесом» и перепродавать по знакомым то жвачки, то посуду. Мать, никогда не умевшая вести коммерческие дела, не только не получает доход с сомнительного бизнеса, но и «прогорает». Теперь она должна своей якобы подруге большую сумму денег. Та требует долг и наконец приводит в дом бандитов, чтобы они забрали причитающееся ей силой.

Чем бы закончил такой рассказ какой-нибудь типичный современный молодой автор — наверное, самоубийством матери или чем-то ещё более жестоким. Молодой Антипин не может сделать так. Впрочем, не может он пойти и против достоверности и искусственно выдумать благополучный конец. Рассказ заканчивается пронзительным по напряжению чувства сном мальчика, где он всё-таки ловит соболя и помогает своей матери. В свете этого заключительного эпизода трагедия семьи ощущается читателем даже острее — но в то же время в художественной плоскости происходит торжество светлого гармонизирующего начала, которое не могло победить в жестокой реальной жизни.

В повести «Капли марта» столкновение добра и зла не так очевидно, но и там в концовке мальчик, до того копивший злость на новорождённого братика, который должен лишить его апельсинок, мороженого и, конечно же, любви и внимания, увидев маму, возвращающуюся с ребёнком из роддома, «уже не долимый никакими бедами-печалями, отнимавшими у него беззаботное детство, воскресший над раздумьями и сомнениями, разом излившийся в своей чистой и неподкупной любви, как пробивший дырку журчливый ручеёк, он сорвался с приставленной к стене табуретки и побежал...» навстречу матери и брату. И ведь нельзя сказать, что автор не ощущает глубокую трагичность мира (может, ещё не воспринимает её во всей полноте, но ощущает — это несомненно!), однако именно в таком благополучном конце видит выход из трагедии.

Впрочем, по-видимому, подобная гармоничность сковывала Антипина-прозаика и постепенно он стал отказываться от неё в пользу более широкого изображения жизни. Расширение и усложнение происходит уже в повести «Солнечный Кавказ», но наиболее заметно это становится в следующих его произведениях, действующими лицами которых становятся старики и старухи, — романе «Житийная история» и повести «Плакали чайки». Но эти произведения объединяет не только возраст центральных персонажей и стремление к широкому изображению жизни, а ещё и концентрация на ключевой теме, которая по замыслу автора должна была бы сцепить текст в одно целое.

В романе «Житийная история»[10] такой темой становится приближение смерти. К этой теме так или иначе сходятся все разговоры супругов Коломеевых друг с другом и с соседями и внутренние монологи каждого из них: «А жизнь она, конечно... Это тебе не коробушку спичек спалить»; «Прикрыли заслонку»; «Ничего ты, Коломеев, не сделаешь с ней, раз пришла!» и т.д. И даже сама ткань текста, кажется, пронизана предчувствием смерти: «роняет кладбищенский лист березняк», дальний бетонный столб высоковольтной линии возносится над холмом «как могильный крест», и даже падает пепел с самокрутки, а Коломеев жалеет его, «потому что тот уже умер».

Смерть в романе повсюду — иногда это воплощается в пронзительных по внутренней трагичности страницах. Например, в сценах поиска бурятом своего утонувшего сына. Или в воспоминаниях старухи Августины о том, как она маленькой девочкой пришла на могилу матери, а на могиле умер червяк, и «Августина пальцем проковыряла дырочку в земле, схоронила червя и заплакала, потому что у неё теперь было две могилки — материнская и дождевого червя...» Но иногда беспрерывные упоминания о

смерти (в основном в разговорах героев между собой) становятся навязчивыми, и тогда кажется, что есть во всём этом какая-то отдалённость автора от своих героев, незнание их до конца — так молодой человек видит жизнь стариков и отчего-то воображает, что они каждый день думают о скорой смерти.

Есть в романе и выходы из смертной тоски, принятие собственной судьбы: «Не, для смерти у нас должна быть лесная философия. Если, к примеру, я помру, то жалеть не надо, потому что для другого человека место освободил», — рассуждает старик Коломеев в сцене блуждания по лесу, по силе и «экзистенциальности» переживаний напоминающей сцену в лесу из Беловского «Привычного дела»; в другом месте романа вдруг «удивительный покой» настаёт в душе Коломеева; да и кончается «Житийная история» пронзительным и трогательным эпизодом принятия жизни и смерти: «В будыле сыскались ржавые баки, в которых старуха настаивала для гряд адово зелье, и, будто подглядев поздний свет в заброшенном доме, старик впервые подумал, что не наступит новое лето. Он принял эту маленькую новость тихо, ни душой не дрогнув и не зашелестев раскурками. И заложил сухую траву в баки. И поджёг от одной спички. И пустил к небу не ведающий тьмы, горя и одиночества лебяжий клуб — как сигнал о своём затянувшемся существовании». Эти всплески принятия собственной судьбы ценны и художественно сильны, но они хаотично разбросаны по тексту и не объединены единым процессом развития — нет здесь той диалектики чувства, которая позволила бы воспринимать душевную жизнь пожилого человека в предчувствии смерти во всей целостности[11].

И наконец, обилие бытовых подробностей жизни стариков, семейных дрязг, споров с соседями, застолий — того быта, в котором не «постигается бытие»[12], быта самого для себя, иногда переходящего в мелкое хохмачество и скучное перечисление произошедшего — показывало, что автор ещё находится на пути обретения не просто широты охвата жизни, но широты, художественно оправданной и обоснованной.

В повести «Плакали чайки» так же есть ключевая тема, вокруг которой сосредоточен текст — святая Победа и её опошление в наши дни, следующее из общего опошления жизни. И опять, как и в романе «Житийная история», раскрытие этой темы достигается не просто сюжетно — описанием праздничного дня фронтовика Ивана Матвеевича, последнего дня его жизни, но и характерными деталями: разбитый похмельем Иван Матвеевич «весь прошлый день пожёг в боях с «вражиной», один за одним оставив все рубежи»; а его

старуха Таисия «сбила прицел и лупила куда ни попадя, а больше по своим».

Современная жизнь в рассказе подчёркнуто отвратительна — не желает поздравлять Ивана Матвеевича с праздником балбес-перевозчик Петюня; откровенно скучают на праздновании школьники; нелепо выглядит представление «с поганой слёзной интонацией, что сиди и плюйся», и даже музыка из динамиков «не умела выйти наружу широко и вольно» — и вообще, «дети пьют, внуки пьют, пенсию таскают», так что один выход — застрелиться, что и делает один из героев повести. Вот и Ивану Матвеевичу, «если кумекать внешним счётом — хорошо, а глянуть сердцем — по-га-но...» «Погано» — ключевое слово рассказа. Сгущение чёрных цветов здесь настолько сильно и нарочито, что напоминает, скорее, мир Романа Сенчина.

По идее, противостоять «современной поганой жизни» должно что-то святое и подлинное, связанное с Великой Отечественной войной и Победой, но воспоминания о «том времени» Ивана Матвеевича либо блёклы (как эпизод отмечания праздника в советское время), либо омрачены «невозможностью горькой правды на земле» и ссорами с женой (как первые годы послевоенной жизни). И даже в единственном по-настоящему художественно сильном эпизоде встречи с родными местами по возвращению с войны есть что-то абстрактное, очевидное — то, что можно выдумать, сидя дома за письменным столом. И потому, хоть гибель героя в конце рассказа от рук современных подонков не может не тронуть читателя, за всем этим остаётся ощущение неестественности и нарочитости, подчинённости художественного мира изначально заданной идее.

Этот, второй, этап творчества Андрея Антипина, связанный с романом «Житийная история» и повестью «Плакали чайки», не может быть полностью принят нами как удачный, но оставляет надежду на будущее развитие молодого прозаика. И действительно, в дальнейшем Антипин перестанет строить свои произведения на подчинении какой-то единой теме и перейдёт, на первый взгляд, к более простому способу — к рассказам об историях человеческих жизней, героев для которых он, наверно, будет находить вокруг себя. Однако именно этот путь окажется для молодого прозаика чрезвычайно плодотворным и приведёт к открытиям гораздо более значительным, чем просто рассказы об отдельных людях, написанные ярким густым языком.

Об этих открытиях — позже. Но сперва третий этап его творчества, этап «человеческих трагедий», откроется повестью «Горькая трава»[13] о судьбе «перекати-поля» Сани Золотарёва, бросившего родной дом и скитающегося по свету, до сорока лет так

и не понявшего, кто он есть, и не нашедшего себе занятия по душе, и слишком поздно вернувшегося назад, не успев попрощаться с умирающей матерью и не узнав при встрече родного брата.

На фоне мучительного осознания Саней собственной неприкаянности, автор показывает нам и других второстепенных персонажей: пастуха Витьку, бросившего в другом городе тётку, заменившую ему мать; дурачка и пьяницу Ёлочку; матершинника с огромными кулаками Борьку — но у всех и во всём есть какое-то общее мироощущение — «бездомное одиночество на земле, никчёмность всего... а впереди совсем ничего, только мрак, пустота да зияющее открытым сердцем кладбище». И кажется читателю, что так везде и что «всё здесь, на ветровом юру России, устаёт и изнашивается не ко времени: травы, избы, люди». Пожалуй, максимум «другого» цвета, который допускает автор в своей повести — это образ счастливого семьянина водителя Николая с его «хрупким мотыльковым счастьем», которое ни Санька, ни, кажется, сам автор не понимает и не принимает. И тогда создаётся впечатление, что нет в целом мире другой альтернативы: либо неприкаянность, либо мещанская «тихая радость».

Сгущение чёрного цвета в повести «Горькая трава» не кажется таким нарочитым, как в «Плакали чайки», потому что во всём этом действительно чувствуется какая-то горькая правда, но всё-таки то, как эта правда выражена в повести, не может удовлетворить внимательного читателя целиком. И потому в итоге получается, что для личной трагедии, неудавшейся судьбы одного конкретного человека Сани Золотарёва, в «Горькой траве» слишком много однообразия и нет никакого иного цвета, на фоне которого выделялся бы главный герой, давая возможность читателям глубоко сопереживать ему. Но в то же время общее мироощущение, царящее «в этой спетой и спитой деревенской России», не оправданно в полной мере и не может расшириться здесь до подлинной народной трагедии.

В тот момент для дальнейшего развития прозаику нужно было решить, каким же путём ему стоит пойти — путём сосредоточения на внутреннем мире отдельного человека или путём максимального обобщения. На наш взгляд, первый — путь глубокого проникновения в личность, исследование тонкого психологизма душевного мира героя — не путь Андрея Антипина (или пока, на данном этапе развития, — не его путь). Его сильная черта как раз-таки не подмечать те разные качества и особенности характеров, которые разделяют людей между собой, а наоборот — видеть то, что сливает разных людей в одно, в единую народную стихию. В Антипине, как ни в одном другом молодом

(а может, и вообще — ни в одном другом сейчас в России) авторе, есть, на наш взгляд, по-настоящему полноценное восприятие русского народа как единого целого. И это его самое сильное качество (может, после богатства языка) в полной мере воплотилось в следующей его повести — «Дядька».

В «Дядьке» очередная «человеческая трагедия» мужика Мишки, ведущего бесцельную, пьяную, неприкаянную жизнь без семьи, без детей, без смысла существования, и так же бесцельно и нелепо умирающего, вдруг прорывает границы отдельной судьбы, выливаясь в единое горькое характерное. То, что было лишь слегка намечено в «Плакали чайки» и едва ощущалось в «Горькой траве», а именно — горе народа, потерявшегося в водовороте крушения великой страны, в «Дядьке» обретает художественную силу и начинает звучать ясно и отчётливо. И оттого и повесть поднимается на невиданный ещё для молодого писателя уровень обобщения; устремляется куда-то ввысь, туда, где великие русские писатели осмысляли народное начало как основу русской жизни.

Без надрыва и без необоснованного сгущения, свойственного, например, повести «Плакали чайки», противостояние «тогда» и «сейчас» в «Дядьке» становится в фокус художественного мира текста.

«Тогда» — жили на Руси какие-то былинные, легендарные люди, которые «любили горько, перед сильным робели, но врагу не спускали, правды стыдились, над кривдой скорбели, а уж пели от сердца — гармошки рвали...» Эта былинная сила когда-то питала и жизнь главного героя Мишки, но всё-таки в полной мере «тогда» воплотилось в старшем поколении — например, в Мишкином отце: «В молодости он, например, один на своём «Натике» — первом на селе тракторе с зубатыми колёсами, топившемся берёзовыми чурками, — управлялся с колхозными пашнями по эту сторону Лены. По другую на такой же ледащей технике казаковал его друг-товарищ и однофамилец, а пуще всегдашний противник Пётр Григорьевич. Оба парни горячие, до всякой работы хватучие. В полдень съедутся у разных берегов реки — обмыть лицо, крикнет один: «Ну, как, Петро?» «Да так, — ответит Пётр, если слова первого не отнесёт ветром, — мало-мало кручусь». «Я-то тебя нынешний год в запятках оставлю!» — задерётся первый. Пётр же уточнит: «Это баба с перепоя ляпнула, а ты варежку раззявил!» И оба, закипев, скорее за рычаги, от зари до зари — давать план. А это много гектаров промёрзлых земель...» И действительно, будто не люди это, а древние богатыри, только не мечи у них в ножнах, а с зубатыми колёсами трактора. А «сейчас» — эти же русские люди «иссякли, измелели, испепелились, испились, извелись на

Руси, исчезли в клубящемся прахе и глубинной горечи земли...» Вот так, в конце концов, уходит в землю и сам Дядька.

Впрочем, конечно же, дело не только в историческом моменте — есть что-то в характере самого Дядьки, что предопределяет его трагедию, какая-то внутренняя неприкаянность и неустроенность. И даже когда он пытается «сцеплять зубы» и не пить, пунктуально ходить на работу, а в свободное время — перестилать полы, пилить и колоть дрова, возиться в огороде, надолго его всё равно не хватает, и в один чёрный день он вырывается, вдруг исчезает, чудит... И это личное, тот надлом, произошедший в его судьбе, «мучительно и полнокровно — по-братски» совпадает с гибелью самой державы. Личное и народное сцепляются в жизни Дядьки в одно, так что и не понять, что следует из чего.

И потому неправ критик Сергей Морозов, когда утверждает, что Антипин «много говорит о непроизводящей, потерявшей свою основу России. Но ничего о личной, человеческой трагедии, которой хлестануть читателя можно основательнее». Именно личные трагедии — Сани Золотарёва, Дядьки, мужичка по кличке Пузырёк, Толи Подымахина и других — волнуют автора больше всего, так что всякий раз принимается он рассказывать нам о каждом таком несчастном, как о первом и самом главном человеке на земле. Трагедия Мишки по кличке Дядька ударяет нас, читателей, потому, что мы видим конкретного погибшего человека и сопереживаем ему лично. Но так же неправ и другой критик, Алексей Татаринов, когда видит в героях Антипина лишь «экзистенциальные переживания», «тяжелейшую встречу достойного человека с пустотой как проблему века, как один из моментов борьбы личности за выживание». Такой взгляд существенно обедняет повесть, потому что воспринимает трагедию главного героя как трагедию личности и не замечает за ней трагедию народа.

Это «братское сцепление» личного и народного определяется тем вековечным и исконно родовым, что есть в Дядьке, а именно — упрямым стремлением к высшей правде и невозможностью жить без неё. Наверно, это в той или иной мере свойственно каждому человеку, но русскому — в большей степени, потому что именно русский человек без ощущения правды сразу же впадает в разгул и не может довольствоваться простой мещанской жизнью. И не от тяжести жизни загибаются эти деревенские мужики, не просто от того, что пьют и гуляют, а от отсутствия главного, ради чего можно жить и отдать свою жизнь без остатка. И потому и «погано» наше время, что лишён русский человек

своего идеала — в этом, наверно, главный вывод повести.

Итак, осознание трагедии у Андрея Антипина произошло. И теперь остаётся открытым вопрос, сможет ли автор двигаться дальше; сможет ли, вместив в свою душу всю горечь и глубину происходящего, прийти к пониманию того, что «трагедия — не последнее слово жизни»; сможет ли гармонизировать страшный мир, как он делал в своих ранних повестях «Капли марта» или «Соболь на счастье» (на том уровне восприятия трагедии, на котором он находился на тот момент). И дело, конечно же, не просто в благополучном конце или «поиске примеров каких-то успешных сельских жителей» — речь идёт, скорее, о поиске и утверждении той высшей правды, которую так безуспешно искал Дядька и обретение которой помогло бы нашему народу выйти из кризиса, в котором он сейчас находится.

(Продолжение следует)

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Александр Герцен. Дилетанты-романтики. По собранию сочинений А.И.Герцена в 8-ми томах. М.: Правда, 1975, т.2, стр.586.

2. Валентин Распутин. «Пожар».

3. Митрополит Антоний Сурожский. Духовная жизнь. Духовное наследие, 2013.

4. «Наш современник» №9 2014.

5. «Наш современник» №1 2012.

6. Русский литературный журнал «МолОКО» 2010.

7. Хоть это, может, и не очень верно с точки зрения полноты восприятия художественного текста.

8. Селезнёв Юрий. Избранное. М.: Современник, 1987.

9. «Москва №6 2011.

10. Антипин Андрей. Житийная история. Иркутск: Сибирская книга, 2012.

11. Что есть, кстати, в произведении другого молодого автора, Ивана Макова, к которому мы обратимся ниже.

12. Лобанов Михаил. Ценности народного характера. «Огонёк», №30, 1970.

13. «Наш современник» № 4 2013.

Владимир ЕРМАКОВ

ПИДЖАКИ И ВАТНИКИ

О поэтике и прагматике дресс-кода

Владимир Александрович Ермаков родился в 1949 году в посёлке Метенино Петушинского района Владимирской области. Окончил исторический факультет Орловского государственного педагогического института. Служил в рядах Советской армии. Работал грузчиком, архивистом, библиографом, заместителем директора по воспитательной работе в СПТУ, заведующим автоклубом, ныне – научный сотрудник Орловского краеведческого музея. Писатель, эссеист, поэт, публицист, член Союза писателей России, лауреат Горьковской литературной премии, заслуженный работник культуры Российской Федерации. Живёт в Орле.

1

В начале каждого раздора желание определить врага выражается в стремлении очернить его, в общем и целом: заклеймить каким-нибудь скверным словом — собирательным именем, использующимся как оскорбительное прозвище. По принципу метонимии, снижающего риторического тропа, символическим значением наделяется какая-либо выразительная деталь, и к ней сводится образ врага, подлежащего унижению и уничтожению. По мере роста разногласий либеральное меньшинство окрестило лояльное большинство, поддерживающее президента, путинским быдлом. А для выразительности было введено презрительное прозвище: ватники. Население страны в таком ракурсе представляется как серая масса хмурых людей, живущих скудно и одетых бедно. Так судят о народе те, кто мыслит себя вне народа. Они как бы другие. Не такие, как эти.

У противоборствующих политических элит, правящей и протестной, есть одно общее свойство: чувство собственного превосходства. Большей частью никак и ничем не оправданное. Для обозначения неважных людей, напускающих на себя важность, в блатном жаргоне есть точное словцо: пиджаки. Если принять его как рабочий термин, обозначится бинарная оппозиция, создающая опасное социальное напряжение в нашей как бы демократической системе.

Высокомерное отношение пиджаков к ватникам напоминает прежнее презрение сюртуков к армякам, взрастившее в народе ответную ненависть. Чем всё кончилось? Большой бедой... Россия разделилась в себе: с одной стороны — ликующие и праздно болтающие, с другой — униженные и оскорблённые. Выяснение отношений началось в 1917 году и, кажется, всё не кончилось до сегодняшнего дня.

В напряжённой обстановке, сложившейся в нашем обществе в связи с осложнением геополитического контекста, условное деление людей на пиджаков и ватников расширяет и углубляет гражданское отчуждение. Коррупция, то есть — порча, поразившая социально-экономическую среду, тихой сапой проникает в идейно-нравственную сферу.

С глубокой древности до наших дней о статусе человека в обществе свидетельствует его одежда. Когда один троглодит прятал срам под фиговым листком, а другой оборачивал чресла медвежьей шкурой, сразу было видно, кто круче — кто и как будет делить валовой продукт в виде добытого мамонта. Дело, конечно, давнее... но разве сегодня иначе? Когда в житейской суете ненароком встречаются человек в мундире и человек в спецовке, ежу ясно, кто есть кто.

Намеренно упрощая сложность социальных процессов, трудовую деятельность как таковую можно распределить по двум основным видам: работа и служба. Соответственно можно обозначить специфику, выраженную в одежде: роба и мундир. Рабочая одежда не более чем облачение тела, в то время как униформа — представление статуса. В роли мундира может быть всё, что утверждено для обязательного ношения в официальной обстановке: китель, пиджак, смокинг, фрак. А рабочей одеждой может стать всё что угодно — вплоть до мундира, лишённого знаков различия.

Мундир (униформа) — костюм, выражающий социальную функцию его носителя; структура мундира — семантика: каждая деталь имеет своё значение. Роба (спецовка) — одежда, чья формальность сведена к минимуму; принцип пошива — прагматика: чтобы всё было дёшево и удобно.

Вицмундир, в отличие от прочего гардероба, нельзя просто заказать у портного — его надо

выслужить. От царя Гороха до нынешних дней особо важная персона (VIP) — это не просто личность, а лицо при мундире. В особо показательных случаях весь престиж сводится к имиджу. Стоит вспомнить дорогого Леонида Ильича в маршальском кителе... Парадный мундир — экстерьер карьеры, предъявленный на всеобщее обозрение, свидетельство успеха на ярмарке тщеславия. В наше время наглядным доказательством принадлежности индивида к элите общества является номенклатурный дресскод: фирменный костюм выступает как форменный мундир. Хотя роскошный вид чиновника вызывает подозрения... как язвили в старину, — салоп на меху, а рыльце в пуху.

Мятеж духа против буквы часто выражался как бунт исключений против правил. В истории культуры первыми протестантами стали античные киники; самый знаменитый из них, Диоген Синопский, устроил себе жилище в бочке и оделся в рубище. Другой образец радикального инакомыслия, представленного наглядно, являет образ Льва Толстого: подвижник духа в посконной рубахе и мужицком зипуне — икона сурового стиля, в коем предметом веры является сермяжная правда. Подражая ему, многочисленные последователи сделали своей униформой толстовку — хитро скроенный компромисс между пиджаком и ватником. От всего толстовства только она и осталась...

Последнее в истории массовое явление духовного бунтарства — движение хиппи. Дети-цветы (как их прозвали в прессе), яркие сорняки райского сада, ввели в мировой обиход синие джинсы (простые порты из крашеной сермяги), прежде бывшие рабочей одеждой. Увы, бунт против буржуазного образа жизни очень скоро стал модным трендом потребительского общества. Драные джинсы престижных брендов, ценой в хорошую шубу, знаменуют торжество потребительства над бунтарством.

Советская интеллигенция в значительной и значимой её части далеко от народа никогда не отходила; пожалуй, среди достойных представителей образованного сословия не найти такого, кому не приходился бы по плечу обыкновенный ватник. Примеров тьма — от Лихачёва и Солженицына до Ростроповича и Шевчука.

Чтобы удостовериться в изначальной принадлежности Иосифа Бродского к отечественной традиции, достаточно сопоставить две его фотографии — в ватнике (в деревне Норенской, в ссылке) и во фраке (в Стокгольме, на нобелевской церемонии). На первой он стоит вольно и вольготно, на второй позирует напряжённо и неловко. Очевидно, что в своей среде ему быть естественнее, чем в избранном обществе. Чувство причастности

к общей действительности, обретённое и осознанное в северной ссылке, Бродский несколько раз (поскольку для него это было важно) высказывал в интервью. «Возникло что-то более важное, более глубокое, что наложило отпечаток на всю мою жизнь: выходишь рано, в шесть утра, в поле на работу, в час, когда восходит солнце, и чувствуешь, что так же поступают миллионы и миллионы человеческих существ. И тогда ты постигаешь смысл народной жизни, смысл, я бы сказал, человеческой солидарности» (Интервью Дж. Буттафава; 1987).

Кому не знакомо это щемящее чувство, тот ничего не поймёт в русской ментальности, и ещё меньше в российской действительности. Пока тёплое нутро собственного ватника не пропитается терпким запахом пота и горьким дымом отечества, нечего ничтоже сумняшеся судить о нашей жизни…

Поэтика ватника возникла не на пустом месте. У этого предмета одежды есть своя история. Нечто в этом роде входило в экипировку византийской пехоты. С другой стороны Евразии удобную куртку на вате разработали и внедрили в массовое производство китайцы. Этот прагматичный вариант лёг в основу отечественного проекта. Осенью 1932 года комитет по стандартизации Наркомата лёгкой промышленности СССР утверждает эталон ватника: телогрейка — куртка ватная однобортная, прямого покроя, застёгивается по борту доверху на 4 пуговицы имеющимися в левом борте четырьмя пришивными петлями (шлевками). В конструкцию швейного изделия № 1 было заложено универсальное решение: ватник — прожиточный минимум верхней одежды, рассчитанный на неблагоприятные условия проживания. В человеке, чьё место в жизни немногим больше объёма его тела, телогрейка порождает чувство приватности и поддерживает чувство общности: что внутри — моё собственное; всё, что снаружи — общее на всех. Будь то зима, будь то война.

Контекстом ватника была суровая действительность. Лагерная телогрейка стала спецодеждой многомиллионного контингента з/к. Потом — всепогодной одёжкой колхозника, сменив в этом жанре крестьянский зипун. Война проверила телогрейку на пригодность к экстремальным обстоятельствам, и она успешно прошла это испытание — и в тылу, и на фронте. Далее — везде. Едва ли не поголовно одетые в ватники, советские люди поднимали страну из разрухи. И ведь подняли! И ещё как высоко — на околоземную орбиту. Смешно, конечно, — но мне кажется, что на всякий нештатный случай первый космонавт под скафандр поддел телогрейку…

Многими из тех, кто теперь одевается по дресс-коду, былая солидарность людей в затрапезных

телогрейках поминается с неясным ностальгическим чувством... Так взрослый человек, которому живётся сложно и трудно, вспоминает деревенское детство или дворовое содружество. Что-то с нами произошло, и что-то в нас исчезло. Социализм как общественный строй погубило презрение тех, кто, выбившись в начальники, сменил свой ватник на драповое пальто с каракулевым воротником, к тем, кто остался в чём был. О, эта страсть нуворишей к показной роскоши! Угроза существующей системе — в нарастающей разности интересов тех, кто одевается от Giorgio Armani, и тех, кто донашивает чужие шмотки из second hand. Трудно представить, что в холодные времена, грядущие в наши палестины, те и другие смогут сплотиться, чтобы согреться.

Парадокс социальности в том, что мундир, наделённый атрибутами власти, подчиняет личность человека его функции, а роба, обезличивая своего носителя, в то же время освобождает его от подчинённости государственным ритуалам. Человек в ватнике свободнее, чем человек в мундире. Проверено на себе: по осознанной необходимости облачаясь в строгий костюм, я чувствовал себя связанным обязательством держать фасон — и, напротив, никогда я не чувствовал себя так вольготно, как по той или иной нужде надевая непритязательный ватник. А нужды в нём по прежней жизни хватало...

Будучи нашим человеком (сначала советским, потом непонятно каким), за годы своей трудовой и общественной деятельности я сносил четыре ватника.

Первый ватник я истаскал в ранней юности, когда работал грузчиком на Болховском ремонтно-механическом заводе; тот рваный ватник, промасленный до блеска и затёртый до глянца, я научился носить с пролетарским шиком...

Второй ватник я получил в пользование в ротной каптёрке, когда исполнял воинскую обязанность по охране секретного объекта в приморской тайге; то были дни, когда я познал сполна, сколько спасительного тепла даёт ватник, надетый под плащ-палатку: однажды под зимним дождём постовой плащ превратился в ледяной покров, и если бы не форменная телогрейка, урочный час до смены мог стать последним часом...

Третий ватник верой и правдой служил мне уже на гражданке. Много лет (вернее — много осеней) как сознательный горожанин я по заданию партии и правительства оказывал шефскую помощь селу: каждый сентябрь гнул спину на распаханных бороздах картофельного поля; старая телогрейка удобно прилегала к усталому телу... Я вдыхал зыбкий воздух, пыльный и дымный, и радовался затяжным дождям, предвещающим возвращение к своей работе и облачение в потёртый пиджак...

Четвёртый ватник я носил в краеведческом музее в годы затянувшегося ремонта; во время реконструкции здания музея служебные помещения две зимы простояли без отопления; высиживая служебные часы в холодном кабинете, пришлось сменить старый пиджак на новый ватник, — не престижно, конечно, зато практично; как я потом узнал, по модным понятиям такой стиль одежды называется casual (повседневный).

В наше время, во многом радикально переменившее бытовую проблематику, ватник практически вышел из обихода. Но семантика одежды продолжает выражать символическую структуру стратифицированного общества, где люди друг друга встречают по одёжке — и одетого не по дресс-коду выпроваживают из замкнутого круга своих людей. Административного регламента для повседневной одежды в стране нет, — но сословный антагонизм остался. Престиж человека — его имидж.

Тусклого цвета куртка на синтепоне, которую я ношу в холодное время года, по своему конструктивному крою суть та же телогрейка, только модернизированная. Вещь ноская, но не броская. Когда мне случается присутствовать на статусных мероприятиях, я едва ли не въяве вижу, как в служебном гардеробе дорогое кашемировое пальто всем своим модным брендом стремится отстраниться от моего поношенного зипуна, висящего одесную, и прижаться к норковой шубке, повешенной ошую. Ладно (думаю я), — жизнь полна неожиданностей... Может, в плане борьбы с коррупцией для владельца этого шикарного лапсердака уже шьют лагерный бушлат. А у меня, коли всё так сложится, глядишь, будет подходящий случай достать из забвения свой праздничный костюм. Скажем, на торжественное собрание общественности, посвящённое Дню солидарности трудящихся. Трудящихся в широком смысле слова — работающих на общее благо и служащих своему отечеству.

Вот только доживёт ли до того светлого дня мой парадный пиджак, или будет до подкладки съеден молью — загадывать не берусь...

2

Тема, ставшая предметом рассуждений в предыдущей части эссе — семантика одежды, отражающая социальное расслоение общества — в процессе прояснения сосредоточилась на одних содержательных моментах, оставляя в стороне другие, по-своему интересные, возможности высказывания. В суждениях, не нашедших места в тексте, остались мысли, с которыми автору жалко расставаться. Отслоившиеся от основного текста абзацы, собранные вместе, сложились в некое продолжение — приложение,

в котором нет особой нужды, но интерес к затронутому вопросу находит дополнительный материал. Вроде о том же, но не то же самое. Так уходящий гость, наскучивший хозяевам, договаривает в дверях то, что упустил или умолчал в ходе застольного разговора.

Как установлено в христианской традиции, необходимость человека в облачении тела обусловлена его греховностью. Нарушив запрет на знание добра и зла, Адам и Ева устыдились своей наготы и прикрыли срамные части своего тела фиговыми листками (сшили смоковные листья и сделали себе опоясания). Ибо в момент истины им открылась неприглядная правда об их животной природе, и они восхотели сокрыть её...

Однако ни один из художников, изображавших изгнание из рая, не обратил внимания на то, что по свидетельству первоисточника, Бог не дал людям уйти в земную жизнь в таком непотребном виде. И сделал Господь Бог Адаму и жене его одежды кожаные, и одел их (Бытие: 3; 21). Таким образом, первым кутюрье в истории стал Бог Ветхого Завета. Представляю, чего бы только не отдали современные дизайнеры, чтобы вызнать божественную идею одежды в её исходном виде!

Впрочем, если бы это кому удалось, был бы разочарован. Мне кажется, что прообраз одежды по крою и шитью был ближе к ватнику, чем к пиджаку (жакету). Ибо райская жизнь для Адама и Евы была позади. На земном поприще им предстояла трудовая деятельность: работа в поте лица своего...

В истории цивилизации манера одеваться выработана опытом практических решений и регламентирована системой сословных отношений. Семантика одежды во все времена имела огромное значение в социальной ориентации. Соблазн выглядеть неодолим для тщеславного помышления: кто полагает, что он достойнее прочих, своё достоинство норовит выставить наружу. Злые языки язвили вслед разодетому вельможе: ему дьявол чванством кафтан подстегал. И наоборот — стремление к нравственному самосовершенствованию сопровождалось отказом от излишеств в одежде.

В классической античности облачением личного достоинства в значении римского гражданства была парадная тога. Но в торжественном одеянии, требующем от носителя сдержанного поведения, особо не разгуляешься. В повседневной жизни верхней одеждой свободных граждан был гиматий, — шерстяной плащ особого покроя. В то время как солдаты и путешественники носили хламиду — тот же плащ, но проще по крою, плотнее и прочнее. В первом было больше понта, а от второго больше проку.

С какого-то времени хламида стала излюбленной одеждой

философов, — системной особенностью, выделявшей их из сограждан. Наверное, в пристрастии к этой непритязательной одежде было нечто нарочитое, — отчего в наш речевой обиход понятие «хламиды» вошло в переносном значении — с насмешливым смыслом.

Великий пролетарский писатель Максим Горький начинал литературную деятельность под псевдонимом Иегудиил Хламида; насмешник в роли проповедника, войдя в роль идейного предводителя российских босяков, стал основоположником социалистического реализма.

Плащ философа со временем стал образным выражением независимости мысли от прописи, — как в иные времена униформой инаковости становились другие виды одежды — блузы художников, джинсы битников, твидовые пиджаки левых интеллектуалов. Хотя, скажем, такой авторитетный мыслитель, как Гегель, осуждал в умных людях склонность выделяться из окружающей среды. Сам профессор одевался соответственно статусу, утверждая, что философ не должен отличаться покроем пиджака.

Утверждение категоричное, но верное. И более того. Если довести эту мысль до логического конца... в определённых исторических обстоятельствах, когда вечные вопросы решают идеологи, лагерная телогрейка лучшая одежда для истинного философа, чем учёная мантия. В отечественной истории такое уже было. Русский экзистенциализм, в отличие от французского и немецкого, был лишён возможности самовольно решать проблему выбора и свободно преодолевать пограничную ситуацию: в советской действительности взыскующий истины разум находил свой предмет исследования в зоне особого режима.

Если согласиться с мнением, что наша духовность осуществлялась в культуре как словесность, и вспомнить известное выражение Достоевского, что русская литература как великое явление человеколюбия вышла из «Шинели» Гоголя, далее можно представить следующий образный ряд: разделившись на повороте истории, родная речь в трёх не сходствующих ипостасях облачилась соответственно в дорожный плащ Бунина, орденский пиджак Фадеева и зябкое пальтишко Платонова. Пройдя через тяжкие испытания и страшные искушения трагического и героического двадцатого века, словесность как совесть, обналиченная словами, вернулась в мир в ватнике Солженицына.

Ватник рождён от нужды и носится по необходимости; это одежда на каждый день. Особенно в тяжёлые времена, когда каждый день если не чёрный, то серый. По мере того как время светлело, в гардеробе обывателя у непрезентабельного ватника стали появляться респектабельные конкуренты. Прежде всего,

драповое пальто — на выход в люди. Но в обыденном обиходе ватник ещё долго оставался на позиции ближе к телу.

Ватник предрасполагает своего носителя к житейской простоте. Человека в ватнике трудно поставить по стойке смирно: в нём всегда будет проглядывать идеологическое разгильдяйство. В недавние времена, когда положено было всем думать одинаково, инакомыслящие носили свои ватники с большим достоинством, чем клевреты режима свои ливреи.

Поэтика ватника — аскетика: ничего лишнего. В ватнике трудно быть снобом. Можете себе представить телогрейку, отделанную позументами или кружевами? А тем более аксельбантами...

Семантика ватника — суровая справедливость: имеет значение лишь то, чего ты стоишь сам по себе, без званий и титулов. Только то достоинство подлинно, которое не теряется с мундиром.

Люди, одетые запросто, нутром чувствуют родство с неопределённым множеством простых людей — народом, в котором растворена национальная независимость и государственная суверенность.

Историческая рознь между знатью и чернью с внешней стороны просматривается как вражда между кафтанами и зипунами. Затаённая неприязнь простых людей к непростым сказалась в старинной пословице: лиха беда кафтан нажить.

В Московском государстве царь жаловал бояр, отличившихся служебным рвением, шубой со своего плеча — в порядке особой чести. Шуба, верхний предел роскоши в верхней одежде, могла стоить целое состояние. Мягкая рухлядь, то есть меховая одежда, передавалась по наследству, и каждая доха дотошно описывалась в духовной (завещании).

В наши дни предметом язвительно-завистливого обсуждения в средствах массовой информации стало шубохранилище одного магната, пристроенное к роскошному дворцу в его подмосковной усадьбе. Правда, сомнительно, чтобы множеством шуб сего государственного мужа пожаловал президент. Скорее, это счастье дано ему по особой божьей милости, — поскольку в том же особняке рядом с гардеробной расположена молельная комната. Видимо, именно за стремление к праведной жизни Бог дал благочестивому чиновнику столько всего, что до Страшного Суда хватит с лихвой...

Презрение знати к черни метафорически выражалось как отношение шёлка к сермяге. Человеческое содержание, облачённое в шелка, как бы обладало особой ценностью, а обряженное в сермягу таковой не имело. Барин мужика полагал существом низшей породы, по природной

сообразительности превосходящим тягловый скот, но по благородству натуры уступающим породистой лошади. Новое барство примерно также относится к тем, кто позволяет им жить по-барски. К рабочей силе, закрепощённой рыночной экономикой. К обезличенной массе социальных аутсайдеров, окрещённой апологетами новорусского порядка дискриминирующим прозвищем ватников.

Что-то очень не так в российском государстве... В теории открытого общества, которой вроде бы следует либеральное правительство, утверждается постулат об объединительной роли рыночной экономики, а в практике капиталистического строительства усиливается и увеличивается социальное расслоение. На одном краю пропасти, разделившей русский мир, стоят роскошные особняки больших бояр, обобравших страну, а на другом неблагоустроенные общежития тружеников, обустраивающих Россию. Некоторое количество людей в собольих шубах и неопределённое множество людей в одёжках на рыбьем меху сходятся вместе разве что в демографической статистике, в графе — общее число жителей.

В разное время жизни мне, так или иначе, приходилось заниматься неквалифицированным физическим трудом — по своей охоте или по житейской нужде. Социализм предоставлял рядовому интеллигенту множество возможностей почувствовать себя плечом к плечу с трудовым народом. Сказать, что я радовался каждому случаю сменить пиджак на ватник, было бы ораторским фарисейством. Не шибко крепкому телом и не слишком сильному духом, вкалывать по-чёрному мне было тяжеловато. Но, в общем и целом, я не жалею о том, что довелось почувствовать тяжесть жизни на своих плечах. Ибо была в тех трудных днях, когда я отрабатывал свой хлеб в поте лица своего, неопределимая и несомненная правда, которая утоляет тоску разума по смыслу лучше, чем радужные иллюзии праздного времени.

Как сказал один видный деятель эпохи Просвещения, стиль — это человек. Очень точное замечание, — притом многозначительное.

Манера одеваться так или иначе обусловлена стилем жизни. Когда одежда в установленном порядке обнаруживает (обналичивает) идентичность данного индивида, человек в несвойственном ему облачении ощущает, что он пребывает не в своём обличии. Если не по Сеньке кафтан, несчастный Сенька чувствует себя ряженым. Во всяком случае, не равным самому себе, но притворяющимся тем, кем нужно казаться.

Вероятно, я не сделал карьеры потому, что не любил носить галстуки и гладить брюки. А человек, находящийся при исполнении в незастёгнутой рубахе

и не отглаженных штанах, не вызывает у начальства доверия. Несоблюдение дресс-кода есть отклонение от регламента, в конечном счёте ведущее к нарушению режима.

В гениальном фильме Георгия Данелия — грустном гротеске «Кин-дза-дза» — продвинутый инопланетянин так объясняет землянам, неискушённым в специфике внеземных цивилизаций, общую причину всех социальных кризисов: когда у общества нет цветовой дифференциации штанов, то нет цели. А когда нет цели, нет будущего. Если воспользоваться терминологией, предложенной сценаристами, можно сказать, что согласно неписаной табели о рангах нашим чатланам (читай — начальникам) вместо малиновых штанов положены пиджаки, а пацакам (то есть кацапам, людям социально неполноценным) взамен жёлтых штанов надлежит ходить в ватниках, — и тогда сразу будет видно, кто перед кем должен приседать. Главное, чтобы стремления людей были мотивированы и стимулированы желанием повысить свой социальный статус — с жёлтого до малинового, с малинового до голубого. И так далее, по радужному спектру.

Тем, кто достигает высшего уровня, дающего право ходить в любых штанах или, если захочется, вообще без штанов, становится мучительно ясно, что жизнь потрачена зря, — но высшего уровня достигают очень немногие.

Символической стороной социальных отношений пренебрегать опасно. А ещё опаснее злоупотреблять символикой, свойственной иерархии ценностей. Бог весть, как может вывернуться порядок вещей, в котором значения подменяются понятиями. Форма одежды в отрыве от содержания способна вводить в заблуждение. Таким образом, семантика одежды может быть использована для утверждения лжи.

На ярмарке тщеславия, где встречают по одёжке и принимают по наряду, общественная жизнь последовательно сводится к маскараду. Информационное пространство заполняют волки в овечьих шкурах, вороны в павлиньих перьях, аферисты в парадных мундирах, дураки в академических мантиях, грешники в белых одеждах, циники в златотканых ризах... Who is Who? Кто есть кто? Бог весть.

Господи Боже, сделавший одежды Адаму и Еве! — может, было бы лучше, если бы Ты пустил их по миру голыми? — как сотворил и вразумил... Правда, сотворил хорошо, а вразумил не очень.

Ольга КУЗНЕЦОВА

КОГДА ЖИЗНЬ - ПОДВИГ...

Героям Великой Отечественной войны

Ольга Вячеславовна Кузнецова родилась в городе Оренбурге, окончила Оренбургский государственный педагогический университет (с красным дипломом), очную аспирантуру ОГПУ по специальности «Отечественная история». Кандидат исторических наук. Преподаватель филиала «РГУ нефти и газа имени И. М. Губкина» в Оренбурге. Профессор Российской Академии естествознания. Автор более 30 научных работ, учебных и учебно-методических пособий.

История Великой Отечественной войны в историческом сознании нашего народа сегодня, несмотря на многие десятилетия после её окончания, всё больше приобретает неподдельный интерес. И связано это со многими причинами. С одной стороны, этому способствует крайне непростая современная международная политическая ситуация, в которой то ли от незнания, а, видится, более, в угоду политическому моменту малые и большие государства пытаются переписать уже свершившуюся историю, переврать факты Второй Мировой войны, снести памятники советскому воину-победителю, приветствовать националистические шествия, заклеймить своё советское прошлое как годы оккупации, стереть из сознания молодёжи всё, что могло бы вызвать гордость за причастность к победе над фашизмом. С другой, запоздалое возвращение к здоровой пропаганде национальных

интересов России, запоздалое формирование патриотической идеологии.

Перестройка государства, трансформация строя, экономические проблемы конца XX — начала XXI века задали экстремальные условия выживания страны. Это позволило забыть о главном — стержне любой государственности — идеологии, а значит, позволило упустить несколько поколений сегодня уже взрослых людей, которые учились по соросовским учебникам, наводнившим тогда школьные классы, где без зазрения совести победителями считаются в первую очередь союзники Советского Союза, но никак не он сам.

Могут ли современные родители похвастаться блестящим знанием военной истории? Как показывает практика — нет. Даже после написания нового единого учебника по истории России, многие школьники и студенты знают лишь азы: даты начала и окончания войны, некоторые битвы, и то нередко путаясь в названиях и значении этих сражений. Война выступает для многих молодых людей как виртуальное пространство игры-стрелялки, где много жизней, уровней прохождения препятствий и спецэффекты. Зрелищность — это ещё одно воплощение войны в сознании ребят, умело подпитываемое современными широкоформатными экранизациями в кино. Если вдруг на занятии удаётся выкроить время и включить отрывки из документальных съёмок зверств фашистов в концлагерях и на оккупированных территориях, то, как правило, группа студентов в своей реакции делится на девчонок, которые, морщась, отводят взгляд, и мальчишек, смотрящих фильм как реконструкцию или очередной фильм ужасов. Почти никто из ребят не задумывается, как страшно было военное время, и ужас-то весь состоит в том, что от своей протяжённости оно становилось привычным, обыденным, повседневным.

Всё это стирает грани объективности исследования и передачи особенностей исторического процесса. Заставляет заново изобретать велосипед и повторять уже забытые истины как откровение. Но даже эти истины сегодня не всегда способны отразить подлинную реальность войны.

Большое значение в изучении истории Великой Отечественной войны видится не только в событийной истории, сотканной из, безусловно, кропотливого и объективно непростого труда историков-фактологов, сохранивших и вписавших многие и многие страницы подвигов и сражений на фронтах ВОВ. Многое остаётся за кадром традиционной истории, многое теряется из вида. Макроисторически Великая Отечественная война выглядит как поле боя,

где реализуются тактические и стратегические задачи командования, как труд тыловиков, деятельность которых можно сжать до формулировки известного военного лозунга «Всё — для фронта, всё — для победы!» Но если взглянуть на историю войны с точки зрения обычного человека, ракурс событий будет становиться удивительным. То, что кажется, безусловно, выдающимся сегодня, для человека сороковых годов XX века было обыденностью, повседневностью, в которой он жил каждый день.

Кажется невероятным то, что выдающееся становится повседневным. Но человеческое сознание не может долго находиться на пределе состояния катастрофы, поэтому ко многому приходилось привыкать, многое воспринималось как данность. Как ни звучит это парадоксально, привычной становилась смерть и невыносимый труд, даже подвиг из особенного превращался в обыденное.

Мы говорим об особом подвиге народа: о подвиге не на передовой, где опасность подстерегала каждую секунду, и среднее время жизни бойца составляло около 20 минут — это безусловный подвиг, многократно описанный в учебниках по истории, — мы говорим о незаметном подвиге, например, тыловиков, где открытой угрозы жизни практически нет, но есть рутинный тяжёлый труд с глубоким пониманием степени ответственности за его результат, о подвиге на фронтах, связанным с блестящим профессионализмом, самоотдачей, работой на победу в условиях снабжения армии, военного строительства, обеспечения работы военной техники. Это «невидимый» подвиг народа, подвиг, о котором мало говорят и мало пишут.

Примером такого подвига может служить история Щербакова Филиппа Леонтьевича 15.10.1915 года рождения. По данным электронного банка документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» он был призван в ряды рабоче-крестьянской Красной Армии в 1936 году. Демобилизовался в декабре 1946 года. Имел военно-учётную специальность — моторист-подводник в звании старшина 2-й статьи. Командовал отделением мотористов подводной лодки «С-101». Награждён: орденом Отечественной войны I и II степени, орденом Красного Знамени, орденом Красной Звезды.

Служа на легендарной лодке «С-101» в 1943 году, под командованием капитана третьего ранга П.И. Егорова, Ф.Л. Щербаков, что следует из наградного листа «...в сложных боевых условиях проявил мужество и отвагу. Обеспечил во всех походах ход, заданный командиром. Во время преследования подводной лодки в течение 20-ти часов исправлял

повреждения, чтобы при всплытии обеспечить нужный ход. Под непосредственным руководством производил в условиях похода разный ремонт, вплоть до разборки муфты. Ремонт дизеля заканчивал всегда раньше намеченного срока с отличным качеством. Своей специальностью владеет отлично». Приказом командующего Северным флотом от 04.04.1943 года № 32 награждён орденом Отечественной войны I степени[1].

Ф.Л. Щербаков. 1945 г.

Подводную лодку «С-101», так же как и «С-4», на которой ещё до войны начинал служить наш герой, противнику было сложно обнаружить, так как сделаны они были по немецким чертежам, приобретённым ещё до войны. Это было плюсом для разведывательной деятельности лодки в тылу врага, но создавало значительные сложности с идентификацией нашими войсками «Советские лётчики не всегда могли нас распознать. Они ошибочно сбросили несколько бомб, и хотя прямого попадания не было, лодку всё-таки повредили»[2].

В историю Великой Отечественной войны «С-101» вошла как единственная лодка, потопившая подводную лодку противника водоизмещением 750 тонн, так называемую немецкую «семёрку» U-639 (командир — обер-лейтенант Вальтер Вихман).

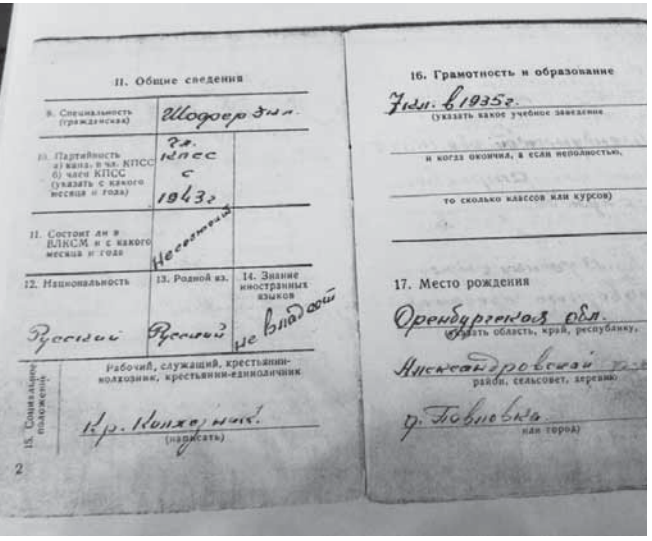
Ф.Л. Щербаков с друзьями-однополчанами (военные годы)

«С-101» возвращалась в Норвегию вокруг

северной оконечности Новой Земли после постановки минного заграждения в Обской губе (немцы свято верили в оживлённое судоходство на трассе североморского пути вплоть до ленд-лизовских поставок грузов из США). Радиоперехват обмена немецких лодок в Карском море заставил командование Северного флота с июля 1943 года развернуть в районе мыса Желания две дозорные позиции, на одну из которых 7 августа 1943 года вышла «С-101» (капитан 3-го ранга Е.Н. Трофимов, старший на борту КДн капитан 2-го ранга П.И. Егоров). В 10.00 28 августа 1943 года «С-101» засекла в 8 милях восточнее северной оконечности Новой Земли подозрительный шум.

В 10.30 вступивший в командование П.И. Егоров (Трофимов чуть не упустил контакт), подобравшись на дистанцию 6 кабельтов, атаковал идущую в позиционном положении «немку» тремя торпедами, попав одной из них. На месте гибели цели были подобраны документы, неопровержимо доказывающие факт гибели U-639[3].

Именно капитаном 3-го ранга Е.Н. Трофимовым подводной лодки «С-101» был подписан наградной лист Щербакову Ф.Л. и приказом № 70 от 04.09.1943 старшина 2-й статьи был награждён орденом Красного Знамени. «Свои обязанности выполняет образцово. За период ремонта и подготовки материальной части к походу обеспечил бесперебойную работу дизелей в походе. Сумел научить молодых краснофлотцев отличному управлению машин. В боевой обстановке и при встрече с кораблями противника вёл себя смело и мужественно»[4].


II. Общие сведения

9. Специальность (гражданская): Шофер 3 кл.

10. Партийность а) канд. в чл. КПСС б) член КПСС (указать с какого месяца и года): 3г. класс с 1943г

11. Состоит ли в ВЛКСМ и с какого месяца и года: Несостоит

12. Национальность: Русский

13. Родной яз.: Русский

14. Знание иностранных языков: не владеет

15. Социальное положение: Рабочий, служащий, крестьянин-колхозник, крестьянин-единоличник

(написать): Кр. Колхозник.

16. Грамотность и образование

Умн. в 1935г.

(указать какое учебное заведение

и когда окончил, а если неполностью,

то сколько классов или курсов)

17. Место рождения

Оренбургская обл.

(область, край, республику,

Александровский

район, сельсовет, деревню

д. Бобылёвка

или города)

2

Военный билет Ф.Л. Щербакова

Свою последнюю награду в годы войны Ф.Л. Щербаков получил в феврале 1945 года, совершив к тому моменту на подводной лодке «С-101» 14 боевых походов, в результате которых были потоплены:

четыре транспорта, СКР, подводная лодка и повреждены: пять транспортов, миноносец и тральщик противника.

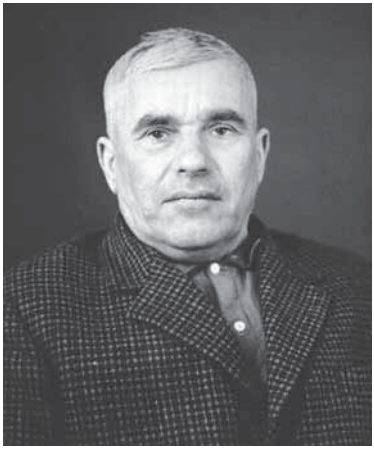
Приказом № 1 командира Краснознамённой ордена Ушакова бригады подводных лодок Северного флота от 05.02.1945 награждён орденом Красной Звезды.

Выписка из приказа «...Находясь на боевом посту «Управление погружением подводной лодки», чёткими и быстрыми действиями обеспечивал срочные погружения от самолётов и кораблей противника, чем способствовал избежанию опасностей, грозивших кораблю и личному составу. При торпедных атаках и отходе подводной лодки после торпедирования кораблей противника, находясь на своём боевом посту при воздействии кораблей противолодочной обороны противника, когда было сброшено на подводную лодку 147 глубинных бомб, стойко, смело и уверенно руководил личным составом и обеспечил герметичность отсека, живучесть механизмов и систем. После всплытия обеспечил дачу необходимых оборотов дизеля и его безаварийную работу, что позволило избежать подводной лодке дальнейшего преследования. В надводном положении совершил подвиг, исправив повреждение газоотводного клапана в надстройке, полученное при бомбёжке. В исключительно трудных условиях штормовой погоды своим самоотверженным поступком устранил большую течь внутри подводной лодки, чем обеспечил дальнейшее пребывание подводной лодки на позиции»[5].

Об этом эпизоде своей жизни Филипп Леонтьевич вспоминает как об одном из самых сложных дней войны: «Рано утром мы обнаружили в нашем квадрате немецкий конвой... Увидев нашу подлодку, немцы стали ожесточённо стрелять. Мы спешно погрузились на дно около 100 метров. Мы залегли без движения, пробыли под водой 28 часов. За это время на нас сбросили 160 бомб, но ни одна из них не попала в нашу субмарину. Когда наступила тишина, командир приказал приготовить все торпеды для взрыва и всплывать наверх. В случае, если бы немцы не ушли из данного квадрата, мы должны были бы сами себя взорвать, чтобы подводная лодка не попала к немцам...»[6].

При всплытии моряки обнаружили, что немцев не было, и в воспоминаниях Ф.Л. Щербакова это было самым большим счастьем.

Ещё один «невидимый» подвиг в годы Великой Отечественной войны совершил Герасименко Алексей Иванович. Сержант 54-го автомобильного полка 12-й автомобильной бригады приказом № 7/н от 31.08.1944 был награждён медалью «За отвагу».



А.И. Герасименко

Выписка из приказа: «Сержант 4-го батальона Герасименко Алексей Иванович за время своей работы на строительстве дороги с 21 апреля по 30 апреля проявил себя и самоотверженность в работе, производил доставку и днём и ночью. Во время воздействия вражеской операции продолжал работу. За период с 21 по 30 апреля совершил 54 рейса с доставкой песка и 36 рейсов с лесоматериалами, укладываясь в норму расхода ГСМ, работая по 20 часов в сутки»[7].

Современному человеку такие подвиги, отмеченные высшим руководством, покажутся странными и даже парадоксальными. Но в условиях войны — эта тяжёлая повседневная военная работа была на уровне подвига.

Таких подвигов в годы Великой Отечественной войны было сотни и сотни тысяч. Ни один из героев, конечно, не думал о наградах. Каждый из них просто делал своё дело, и делал его на уровне высочайшего профессионализма и глубокой самоотдачи, не имея права на ошибку.

В обычной жизни два наших героя были обычными людьми, не требующими особой славы или почёта. Филипп Леонтьевич, дожив до 95 лет, отличался рассудительностью и добротой. Долгое время работал в локомотивном депо[8]. Алексей Иванович любил радио (в каждой комнате его небольшого дома было по динамику), хорошо разбирался в технике[9]. А ведь ни у одного из них образования практически

СПРАВКА О РАНЕНИИ
В боях за Советскую Родину
красноармеец 28 ВАП
(военное звание и часть)
Тов. Герасименко Алексе
(фамилия, имя и отчество
Иванович 16/IV 1943 г. был
(дата) (тяжело)
ранен в кв. трубы ранение
(диагноз ранения
НАЧАЛЬНИК
М. П.
воинском

Справка о ранении А.И. Герасименко

не было — несколько классов школы. Учила их только жизнь. Именно благодаря таким людям и их невидимому подвигу, умноженному на человеческое бескорыстие и преданность своей стране, нам досталась Победа.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Щербаков Филипп Леонтьевич. 1915 г.р. // Электронный банк документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».URL: http://podvignaroda.ru/?#id=50786796&tab=navDetailManAward

2. Кильметова И., Из воспоминаний Щербакова Филиппа Леонтьевича // Великой победе посвящается. Каждый день благодаря... Сборник творческих работ детей Оренбуржья / Сост. Г.Ф. Хомутов. — Оренбург: Рекламное агентство «Метро», 2005. — С.110.

3. Помни войну. Военно-исторический календарь. — Электронный ресурс. — Режим доступа. — http://www.pomnivoinu.ru/home/calendar/8/28/4783.

4. Представление на награждение № 70 от 04.09.1943 // Электронный банк документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» URL: http://podvignaroda.ru/?#id=50133260&tab=navDetailDocument.

5. Приказ № 1 командира Краснознамённой ордена Ушакова бригады подводных лодок Северного флота от 05.02.1945 // Электронный банк документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» URL: http://podvignaroda.ru/?#id=51151138&tab=navDetailManAward .

6. Кильметова И., Из воспоминаний Щербакова Филиппа Леонтьевича // Великой победе посвящается. Каждый день благодаря... Сборник творческих работ детей Оренбуржья / Сост. Г.Ф. Хомутов. — Оренбург: Рекламное агентство «Метро», 2005. — С.111.

7. Наградной лист Герасименко А.И. // Электронный банк документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» URL:http://podvignaroda.ru/?#id=35173661&tab=navDetailManAward.

8. Из личных воспоминаний Н.Г. Береговой — внучки Ф.Л. Щербакова.

9. Из личных воспоминаний В.В. Герасименко — внука А.И. Герасименко.

Тамара ЧЕРНЯВСКАЯ

МАЛЕНЬКАЯ ДЕВОЧКА И ДОЛГАЯ ВОЙНА

Тамара Константиновна Чернявская родилась в Оренбурге. Окончила историко-филологический факультет Оренбургского педагогического института. Работала преподавателем в школе, культпросветучилище и педагогическом колледже. Сейчас работает редактором в оренбургском издательстве имени Г.П. Донковцева

Мне был всего годик, когда началась Великая Отечественная война. Но я до сих пор отчётливо помню отдельные дни, некоторые моменты поведения взрослых.

Первым таким воспоминанием была карта нашей страны, висевшая на стене за печными изразцами. Карта огромная, цветная, с протянувшими по ней нитками и флажками, нанизанными на эти нитки. Красные флажки отмечали передвижение наших войск. И каждый раз, когда включался репродуктор (его чёрная тарелка висела между двумя окнами), дедушка подходил к карте и передвигал флажки. Он останавливал их там, где, по его догадкам, сражались сыновья.

Три сына и зять, а позже ушла на фронт его единственная дочь, моя мама. Окончив ускоренные курсы медсестёр-сандружинниц,

поработав в военном госпитале, она, не сказав ничего родным, уехала с санитарным эшелоном. «Я должна быть рядом с Костей», — вот и вся маленькая записочка.

Так я осталась в семье Соколовых, дедушки и бабушки. Жили мы на улице Рыбаковской, 14. Вот эту улицу я и помню больше всего — её и её обитателей. А ещё вокзал, который в годы войны был центром самых ярких событий и куда так тянуло детвору с прилегающих улиц.

Вскоре в нашем доме появились две скромные женщины, которых бабуля назвала «беженки». И ещё в обиходе появилось слово «эвакуированные», это те, кто успел уехать, прежде чем их города были заняты немцами. Бабуля объяснила мне, что две тёти из Риги будут жить в нашей маленькой спальне, потому что нас и соседей «уплотнили». Так город Чкалов принял первых пострадавших от войны. На улице встречались новые лица, прибавилось детей. Летними днями мы не закрывали входной двери, и порой к нам забредали «новенькие». Дед, Николай Степанович, был большой любитель поговорить, а приезжие не чурались общения, осваиваясь на новом месте. Разговоры были тихими и прерывались слезами...

Я чувствовала, что в моём мирке стало тревожно, страшно, и всё это выливалось в одно слово — Война.

Шимочка

Самой пугающей меня фигурой на нашей улице была женщина неопределённого возраста. Называла она себя Шимочкой (у неё совсем не было зубов, наверное, её звали раньше Симочкой). Я так боялась эту несчастную, что даже во сне видела, как в дверь «заползает» чёрная когтистая рука, похожая на звериную лапу. Добавьте к этому серые от пыли лохмотья, сквозь дыры которых просвечивает грязная кожа, обтянувшая живой скелет, седые, забитые песком волосы, очень светлые, безумные глаза. Позже, из разговоров взрослых, я узнала, что она из Ленинграда (про блокаду этого города я уже слышала), в пути эшелон разбомбили немцы и погибли двое её маленьких детей. Она потеряла разум, с утра до ночи бегала по городу. Сворачивала тряпки и «баюкала» их, что-то напевая.

Две большие картонки она скрепила верёвкой и носила эту «нотную папку» через плечо. Раскрывала её, прислоняла к дереву и начинала дирижировать.

Когда после войны её отыскал муж, улица узнала, что наша Шимочка до войны была пианисткой. Взрослые жалели бродяжку, зазывали ночевать (место она выбирала сама, где-нибудь в уголочке), старались чем-то покормить. Моя бабуля с трудом уговорила её помыть голову. Я помню, как «настаивали щёлок», заливая водой сгоревшие

деревянные чурочки: мыла-то не было. Этой водой и мылись. Когда я в первый раз увидела чистое лицо Шимочки, я удивилась, что «баба Яга» из моих снов совсем молодая. Летом она засыпала в каком-нибудь скверике, часто её видели в Зауральной роще. Её никто не обижал, даже озорные мальчишки тихо обходили её, зная, что взрослые, если что, устроят им трёпку.

Первая утрата

Два часа дня. Лето, нестерпимый зной, ребятня ищет тень, собирается кучкой, стараясь помельтешить перед взрослыми. В два часа хозяйки открывают двери домов, молча стоят, опираясь на косяки. Соседи даже не переговариваются. Из дверей почты, что на углу Советской и Рыбаковской (маленький такой зелёный домик), выходит «почтальонка». Кажется, её звали Верой, у неё было доброе лицо и тяжёлая чёрная сумка через плечо. С солдатскими письмами. Как тогда ждали эти треугольнички с фронта! Сначала их читали бегло, в одиночку. Потом медленнее, останавливаясь на подробностях, потом всем родным, передавая многочисленные приветы соседям во дворе, потом перечитывали каждый вечер... до следующей весточки.

Моя мама и её братья, мои дяди: Павлик, Толя и Коля Соколовы.

Но вернёмся к густой тишине летнего дня. Если вдруг эту напряжённую тишину разрывал высокий женский крик – значит, в чей-то двор ворвалось горе: пришла «похоронка», и туда устремлялись на помощь...

В наш дом смерть пришла в январе 1942 года. Не стало моей мамы – Татьяны Николаевны Соколовой. Ей не исполнилось и 20 лет, я совсем не помню её...

Первый жизненный урок

А сейчас у меня в руках справка от Ленинского реввоенкомата за № 4-336, где указано, что Соколов Анатолий Николаевич (старший сын) умер от ран 22 мая 1942 года. «Похоронен в г. Белёв, железнодорожный мост, на левом берегу Оки, от левой береговой опоры моста 200 метров».

А уже после войны бабушка получила фотографию скромного памятника с фамилией Анатолия.

Когда пришла эта похоронка, моя бабуля не рыдала, не кричала, как другие... Она замолчала. Пришли соседи, родственники, рыдал дед, она молчала и гладила пальцами фото маленького Толи. И это молчание, казалось, наполнило дом ужасом и безнадёжностью. Наверное, в одиночку она давала волю слезам, но позже. Я слышу её голос: «Никогда не давай волю слезам на людях: тебе не станет легче, а всем будет хуже». Первый серьёзный жизненный урок. Я стараюсь...

Под охраной Цезаря

Мне 3 года. Я дома одна, на террасе, выходящей во двор. Деды пораньше отправлялись на огород, вернутся поздно вечером. В такие дни меня перепоручают заботам соседских мальчишек — Толи и Коли Емелиных. И ещё рядом самый лучший друг — немецкая овчарка Цезарь. У меня есть две картофелины и кусочек хлеба. Мы по-братски делим завтрак-обед. Мальчишки заглядывают, всё ли у нас в порядке. Но им хочется на Урал, купаться. Меня сажают на раму велосипеда, и вся компания отправляется в Зауральную рощу на дальний пляж. Цезарь с нами. Самое трудное для меня — пересечь раскалённую гальку на центральной площади, ноги-то босые.

Зато потом... Вода, песок, кувыркайся, сколько хочешь. У мальчишек свои игры, я «чупахаюсь» на мелководье. Бдительный Цезарь не пускает далеко от берега. Вернуться нужно засветло. А то мальчишкам влетит. И на время отступает война, и так ласково шелестит листва. Детство...

Недействительная похоронка

Вечером с улицы зовут всех домой, ребятне так не хочется:

— Мама, можно ещё чуть-чуть?!

Плетусь домой. Бабуля что-то строчит на старом «Зингере».

— У всех мамы, а у меня почему-то нет. Можно, я буду звать тебя мамой?

— Конечно, дочка!

Так и до самого конца я была её дочкой. Мама прожила почти до 96 лет, мы всегда жили вместе, бабулей её звал мой сын, которому она так много дала любви и заботы.

Провожаем на фронт моего дядю, моего любимого Павлика. Перрон вокзала переполнен людьми. Эшелон уже подан на первый путь. Я сижу у Павлика на руках, по радио звучит марш «Прощание славянки», мама прижалась к сыну. Меня передают деду, когда раздаётся крик:

Моя «бабушка-мама» вместе с моим дедом.

«По вагонам!» Павел обнимает Людмилу (свою подругу с первого класса и, как оказалось, на всю жизнь). Но эшелон задерживают ещё на полчаса... Павел смеётся, подкидывает меня вверх и обещает: «Я вернусь!»

Через год пришла похоронка. Но — он вернулся летом 45-го, мой дядя Павел Николаевич Соколов. Бывало и такое, к счастью. И после войны у него родятся два сына-близнеца. Так у меня появятся два брата — Саша и Виталий. Но это потом, в 1949 году.

Маленькие блокадники

А в конце 1942-го — начале 1943 года за углом моего дома на Среднем переулке, где сейчас размещается Православная гимназия, появились люди в белых халатах, и всезнающие мальчишки объявили остальным, что там будет детский дом. Я пока ничего не понимала, но услышала от деда: «Не будешь слушаться — отдадим в детдом».

К дому подъезжали подводы и кого-то на носилках вносили внутрь. Летом 43-го я сама с девчонками отправилась посмотреть на новых жильцов. Мои подружки постарше рассказывали, что они — из блокадного Ленинграда. Эшелоны оттуда приходят на вокзал под утро, и меня стали брать иногда вместе со всеми встречать эти эшелоны: «Уже не малая».

В войну дети взрослели быстро.

Помню одно такое утро. Пришёл санитарный поезд, лошадок с подводами пустили на перрон, к вагонам. На подводах лежало мягкое сено, накрытое плотной тканью, а может, брезентом. Вот на такую «перинку» с носилок перекладывали детей. Это были живые скелетики, а в глазах — мука и страх перед неизвестностью.

Мы пробирались к подводам: «Не бойтесь, у нас хорошо...»

Я путалась под ногами у взрослых, и когда первая лошадь тронулась, кто-то подсадил меня на повозку. Я старалась занять как можно меньше места, чтобы не потревожить лежащего. Не все выживали.

Это было такое горе, ведь мы успевали подружиться с «детдомовскими», слушали их рассказы о волшебном городе Ленинграде, ждали... И вдруг — наш дружок исчезал, и нам говорили «его (или её) больше нет». Там избегали слова «умер». В такие дни наши голоса были особенно тихими...

Но снова и снова и они, и мы ждали родных и верили, что те вернутся. А потерявшихся отыщут.

Чёрная тарелка, чёрный хлеб

Чёрная тарелка репродуктора. Сегодня бы сказали — «окно в мир». Раздавались позывные, звучал удивительный голос: «Говорит Москва! Передаём последние известия...» И все замирали, стараясь ничего не пропустить. Меня усаживали на мою маленькую табуреточку и запрещали «канючить».

Я любила эти минуты и после приставала к деду — «ну ведь дядя сказал последние, совсем последние известия. Больше ничего плохого не скажет?»

Так в жизнь вошёл голос Левитана и навсегда остался незаменимым.

...Всё время хотелось есть. Помню очереди за хлебом на улице Цвиллинга, где наш район карточками был прикреплён к маленькому тесному магазинчику. Я помню этот дом напротив старого здания детской областной больницы. Очередь занимали с ночи, а порядковый номер писали на ладонях синим химическим карандашом. Под утро меня будили и брали с собой. Господи, как было холодно зимой! Но ведь дадут хлебушка, и вдруг окажется маленький довесочек? Какой запах! Довесочек сразу доставался мне. И я по крошечке откусывала, чтобы продлить удовольствие. Другого завтрака не было. «Ничего, погоди, вот кончится война, и хлеб будет продаваться в магазинах».

Я слушала деда и мысленно прикидывала — куплю и съем целую буханку. А остальным хватит, если все будут свободно покупать.

Черныш. Влажный, «клёклый» хлеб военного времени, спасавший, как мог и скольких мог...

Союзники приехали!

1945 год. Люди повеселели, получая обнадёживающие весточки с фронта и слушая торжествующий голос Левитана. Зиму не помню.

А про весну... Про весну 45-го мне рассказала моя подруга Рита Светильникова. Она постарше меня, родилась в Крыму, к началу войны ей было 10 лет, помнит годы немецкой оккупации. И я часто прошу рассказать, как жила её семья в эти годы (у Риты на фронт ушли пятеро братьев). Рассказ об этом — дальше.

«Донна Клара»

А в нашем Чкалове появились пленные немцы. Кажется, в 45-м, может, позже. Они заменяли столбы и тянули электропровода на нашей Рыбаковской. Молодые и постарше, но все худые и оборванные. Рядом — конвой, хмурые дяди с оружием. Когда объявлялся перерыв, кто-то играл на губной гармошке, такая лёгкая, навязчивая мелодия. Потом я узнаю её — «Донна Клара», фокстрот, и узнаю, что она сопровождала жертв концлагерей в их последний путь — в газовые камеры.

Но сейчас на нашей улице её наигрывал совсем юный парнишка, и она была такой весёлой. И вообще «фрицы» совсем не были страшными, а какими-то убогими. Взрослые мальчишки смотрели на них с ненавистью — «Звери, скольких людей убили... И моего папку...» Мы днём не закрывали двери на улицу, и однажды, тот, с гармошкой, вошёл и робко встал на пороге — «Мамка, хлеба... хлеба» — голос был жалобным, а глаза умоляли (как он прошёл мимо конвоя?)

Моя бабушка ушла в комнату и вынесла ему кусочек хлеба и варёную картошку.

— Данке, — он схватил еду и побежал к своим. Я возмутилась: «Мама, зачем ты? Фрицу?! Может, он стрелял в наших, в Павлика?!» Не отвечая, она села у окна и долго разглаживала ладонями клеёнку на столе. Потом подняла на меня глаза: «Где-то и у него есть мать. Поймёшь меня когда-нибудь».

Пельмени и свадьба

Очень хорошо помню 9 мая 1945 года. Под утро рухнул старый деревянный столб, державший электропровода (значит, пленные появятся осенью), разбил окно, возле которого я спала, и осколки засыпали одеяло. Пока все охали-ахали, ощупывали-рассматривали меня, подхватив на руки (я была невредима), кто-то с улицы крикнул — «Включайте радио, По-бе-да!»

Радио, к счастью, работало... Голос Левитана... В дом сбежались соседи — нашли на карте Москву. Плакали, обнимались. Во дворе расставляли столы, открыли ворота, и опять шли соседи, приносили немудрёную снедь... Такого дружного общего ликования я не видела больше никогда...

А потом встречали эшелоны... И на вокзале было всё так, как в кино «Летят журавли»... Потом мы встречали своих родных, знакомых, соседей. И каждый раз счастье «со слезами на глазах» и вопрос — «А моего ты там, на фронте, видел?»

Вернулся мой дядя Павел, Павлик, такой долгожданный...

Очень хорошо помню, как мне велели тихо сидеть на маленькой скамеечке... И говорил Сталин (наверное, с парада Победы), помню глуховатый голос,

помню интонации... И просветлённые лица взрослых... Было это всё, было...

А потом началась мирная жизнь... И я встретилась с папой... Позднее лето сорок пятого. Моя двоюродная сестра Тамара жила у нас и училась в ремесленном училище связи. В один воскресный день она спрашивает:

— Хочешь пельменей?

— А что это такое?

— Это когда мясо завернут в тесто. Ну, очень вкусно!

— Хочу!

— Завяжем бантики и пойдём на свадьбу.

Так я решила, что пельмени бывают только на свадьбе. Старшая сестра взяла меня за ручку. И мы отправились, никому ничего не сказав. Идти было недалеко, по Рыбаковской до её пересечения с Советской. Маленький домик, окна открыты, калитка тоже. На дворе стоит накрытый стол, за ним сидят гости. Какие-то распаренные (как из бани) тётки кричат «Горько!» Дяденьки курят и тоже тянутся к стаканам. Во главе стола — жених в военной гимнастёрке и толстая тётя с белой тряпочкой на голове.

— Невеста, — шепнула мне сестрёнка. — Здравствуйте, дядя Костя, вот Томочку привела.

Я стараюсь быть вежливой и тоже:

— Здравствуйте, дядя Костя!

— Это твой папа, ты что?!

Где ж мне его узнать? Я видела его один раз после возвращения с фронта, он забежал на один вечер. И на предложение бабули пожить, привыкнуть к дочке, ответил, что раз Тани (мамы моей) нет, девочке будет лучше не с ним...

Он был очень молод, этот высокий кудрявый мужчина, ему хотелось вернуть свою юность, свободу, и он не был готов быть отцом довольно взрослой (5 лет) дочки.

Это я понимаю сейчас, а тогда...

— А, дочка... — он казался смущённым и почему-то не подошёл. Зато какая-то сморщенная, старенькая бабушка бросилась меня обнимать, заливаясь слезами: «Сиротка ты наша...»

Но от неё я увернулась и решила идти к цели:

— А где пельмени?

Нас усадили за стол, чем-то угощали, но скоро вернулись к песням и крикам. Папа целовал невесту (её звали Тася), хотя я была уверена, что лучше поцеловать меня. А пельмени закончились. Мне стало скучно, и я потянула сестру домой, где не бывает чужих, где все меня любят. Да и невеста мне не понравилась... А с папой мы так и не стали родными людьми. И это тоже война...

* * *

Я живу рядом с вокзалом. Куда бы я ни шла, я прохожу (или проезжаю) мимо улицы моего детства. Иногда я специально иду на свидание с этим

детством, тогда «оживают» все, кого я знала, и кто знал меня. Вот в этом двухэтажном доме жил Герой Советского Союза Климов, создавший школу юных космонавтов. Почему же нет памятной доски? А на углу Саратовского переулка жил с семьёй Тимофей Данилович Чайчук, один из первых с нашей улицы вернувшийся с войны, весь в орденах (он работал в облвоенкомате). И с дочками Климова, и с сыном Чайчуков я училась в школе. Вот и дом моих стариков, соседки тёти Клавы Емелиной (мамы Коли и Толи)...

Все ушли. Давно... Улица живёт своей жизнью, я никого уже не знаю. Исчез даже огромный серый камень (ушёл в землю) на углу Маяковского переулка. Об этом камне помнит ещё один человек, давно уехавший далеко...

Но меня иногда так тянет к этим воспоминаниям. А сегодня я поделилась ими со всеми вами.

ЕЁ ВОЕННЫЙ КРЫМ

(В соавторстве с Еленой Бойко)

Рите до сих пор снится Крым — ещё тот: Французский дворец, аллея огромного парка, переходящего в лес, окружающий ещё один дворец, графа Милютина...

Родительский дом стоял на окраине Алупки. Рядом — море, неумолчно шумящее днём и ночью. Кипарисы и пальмы, цветущая магнолия, много-много роз. Вдоль Севастопольского шоссе до сих пор стоят кипарисы, посаженные отцом нашей героини — Фёдором Никитичем Светильниковым. У него богатейшая биография: участник Русско-японской войны, сражался под Мукденом, там же попал в плен, где провёл полгода до заключения Портсмутского мира. Потом вернулся в свою деревню в Брянской области и в 1906 году женился на Елизавете Ивановне Чикиризовой. Вскоре после свадьбы молодые отправились в Ялту, где Фёдор Никитич ещё мальчиком работал садовником у графа Орлова. Здесь у семьи родилось пять сыновей. А во время страшного голода в 1931 году появился последний ребёнок, дочка Маргарита, о которой пойдёт наш рассказ.

Родители работали в доме отдыха ОГПУ, захваченном имении графа Понизовского. Оно находилось между Форосом и курортным посёлком Симеиз. С 1934 года семья обосновалась в Алупке, в доме, где до революции располагалась служба князя Трубецкого. Ему же принадлежали земли, примыкавшие к Алупке. К началу войны старшие братья работали самостоятельно, а Маргарита Светильникова 1 сентября 1939 года пошла в первый класс.

М.Ф. Светильникова:

22 июня 1941 года, воскресенье. В два часа дня включили радио, и из выступления Молотова узнали о начале войны. А в то раннее утро папа ходил проверять виноградник и слышал отдалённый орудийный гул. Это рвались бомбы в Севастополе. Немцы начали бомбардировку с воздуха.

Вокруг нас были военные санатории. 22 июня они обезлюдели. Все устремились на фронт. Мы, жители, были совершенно уверены — это ненадолго, и мы победим. Даже после речи Сталина, прозвучавшей третьего июля, когда люди внимательно слушали сводки, все думали, что неудачи носят временный характер и вот-вот настанет перелом. Истинная тревога началась в конце августа — начале сентября, когда немцы окружили Одессу и приблизились к Крымскому перешейку.

Наш маленький город начал готовиться к работе и боям в тылу. Взрослые изучали тактику партизанской борьбы. Учащиеся восьмых-девятых классов не оставались в стороне. Младший брат Борис с 16 лет вступил в истребительный батальон. Эти ребята шли добровольцами в армию. Их отправили в Симферополь, а когда бои начались на Перекопе, их, необстрелянных (одна винтовка на десять человек, а гранатами они пользоваться ещё не умели), одним осенним

Рита Светильникова. 1969 год

утром окружили и забрали в плен. Борис служил в одной роте с земляком из Алупки, кадровым военным, который хорошо знал местность и научил брата идти в украинское село, расположенное поблизости — там немцы молодёжь ещё не трогали. Брат назвался украинской фамилией, и его отпустили домой. Пришёл пешком — оборванный, исхудавший, а нам надо было его прятать, чтобы немцы его не забрали.

Бургомистром Алупки немцы назначили русского жителя Вовченко (потом его расстреляют за связь с партизанами), отец достал немецкий аусвайс, и пока брата оставили в покое. Чтобы помочь семье, Борис

подрабатывал, где только представлялась возможность...

Немцы высадили на востоке Крыма, в районе Керчи и Феодосии, сорок тысяч солдат 51-й и 44-й армий. Советские войска пытались заблокировать вход в этот регион в Крым, захватив Перекоп. Это контрнаступление Красной армии потерпело неудачу, но задержало решающий удар немцев по Севастополю. В ноябре немцы вошли в Ялту и Алупку. На Севастополь они пошли другой дорогой, через Бахчисарай, высадив десант и разъединив нашу армию.

Солдаты с обеих сторон дрались очень ожесточённо в этих сражениях, и вскоре все были крайне измотаны. Один немецкий солдат позже писал: *«...у нас почти не было времени на отдых, мы совсем не спали, во время переходов люди часто теряли сознание прямо в строю от усталости. Особенно страшно было на посту. Я могу сказать, что лично знал тех, кого действительно расстреляли за то, что они на минуточку заснули на посту».*

А вот, что вспоминает Маргарита Фёдоровна: *«...наши отступающие части производили жуткое впечатление: разбитая техника, брошенные танки, умирающие лошади, раненые и убитые солдаты со звёздочками на пилотках».*

Только в мае немцы взяли Феодосию. Через неделю захватили Керчь. Крым давался им тяжелейшими усилиями. Все жители попрятались по домам. Немцы занимали курортные городки, их мощная техника подавляла любое сопротивление.

Среди первых они вывесили приказ о том, чтобы евреи нашили на одежду шестиконечные звёзды, а списки коммунистов стали им известны в первые часы. На третьи сутки в дом вошли три огромных немца и, щёлкая автоматами, забрали минеральную воду. Их удивило имя девочки: Маргарита, Гретхен...

Через несколько дней появились объявления с отпечатанным приказом: евреям собраться в сборном пункте на площади, взяв необходимое и драгоценные вещи. В декабре их отвезли в Ялту и расстреляли во рву под городом. Местные жители рассказывали, что земля ещё долго поднималась. Одному мальчику удалось спастись, его спрятали жители Мисхора, и он сидел в погребе до конца войны, а ведь люди рисковали собственными жизнями.

Мы не могли понять: почему отступают наши? Нам коротко отвечали: «Так нужно». Но некоторые сообразили и пытались эвакуироваться из Ялты морем, но ни один крейсер не спасся. Уцелевших брали в плен, где им достались все круги ада.

Одним из таких людей был моряк Николай Богданов — выносливый и смелый, он прыгнул в море и подхватил маленькую

девочку, семья которой погибла у него на глазах. Три километра он плыл с этой девочкой на спине при неспокойном море, сумел разыскать на берегу родственников девочки, а сам свалился с воспалением лёгких. Немцы нашли его и взяли в плен, в концлагере к морякам относились с особой жестокостью, но он сумел сбежать. Его поймали: снова плен, пытки и — новый побег. Когда пришла наша армия, то Богданов был оболган, проходил проверку в системе НКВД, и только через много лет люди узнали подвиг этого героя.

Когда Рита с подружками освоилась, то как-то пошла в подвал дворца Милютина. Там было много книг, учебников. Она самостоятельно изучила программу 3-4 классов. После освобождения Крыма девочка сдала экзамен в 5 класс.

М.Ф. Светильникова:

— У нас в Алупке была семья Гавыриных. Мать и двое сыновей, отец ушёл на фронт. Перед самой войной мать уехала к кому-то в гости и не смогла вернуться, мальчики остались одни. У них был радиоприёмник, который они не сдали, и они слушали передачи о боях под Москвой, рассказывая об этом друзьям. Их арестовали, собрали население в центре города и повесили мальчишек за сопротивление немецкому порядку.

Январь-февраль 1942 года. Тяжелейшие бои под Севастополем, гул стоял такой, что в Алупке земля содрогалась, небо покрыто тучами самолётов, которые летели на Севастополь. Наступил июнь, идёт артобстрел города, штурм, но только 13 июня немцы смогли войти в Севастополь, после исключительно упорного сопротивления его защитников. Бои в городе продолжались весь июнь, Севастополь пал лишь 3 июля после 250 дней блокады. Только под Севастополем мы потеряли 110 000 человек. Мирные жители остались во власти врага. В городе сохранились только здания банка и церкви, всё остальное было разрушено. Сразу же немцы провели вторую акцию уничтожения евреев. Они объявили, что в тех семьях, где смешанные браки, родители обязаны выдать своих детей, чтобы самим остаться живыми. Только одна женщина пошла на это, остальные матери прятали детей, как могли, но немцы многих находили и уничтожали. Жители самоотверженно помогали этим отчаявшимся матерям. Были и предатели — нелюди, перебежавшие на сторону немцев.

Маргарита Фёдоровна рассказывает о некоем Гомонове, ушедшем в леса вместе с партизанами. Он потом вернулся к немцам и выдал весь партизанский

отряд, людей повесили в центе Ялты, там, где сейчас Аллея славы. Предатель не ушёл от возмездия, уже в 1944 году, когда город освобождали от румын, он пытался к ним пристроиться, хвастаясь своим предательством.

Потом его повесили жители — предателей нигде не прощали.

В 1942 году немцы арестовали детского хирурга Милевского, всем известного и уважаемого человека, спасшего жизнь многим из ялтинской детворы. Он был женат на еврейке, и было им более семидесяти лет. Ему предложили жизнь, если он сдаст свою жену, он предпочёл расстрел. Их похоронили вместе, и сейчас на этом месте стоит памятник «Чёрный бугор». Поставлен памятник в Ялте и братьям Гавыриным.

Маргарита Фёдоровна вспоминает трагедию ещё одной семьи — крымских татар. Там было два сына: один советский лётчик, дважды Герой Советского Союза — Султан Ахмет-хан. Второй сын оказался в немецкой армии. Когда наши освобождали Ялту в апреле 1944 года, они высылали семьи предателей, эту семью не тронули из-за сына-героя. На родине лётчику должны были поставить бюст как дважды Герою Советского Союза, а брат был уже в советском лагере, и памятник убрали — из-за предательства брата. Памятник восстановят через много лет, когда лётчик-испытатель Султан погибнет в 70-е годы.

М.Ф. Светильникова:

— Зимой 1942 года, когда под Севастополем шли бои, мы с подружкой отправились в лес, в заросли можжевельника. Немцы располагались у моря, в санаториях были открыты их госпитали — а мы с подругой ничего не боялись. Жажда риска, любопытство толкали разведать ситуацию вокруг родного города. По слухам мы знали, что где-то, у Кара-Дата, возможно, находятся партизаны.

Забравшись вглубь можжевельника, мы встретили незнакомца. Он спросил о немцах, ему объяснили, что жандармерия немцев в одном крымском санатории, полиция — в другом, он повернулся и ушёл. Может быть, он был из тех частей Красной армии, которые летом 1942 года после падения Севастополя ушли в леса. А накануне к нам приходил полицай и спрашивал, не заходил ли никто подозрительный. Только он ушёл, папа отправился за зеленью для кроликов и встретил мужчину, одетого в полусолдатскую, полугражданскую одежду. Его тоже интересовали немцы, спросил у папы: «А вы можете узнать, в каких санаториях находятся немцы?»

Папа ответил: «Мы боимся провокаторов». Через некоторое время к нам пришёл другой мужчина, видимо, связной, а я увидела, как во двор зашёл полицай. Мы спрятали мужчину в постель и сказали, что у него

дизентерия. Полицай был из местных (иногда они спасали еврейские семьи, разные были люди), этот засомневался по поводу нашего больного, но ушёл. Через два дня он наведался к нам, но партизан успел уйти, а мы объявили его жителем татарской деревни.

В оккупации простые жители бросались на помощь друг другу, делились последним куском хлеба. 25 декабря 1941 года мы с мамой пошли в Ялту к её брату, там он попал в плен, был ранен, просил помощи, был помещён в лагерь военнопленных. Мы шли 16 километров пешком, принесли сухарей – маленькую передачку, обратно тоже шли пешком. Немец на телеге вызвался нас подвезти от Ялты до Гаспры, а от Гаспры мы должны спуститься через мост к Кореизу. Подошли: пьяный немец стреляет в прохожих из пистолета: ранит, пугает. Мы выждали, когда он перезаряжал оружие, и в эту паузу перебежали через мост...

Зима 1942 года была очень холодная, мама решила идти в татарское местечко, чтобы обменять вещи на продукты. Нам предстоял путь километров в десять к Кикинизу (или Голубому заливу). Когда мы преодолели поворот, мы увидели двоих повешенных мужчин, они были в гражданском.

В местечке нас приняли хорошо, эти люди раньше работали с моими родителями. Нас накормили, но с собой ничего дать не могли. Старший сын Бакир сказал, что двое повешенных – это связные партизан.

После поражения под Сталинградом в Крыму оставалось мало немецких частей. Их заменили румыны. Они грабили местное население, отнимая последнее. Однажды ночью они ворвались в дом, и, угрожая оружием, увели маленькую козочку – последнюю надежду семьи на ближайшее время. Мама от испуга потеряла голос. Но страшнее румын была кавказская Дикая дивизия (чеченцы, ингуши, грузины, карачаевцы). И хотя в Алупке они стояли

Крым. Освобождённый от фашистов Севастополь.

недолго, три-четыре дня, мы все прятались по подвалам. Они стреляли во всех проходящих людей. Потом их перебросили в Севастополь, когда к нему подходили наши части. С декабря 1943 — начала 1944 года было видно, что у немцев дела плохи. И румыны мягче стали относиться к местному населению. Заходили, разговаривали, говорили, что сдадутся в плен и не будут сопротивляться...

Старший брат Василий пропал без вести. У Константина была броня, он был главным инженером на заводе «Амурсталь» в Комсомольске-на-Амуре. Виталий — лётчик, ранен в бою, умер в госпитале, похоронен в Москве, на Преображенском кладбище. Фёдор служил в войсках НКВД. Бориса мы оставили в 41-м году…

В боях под Севастополем смешались все народы Советского Союза: в речках вода была тёмной от крови, всюду трупы. Когда в 1948 году я ехала через Севастополь, то были видны руины, люди жили в землянках.

Ялтинская конференция

Зимой 1944 года в Алупку пришли советские военные части и стали устанавливать зенитки. Теперь это были современные войска: новые машины — «студебеккеры», «шевроле», орудия с прицелами.

Стали готовиться к Ялтинской конференции. В саду Воронцовского дворца перед бассейном — зенитки. Шла разведка настроений населения. Фёдора Никитича в 1945 году пригласили в Воронцовский дворец, чтобы восстановить Зимний сад. За работу он получил один килограмм колбасы, банку сухого молока и американский плавленый сыр (Маргарита Фёдоровна любит этот сорт сыра до сих пор). За несколько дней до конференции по домам разнесли повестки, чтобы жители удалились в соседние сёла. Высылали взрослых. Отец был стар — его оставили.

Черчилль жил в Воронцовском дворце, здание специально отреставрировали в английском стиле. Вся английская миссия размещалась в уцелевших санаториях. Здания санаториев — это виллы знати дореволюционных времён. Сталин жил в Кореизе — в Юсуповском дворце, Рузвельт — в Ливадийском.

Занятия в школе прерывать не стали, но ученики должны были ходить туда по определённому маршруту, чтобы не загружать шоссейную дорогу. С обходного пути шоссе просматривалось, и дети могли видеть проезжающие английские «виллисы». Однажды англичане подъехали совсем близко к школе, стали разбрасывать конфеты, дети стали их подбирать. Англичане всё это фотографировали.

А вокруг Воронцовского дворца в феврале расцветало много

подснежников, и мы с подружкой решили отправиться за ними, хотя всех предупреждали, что приближаться к Ливадийскому и Воронцовскому дворцам запрещено. Воронцовский дворец хорошо охранялся: при любом подозрительном движении солдаты имели право стрелять на поражение. Вокруг стен дворца росли густые кустарники: олеандр, лавр, самшит. Рядом место старожилы называли Хаосом: нагромождение скал, там проходили маленькие тропинки, лесопарк, куда дети ходили рвать фиалки и крокусы.

М.Ф. Светильникова:

— Задняя стена дворца (она была невысокой, на ней росли кустарники) упиралась в пригорок, за которым начинались камни, скалы. С этой стороны подобраться к полянам дворца было почти невозможно. Жителей ближайших домов на время проведения конференции отселили. Но две непослушные девочки полезли через камни и остатки скал к кустам самшита (а они густые) на задней стене Воронцовского дворца и через них можно кое-что увидеть. Со стороны Ливадийского дворца к воротам пошёл поток машин, — мы притаились.

Сначала вышла охрана, а потом — плотный мужчина, что-то сказал охране и вошёл во дворец через боковой вход. Машина марки «виллис», охрана — на мотоциклах. Позже в газете я увидела фото этого мужчины и узнала в нём Уинстона Черчилля — английского премьер-министра, прибывшего на Ялтинскую конференцию. Конечно, нас обнаружила охрана, двух испуганных девчонок с цветами. Но, пожалев, отпустила, строго предупредив никому ничего не рассказывать.

Когда всё стихло, мы ползком пробирались между скалами. Дома о том, что случилось, никому не рассказали.

В 1948 году Маргарита Фёдоровна пыталась поступить в медицинский институт, её не приняли из-за того, что во время войны находилась на оккупированной территории. В 1950 году она без труда поступает в Симферопольский педагогический институт, на непопулярное тогда отделение немецкого языка. Училась отлично.

Вскоре вышла замуж за офицера запаса Советской армии, он работал переводчиком. В мае 1953 года мужа вызвали в военкомат в ответ на его заявление о желании работать в разведке. Примерно в это же время Маргарита Фёдоровна получила письмо из местного отдела НКВД.

М.Ф. Светильникова:

— В письме приглашали на собеседование, на месте попросили заполнить анкету и спросили, как я отношусь к

работе за границей. Вскоре мужа пригласили в Москву, а я летом 1954 года поехала к его родителям в Алма-Ату. В это время я ждала ребёнка, родившуюся дочку пришлось оставить у родителей. Сама отправилась в Москву, где училась быть связной. Мужа отправили в Германию, он должен был отрабатывать легенду. Затем в Германию направили меня, потом в Австрию под видом перемещённого лица из Чехословакии. Но обстоятельства сложились так, что из Германии мы вынуждены были уехать. Вернулись в Москву.

После Москвы в 1956 году мы вернулись в Алма-Ату, стали искать место работы. Заявления направили во все университеты, откликнулся Читинский педагогический институт. В Чите суровый климат: постоянный ветер, крепкие морозы. Через два года переехали в Махачкалу, где до 1961 года работали в университете. В 1961 году переехали в Оренбург, с февраля работала старшим преподавателем на кафедре немецкого языка.

И вся моя оставшаяся жизнь связана с Оренбургом. Мои ученики работают во всех школах области, а самые лучшие – в её вузах. Выросла дочь. Два уже взрослых внука, правнуки… Так хочется, чтобы у них не было воспоминаний о войне.

А мне как прежде снится Крым. Я навестила его год назад. Родительский дом, где с семьёй живёт младший брат (моя дочь очень любит туда приезжать). Но… страна иная. Ушли былые друзья. Запущены парки… Но это уже другая история…

Георгий ХИСМАТУЛИН

ИСТОРИЯ ШЕСТИ МЕДАЛЕЙ

Георгий Владимирович Хисматулин родился в Оренбурге в 1973 году. Потомок казаков Воздвиженской станицы. Окончил Оренбургский государственный университет, работал инженером сотовой связи, сейчас наладчик станков с числовым программным управлением. Заместитель начальника учёной архивной комиссии Оренбургского казачьего войска. В составе поискового отряда «Забытый батальон» участвует в поисках останков бойцов, погибших в годы Великой Отечественной войны. Живёт в Оренбурге.

Начиная с 2010 года учёная архивная комиссия межрегиональной общественной организации «Оренбургское казачье войско» (далее ОКВ) организует и проводит историко-краеведческие экспедиции с целью изучения истории Оренбургского казачьего войска. Основная цель экспедиций — формирование фонда устной истории по теме «Оренбургское казачество в XVIII — начале XX веков. Оренбургское казачье войско в Гражданской войне» и сбор предметов материальной культуры оренбургского казачества XVIII—XX веков.

В апреле того же года заместителем начальника учёной архивной комиссии Г.В. Хисматулиным совместно с казаками Первого (Оренбургского) отдела ОКВ на местах боёв 2-го казачьего корпуса с большевиками проводилось обследование окраины Студенецкой станицы в Саракташском районе, в

ходе которого среди стреляных гильз, пуль, осколков и шрапнели была найдена медаль «За отвагу» за № 2017461.

Рассказывает Георгий Хисматулин:

У медали было обломано ушко, вследствие чего, видимо, она и была потеряна. Я пошёл в военкомат Дзержинского района в Оренбурге, где меня внимательно выслушали и посоветовали написать письмо по этому поводу администрации сайта «ПОДВИГ НАРОДА», что я и сделал.

Прошло две недели, ответа не было, тогда я написал коллегам из поискового отряда «ТРИЗНА» (г. Санкт-Петербург), которые занимаются поиском и перезахоронением воинов, погибших в Великой Отечественной войне. Через четыре дня ребята прислали мне документы на имя младшего лейтенанта Щукина Александра Михайловича 1925 г.р. из Подольского архива Министерства обороны.

Это была учётная карточка, наградной лист и приказ о награждении, оставалось найти владельца. Очень надеялся, что Александр Михайлович ещё жив, и он получит потерянную награду.

Судя по документам, Александр Михайлович родился и жил до войны в п. Студенцы (ранее Гавриловский район Чкаловской области). Во время войны в одном из боёв получил не-

А.М. Щукин

сколько ранений, но не покинул поля боя и руководил атакой, за что был награждён медалью «За отвагу». После возвращения на родину работал библиотекарем (заведующим читальной избой).

Как только позволило время, занялся поиском, звонил в администрацию сельсовета, который находится в п. Чёрный Отрог, но про Щукина А.М. там никто ничего не знал. Между тем, Щукиных оказалось в районе очень много.

Щукины из Студенцов оказались просто однофамильцами Александра Михайловича. Проходив по посёлку несколько часов, переговорил практически с половиной его населения. Одна бабушка отправила меня в местную церковь к матушке Екатерине (Сильченко Екатерине Николаевне), она, мол, всё знает. Зашёл в храм, встретился с

матушкой, объяснил ситуацию, где-то полминуты она просто смотрела на меня молча, и я уже начал себя нелепо чувствовать, как вдруг она спросила:

— Библиотекарь, что ль?

— Да, — обрадовался я и показал ей документы.

— Иди с Богом к Богдановой Валентине Матвеевне, — промолвила матушка, — она с его сыном вместе училась, а он уже помер давно, после войны прожил лет десять всего.

Добравшись до Валентины, очередной раз всё рассказал. Она взяла телефон и набрала номер Валерия, сына Александра Михайловича, который жил в Оренбурге. Встретившись с ним, я отдал документы и медаль отца, а он долго не мог поверить, что в наше время есть такие люди, которые занимаются этим без корысти...

Далее Валерий поведал, что отца он не помнит, он умер, когда ему было всего 2 года, 13 декабря 1957 года, сильно страдал от ран. Известно, что в конце войны он получил осколочное ранение в живот, которое впоследствии и стало причиной его смерти.

В семейном фотоальбоме сохранилась фотография Александра Михайловича Щукина, сделанная в годы войны.

Вторая медаль «За отвагу» за № 1659372 была найдена возле п. Сарманай Шарлыкского района весной 2012 года моим товарищем Рамилем Валеевым, с которым мы проехали несколько десятков тысяч километров, собирая экспонаты для нашего казачьего музея. У неё тоже было обломано ушко.

Тут я уже пошёл по известному пути, написав ребятам из поискового отряда «ТРИЗНА». На этот раз поиски были долгими, и только к концу лета пришли документы на имя младшего лейтенанта Завьялова Николая Афанасьевича 1924 г.р., проживавшего некогда в этом самом посёлке. Ответ из администрации был ожидаемым — где, мол, будем искать, обращайтесь в военкомат. Мне повезло — на сайте «Одноклассники» нашёл группу «Сарманай», сделал

Сын Валерий Александрович с медалью отца

Рамиль Валеев

запрос. В итоге уже зимой нашлась дальняя родственница в Оренбурге, договорились о встрече. Я был поражён, когда она сказала, что медаль ей не нужна...

Николай Афанасьевич родился в 1924 году в п. Ратчино, во время войны воевал в 110-й стрелковой дивизии, был командиром взвода миномётчиков, трижды ранен, в 1943 году получил очень тяжёлое ранение, награждён двумя орденами Красной Звезды. Его взвод был самым лучшим в полку.

Умер герой где-то в Казахстане в 60-х годах, точных сведений о дате смерти и детях нет.

Третья медаль «За отвагу» за № 1866747 была найдена казаком Ермолаевского посёлка (Уфимский отдел) Оренбургского казачьего войска Балушевым Евгением в апреле 2013 г. в районе п. Разномойка, у которой также было обломано ушко.

Владельцем её оказался Прусаков Федот Степанович 1917 года рождения, живший некогда в этом посёлке. В то время это был Троицкий район Чкаловской области.

Медаль Евгений передал мне, и я отправил её на реставрацию. Самого ветерана в живых уже не было, но мне довелось встретиться

На фото слева Прусаков Федот Степанович с медалью «За отвагу» на груди

с его дочерьми Любовью и Раисой и сыном Сергеем.

Они были, конечно, удивлены и очень рады увидеть награду родного отца. У Любови Федотовны осталась пара фотографий, на одной из которых Федот Степанович сфотографирован как раз с этой медалью на груди.

Дочери Прусакова Ф.С. Любовь и Раиса

Федот Степанович начал службу в армии в 1940 г. По рассказам его детей, перед самым началом войны воинская часть в приграничной зоне, где он служил, выехала в летние лагеря, а он и десяток бойцов остались для несения караульной службы. Из оружия у них была пара винтовок, да несколько гранат. Вступили в бой с немцами 22 июня 1941 года. Попали в окружение, затем в плен, но через десять дней благополучно сбежали, сколько-то дней шли лесами, добывая себе оружие в бою... Федот Степанович не любил рассказывать про войну. Также известно, что перед самой Победой он получил пулевое ранение в лицо, и навсегда запомнил лицо немца, который в него стрелял...

Федот Степанович на фронте был пулемётчиком, воевал в 906 стрелковым полку 243-й стрелковой дивизии.

Умер ветеран 10 декабря 1983 года. Там же, в посёлке Разномойка, он и похоронен.

Осенью 2013 года в Благоварском районе Башкирской республики на окраине села Кармасан уфимскими краеведами была найдена медаль «За отвагу» № 3058650. Её тоже передали мне, и я занялся поисками владельца. Через месяц получил документы из Подольского архива на имя Пичко Николая Григорьевича 1923 г.р., проживавшего ранее в Благоварском районе Башкирской АССР.

Уфимский краевед Ильгиз Минигалеев нашёл родственников Николая Григорьевича и договорился о встрече. Мы с Валеевым Рамилем выехали в Уфу, где нас ждал родной брат Николая, Леонтий Григорьевич, тоже

участник Великой Отечественной войны. Несколько часов он рассказывал нам о судьбе отца и брата, о своей службе и жизни в послевоенные годы.

Отец братьев, Григорий Иванович, жил на Украине в Донецке, в годы Первой мировой войны служил в кавалерии, был разведчиком. Семья переехала в Башкирию в начале 20-х годов прошлого века. Леонтий Григорьевич показал сохранившуюся у него фотографию, где запечатлена вся большая семья Пичко.

На фото слева направо: второй ряд – Пичко Григорий Иванович, дочь Ольга, мать Акулина Никитовна, снизу сыновья Леонтий, Николай и дочь Галина

Во время Второй мировой войны на фронт ушли отец и оба сына. Григорию Ивановичу в 1943 году уже исполнился 51 год, младшему сыну Леонтию – 17 лет, его отправили в Приморский край на границу с Китаем, а Николай ушёл на фронт ещё в 1942 году. Что самое удивительное, все трое во время войны были артиллеристами.

В 1944 году Акулине Никитовне пришло извещение, что её супруг пропал без вести при освобождении Донецка, своей родины. Но на этом история главы семьи не закончилась. В 1989 году в Донецке при постройке школы рыли траншею и обнаружили могилу, где были погребены пятеро бойцов и среди них Григорий Иванович Пичко, призванный из Благоварского района Башкирской АССР. В 1990 году младший сын Леонтий Григорьевич с племянницей Зоей Александровной ездили в Донецк на открытие памятника, установленного на братской могиле.

Леонтий Григорьевич во время войны был первым номером расчёта ПТР, а потом воевал с японцами Квантунской армии на территории Китая, был награждён медалью «За боевые заслуги». После окончания войны служил в армии до 1949 года.

Николай Григорьевич был помощником наводчика

82-мм миномёта. «17.01.1945 г. в бою за село Крайдельвиц первым обнаружил пулемётное гнездо противника и уничтожил его, кроме того им было уничтожено 17 немецких солдат, за что и был награждён медалью «За отвагу» (выписка из приказа)

Умер Николай Григорьевич весной 1975 года. Медаль с документами мы передали самому близкому по родной кровинушке, его родному брату Леонтию Григорьевичу.

Пятую медаль «За отвагу» № 470805, в июле 2014 года нашёл в районе посёлка Ахунова уфимский краевед Мурзабаев Ильгиз. Как всегда, я занялся поиском её владельца, им оказался Габдул Сафин, житель этого посёлка.

Родственников ветерана, к сожалению, найти не удалось.

Уже летом 2015 года Ильгиз сам поехал искать хоть какую-нибудь информацию о герое. Посёлков Ахунова оказалось три, и ни в одном про Сафина Габдула никто ничего не знал, пока не посоветовали обратиться к одной старой учительнице, которая преподавала в местной школе в пятидесятых годах. И оказалось, что Сакаева Казия Галиевна очень хорошо знала Габдула. Он был сиротой, воспитывался в детском доме, воевал на Финской войне, потом закончил танковое училище. Во время Великой Отечественной

Сакаева Казия Галиевна и Мурзабаев Ильгиз

войны ушёл на фронт, воевал на Северо-Кавказском фронте, получил ранение. Долгие годы жил и работал военруком школы в Ташкентской области, в конце шестидесятых годов вернулся на родную землю. Семьи и своих детей у него не было, жил с женщиной из соседнего села, воспитывал её сына. Работал на ферме, умер в 2000 году в доме престарелых в Уфе.

Шестую медаль «За отвагу» № 3141716 осенью 2015 года недалеко от г. Кумертау нашёл местный краевед Владимир Корнеев. Я отправил её на реставрацию. Через два дня мне позвонил оренбургский ювелир Андрей Колесников (он, кстати, отреставрировал совершенно бесплатно все шесть медалей) и

Послевоенное фото Люлькина Ивана Ильича

сказал, что на обратной стороне медали разглядел выцарапанную чем-то острым фамилию — Люлькин. Медаль и правда, судя по присланным из архива документам, принадлежала Люлькину Ивану Ильичу 1927 года рождения, призванному из хутора Болдырев Ташлинского района Оренбургской области (территория Уральского войска).

Атаман п. Кинделя Павел Федулов выяснил, что фамилия известная, и что потомки Ивана Ильича живут в районном центре Ташлинского района. Внук героя Иван приехал ко мне, узнав о находке. Он привёз с собой несколько фотографий деда и его документы.

Рассказал, что про него они мало что знают, Иван Ильич почти никогда не рассказывал о своём участии в войне, работал в колхозе, содержал большое хозяйство. Был почётным тружеником села, скончался в 2001 году. Теперь его награду будут хранить внуки и правнуки...

На фото Люлькин Иван (справа в нижнем ряду), с той самой медалью «За отвагу»

Екатерина КУРДАКОВА

МОЕЙ ЮНОСТИ ДАВНИЙ ПРИЮТ

Семейный хронограф

Екатерина Фёдоровна Курдакова (Гусева) родилась в городе Бузулуке Оренбургской области. Окончила гидромелиоративный техникум. Работала техником-конструктором на заводе тяжёлого машиностроения, на заводе художественных изделий «Оютас», с 1983 года трудится художником-реставратором в Восточно-Казахстанском областном архитектурно-этнографическом и природно-ландшафтном музее-заповеднике. Живёт в Усть-Каменогорске.

Предотлётное сборище чаек,
Сонм листвы, улетающей в
дождь, —
Поспеши обозначить, прощаясь,
Ведь с собой ничего не возьмёшь.

Ведь и жизнь, может быть,
для того лишь
И дана, чтобы словом назвать
Эти сонмы взлетающих сборищ,
Эту Божию благодать...

Евгений Курдаков

16 января 1976 года — дата, навсегда омрачённая смертью нашего отца Гусева Фёдора Леонтьевича. Он был отцом восьмерых детей и умер в семидесятилетнем возрасте от обширного инсульта. Управился папа в три дня, не обеспокоив никого длительным обездвиженным состоянием. Наша мама не поверила врачам, когда ей сказали о безнадёжности его положения, даже

стала спорить, что инсульт случается не единожды, и это ещё не конец земной жизни.

Смерть близких всегда застаёт нас врасплох, что и говорить о нас, его детях, о нашем подавленном, мягко говоря, состоянии. На похороны из Усть-Каменогорска отправились: Володя и Ольга Гусевы, и наша семья Курдаковых: я с мужем Евгением и младшей пятилетней дочерью Юлечкой. Володя ехал один, так как дома тяжело и непонятно болел двухлетний сын Серёжа, с ним осталась жена Тоня. Да и Оля ехала без мужа — Виктор остался в Усть-Каменогорске с сыном Димой. Для поминального обеда мы везли из Усть-Каменогорска в эмалированном ведре замороженное мясо.

Летели на самолёте до Куйбышева (ныне Самары), но в Челябинске случилась вынужденная посадка (Куйбышев не принимал из-за сильного снегопада), где мы потеряли 4 часа ожидания в аэропорту, а дальше, из Куйбышева — местным поездом (в простонародье — «барыгой») до Бузулука. Всю дорогу ехали молча, говорили только по необходимости, по существу. У каждого из нас был «свой» отец, свои отношения и своя память о нём.

Стояли сорокаградусные крещенские морозы, которые воспринимались привычными и естественными для этого времени года. За вагонными окнами мелькали затаившиеся в морозной тишине заснеженные посёлки, заваленные по самые крыши пухлыми белоснежными сугробами, с прочищенными в них узкими тропами. Топились печи, и столбы белого дыма застывали в морозном поднебесье.

Приехали в Бузулук вечером. Город встретил нас ранними зимними, почти ночными сумерками. Редкие, тускло светящиеся фонари едва освещали улицы с узкими глубокими тропами-траншеями. Чёрное небо с яркими мигающими звёздами и блёклая, в рваных тучах, равнодушная луна. В тишине оглушительно скрипел снег под нашими шагами. С еле сдерживаемым волнением и мучительным душевным томлением подходили мы к родительскому дому. Издалека он, как маяк, непривычно светился всеми окнами, незакрытыми ставнями, ожидая нашего приезда.

Я — Екатерина Гусева (в замужестве Курдакова), старшая из дочерей и второй ребёнок в родительской семье. Мне 29 лет и я ровесница моему дому. Здесь я прожила свои первые 19 лет и эти стены знают и помнят меня, и я плачу дому искренней любовью, привязанностью и памятью.

Быть старшей сестрой — для этого надо родиться не только первой, в этом есть какое-то призвание, врождённая жертвенность. Надо любить своих братьев и сестёр больше себя. Это значит (в отсутствие родителей) сначала накормить их, а

самой потом, что останется. На первые заработанные деньги купить брату коньки на ботинках, о которых он и мечтать не смеет, к утреннику (без маминого разрешения) сшить розовое шёлковое платьице, а вместо отсутствующей капроновой ленты накрахмалить бинт и завязать его в роскошный бант, отчего Лёля становилась похожей на Мальвину, и многое другое. И всё это естественно, без надрыва, не подозревая, что может быть по-другому.

Десять лет замужества меня очень изменили, я стала совсем другая — у меня сложились другие обязанности, мироощущение и восприятие жизни. Покинув родительский дом, я попала в совершенно другой, незнакомый и созидательный мир творчества, где человек живёт не хлебом единым, и я приняла этот мир, и он стал моей жизнью. В нашей семье родились две дочери, и для них теперь я живу, и они конечный смысл моей жизни. Но родительский дом, как поётся в песне: «начало начал», навсегда останется малой и милой родиной — родимым гнездом, из которого мы все разлетимся по белу свету.

— Блям-блям! — звучно отозвалась знакомая металлическая щеколда открываемой калитки, и дом принял нас. Чёрным меховым клубком, заливисто лая, кинулся под ноги старенький Жучок. Через секунду, узнав нас, он повизгивает, приветственно машет обрубком-хвостом, виляя всем туловищем, делает стойку на задних лапах и пританцовывает. А мне на миг показалось, что ничего не случилось, все живы и здоровы, просто я вернулась из школы домой со второй смены.

Мы очень боялись за маму, за её здоровье, как она перенесёт утрату мужа, с которым прожила всю жизнь. Маме было 56 лет. Мы застали её растерянной, суетящейся среди приехавших издалека детей, как бы не совсем понимающей происходящее. Понимание случившегося придёт к ней позже, когда все разъедутся, и дом непривычно опустеет и вдруг обеззвучит.

Раньше нас приехали из Куйбышева старший брат Александр с женой Наташей и наши недавние молодожёны — Сергей и Ольга (у них вскоре, после смерти папы, родится сын Фёдор — Гусев Фёдор Сергеевич). Наташа приехала раньше всех и застала нашего отца живым. Она, как опытный врач, облегчила его физическое состояние, добившись от врачей больницы для безнадёжного больного качественного медицинского обслуживания. Во время похорон она взяла в свои руки подготовку проведения поминального обеда. Строгая и собранная, обладающая организаторскими способностями, знающая русские православные традиции и обряды погребения, Наташа была незаменима в эти трагические

дни. Она организовала в день похорон приготовление поминального обеда, выделяя деньги на закупку продуктов и распределяя их помогающим соседям (в то время не было ритуальных залов и кафе для поминальных обедов). В нашем доме на печи в ведёрной кастрюле варился борщ и томился в духовке фруктовый компот.

На время описываемых событий из восьми детей Гусевых неопределённым в профессии и в жизни оставался наш младший пятнадцатилетний брат Юра. Папа последнее время, предчувствуя смерть, сокрушался, что не успеет дать ему образование и не будет опорой в начале его самостоятельной жизни. Люба к этому времени заканчивала учёбу в строительном техникуме, по-теперешнему — колледже, была правильная и строго воспитанная девушка, за неё было спокойно. Валя, самая младшая сестра, училась в педучилище г. Бузулука. За успешную учёбу, в зимние каникулы она была премирована бесплатной туристической путёвкой в Ленинград. Валя единственная из детей Гусевых отсутствовала на похоронах отца — найти её в Ленинграде в то время не было никакой возможности. Она приедет из Ленинграда в день погребения и, открыв калитку, всё поймёт в первые же секунды, и зайдётся в страшных криках.

С отцом у неё были свои сложившиеся добросердечные отношения. Валя потакала папиной слабости — блинам. Папа же приписывал эту слабость ей, называя её Валькой-блинницей. Как бы там ни было, но по малейшей папиной просьбе: а не испечь ли нам блинцов? — Валя с удовольствием выполняла его желание.

Иногда во время просмотра фильма по телевизору, семнадцатилетняя Валя уютно громоздилась папе на колени, и он какое-то время этого не замечал. Но, неожиданно устав, «обнаружив» её, ворчал: Валя, ты такая взрослая и тяжёлая — садись в своё кресло! ...Таких мелочей было много.

Вот и перед той роковой поездкой она советовалась с отцом, ехать ли ей в Ленинград? — папе нездоровилось в те дни, но он категорично, не сомневаясь, ответил: езжай! До конца жизни Валя будет вспоминать эти скорбные дни и винить себя за поездку в Ленинград, не давшую ей проститься с отцом.

Попрощаться с усопшим пришли сослуживцы — заводчане, соседи и знакомые. Удивительно, но пришли попрощаться и отдать дань уважения нашему отцу учителя школы, где учились дети Гусевы.

Спустя два месяца после описываемых событий, в Усть-Каменогорске мы похоронили Серёженьку Гусева, сына Володи и Тони, умершего в два с половиной года от онкологии. Этот год поверг нас в долгое отчаянье

и скорбь. Мы впервые столкнулись с явлением смерти, и она потрясла нас своей трагической неизбежностью.

Судьба нашего отца, родившегося в 1905 году, напрямую связана с историей молодого Советского государства. Он появился на свет в крестьянской семье, в деревне (не знаю названия) Бузулукского уезда Самарской губернии. До революции папа закончил четыре класса церковно-приходской школы, какое-то время пастушествовал. Революция, гражданская война, голод, разруха, — всё вписалось в судьбу нашего отца. Каким-то образом ему посчастливилось отучиться два года на рабфаке в Куйбышеве. И, конечно же, лучшие годы жизни связаны с учёбой в государственном педагогическом и учительском институте им. В.В. Куйбышева (списано дословно со студенческого удостоверения отца). Ну а дальше — 37-й год, 58 статья — и 7 лет украденной жизни в Печорских лагерях. Там, в беспросветной и безнадёжной, казалось, жизни встретится ему девушка Горшкова Елизавета Фёдоровна, репрессированная за веру. Наша мама попала в лагеря в девятнадцатилетнем возрасте с тяжёлым и, казалось, безнадёжным заболеванием лёгких (с лёгочными кровотечениями в течение многих лет). Страшную болезнь излечат суровый полярный климат, лишения и безграничная вера во Всевышнего. И будут любовь, семья и позже, на воле, родятся восемь детей, которых сохранят, воспитают и дадут им образование.

Песня старого вокзала

Лето летит или годы над
бездной земной, —
Кто там, в толпе на вокзале,
такой молодой?

Кто там беззвучно рыдает,
хохочет, поёт,
Напоминает и мчится
сквозь жизнь напролёт?

Мчится сквозь время
указов, речей и вождей,
Нужд мимолётных,
казавшихся правды нужней.

Мчится сквозь старый,
родной деревянный вокзал,
Щедро цедивший, что век
сквозь него пропускал.

Мутные годы плели свой
рисковый резон, —
С поездом сцеплен
столыпинский тёмный вагон.

Жизнь торопила, ломала,
вела на этап
Тех, кто сорвался и первый
в неправде ослаб.

Кто там бредёт под конвоем
под крики родни?
Воплем святым навсегда
оглушив свои дни.

Кто эту память навеки
узлом завязал?
Звякнут сцепленья и
тронется старый вокзал.

Стены качнутся с
портретами настороже,
Кто там, Хрущёв или
Брежнев уже?

Что там небрежно хрустит
на безбрежной земле,
Щепки летят или судьбы
в горючей смоле?

Кто там прощается
насмерть, такой молодой, —
С другом ли я или друг мой
навеки со мной?..
Е. Курдаков.

Столыпинский вагон доставит моих родителей из родных городов: папу из Куйбышева, а юную маму, кажется, из Артёмовска, выдернув из родительской семьи, сначала на Колыму, а затем этапом в Печорские лагеря, в полярную зону, на суровые испытания, чтобы общей нелёгкой судьбой соединить навеки.

Там, в лагерях, не пригодилась папина профессия педагога-историка. И он освоил новую техническую профессию инженера-нормировщика, так и проработав в этой должности до освобождения из лагеря, а позже, уже на воле, — до пенсии на машиностроительном заводе в Бузулуке. Да и какой может быть педагог с 58-й статьёй?!

В конце жизни папа в разговоре с моими младшими сёстрами откровенно говорил, что никогда не был расположен к сельской жизни, к работе на земле. Думаю, что наш папа был из числа интеллигентов первого поколения молодого Советского государства. Мама в лагере работала бухгалтером.

Они были такие разные: истовая в вере мама, не скрывающая и после реабилитации (в годы борьбы с религией) своей духовной связи с церковью, певунья, открытая душа. Она и годы молодости, проведённые в лагерях, не считала загубленными. Говорила, что в лагерях было много прекрасных людей, от которых многому научилась. Рассказывала нам о снежном бескрайнем, искрящемся морозном безмолвии, о цветных радужных всполохах северного сияния, о кратковременном полярном лете с незаходящим солнцем и расцветающими в этот период на краткий срок анемичными жёлтыми маками. О цветных мхах и лишайниках, о полянах белых грибов, о строганине из рыбы и оленины. И всё-то в её рассказах было красиво и романтично, а о неимоверных трудностях и нечеловеческих страданиях в условиях полярной зоны мама даже не упоминала.

Когда в голодные перестроечные девяностые годы бывшим репрессированным узникам лагерей стали выдавать продовольственные талоны, мама засомневалась, воспользоваться ли ей такими благами. Пострадавшей она себя не считала, так как ей выпала редкая участь — пострадать за веру, за Бога.

Отец был атеистом, нет, не борющимся с церковью — просто

не верующим в Бога. На протяжении всей их совместной жизни мама пыталась привести отца в веру. Она цитировала слова из Священного писания, и отец тут же находил нестыковки в Библии, отчего мама замолкала. Отец не хуже мамы знал священный текст. Он был старше мамы на тринадцать лет.

Я родилась, когда отцу было уже сорок два года, и поэтому не помню отца молодым. Внешне он мне напоминал актёра и режиссёра Сергея Бондарчука. Крепко сложенный, среднего роста, с рано поседевшими серебряными волнистыми волосами. На ранних студенческих фотографиях (а других и нет) — модно одетый, по тому времени, молодой человек, брюнет с высоким лбом, с несколько одутловатым лицом, выпуклыми чёрными глазами, красиво очерченными полными губами. Шапка кудрявых чёрных волос слегка освободила лоб, предполагая в будущем место залысинам.

— Пап, а чего это ты на фотографиях, вроде бы, толстый? — с издёвкой спрашивали мы, рассматривая семейный альбом.

— Справный был, — помедлив, отвечал отец, и мы довольно переглядывались между собой.

У отца была хорошая стать: всегда прямой, без признаков сутулости, красивой формы голова слегка откинута назад, придавая всему облику благородную значительность. Таким он и был и в жизни. Всегда носил и умел носить костюмы, правда, галстуки были только в студенческие годы.

Я не помню отца суетливым, бегущим, спешащим или опаздывающим куда-либо. Всё у него было спланировано, рассчитано во времени и расстоянии. Какое для меня было удовольствие и гордость идти утром с ним в школу, не торопясь, разговаривая по дороге. Рука надёжно и тепло помещалась в его большой ладони. Ежедневный утренний заводской гудок заставал нас в точно определённом месте, давая понять, что мы не опаздываем: он — на работу, а я — в школу.

Молодая семья Гусевых. 50-е годы.

Отец был закрытым человеком, много о чём мы не узнали, не спросили его по своей молодой недалёкости. Не спросили, а он не рассказал. А теперь вот гадаем, чем он занимался в такие-то годы? А времена были интересные. Один НЭП чего стоит! Отец в эти годы, в Куйбышеве, будучи рабфаковцем и студентом института, отлавливал на рынках и в поездах беспризорников и передавал их в детские дома и коммуны.

Вспоминается рассказ папы, как он однажды вечером, возвращаясь после учёбы в институте в общежитие, проходил мимо роскошного ресторана, где отмечалось какое-то событие. Была весна, из открытых окон и дверей заведения доносились задорные звуки джаза и умопомрачительные запахи. Пирующие нэпманы (прекрасно одетые мужчины в дорогих костюмах, в смокингах с бабочками и в лакированных штиблетах) громко разговаривали и курили сигары на воздухе возле открытых дверей. Недолго думая, папа зашёл в зал. На возвышении играл модный тогда джаз. Несколько пар самозабвенно танцевали. Папа уселся за свободный столик, подвернул салфетку под воротник... и поужинал. Таких яств ему в жизни попробовать больше не пришлось.

Фёдор Леонтьевич по большей части запомнился спокойным, сдержанным и внешне мало эмоциональным человеком. Плавная, правильная литературная речь образованного, от природы тактичного человека. Никогда никого не обидел грубым словом. Не разобравшись до конца и не уяснив для себя суть дела, не брался за решение спора или проблемы. Он и с нами, детьми, был строг, но справедлив. Это мама, порой не разобравшись до конца в наших детских ссорах, могла наказать и так уже пострадавшего.

После смерти И.В. Сталина, уже к 1956 году, отец и мама были реабилитированы. Они получили денежную компенсацию (за семь лет лагерей), на которую купили стиральную машину «Сибирь» и справили (сшили на заказ) маме пальто.

Со смертью Сталина началось массовое освобождение заключённых. Так однажды в нашем доме появилась некая Юлия Сергеевна. Худая, высокая, сгорбленная старая женщина, в проволочных круглых очках, сцепленных залоснившейся резинкой, в чёрном одеянии, с палкой в руке.

Оттого, что она много молчала, а нас, детей, не замечала, глядя как бы сквозь, как будто бы нас и нет, её присутствие в доме было тяжёлым. Она не обласкала нас тёплым взглядом, не сказала ласкового слова. Она была как бы выгоревшая изнутри, пуста и мертва, и мы, дети, это чувствовали и боялись её. Да и говорила она хриплым шёпотом. А позже выяснилось, что поёт псалмы

Юлия Сергеевна тоже шёпотом. Вернее, поёт мама, а Юлия Сергеевна шепотком ей вторит. Много времени они проводили за молитвами. В эти тяжёлые времена, когда хлеба не ели досыта, когда лишний голодный рот накормить было проблемой, Юлия Сергеевна прожила у нас достаточно долго и исчезла так же внезапно, как и появилась.

Мама рассказала нам, что Юлия Сергеевна — героическая женщина. Там, в лагерях на Печоре, смертельно заболел её муж. У него на шее образовалась гнойная флегмона и врачи отказались её вскрывать. Так вот, Юлия Сергеевна, обработав огнём опасную бритву, вскрыла сама страшный нарыв. Но мужа спасти не удалось, чуда не произошло.

В послевоенные голодные годы в городе много было нищих, которые ходили от двора ко двору. Ходили семьями: с детьми на руках и малыми, держащимися за юбки матерей. Люди просили хлеб, а от денег (были случаи) отказывались, ведь на них без карточек хлеба не купишь. Одетые в немыслимое тряпьё, случалось, в галошах, привязанных тряпицами к ногам, с котомками за плечами в виде мешков с завязками за уголки и стянутым отверстием — так примерно выглядели многие из них. Самой часто повторяющейся легендой-рассказом, заставившей их побираться — пожар, спаливший дом, а то и всю деревню. Мама всегда выносила ломоть хлеба, бывало, и последний.

Самыми страшными нищими того времени были безногие инвалиды войны. Их появление сопровождалось громыханием низких тележек-подставок на шарикоподшипниковых колёсиках по ухабам улицы. Таких мужчин было много, и зачастую они были пьяны и агрессивны, даже к детям. На них нельзя было пристально смотреть — это вызывало страшный гнев и матерную брань, а то и камень мог полететь вслед. Я с мамой быстро проходила мимо, бросив монетку в шапку нищего. Их ежедневные денежные сборы шли в основном на алкоголь.

Видела я и китайцев, неизвестно как очутившихся в нашем городе со своим редким для того времени товаром — китайским шёлком. Как и предлагаемый товар, сам продавец выглядел экзотично: чёрная косичка на затылке приковывала детское внимание на всё время торга. Небольшого размера лёгкий и яркий отрез шёлка жар-птицей взлетал и вспыхивал в его руках, вызывая ответный жаркий блеск в глазах у покупательницы. Устоять женщине было мучительно трудно.

Отец помогал вернувшимся из лагерей репрессированным людям в реабилитации. Будучи юридически грамотным, он знал последовательность подачи документов в разные инстанции и всегда добивался положительных

результатов. Лагерное братство не на словах, а в делах, в пожизненной переписке наблюдалось нами, детьми. До конца жизни папа переписывался с Вольфовым Борисом Владимировичем, красивым человеком, бывшим лётчиком. На семейной фотографии (уже после реабилитации), хорошо одетые, успешные на вид люди, с маленькой девочкой в матросском платьице. Я подолгу рассматривала эту фотографию, представляя себя девочкой с бантом и в таком платье. Похоже, мы были ровесницами. Семья Бориса Владимировича, кажется, жила в Краснодаре, сам он работал директором какого-то завода. В одном из писем Борис Владимирович уговаривал папу переехать в Краснодар, обещая свою помощь. Но папа не решился, посчитал, что поздно столь кардинально менять жизнь нашей семьи.

В моём детстве папа был мне ближе, чем мама. Мамины руки и колени были вечно заняты младенцами. Дети, в среднем, рождались с периодичностью в два года, вечный мамин недосып делал её нервной, вечно она кого-то баюкала и тетёшкала, пела кому-то колыбельные песни. А ведь ещё и работала с 1958 года, от декрета до декрета, тут уже без помощи нас, детей, не обходилось. Нянчить приходилось всем.

Так вот, будучи маленькой, я весь день дожидалась прихода папы с работы, прислушивалась к стуку калитки, чтобы кинуться и прижаться, ощутить такое необходимое родительское тепло, без которого невозможно вырасти самой, а в будущем вырастить и своих детей. Я старалась поскорее забраться на весь вечер на колени, заполучить его насовсем, прижаться к его тёплой и надёжной груди, ощутить его заботу и ласку.

Всё моё детство прошло рядом со старшим братиком Шуриком, он был старше меня на один год и девять месяцев. Светленький, сероглазый, с кудрявыми волосами (мне кажется, любимец мамы), он был спокойным, ласковым ребёнком. Меня никогда не обижал. Это потом, уже где-то к пятнадцати годам, с моей подачи, он станет Сашей. В пять лет он научился читать, после чего чтение было его основным и любимым занятием. Я была его послушным и надоедливым хвостиком. Он мог заплакать от обиды на меня, но терпел и не было случая, чтобы ударил.

Однажды зимой, в мороз, я увязалась с ним в библиотеку, где он взял несколько книг с яркими картинками. Шурик вёз меня на санках. На обратном пути я вызвалась держать библиотечные книги в руках. Мне очень нравился типографский запах книг, предвкушение предстоящего чтения и рассматривания ярких картинок, и само катание на санках. Приехав домой, обнаружили, что книги потерялись, выпали из моих замёрзших рук по дороге. До сих пор

помню, как Шурик горько плакал. А книги кто-то подобрал и сдал в библиотеку.

Часто я бывала на его классных мероприятиях в школе: на концертах самодеятельности, на новогодней ёлке, на весенних маёвках за городом в конце учебного года. Ходила я с классом и в кинотеатр «Победа» на утренние воскресные сеансы. Это было большим событием для меня. С вечера приготовлялось выходное нарядное платье, лента в волосы. И почему-то, не единожды, рубль давали только на один билет — на Шурика.

— А тебе 5 лет — говорили мне родители, — билет не нужен, ты ещё маленькая. И когда мы с Шуриком доходили до строгого контролёра, моя заячья душа предательски опускалась ближе к пяткам — нас, конечно же, не пускали. Уже все дети с шумом рассаживались в зале, старались занять самый лучший в детском понимании первый ряд, мы с тоской понимали бедственность нашего положения. Шурик плакал. Я чувствовала себя виновницей его слёз и, тупо опустив голову, держала палец во рту. Надежда Ивановна, учительница, была в безвыходном положении: нас нельзя было просто так отправить домой, как и нельзя детей в зале оставить одних. Она шла в кассу и на свои деньги брала билет на меня. Шурик, уже в зале, ещё долго не мог успокоиться, всхлипывал, вытирал ладонью слёзы. Я молчала, жалея его, и мучилась угрызениями совести.

Нас, послевоенных детей, ослабленных от недоедания, государство помогало поднять, оказывая родителям некоторую помощь. Так, в аптеках по рецепту бесплатно выдавали рыбий жир. Но очень большой проблемой было заставить ребенка выпить эту полезную и столь необходимую для здоровья «гадость».

Заметив, что мама достаёт пузырёк из шкафа, я моментально скрывалась под кроватью, откуда наблюдала за происходящим. Шурик послушно, медленными шагами приближался к маме, держащей в одной руке ложку с рыбьим жиром, в другой — ломтик солёного огурца.

— Вот, смотри, Шурик — смелый, ничего не боится! Раз — и нет рыбьего жира!

Из-под кровати я вижу, как Шурик проглатывает эту мерзость, хрустит огурцом, как моргает и слёзы выступают у него на глазах. Рвотный спазм заставляет его судорожно сглатывать, прикрывая рот ладошкой. Увиденное заставляет меня затаиться и плотнее прижаться к стене в моём убежище.

После долгих уговоров, что если я не буду пить рыбий жир, то могу даже умереть, замечаю, что у самой мамы от такой перспективы выступают слёзы. Жалея её, я выпиваю свою порцию испытания рыбьим жиром.

И так каждый день.

Зима в моём детстве приходила всегда неожиданно, внезапно. Утром просыпаешься, а за окном светло: чёрная, неопрятная, с глубокими замёрзшими колеями земля покрыта белоснежным покрывалом, а с неба летят к земле, кружатся, не торопясь, крупные белые снежинки. Иногда, к нашему огорчению, первый снег таял. Но зима брала своё, наступали долгие морозы и тогда много времени мы проводили дома. Любимым и запретным занятием было сделать глазок в замёрзшем, покрытом дивными узорами окне, чтобы наблюдать за происходящем во дворе. Для этого нагревали на печке монетку и прикладывали к стеклу. Оттаявший круглый глазок позволял увидеть засыпанный снегом двор, уменьшившийся в размерах, заиндевелого, но не утратившего собачьей бодрости лохматого чёрно-белого Дружка, запорошенные деревья. Огромный оранжевый диск солнца неведомым космическим плодом медленно протискивался между соседними домами и занимал своё место на сером тусклом небосклоне. Случалось, завывающая белая вьюга страшной злой силой срывала наше замёрзшее, стоящее белым парусом бельё и вместе с верёвкой забрасывала его на крышу соседского сарая.

Но приходила весна — дивный, долгожданный апрель с длинными, погожими днями. Детей домой не загонишь. Ощущение чего-то необыкновенного, чего ещё не было в жизни и вот-вот должно совершиться. И непременно именно этой весной! И огромный семейный клён в нашем дворе тоже радостно возбуждён: вон как распустил бордовую бахрому своих лопнувших почек и какой тонкий аромат исходит от них. Почему клён семейный? Потому что он свидетель многих лет жизни нашей семьи. На нём висели качели, и он знал и помнил все наши детские разговоры и забавы. На клёне спасались от нас, кошачьих мучителей, многочисленные бедолаги-коты. С него в девятилетнем возрасте, пуская тряпичные парашютики, я упала камнем, сильно поранив в локтевой части руку. Под ним летними вечерами, допоздна, под повешенной на сучке голой лампочкой, ужинала наша семья. Частенько я засыпала за столом, и меня на руках папа относил в постель.

Под этим клёном, играя, я закопала в землю — сделала свой секретик, похоронила на время, а получилось навсегда, любимую игрушку. Это был клоун, мягкая миниатюрная игрушка величиной с мою ладошку. Игрушка была ценная по тому времени, как произведение искусства. У клоуна было фарфоровое с нежной росписью личико, одет он был в шёлковый традиционный двухцветный шёлковый клоунский костюм — зелёный с белым. На голове зелёный колпачок. Похоронила я его в серебряной табакерке, с замысловато-гравированной

откидной крышкой. Табакерка и клоун не предназначались для игры детям и хранились с другими ценными вещами в сундуке под замком. Когда мама по какой-либо надобности открывала сундук, то давала мне подержать в руках эти вещи, после чего убирала обратно. И вот однажды она на время оставила сундук открытым и я, воспользовавшись её оплошностью, забрала поиграть любимые игрушки. Табакерку я прихватила, чтобы беречь от загрязнения нарядного клоуна.

Я долго горестно искала своё захоронение, не смея ни с кем поделиться своим горем, но так и не нашла. Маме я не призналась в содеянном, а та в житейской суете не заметила пропажи. Но я до сих пор помню эти чудесные вещи и думаю, что, возможно, при каких-то работах во дворе кем-то они найдутся в сохранности, ведь серебро не ржавеет, а покрывается благородной патиной, как и, наверное, детская память.

Никто и ничто не скрывает радостного предвкушения наступающего тепла, скорого лета, и каких-то ещё предстоящих радостных событий. Уже выставлены зимние рамы и убраны в сарай до осени. И в комнатах появился свежий запах весны и какой-то новизны, и в открытых створках окон бьются сквозняком лёгкие занавески. И колокольный звон Всехсвятского храма торжественным благовестом тоже напоминает о весне, о скорой светлой Пасхе, о бесконечной жизни.

Только весной на полянке перед домами, после работы дотемна, в эти длинные дни молодые женатые мужики и парни играли в футбол. Для удобства штанины закатывали до колен, а кепки поворачивали козырьками назад. Ворота обозначались снятыми башмаками игроков. Зрители, в основном ребятня, следили за игрой, отмечая острые моменты свистом и криками поддержки.

С восторгом наблюдали мы, как парни запускали воздушного змея. Его приносили на полянку уже готового, склеенного крест-накрест из тонких деревянных планок, обтянутых папиросной бумагой. Змей украшался длинным хвостом из пучка ярких нарванных из старой ткани бечёвок. Запускали вдвоём: один разбегаясь, забрасывал его по ветру в восходящие потоки воздуха, второй — разматывал клубок толстых суровых ниток. Выпущенный на волю змей вдруг оживал, дёргался, рывками набирал высоту, нырял в бескрайний океан голубого неба, и хвост его распускался веером. Когда клубок сдерживающей нити окончательно разматывался, змея отпускали в свободный полёт, и он скоро превращался в точку и окончательно исчезал из вида. Толпа довольной ребятни сопровождала парней радостными восторженными криками. На крылечках сидели, лузгали семечки и с удовольствием

наблюдали за происходящим отдыхающие всезнающие старики.

Вечером, лёжа в постели, я долго не могла уснуть, вспоминая чудесные события прожитого дня, представляя долгую и яркую, полную приключений жизнь бумажного змея.

Запускались змеи в основном весной, и чаще заканчивали они свою жизнь в жалком одиночестве, запутавшись в электрических проводах или в ветвях высоких деревьев.

Взрослые и дети истосковались по весне, устали от зимней духоты, тесноты и сутолоки дома. Устали от самого дома, от зимнего быта: от топки печи — дров, угля, золы.

Все во дворе, потому что событие: прилетели скворцы. Чёрные, с зелёным и фиолетовым отливом на пёрышках, они так же, как и мы, рады встрече — они прилетели домой. Прилетели ранним утром, известив о своём прибытии заморским пением, какому они научились в дальних краях на зимовке и пока ещё не забыли. Скворец тянет головку, и на шейке топорщатся пёрышки. И праздничными трелями с бульканьем и переливами оглашается наш двор. И мы счастливы, что они не заблудились в дальней дороге, и не пали от бескормицы, не забыли нас и нашли наше подворье, прилетели, известив о начале весны. В перерывах между пением идёт чистка скворечника от гнёзд зимовавших дотоле в нём воробьёв. Скворцы по очереди ныряют в круглое отверстие скворечника и выбрасывают сухие травинки, и те, медленно вращаясь, летят к земле. Чтобы ускорить птицам эту работу, отец снимает и разбирает птичий домик. Мы держим в руках и рассматриваем по очереди воробьиное гнездо, свитое из травинок и мелких тонких веточек, утеплённое серыми воробьиными пёрышками. Скворцы терпеливо дожидаются возврата на клён своего дома. И вот уже дом принят жильцами, и птичьи трели о новой весне, о радости, о солнце, о непрекращающейся жизни, о счастье жить на земле — радуют нас, людей, больших и маленьких. И я вижу, как папа, сдвинув фуражку на затылок, задрав голову, радостно улыбается. Какое у него детское счастливое лицо и какой же он ещё молодой!

Весь день, весь апрель, всю весну напролёт
Скворец над окном свою песню поёт.

О солнце, о ветре, о вешней земле,
О голых деревьях и первом тепле...
Евгений Курдаков

Летом наша молодая мама частенько вывозила нас с Шуриком на прогулки. Наряжала в белое: на мне белое платье с вышитыми ею фиалками понизу, на Шурике — белая

рубашечка-косоворотка, украшенная вышивкой по воротнику и разрезу-застёжке. Сама мама тоже одевалась нарядно: в белую панаму с широкими полями, обувалась в белые парусиновые туфли с синей резиновой каёмочкой по подошве. Туфли мама отбеливала зубным порошком. Возила она нас на велосипеде: я на раме спереди, а Шурик — на багажнике. Велосипед мама вела в руках. Мы ехали отдыхать на пруд, находящийся за городским кладбищем. Везла она нас по узенькой тропинке, петляющей среди могил. Цветущее разнотравье с преобладанием фиолетового шалфея и соцветий белой кашки сопровождало нас до места отдыха. Порхающие меж крестов бабочки, гудящие пчёлы, стрекочущие кузнечики, пение птиц не нарушали мирное безмолвие погоста. Мама, как всегда, что-то рассказывала, она не была молчуньей. У пруда расстилала одеяло, выкладывала какую-то еду, игрушки. Пруд по берегу кое-где зарос камышом, а в середине затянут зелёной ряской и тиной, в которой скрываются крупные зелёные лягушки. Они выдают своё присутствие безудержным кваканьем и выпученными глазами, выступающими над водой. Конечно, в них мы бросали камни и, конечно же, не попадали. Большое удовольствие доставляли расходящиеся круги по воде. Метались над водой стрекозы с прозрачными зелёными крылышками, а по водной поверхности пруда бегали жуки на длинных согнутых ножках. Справа высилась красная кирпичная громада Чемодуровской мельницы — великолепный образец дореволюционной постройки. Мельница была пустынна и заброшена и оттого казалась таинственным замком с привидениями.

Помню Шурика, читающего книжку на сундуке, на четвереньках, подпирающего голову кулачками. Он тоненько смеётся, я с любопытством пристаю: «Ну, что там? Ну прочитай мне!»

А вот, спустя время, другим вечером под настольной лампой, он с папой играет в шахматы и говорит что-то о политике. Он уже взрослый парень, темноволосый, курчавый, с приятным чистым юношеским лицом, он — Саша. Где-то в уголке шушукаются, потихоньку смеются играющие в куклы младшие сёстры — Люба и Валя, мама на кухне гремит посудой. Включен приёмник, журчит музыка.

Наш Саша был вечным отличником и в учёбе в школе, и в строительном институте в Куйбышеве. За отличную учёбу ежегодно награждался почётными грамотами. Уже будучи взрослым, всегда работал на высоких должностях.

А вообще росла я в окружении братьев и их друзей. После меня родились подряд ещё два брата — Володя и Сергей. Мне пришлось играть в мальчишечьи игры и принимать правила

поведения их компании: не ныть, не ябедничать и вообще быть «своим парнем». Девочки на нашей улице появились позже и только через семь лет, в 1954 году родилась моя первая сестра Оля — семейное имя Лёля. В моей длинной взрослой жизни она будет верным другом, умеющим выслушать, утешить и дать вовремя нужный совет.

Отец был мастеровит, как говорят «на все руки», но не от скуки (это время, вообще, характерно умельцами — магазины ещё были пусты и много чего изготавливалось в домашних условиях). А с такой-то оравой детей всему научишься, при желании. Вот и дом они с мамой построили сами. И мебель сделана отцовыми руками. Я помню, как, задумав сделать комод, папа сначала сделал чертёж, согласовав его предварительно с мамой. Комод был красив уже на рисунке.

С тремя большими выдвижными ящиками в нижней части и двумя небольшими ящичками для мелочи — в верхней. Все ящики были украшены выпуклыми золотистыми ручками в виде декоративных раковин, придававших особую нарядность комоду. Гладкий, прозрачный масляный лак дополнял великолепие папиного изделия.

Папа умел ремонтировать нашу обувь, подбивать подошвы и истёршиеся набойки на моих каблучках. Зимой подшивал протёртые валенки, подготовив предварительно дратву: для чего растягивал через всю комнату нитки в несколько слоёв и натирал их чёрным варом для прочности и от гниения. Всё это было очень интересно, и мы крутились под руками и путались под ногами.

Наш отец всегда находил время для чтения. В основном перед сном в кровати, под настенной лампой, светившейся допоздна. Позже, уже взрослой, работая на заводе, я видела читающего отца в обеденный перерыв за столом в кабинете. Даже смертельно заболев — читал. В кармане папиного серого больничного халата позже нашли книгу с библиотечным штампом.

К чтению незаметно были приобщены и все дети. Все мы были записаны в библиотеку им. Гайдара и пользовались её книжным фондом. Библиотекарша, простоватого вида женщина, немолодая, с гладко стянутыми в пучок волосами, в синем халате, строгая с детьми. Она непросто выдавала книги, но ещё имела привычку проверять, прочитали ли книги, задавая вопросы по содержанию. Так, однажды она заставила меня написать письмо автору о том, чем мне понравилась его книга. Уж не знаю, отправили ли его в издательство, но я честно корпела и написала отзыв о книге.

В нашем раннем детстве ещё не было телевидения, а когда оно появилось, пользователями его мы стали далеко не первыми. Телевизор в то время многим заменял радиоприёмник.

У нас был трофейный «Филипс» — прямоугольный, с блестящим металлическим жёлтым кольцом в центре. День в нашей семье начинался с включения тихой музыки, с утренних новостей в 6 часов 45 минут. В утренней полутьме светилась прямоугольная шкала настройки, а в уголке — её живой зелёный глазок. Немного полежав, настроившись на рабочий день, поднимались: кто — в школу, кто — на работу. Любимой семейной передачей была вечерняя программа «Театр у микрофона». Постановки пьес были настолько профессиональны, настолько чиста была звукопередача, что внимательный слушатель как бы зрительно, наяву воспринимал передаваемые действа. Звуки шагов, скрип открываемой двери, шум ветра, даже дыхание актёров воссоздавали яркие картины спектакля. Запомнился радиоспектакль «Очарованный странник» по Лескову. Затаив дыхание, взрослые и дети вслушивались, переживая так, что запомнился спектакль на годы. Позже я нашла книгу и, прочитав, была несказанно удивлена точностью передачи авторского сюжета и эмоциональным воздействием на слушателя, произведёнными талантливыми невидимыми режиссёрами, звукорежиссёрами и актёрами.

Отец, как ни странно, был светским человеком. Это было видно по его поведению в обществе, на работе с коллегами. Работая на заводе, я замечала, какие ему нравятся женщины в его отделе, и его выбор мне нравился. Я замечала его мужское внимание и ответное женское, едва заметное, а также их внимание и наблюдение за мной, его дочерью. До сих пор помню его, идущего по аллее заводского двора, рядом Асташёва Мария Владимировна, худенькая, изящная, с красивым и породистым лицом, с седыми волосами. Возможно, они идут в какой-то цех по каким-либо служебным делам, а может быть — на обед, в столовую. Головы повёрнуты лицом друг к другу, они затаённо улыбаются, о чём-то говорят. Мария Владимировна — папина коллега, незамужняя и никогда не имела семьи. Война многих женщин оставила одинокими. Их отношения, мне кажется, были невинны, так, что-то витало в воздухе, радовало новизной в этой бесконечно серой и трудной жизни.

Знала ли мама? Она нервничала и высказывала обиды, когда папа задерживался на заводских предпраздничных вечерах. В своё оправдание папа говорил, что приглашал её на вечер, но она отказалась. Здесь он лукавил, потому что точно знал: мама в силу религиозных убеждений не примет его предложение.

В школьные годы домашние уроки я делала исключительно с отцом. В те годы большое значение придавали не только грамотности, но и почерку, вырабатывали

навыки каллиграфического письма. Тонким стальным пёрышком, обмакивая в чернильницу, чуть дыша, выводишь буковки и слова. А рядом, тоже чуть дыша, отец диктует: «Нажим — волосная». Каллиграфия письма заключалась в написании буквы с одновременным утолщением её какой-то части и тонким волосообразным — в другой. Буква от такого написания казалась объёмной и красивой. Писание чернилами вообще достаточно проблематично: можно написать красиво, без ошибок, но на последней букве могла предательски скатиться с пёрышка клякса — и всё, слёзы и рыдания обеспечены.

Память сохранила любимый урок чистописания: 1955 год, зима, первая смена. За большими казёнными, в морозных узорах, школьными окнами встаёт огромное оранжевое солнце. И его холодные лучи создают невиданный по красоте золотой парчовый узор на замёрзших окнах. Они вспыхивают огоньками, разбрызгиваются искрами, отвлекают внимание от диктующего спокойного голоса нашей старенькой Евстолии Васильевны Васильчиковой. Просматривая старые школьные фотографии, убеждаюсь — действительно, в преклонном возрасте, но до чего же она красивая! Одухотворённое лицо с правильными чертами: высокий лоб, большие серые глаза, редкие седые волосы гладко зачёсаны в пробор, заплетены в две тонкие коски и уложены «корзиночкой». Высокая, с лёгкой сутулиной, очень худенькая. Прозрачная кожа на лице с ранними морщинками. Одета была Евстолия Васильевна скромно: тёмное платье с белым съёмным воротничком, на плечах серая шаль.

В классе холодно. Первые уроки сидим в пальто, бывает, даже чернила иногда замерзают в чернильницах. Обогревается школа круглыми печками-голландками, обложенными чёрной крашеной жестью. В каждом классе такая печка. Большая часть её, по диаметру, находится в классе и небольшой участок с дверцей — в коридоре. Через эту дверцу школьный истопник топит печку и выгребает золу. Мы уже услышали его тяжёлые шаги. Вот грохнулись о пол мёрзлые дрова, звякнула печная дверца, значит, через час будет тепло и мы снимем пальто и будет урок чистописания. Урок красивого письма, покоя, когда не спрашивают заданный урок и надо только красиво, не спеша писать буквы.

В начале 50-х годов в частные дома города начали проводить электричество. Напротив нашего дома, на улице, вкопали в землю большой деревянный, плохо ошкуренный столб, по которому на самую верхушку забрался электромонтёр с сумкой, набитой инструментами. Косолапо ставя ноги на земле, по-обезьяньи забрался он на

столб достаточно ловко и быстро, с помощью «когтей». Это такие металлические приспособления в виде полудуг, с заострёнными концами, которые ремешками крепятся на обувь. С верхушки столба через белые фаянсовые изоляторы протянули провода на конёк нашей крыши, а оттуда уже — в дом. Так в нашем доме появилось электрическое освещение. Первое время электричество давали на несколько вечерних часов, помнится, с 18 до 24-х часов. За это время старались выучить уроки, погладить бельё и сделать все неотложные дела. Перед отключением свет предупредительно мигал.

Гуляя зимой, мы, прижавшись ухом к столбу, слушали, как гудят провода и у нас возникали мечты о чём-то далёком, где нам предстоит ещё побывать.

Но ещё часты были случаи поломок в сети — гас свет и тогда жили со старым освещением. Керосиновые лампы далеко не убирали, они были всегда наготове. Милые надёжные спутницы, с подкопчённым стеклом, а иногда и с трещинками, они живы до сих пор, ими пользуются на дачах, а некоторые доживают свой век в чуланах и на чердаках старых домов. Их не выбрасывают, а вдруг ещё понадобятся?

Они создавали свой неповторимый уют, очерчивая золотой круг на столе, отсекая тёмные углы комнаты. Освещённые родные лица за обеденным столом, за тёплой семейной беседой, за чтением книг, за вязанием или вышиванием, за прочтением писем — зачастую и с фронта, а то и похоронок… Наверное, в свете керосиновой лампы происходит навечно запечатление любимых лиц. У меня, во всяком случае, это так.

Иногда керосиновая лампа начинала чадить: ровно колеблющееся пламя из полукруга вдруг бесформенно вытягивалось, дёргалось и пыталось как бы оторваться от фитиля. Стеклянная колба тогда моментально покрывалась чёрной копотью. Это означало, что кромка фитиля подгорела и её надо подровнять ножницами.

Они многое видели и помнят, наши керосиновые лампы — жаль, что не могут рассказать. Присутствие лампы в доме выдавал специфический запах керосина. Этот запах в доме был привычным запахом жизни, обустроенного человеческого жилья (в 50-е годы). Керосином заправляли примусы, керосинки и керогазы, на которых готовили пищу, в основном летом. Зимой готовили на печке.

Самым весёлым из перечисленных предметов был примус. Небольшой по размеру, из жёлтого металла, как мальчишка — со своим собственным характером, норовом, он требовал к себе особого обхождения. Не каждый мог разжечь примус. Сначала выдвижным стержнем-поршнем его надо было сноровисто накачать, то есть закачать внутрь

воздух. В резервуаре пары керосина и воздуха смешиваются и из небольшого отверстия (при зажигании спички) вырвется наружу и весело загорится синее пламя над маленькой чёрной горелкой. И примус обнадёживающе зашумит, заворчит, и можно ставить на огонь посуду. Но не всегда получается так быстро его зажечь. Иногда примус «чихает» и не хочет загораться. Тогда специальной загнутой иглой прочищают отверстие, и примус оживает. За примусом требовался присмотр — он мог погаснуть в любой момент.

В нашем доме была круглая «спокойная тётка-керосинка» с квадратным окошечком на боку. Три её фитиля гарантированно зажигались при помощи спичек и горели ровным жёлтым пламенем.

Керосин для населения привозили в специальной металлической бочке, на лошади. Приезд керосинщика узнавали по звукам дудки. Бегали босоногие мальчишки по дворам, вырывая друг у друга железную вонючую трубку и дудели что есть мочи. Скоро собиралась очередь — люди с ржавыми и помятыми бидонами, и керосинщик отмерял литровым черпаком столь необходимое для обыденной жизни горючее.

Проезд старьёвщика по улицам вызывал среди детей неслыханный ажиотаж. Он тоже приезжал на лошади, и у него была дудка со «своим» голосом. Телега старьёвщика узнавалась издалека, по внешнему виду: на лошадиной дуге болтались надутые цветные шарики, а сама телега была завалена узлами и тюками с тряпьём. В ногах у старьёвщика стоял заветный синий сундучок с обменным товаром. Чаще всего, старьёвщик был татарином и дурил он всех безбожно на весах-коромыслах. Старьёвщик был менялой (деньги не брал) — обменивал переводные картинки, цветные надувные

Я с папой. 1964 год

шарики-пищалки, глиняные свистульки, прищепки, анилиновые красители для тканей и другую какую-то нужную хозяйственную мелочь на тряпьё и кости. Больше всего нас, детей, занимали яркие бумажные переводные картинки. Их нужно было хорошо замочить в блюдце с водой, а затем (изображением вниз) приложить и аккуратно снять бумажную основу. Переводными картинками можно было украсить обложку тетради или книги. Очень привлекательными были яркие надувные шары, привязанные к пластмассовым пищалкам. Надуешь через пищалку шарик, оторвёшь от губ, — и он, довольно нудно: иу-иууу-уууу — пищит, уменьшаясь в объёме, и уже на последнем издыхании, напоследок — пшикнет.

Мы буквально висли на руках у мамы, выпрашивая что-либо на обмен, чтобы заполучить заветные переводные картинки, шарики-пищалки и глиняные свистульки. Бывали случаи, когда в отсутствие родителей дети отдавали старьёвщику на обмен нужные, совсем нестарые вещи.

Из дошкольного детства запомнились походы за хлебом. Это было примерно в 1953 году. Отменили карточную систему, хотя продуктов, и самого главного — хлеба, в достатке не было. Страна ещё не восстановилась после военной разрухи.

Предрассветные сумерки межсезонья. Точно не помню, весна или осень? Мама, Шурик и я занимаем очередь в громадной толпе очередников. Очерёдность ведёт громкоголосая женщина под тусклой лампочкой возле магазина. Магазин находится на Красноармейской улице, рядом с продуктовым оптовым магазином и фотоателье. Днём я люблю рассматривать в витрине лучшие фотографии этого заведения, выставленные для рекламы в витрине под стеклом.

Нам велят послюнявить ладонь, после чего химическим карандашом крупно пишется порядковый номер. Но такой цифрой нас не испугать, мы полны решимости, как и все эти люди, выстоять и получить заветные буханки хлеба, которых хватит нам на несколько дней.

Одеты мы тепло, по сезону, с расчётом длительного стояния на улице. Я крепко держусь за руку мамы — очень легко потеряться в толпе. Мне всё интересно: ровно гомонящая толпа, её постоянное медленное движение (чтобы не замёрзнуть), перекличка номеров, кто не отозвался — выбывает. Часто потерявший таким образом свою очередь ругается или рыдает, или с проклятиями на весь мир уходит домой, чтобы завтра снова прийти и уже не отлучаться ни на минуту.

Вот уже светает. Светлеет небо, делаются невидимыми месяц и звёзды. Видны тёмные, усталые от недосыпа лица очередников за хлебом. Плохо одетые люди в телогрейках и в

шинелях. Женщины в плюшевых жакетах, в шалях, многие с детьми.

Вот всколыхнулась толпа, пробежал негромкий заветный возглас: хлеб привезли! Его привозят на подводе, запряжённой лошадью, в синем деревянном фургоне с белой надписью «Хлеб». Зимой фургон стоит на санях, а летом на телеге с высокими колёсами, с дутыми шинами.

Открывается дверь магазина и толпа медленно, но верно, выстраиваясь в ручеёк, втягивается и тает. Перед входом ещё раз тщательно проверяют написанные на ладонях номера. И вот — заветный миг, ради чего мы так долго стояли в очереди, не доспали и претерпели утренний холод. В магазине полумрак, освещена только середина деревянного выскобленного прилавка. По углам темнота, одинокая голая лампочка не даёт достаточного освещения, да, наверное, и нет в том особой необходимости. Тёплый воздух, настоянный на хлебном запахе, пьянит, его хочется бесконечно вдыхать и наслаждаться. Женщина-продавец, в белых нарукавниках, в косынке, быстро сосчитав нас глазами, выкладывает полагающиеся нам три буханки «в руки». В то время существовал термин: «в одни руки» и «на одну душу». А на улице уже солнце. И мама отламывает нам по куску тёплого душистого хлеба, вкуснее его нет ничего в нашем детстве.

Я не помню плачущих детей в толпе. Мы с Шуриком, во всяком случае, всегда были терпеливы и не капризны. Правда, мне вспоминаются дни, когда я была не в форме, не могла окончательно проснуться. Тогда, уже в очереди, я могла уснуть стоя, прислонившись спиной к маме. В какой-то момент я придрёмывала, колени подгибались, и я сползала к земле. Мама подхватывала меня под руки, приговаривая: не спи, уже скоро откроется магазин, купим хлеб и пойдём домой спать.

(Продолжение следует)

Валерий СЛЮНЬКОВ

ЧЕРНЫШ

Рассказ

Валерий Иванович Слюньков родился в 1941 году в Моздоке Северо-Осетинской АССР, в семье офицера, потомственного казака. В начале войны был эвакуирован вместе с матерью (отец погиб на фронте в 1945 году) на её родину, в Чкалов. Окончил школу, работал электриком, служил в армии. Трудился до пенсии авиатехником на лётной испытательной станции Оренбургского авиаремонтного завода. Рыбак, огородник, садовник. Живёт в Оренбурге.

Он барахтался в весёлой игре со своими братьями и сёстрами под присмотром мудрой Альмы, их матери, когда был вытащен из кучи-малы сильной рукой.

— Смотри! Каков, а?! Биточек, крепыш! Возьмём на дачу? Скоро лето! Поедешь с нами, Черныш?

— Не выдумывай! Блох ещё нахватаешься...

— Мам, давай возьмём. У Толяна видела? Есть собака, Лорд. Играет с ним...

— Я тебе гарантирую... никаких блох! Чистый кутёк, посмотри, какой лохматыш... И Лёшке на даче забава, да и забота, правда, сын?

— Правда, правда...

— Да ну вас! Как хотите, только сами — мне и без собаки забот хватает.

Это было такое небывалое счастье, такая череда весёлых и радостных дней, которые редко

выпадают какой-нибудь везучей собаке. Догонялки и прятки с Лёшей среди кустов и деревьев, погони за птицами, всегда неудачные, но всё равно увлекательные. А набегавшись, можно было так наедаться, что живот становился круглым и тугим. И всё время в их играх непременно участвовали сосед Толя со своей собакой Лордом. И их возня и игры доставляли немало весёлых минут и взрослым.

Вечерами досаждали комары. Люди начинали мазать себя такой пахучей мазью, что собаки чихали и старались держаться подальше. Черныш забивался под веранду, укладывался колесом, прикрывая нос и глаза лапой, и комары не доставали его, лохматого.

Он начинал понимать, что это пространство принадлежит ему, а потому надлежит охранять территорию от посягательств чужаков. В полудрёме он внимательно прислушивался и, случалось, пугал людей, неожиданно вылетая с громким лаем из-под веранды в погоне за каким-нибудь заблудшим котом.

А короткошёрстный Лорд страдал от комариных укусов, жалобно скулил, непрерывно клацал зубами, гоняя комаров, и забивался в дачный домик.

Катилось лето, шло время. И замечал Черныш, что ночи становились долгими; он просыпался, обходил участок и засыпал снова, а солнышка всё не было, и всё чаще, дождавшись его, укладывался на припёке.

Однажды уехали и больше не появлялись на даче Лёша и его мать. Хозяин приезжал всё реже и реже. Черныш, обходя дозором и соседние, начинающие пустовать дачи, внимательно прислушивался и, по ему одному понятным признакам, узнавал шум хозяйской машины, стремглав мчался к воротам, чтобы в искренней собачьей радости броситься обниматься с хозяином.

Тот привозил много всякой еды, и, не справившись с ней, Черныш, повинуясь инстинкту, зарывал остатки под кустами смородины, уже потерявшими листья. Иногда «помогал» Лорд, его хозяева приезжали ещё реже. Тем временем становилось всё холоднее, от дождей раскисла земля, и он всё чаще отсиживался под верандой. Однажды, особенно холодной ночью пришёл и прижался к нему Лорд, не грела того коротенькая шёрстка.

Так они и стали коротать ночи.

Тот раз он особенно долго ждал. Пришлось даже найти и съесть часть зарытого запаса. И когда наконец хозяин приехал, не только радостный визг издавал Черныш, а слышны были в этих звуках и упрёки, и непонимание, и жалоба. Или это только слышалось хозяину. А рядом, дрожа от холода, стоял понурый Лорд, понимая, что это не его хозяин.

Еды было особенно много, и Лорд, поглядывая с опаской,

тоже осторожно принялся за еду. А хозяин сидел рядом и старался не смотреть на них. Потом стал говорить, потихоньку, будто сам с собой.

— Зима, собаки, наваливается. Дела... не приеду больше. Как-нибудь... сами тут, а может, уйдёте куда?.. Так уж получается. Такая жизнь… жаль вас очень... но...

Сытые собаки слушали голос и приветливо и благодарно помахивали хвостами. А потом хозяин пошёл к машине, повернулся, посмотрел в преданные глаза Черныша, на понурого, дрожащего крупной дрожью, Лорда... Необычно громко хлопнула дверь, машина взревела мотором и, резко набирая скорость, скрылась за поворотом.

К вечеру пошёл снег. Черныш с любопытством смотрел на это, не очень понимая, почему всё вокруг становится белым. После еды очень хотелось пить, но вода в баке у качка стала почему-то твёрдой, и сколько он ни царапал когтями, пить было нечего.

И тогда он вспомнил о реке, где в счастливое тёплое время купался, где плавал за палкой, которую бросал в воду его лучший друг и хозяин Лёша. Но у берега вода была замёрзшая, и он покрался по льду к воде. Неожиданно твёрдая опора раскололась под его лапами, и Черныш оказался в ледяной воде.

Как он ни старался вытрясти из своей густой шерсти всю воду, ничего не получалось. Но жажда становилась невыносимой, Черныш лизнул снег и, почувствовав с наслаждением ту самую желанную воду, стал торопливо заглатывать его и остановился только тогда, когда понял, что холод забирает его всего.

Он забился под веранду, но мокрая шерсть не спасала от холода замерзающей земли, а съеденный снег вытягивал остатки тепла из самого нутра. Подполз дрожащий Лорд, попытался прижаться к Чернышу, но, почувствовав лёд его мокрой шерсти, тоскливо взлаяв, выбрался из-под веранды. И через некоторое время замерзающий Черныш, уже на грани сознания, услышал негромкий, словно жалующийся кому-то вой Лорда, в котором слышались тоска и обречённость.

Он видел и не видел, как ночь сменяла день, но сил не было даже пошевелиться. Но очередная ночь закончилась для него неожиданным сном-видением. Под веранду забралась и нашла его мать, старая Альма. Она стала вылизывать его, а потом он припал к её соску и пил тёплое молоко, от которого уходила прочь злая стынь.

Утром Черныш, качаясь от слабости, нашёл зарытый припас под смородиной, с трудом смог добраться до него под твёрдой землёй. Потом несколько раз принимался лаять, призывая Лорда, но в ответ была почему-то пугающая тишина.

* * *

Хозяин не приезжал. Черныш часами просиживал у ворот и прядал ушами, стараясь услышать звук машины. Он жестоко голодал, инстинкт подсказал ему вдруг поискать еду под снегом, откуда слышались иногда писк и возня. Так Черныш научился, как заправский охотник, мышковать, и это давало возможность как-то жить, хотя и со ставшим привычным ощущением голода.

Многовековой инстинкт рода требовал идти к людям, с которыми его сородичам и спокойно и сытно. Но дачный посёлок опустел. Однажды он выбежал навстречу какому-то человеку, привычно дружелюбно помахивая хвостом, но тот почему-то испугался, стал кричать «пошёл», а потом, схватив ком земли, запустил им в Черныша. Несколько дней он не мог наступить на ушибленную лапу. И когда на замёрзшей реке стали собираться люди, что-то делающие около лунок во льду, Черныш, наученный горьким опытом, издалека, медленно приближался к ним с подветренной стороны, и если улавливал запахи еды, усаживался неподалёку.

Ему всё чаще стало перепадать что-то от этих людей, и он благодарил их как мог, как подсказывал инстинкт, размахивая хвостом.

Но иногда понимал, что некоторые его боятся; от них шёл запах страха, на него замахивались и зло кричали всё то же: «пошёл», и он неторопливо уходил, уже понимая это слово.

В особенно лютые морозные ночи слабеющий от голода Черныш не поддавался сну. В нём просыпалось какое-то инстинктивное чувство опасности, поджидающей его во сне, и он начинал бродить по протоптанным тропам, прослушивая снега, и иногда охота была удачной. Тогда он укладывался на крыльце дачи. На небе ярко светила луна, но от её вида становилось ещё холоднее. Иногда он вздрагивал от треска промерзающих деревьев в прибрежном лесу.

Надолго уходить от своего места Черныш не мог. Он знал, что должен охранять его от всяких посягательств чужаков, и постоянно совершал обходы.

Но голод требовал искать пищу, и он всё дальше уходил от своего пристанища.

Привлечённый заманчивыми запахами, вышел однажды к небольшому домику у дороги, перекрытой воротами. Он присел неподалёку, не сводя глаз с двери, и когда в ней, после долгого ожидания, появился человек, встал и, сделав пару шагов к нему, сел и уставился на вышедшего немигающим взглядом.

Человек увидел его сразу, озадаченно посмотрел на Черныша, что-то размышляя, затем повернулся и скрылся за дверью. Черныш в ставшем привычным тоскливом разочаровании тронулся в обратный путь.

Охота из-за больших снегов становилась трудной и малополезной работой, он всё больше слабел, и даже на ощущение голода не было сил. И вдруг он услышал сзади призывный посвист и увидел, как у домика стоит с чашкой в руке тот самый человек. От чашки парил невообразимый запах хорошей еды, и Черныш, забывая об осторожности, в несколько прыжков оказался рядом.

Он жадно глотал какое-то тёплое варево с накрошенными кусочками хлеба, потом тщательно вылизал чашку и благодарно посмотрел на человека, что-то ласково приговаривавшего всё это время. Он пересилил страх, когда тот протянул к нему руку и погладил Черныша, потрепал его по густой и плотной шерсти.

Но когда человек попытался направить его ближе к избушке, вывернулся и отошёл в сторону. Он был сыт, согрет тёплой и хорошей едой, но понимал, что уйти сразу будет неправильно, что надо отработать добро. И сделал, что велел инстинкт: грозно осмотревшись по сторонам, громко полаял на воображаемых нарушителей, предупреждая их от посягательств на эту территорию, чем заслужил похвалу человека.

Черныш ещё какое-то время посидел рядом с домиком, и когда его благодетель скрылся за дверью, отправился домой. Он должен охранять свою территорию и ждать, когда приедет его хозяин, а может, и друг по играм — Лёша.

Шло время, ломалась и шла к концу зима. Теперь знакомая дорога к домику стала его дорогой к спасению. Всё чаще был у сторожки Черныш, выполняя положенную ему по природе охранную службу, предупреждая людей о приближении кого-либо, позволяя сторожам расслабиться и отдыхать по ночам, уверенными в своём помощнике. В благодарность они соорудили будку для Черныша, но он ни разу в неё не зашёл и спал рядом с дверью на крыльце, и бывало, метель засыпала с головой спящего вполуха часового в своей непромерзаемой тёплой шубе.

Сошли снега, и всё чаще стали проезжать через ворота машины, шли пешие дачники.

И однажды Черныш услышал такое, что мгновенно вытянулся в струнку, прислушиваясь и не обращая внимания на окрики сторожа, бросился стремглав бежать напрямую, через участки, короткой дорогой, проторённой им за зиму к своему дому. Только что мимо сторожки проехала машина, та самая... его долгожданная машина. Он, задыхаясь от бега и нетерпения, пробрался на участок через дыру в заборе и, повизгивая от радостного нетерпения, уселся перед воротами, как бывало в незабываемом «давно». Черныш так вертел хвостом, что полетели в стороны прошлогодние листья.

И вот... ворота открылись...

Он, было, бросился с радостным визгом... но первой вошла женщина и остановилась, закрываясь руками. И Черныш понял, что она не хочет его приветствий и озадаченно остановился...

— Полюбуйся, призрак... мы всю зиму горевали, а он... живее всех живых

— Да ты что! — появился удивлённый хозяин.

— Здоровенный-то какой стал... Ведь как говорила, не игрушка, нельзя на время брать... А он видишь, такую зиму как-то пережил... Ты знаешь, сколько зимой тут лис, а они часто бешеные бывают.

— Может, свозим, привьём?

— Куда ты его такого здоровенного в машину... он же одичал. Слушай, завтра Лёшка запросится на дачу. Боюсь я за него... с этим страшилищем... какие игры? Пусть идёт себе...

Черныш, ничего не понимая, попытался было направиться к хозяину, он что, не видит его?

Но тот тоже отступил на шаг.

— Наверное, правда! Идика, дружок... рад за тебя, что выжил... но... Давай-давай! Иди отсюда!

Черныш по интонации людей слышал, понимал, но не мог, не хотел верить, что его гонят. И только когда хозяйка, сделав вид, что берётся за палку, зло завопила «Пошёл! Пошёл вон!», неторопливо развернулся и побрёл к дальнему забору, через дыру в котором только что прибежал в предвкушении радости встречи. Он её столько ждал… Напоследок обернулся: женщина уже вошла в дом, а хозяин стоял, не сводя с него взгляда...

Черныш неторопливо бежал к своему, теперь уже одному дому, который надлежало стеречь, и где он был нужен, и где ему, он точно знал, не скажут: «Пошёл!» Но что-то тревожило, что-то оставалось в его памяти. И вдруг он остановился… Откуда-то из-за заречного леса, из невообразимого далёка явственно послышался ему последний, отчаянный и обречённый вой Лорда.

Вячеслав АГАЕВ
(1964 – 2017)

«БЫЛО ЛИ СЧАСТЬЕ?»

Вячеслав Гиясович Агаев родился в Оренбурге, окончил техникум железнодорожного транспорта, служил в Советской армии. Инвалид вооружённых сил, он работал разнорабочим и был одним из активных и постоянных членов литобъединения им. В.И. Даля, а потом литературного клуба «Оренбургская крепость». Выпустил единственный поэтический сборник «Заветные тропы». Публикуемые в номере стихи взяты из его посмертной книги «Белая ветка сирени».

* * *

Пока живу, пока дышу,
Пока работаю, пишу.
Пока люблю, смеюсь и плачу,
Пока надеюсь на удачу,
Но всё это, друзья, — пока.
Близка ли смерть иль далека,
Наверняка она придёт
И за собою позовёт.
И опадает цвет в саду.
И я когда-то упаду,
Как этот белый, нежный цвет...

* * *

Белой веткой сирени
Процвести и опасть.
Пред тобой на колени
Мне хотелось упасть.

Эта ветка сирени.
Эти майские дни.
Чередою мгновений
Пролетают они.

Пролетят и умчатся.
Но останется миг...

Это весточка счастья.
Это жизни родник.

* * *

Есть люди, что горят, как свечи.
Есть — тлеют, словно
сигареты.
Есть строки, что нам душу
лечат.
На то и рождены поэты...

* * *

Ты не первая и не последняя.
Ты единственная моя.
Из страны, а какой — неведомо.
А быть может, из небытия...

* * *

Иду, вдыхаю облака,
А выдыхаю тучи.
И к солнцу тянется рука,
Отщипывает лучик.

* * *

Было ли счастье?
Да, было немного:
Поцелуй да закат у реки.
Да забытая в поле дорога.
И в траве светлячков огоньки.

* * *

А знаете: у горя есть душа.
Она из слёз, что ночью на
подушке.
Она из холостяцкой
раскладушки.
Из ломаного медного гроша.

* * *

Ноченька за ночкой по бумаге
строчки.
Это отраженье пролетевших
дней.
Близко ли, далёко до последней
точки,
До последней ночки-ноченьки
моей?

ДРУГУ

Опять ко мне пришла печаль.
Откуда вновь она явилась?
Ушедших дней до боли жаль
И жаль того, что не случилось.

И что же в жизни не сбылось?
Какая песня не пропета?
А друг сказал мне тихо: «Брось!
Мы доживём с тобой до лета...»

И стало на душе теплей
От слов простых и от участья.
И в жизни скомканной моей
Есть друг, а значит, есть и
счастье!

ВАНЬКА-ВСТАНЬКА

Русский человек как Ванька-
встанька.
Бьют его, он падает, встаёт.

Битый-перебитый этот Ванька.
Он России сгинуть не даёт!

Сколько бы его враги ни били,
Он встаёт и сдачи им даёт.
Без него мы дня бы не прожили.
Кто в России жил, меня поймёт.

Ванька-встанька — это каждый
третий
На Руси великой и святой.
Никакой его не свалит ветер,
Враг его не свалит никакой!

* * *

Ни тюрьмы, ни сумы не боюсь,
Ни угрозы.
Но в последнее время крещусь,
Если грозы.

Не страшны ни напасти, ни
грусть,
Ни морозы.
Но всё чаще и чаще смеюсь
Я сквозь слёзы.

Александр БАРСАЕВ

СНЫ И ПОКОЙ

Александр Владимирович Барсаев родился в 1973 году в Оренбурге. Печатался в газетах «Оренбуржье», «Вечерний Оренбург», «Южный Урал», «Новое поколение», в альманахах «Рог Борея», «Гостиный Двор», антологии «Внуки Вещего Баяна». Автор трёх поэтических книг. Дипломант литературного Аксаковского конкурса (2008). Живёт в Оренбурге.

ОРЕНБУРГСКАЯ КРЕПОСТЬ

Часы на крепости устали
И встали, чтобы отдохнуть.
Здесь время снежной русской
дали.
Была вода, а нынче — путь.

И щебет одинокой птицы
Не в силах спорить с тишиной,
Смолкает. Богу помолиться
Бреду морозною тропой.

Перекрещусь, убрав шапчонку,
Войду, возьму свечу свою,
Скажу «спасибо» и, умолкнув,
Пред ликом голову склоню.

СНЫ И ПОКОЙ

Метель! И пёс к сугробу жмётся.
Эх, невезуче-рыжий пёс!
Просить везения у солнца
Теперь не время, злой прогноз
Нам выдали на всю неделю.

Прижаться к тёплому апрелю,
Как шерстью рыжею, мечтой
Пора и мне. Сны и покой.

ВЕТРЕНЫЙ МОТИВ

Охваченный ночной метелью,
Я в переулке, вдоль домов,
Покорных тьме и сновиденьям,
Иду один. Чужих следов
Нет на моей дороге бледной.
Свободный холод! Закурив,
Я прошлых дней окурок бедный
Бросаю… Ветреный мотив
Меня ведёт на перекрёсток,
За ним я продолжаю путь,
Как нерешительный подросток.
Он сам решит, куда свернуть…

ЧЕЛОВЕК

Ни лица, ни имени, ни дома!
Свет чужой горит в любом окне.
Человек, мне грусть твоя
знакома,
Узнаю по согнутой спине.

День ли, ночь — неважно,
Если годы не берёт судьба твоя
в расчёт.
Просишь у людей и у погоды.
И погода чаще подаёт.

ТЁПЛЫЙ ГОД

А виною всему тёплый год.
Раскапелились крыши с утра.
В ночь скулит под окном
чей-то кот,
Перепутавший с мартом
февраль.

Он скулит, точно пёс у столба.
Держит цепь столбовая луна,
Но любовь — не кошачья вина.
Кот скулит. Эх, собачья судьба!

Кошка в доме свернётся
в клубок.
Прошлогодние вспомнятся дни,
И подумает: «Вышел твой срок.
Ты и в марте ко мне не ходи».

* * *

Поставьте свечку мне за здравие,
Успеете — за упокой.
Я не стремился к благонравию,
Я на него смотрел с тоской.
Ко всем чертям все оправдания,
Они у нищих — под рукой,
Чтоб над рукою подаяние
Блеснуло в чей-то выходной.
Пусть не стремился к
благонравию,
Пусть на него смотрел с тоской,
Поставьте свечку мне за здравие,
Успеете — за упокой.

ЗВЁЗДЫ ПАДАЛИ

Звёзды падали
в пропасть,
а нам казалось,
они стоят
(Мы знали законы
вращения,

невесомость...)
Наши знания
рядом за ряд
украшали полки,
утяжеляя дни.
Как псы, от хвоста
до холки
были добры они.
...звёзды падали
в пропасть,
а нам казалось,
они стоят.
Мы ждали
хорошую новость,
мы верили
в свой звездопад.

* * *

Показалась звёздочка над
крышей.
Показалось, звёздочка моя.
И земля как будто стала ближе.
Может, отодвинулись края?

Снег до двери — тонкою
дорожкой,
окна дома всё ещё темны.
Сердце, подожди совсем
немножко
до шестнадцатой, как в юности,
весны.

Мы с тобою прозимуем холод,
Оставляя чернь календарю.
Сердце, этот год уже расколот,
прозимуем, точно говорю...

И земля как будто стала ближе.
Может, отодвинулись края?
Показалась звёздочка над
крышей.
Показалось, звёздочка моя.

В.А. РУБИН — председатель комитета по делам архивов Оренбургской области,

Т.В. СУДОРГИНА — консультант комитета по делам архивов Оренбургской области

ГРАЖДАНСКИЙ ПОДВИГ АЛЕКСАНДРА ПОПОВА

К 150-летию со дня рождения

С деятельностью Оренбургской учёной архивной комиссии, 130-летие создания которой в этом году широко отмечается общественностью Оренбуржья, связано немало имен ярчайших представителей интеллигенции степной окраины России. Среди них — Александр Владимирович Попов, который родился в г. Орске 150 лет назад, 4 ноября 1867 года.

Медик по образованию, он был не только уважаемым врачом — современники знали его и как разностороннего историка-краеведа.

Несмотря на то, что многие оренбургские историки изучали творческое наследие А.В. Попова, воздавая должное его обширной краеведческой и архивной деятельности, до 2017 года не были известны подробности жизненного пути Александра Владимировича после того, как в 1918 году он был вынужден покинуть Оренбуржье (именно этот год долгое время считался последним в его жизни). Не были установлены место и дата его смерти.

Готовясь к юбилею ОУАК, мы обратили внимание на сведения об А.В. Попове, опубликованные кандидатом исторических наук, членом Союза краеведов России, доцентом Оренбургского государственного педагогического университета Т.И. Тугай — ею были обнаружены данные о работе Александра Владимировича в 1926 году в Иркутском университете и совете Восточно-Сибирского отделения русского географического общества.

В надежде восполнить «белые пятна» в биографии нашего замечательного земляка комитетом по делам архивов Оренбургской области проведено историческое расследование в целях восстановления сведений о заключительном этапе жизни последнего руководителя Оренбургской учёной архивной комиссии Александра Владимировича Попова, совершившего в 1917-1918 годах гражданский подвиг по спасению историко-документального наследия Оренбургского края.

Мы решили обратиться за помощью к иркутским коллегам, в Иркутское областное отделение Русского географического общества, в Иркутский университет, в службу ЗАГС Иркутской области.

Учитывая то, что А.В.Попов мог попасть под каток репрессий 30-х годов XX века, запрос был направлен и в управление УФСБ по Иркутской области. В этой версии мы ещё больше утвердились, когда получили от органов ЗАГС справку о смерти Александра Владимировича Попова 80 лет назад — 5 декабря 1937 года. Но представители Иркутского управления федеральной службы безопасности в телефонных переговорах заверили, что документов о А.В. Попове в их архивах нет.

Самые ценные для оренбуржцев документы об Александре Владимировиче Попове к счастью сохранись в фондах Государственного архива Иркутской области.

Особый интерес представляет личное дело А.В. Попова, выявленное в фонде Иркутского государственного университета. Среди различных многочисленных справок, удостоверений, анкет сохранилось «Жизнеописание», написанное лично Александром Владимировичем в октябре 1926 года. Оно написано настолько живо и интересно, что, несомненно, должно быть процитировано в первую очередь.

Сначала А.В. Попов извещает, что он родился «в семье акцизного чиновника, человека с университетским образованием, любительски интересовавшегося археологией, этнографией и естествознанием. Что определило мои склонности на всю жизнь — я более всего тяготел к науке, знаниям».

(Действительно, в архивном фонде Оренбургской духовной консистории в метрических книгах Спасо-Преображенского собора города Орска сохранилась запись о том, что 12 ноября 1867 года крещён младенец Александр, рождённый 4 ноября — сын коллежского секретаря Владимира Михайловича Попова и его законной жены Прасковьи Филипповны. Восприемниками (т.е. крёстными родителями) стали орский купец 2-й гильдии Степан Иванович Назаров и купеческая дочь Раиса Ивановна Назарова. Это очень любопытный факт, так как Степан Иванович Назаров — очень неординарная личность, он даже был оренбургским городским головой с 1887-го до 1891 года **— Т.С.**).

О годах учёбы Александр Владимирович пишет так: «Я окончил оренбургскую гимназию, медицинский факультет Казанского университета и служил земским врачом в Казанской и Московской губерниях».

В личном деле А.В. Попова имеются уточнения к этой информации о том, что Александр Владимирович окончил 8 классов оренбургской классический гимназии. В 1891 году «с отличием» завершился курс его обучения в Казанском университете по специальности «санитарная гигиена». При этом в одной из «анкет» в графе «Специальность» указано: «патологическая анатомия». В 1891 году он стал земским эпидемическим врачом

Казанского уезда Казанской губернии. Свидетельство на звание уездного врача А.В. Попов получил 7 октября 1892 года и до 1893 года служил земским участковым врачом в Коломенском и Богородском уездах Московской губернии.

Очень кратко в «Жизнеописании» Александр Владимирович сообщает о первых годах пребывания в административном центре обширной Оренбургской губернии: «В 1893 году окончательно поселился в г. Оренбурге, где первые шесть лет был санитарным врачом, гласным городской думы (одно четырёхлетие), затем служил на Ташкентской железной дороге, на Оренбург-Орской, но более всего занимался частной практикой».

Документы Государственного архива Оренбургской области свидетельствуют о том, что Александр Владимирович Попов на рубеже XIX и XX веков сыграл важную роль в улучшении санитарного состояния г. Оренбурга.

Постановлением губернского комитета общественного здравия в 1895 году образована санитарная комиссия во главе с полицеймейстером по надзору за проституцией в г. Оренбурге. Составляя отчет о её деятельности за 1896 год, Александр Владимирович создал панорамную картину того, что 120 лет назад происходило в этой не самой приглядной области человеческих отношений (смотри Гостиный Двор № 9, 2000 год). При этом он сочувствует падшим созданьям, для которых «жизнь представляет наименьшую из всех ценностей. Нужно представить душевный мир женщины, не раз принуждённой голодом, холодом, побоями к насилию над собой ...чтобы понять равнодушие, с которым проститутка совершает кражу, детоубийство, покушается на жизнь и здоровье окружающих. Нужно удивляться, каким образом эти человеческие существа находят возможным мириться со своей жизнью...»

В начале 1897 года в Оренбурге создана санитарная комиссия «на случай заноса чумы». В её состав был включён и А.В. Попов. Комиссия разделила город на 8 участков и назначила попечителей, заведующих этими участками. Чуть позже городская управа нашла «более выгодным и полезным в санитарном отношении иметь двух постоянных санитарных врачей», решив пригласить «состоящего на городской службе в комиссии по надзору за проституцией и неоднократно принимавшего участие в борьбе с эпидемическими заболеваниями врача Попова с жалованьем 900 рублей в год». Летом 1897 года оренбургская управа сделала распоряжение «о тщательном наблюдении и осмотрах базаров санитарными врачами Малиновским и Поповым. На первых же порах составлены протоколы за неопрятную и антисанитарную обстановку при торговле на 18 человек торговцев

мясными, молочными продуктами и калачами».

Деятельность А.В.Попова и на этом сложном посту и на Ташкентской железной дороге ещё должна быть изучена. Хочется верить, что его последователи — современные представители санитарных служб проявят к этому интерес. Не менее любопытным может стать поиск документов о работе Александра Владимировича как гласного Оренбургской городской думы...

Но вернёмся к «Жизнеописанию» А.В. Попова: «Всё свободное время я отдавал науке и в своё время был единственным знатоком по истории, этнографии и археологии Оренбургского края. За свои научно-исследовательские заслуги я был избран почётным членом двух научных обществ, действительным членом 13 обществ, председателем некоторых комиссий. Из них был деятельным членом комиссии при Оренбургской губернской земской управе по учреждению в г. Оренбурге высшего учебного заведения. В течение более 25 лет я был деятельнейшим членом Оренбургской учёной архивной комиссии, совета музея и библиотеки Оренбургского края и Оренбургского отдела Русского географического общества. В течение 12 лет я ежегодно избирался председателем первых двух учреждений. В течение своей жизни я написал более 40 сочинений и массу мелких заметок, статей».

Многоуважаемый оренбургский историк Ю.С.Зобов, автор историко-биографических очерков «Историки и исследователи Оренбургского края» восхищался широтой исследовательских интересов А.В.Попова, плоды которых отложились в документах его личного фонда в Государственном архиве Оренбургской области: рукописи о древнейшей этнографии народов Оренбургского края, о жизни и деятельности И.И. Неплюева, Р.Г. Игнатьева, о истории г. Златоуста и Илецкой Защиты, о комете Галлея, о понятии человеческого общества и его нравственности; записи произведений фольклора, переводы с немецкого, французского языков о древнейшей истории башкир, библиография произведений Т.Г. Шевченко и другие.

В этом здании с 1897-го по 1918 г. располагалась Оренбургская учёная архивная комиссия.

С 1890-х годов он вёл раскопки курганов на территории Оренбургской губернии, Уральской и Тургайской областей, результаты которых обнародовал в «Трудах Оренбургской учёной архивной комиссии».

Вместе с ныне известным археологом и историком-востоковедом Жозефом-Антуаном Кастанье (на русский манер его звали Иосиф Антонович Кастанье), который с 1902 года был действительным членом Оренбургской учёной архивной комиссии, они опубликовали «Обзор археологических раскопок в Оренбургской губернии и Киргизской степи», собрав воедино сведения обо всех археологических раскопках на Южном Урале на рубеже XIX-XX столетий.

Наиболее крупной работой исторического характера явилась его монография об эпидемии холеры 1829-1830 гг. в Оренбургском крае, обнародованная в 1910 году.

По мнению исследователей и биографов А.В.Попова, он «принёс в жертву свои обширные научные замыслы организаторской работе в качестве председателя Оренбургской учёной архивной комиссии (далее — ОУАК)» в течение 1903—1918 гг. По его инициативе в г. Оренбурге отметили 100-летие войны 1812 года, 200-летие русской прессы, 200-летие со дня рождения П.И. Рычкова, другие знаменательные и памятные даты.

Кроме того, Александр Владимирович проявил себя в роли

Труды
ОРЕНБУРГСКОЙ
Учен. Архивн. Ком.
Выпускъ XXI.
ХОЛЕРА
1829—30 годовъ
Въ Оренбургскомъ краѣ.
А. В. ПОПОВА.

редактора прогрессивной «Оренбургской газеты» (с 1915 года — «Оренбургское слово»).

Как председатель Оренбургской учёной архивной комиссии, Александр Владимирович прилагал усилия по улучшению материального положения комиссии, научно-исследовательских работ, сохранению памятников старины, устройству музея края, культурно-просветительской деятельности. В 1905 году он составил проект положения о мерах по охране памятников древности. По его мнению, эти памятники представляют «народное духовное богатство и не могут состоять в чьём-либо частном владении», охрана памятников должна быть поручена учёным обществам и учреждениям, прежде всего — учёным архивным комиссиям.

Александр Владимирович — участник 1 съезда представителей губернских архивных комиссий в 1914 году. В ответ на запрос Русского исторического общества

он высказал твёрдое убеждение, что без серьёзной поддержки государства архивное дело «совершенно безнадёжно, и у местных деятелей положительно опускаются руки и пропадает интерес к архивным работам».

Наиболее полно лучшие качества председателя ОУАК проявились в последние годы её существования — в 1917-1918 гг. при спасении архивов оренбургских учреждений, а также музеев и библиотек (смотри статью Т.И. Тугай).

Переходя к описанию одного из самых сложных периодов своей жизни, Александр Владимирович в 1926 году подчёркивал: «В силу моей склонности к научным занятиям я мало, если не сказать совсем не занимался политическими вопросами.

Революция застала меня в должности временного врача Ташкентской железной дороги (заменял мобилизованного на войну). Дутов летом 1918 года эвакуировал оренбургский окружной суд в г. Троицк Оренбургской губернии. Затем осенью началась эвакуация других учреждений. Я оставил службу на железной дороге и, следуя общему настроению, уехал с семьёй также в Троицк, откуда весной 1919 года направился в Сибирь, в Омск, так как мне казалось, что сюда не докатится тяжкая волна гражданской войны.

В Омске я нашёл службу в Министерстве путей сообщения по врачебной части, а затем при падении Колчака был эвакуирован в Иркутск. Здесь, благодаря своему стажу почти тотчас же (в декабре 1919 года) нашёл соответствующую службу сначала в чрезвычайной комиссии по борьбе с тифом (ЧКТИФ), а затем с января 1920 года на Забайкальской железной дороге, каковую оставил по собственному желанию в 1924 году в должности старшего санитарного врача».

Эти данные дополняются сведениями из послужного списка А.В. Попова, составленного в ноябре 1923 года: «Старший врач Троицкой городской сыпно-тифозной больницы (1918-1919 гг.), заведующий врачебной частью врачебно-санитарного отдела административной службы Министерства путей сообщения в Омске в Правительстве Колчака (с 18 марта 1919 года по октябрь 1919 года)».

Очень своеобразно в своём «Жизнеописании» Александр Владимирович делится впечатлениями о том, как был подвергнут осуждению и даже сидел в Иркутской тюрьме: «...Случилось со мной, казавшееся в начале тяжким и грозным, происшествие — я отдан был под суд коллегии ГубЧК, а затем высшего Народного Трибунала за дискредитирование советской власти преступными деяниями по службе (точного обвинения не припомню, да его, кажется, и не было), просидел 2,5 месяца в Домзаке, но затем на суде был вполне оправдан. Это было осенью 1922 года. Семья моя переживала это крайне тяжело в нравственном и материальном отношении, но я очень спокойно,

ибо знал, что обвинение — плод недоразумения. Тогда такие дела часто возникали, все были нервно настроены, подозрительны, происходили из-за этого ошибки в мере наказания, в которых потом причастные лица горько раскаивались. Но судьба сохранила меня».

В фонде Иркутской губернской тюрьмы сохранилось дело № 4900 заключённого Попова Александра Владимировича. Из него следует, что он постановлением Иркутской ГубЧК по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности был арестован 3 сентября 1921 года по обвинению в «сознательном саботаже, выразившемся в ...непринятии санитарных мер в период развития среди беженцев сильной эпидемии тифа» и заключён под стражу в Иркутский дом лишения свободы. Постановлением той же комиссии 20 октября 1921 года ему предъявлено обвинение в дискредитации Советской власти «в глазах пролетарского населения» и дело передано в Губревтрибунал.

К сожалению, пока не обнаружено ни одного фото А.В. Попова. Но в деле заключённого в Иркутскую губернскую тюрьму отложилось его словесное описание: «Рост — 2 аршина 4,5 вершка (т.е. около 168см **— Т.С.**). Цвет волос — седые. Глаза — карие. Особых примет нет».

Вскоре после освобождения из под стражи в мае 1922 года руководством линейного здравотдела отдела путей сообщения Наркомата здравоохранения СССР А.В. Попову объявлена «благодарность с внесением в послужной список за энергичное руководство всей санитарной работой и хорошую постановку дела медицинской отчётности».

Ещё будучи врачом Забайкальской железной дороги, в конце февраля 1921 года Александр Владимирович, как указано в одном из документов — «избран» на должность помощника прозектора (т.е. патологоанатома) кафедры патологической анатомии медицинского факультета Иркутского государственного университета. В связи «с уменьшением числа часов учебной нагрузки по новым учебным планам» с 1 апреля 1931 года А.В. Попов «отчисляется от занимаемой должности ассистента кафедры патологической анатомии». Но через неделю заведующий кафедрой накладывает положительную резолюцию на заявлении Александра Владимировича о разрешении «работать при кафедре для окончания работы по морфологии зоба, уровской болезни и некоторых исследований материалов кафедры».

В документах, сохранившихся в архивах г. Иркутска, выявлены очень скупые упоминания о семье Александра Владимировича.

В одной из анкет, заполненных им в 1926 году, в графе «Семейное положение» записано: «Жена, дочь с сыном нигде не служат. Отец давно умер. Мать живёт у моего брата в Орске».

В графе «Имеете ли родственников за границей, и в чём заключается с ними связь» читаем: «Сын в Америке, в Сан-Франциско.

Дочь в Харбине замужем за советским служащим Восточно-Китайской железной дороги. Переписка». Из других документов личного дела А.В. Попова, датированных 1926 годом, следует: «Сын Глеб, 25 лет, проживает в Сан-Франциско и служит рабочим на каком-то деревообрабатывающем заводе. Уехал туда в 1919 году». Летом 1926 года А.В. Попов получил разрешение деканата медицинского факультета университета на своё ходатайство о поездке в Китай для посещения больной дочери Зои, проживавшей в Манчжурии.

Начиная с апреля 1922 года, Александр Владимирович активно участвовал в деятельности Восточно-Сибирского отдела Всесоюзного географического общества СССР (ВСОРГО). Об этом оренбургским архивистам сообщил председатель Иркутского областного отделения РГА Л.М. Корытный. С февраля 1925 года А.В. Попов возглавлял палеонтологическую секцию ВСОРГО и подготовил к печати несколько работ — среди них: «Чудь, как древнейшее население Сибири», «Заметки по истории первобытной культуры».

В этот период изданы итоги его исследовательской работы: «К вопросу о хорографии и палеонтологии Иркутской губернии», «Очерк палеонтологических исследований и достижений ВСОГРГО за 75 лет (1851–1926 гг.)».

Но этим Александр Владимирович не ограничился — на заседании этнологической секции он делает доклад «Исследование И.А. Лопатина о гольдах». В 1927-1928 гг. А.В. Попов производит разведку доисторических стоянок на левом берегу реки Ангары «в 7-8 верстах от г. Иркутска». В августе 1928 года он активно работал в комиссии по производству раскопок и обследованию памятников старины г. Иркутска.

Все эти данные являются подтверждением того, что Александр Владимирович до конца жизни остался верен делу изучения и сохранения исторического наследия нашей страны.

Несомненно, личность А.В. Попова заслуживает большего внимания оренбургских историков и краеведов. В его биографии ещё есть неизвестные страницы — мы должны их восстановить, тем самым выполнить долг перед памятью Александра Владимировича и рассказать нашим современникам об этом незаурядном человеке, которого не сломали революционные события 1917 года, круто изменившие его жизнь.

Татьяна ТУГАЙ

«НАША РУССКАЯ НЕУМНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» И БОРЬБА ЗА АРХИВЫ

К 130-летию Оренбургской учёной архивной комиссии

Татьяна Ивановна Тугай родилась в Оренбурге, окончила Оренбургский государственный педагогический институт (теперь университет), куда вернулась уже в качестве доцента кафедры отечественной истории. Преподавала в школах, гимназии № 1, ОГУ. Кандидат исторических наук. Член Союза краеведов России. Круг научных интересов – история, краеведение, судьбы русской и национальной интеллигенции Оренбургского края. Автор более 50 статей и монографий. Живёт в Оренбурге.

Александр Владимирович Попов был последним и бессменным председателем Архивной комиссии с 1903 года. О широте научных интересов А.В. Попова можно судить по материалам его личного фонда (№ 168), а также Ф. 96 (ОУАК), хранящихся в Государственном архиве Оренбургской области (ГАОО). Он был лично знаком с видными российскими учёными и вёл с ними обширную переписку. Письма председателя Архивной комиссии академикам-востоковедам В.В. Бартольду и С.Ф. Ольденбургу, археологу и этнографу С.А. Руденко, антиковеду и археологу М.И. Ростовцеву, историку С.Ф. Платонову, председателю Союза русских архивных деятелей А.С. Лаппо-Данилевскому были обнаружены автором в ГАОО, а также в архиве РАН, Государственном архиве РФ (ГАРФ), Отделе

рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ) в СПб и др. Оренбургский краевед обсуждал с ними проблемы истории, археологии, востоковедения, охраны памятников. Неизменно отвечал на запросы учёных, выполнял их просьбы, стремясь принести практическую пользу отечественной науке.

Неоценимую роль сыграл А.В. Попов в подготовке к публикации последней книги М.И. Ростовцева (члена ОУАК с 1915 года), изданной в России в 1918 году – уже после эмиграции учёного. Её источниковой базой стали так называемые «Прохоровские клады», найденные под Оренбургом. К чести Ростовцева, следует заметить, что в предисловии он выразил благодарность председателю Оренбургской комиссии за помощь в подготовке издания. В своих письмах к нему он неизменно обращался: «многоуважаемый Александр Владимирович».

Председатель ОУАК, в свою очередь, стремился использовать покровительство авторитетных деятелей науки для решения неотложных организационных задач краеведения в Оренбурге. В апреле 1917 года при Министерстве просвещения была создана Комиссия по учёным учреждениям под руководством В.И. Вернадского, состоящая из академиков. В ГАРФе было обнаружено свидетельство того, что Комиссия проявила заботу и об ОУАК. Летом 1917 года было принято решение о выделении ей денежной субсидии на предстоящий 1918 год в размере трёх тыс. руб. Как видно из справки к смете, расчёт сумм производился «на учёные предприятия». В смету были включены самые авторитетные научные общества и перспективные проекты, такие, как Астрономический Союз, Общество испытателей при Казанском университете, Северо-Двинские раскопки и др. Оренбургская комиссия была единственной ГУАК в списке.

Непосредственную роль в принятии данного решения, как свидетельствуют документы ГАОО, сыграли Непременный секретарь АН С.Ф. Ольденбург (почётный член ОУАК с 1914 года) и М.И. Ростовцев, ставший академиком в апреле 1917 года. В своём письме к А.В. Попову он сообщал: «Вчера в Комиссии по учёным учреждениям, членом которой я являюсь, докладывалось Ваше письмо на имя С.Ф. Ольденбурга о предоставлении субсидий ОУАК на ближайший год. Рад, что нахожусь в составе Комиссии, в которой я один был вполне осведомлён о деятельности ОУАК и её музея (выделено мной – **Т.Т.**) Потребную сумму решено внести в кредит, испрашиваемый на 1918 год, о чём мне поручено было Вам передать».

Накануне войны А.В. Попов со своими коллегами ставили вопрос о передаче под архивохранилище здания гауптвахты,

специально построенного в 1856 году для архива, но занятого военным ведомством. Местные власти оставались глухи к этим просьбам. Своё содействие обещал оказать известный историк С.Ф. Платонов, с которым А.В. Попов встретился на съезде архивных комиссий в мае 1914 года. Рассказ Попова о работе съезда приведён в одном из протоколов ОУАК. В своей приветственной речи академик Платонов сказал тогда: «История питается корнями из провинции». Однако в письме от 22 октября 1914 года председатель ОУАК счёл нужным сообщить, что вынужден отказаться от его помощи, так как «разразилась война, и теперь, конечно, «все внутренние недоразумения», особенно с военным ведомством должны быть оставлены».

Александр Владимирович Попов был талантливым организатором работы Архивной комиссии, истинным подвижником краеведения. Именно благодаря ему столь высок был её общественный статус и авторитет в научном мире. Первая мировая война и революционные события не позволили осуществить многие из намеченных мероприятий и, в первую очередь, относительно музея и архива, а в 1919 году Губернские архивные комиссии были упразднены.

До недавнего времени не были известны обстоятельства жизни А.В. Попова в Оренбурге в 1917-1918 гг. — периоде пятикратной (по январь 1919 г.) смены властей в крае и начавшейся гражданской войны. Между тем, именно этот период был и самым драматическим, и одним из наиболее значимым для определения той роли, которую он сыграл в оренбургском краеведении. По отрывочным и разрозненным сведениям, собранным в ГАОО и центральных архивах, мы попытались восстановить два последних года деятельности А.В. Попова на посту председателя ОУАК.

В 1917-1918 гг. за архивы шла ожесточённая борьба как в столицах — Москве и Петрограде, так и на местах. Архивисты проявили тогда «трогательный архивный героизм», по выражению академика А.Е. Преснякова, спасая ценные документальные фонды. Сразу же после Февральской революции А.В. Попов активно включился в работу по сохранению исторических и культурных ценностей. Однако главные его усилия были направлены на спасение оренбургских архивов. Задачу, поставленную перед ОУАК в 1887 году, пришлось решать дважды.

Особое беспокойство вызывала у него судьба архива бывшего жандармского управления. Как известно, после ликвидации III Отделения министр-председатель Временного правительства князь Г.Е. Львов передал документы Третьего отделения, а также Департамента полиции в Академию наук «на вечное хранение» и

«для общего пользования в близком будущем». (Эти документы стали основой формирующегося «Архива революции» и впоследствии составили основной фонд ЦГАОР СССР — ныне ГАРФ). Соответственно, как полагал А.В. Попов, губернские жандармские архивы должны были быть переданы местным научным обществам.

Вместе с правителем дел ОУАК А.П. Гра они неоднократно обращались к губернскому комиссару Временного правительства Н.В. Архангельскому с требованием передать архив в Комиссию, подчёркивая значение его для науки. Однако эти шаги были безуспешными.

Вскоре после утверждения власти Дутова — в начале ноября (число неразборчиво) Попов вновь обратился к Архангельскому, надеясь, очевидно, на помощь новой власти. Он просил губернского комиссара оказать «содействие к получению означенного архива для вечного хранения в Центральном историческом архиве». В ответе Архангельского от 16 ноября содержалась противоречивая информация. Губернский комиссар писал, что сведений об архиве жандармского управления у него нет, и поэтому он лишён возможности помочь. Но в то же время сообщал, что документы означенного архива должны быть направлены для разбора в Особую Комиссию при Оренбургском окружном суде, делая при этом весьма сомнительную ссылку на соглашение, состоявшееся между министерствами — военным, юстиции и внутренних дел.

Как сообщал далее Архангельский, после разбора Особой Комиссией этот архив подлежал разделу: «сдаче частью в Архив Окружного суда, частью, в распоряжение Военного начальника и частью — в Интендантское Управление». Над архивом губернского жандармского управления нависла реальная угроза расформирования. В результате он понёс определённый урон, и впоследствии только часть его А.В. Попову удалось обнаружить — «подобрать» — как он пишет, в помещении Караван-Сарая. Для справки следует указать, что сегодня фонд Жандармского управления ГАОО — Ф. 21 насчитывает 1437 ед. хр.

В целом, правительству Дутова было не до сохранения памятников прошлого. Не встречало у него сочувствия и то бедственное положение, в котором оказалась Архивная комиссия поздней осенью 1917 года. Отсутствие средств, топлива создавало практически невыносимые условия для работы и хранения документов. Неоднократно А.В. Попов обращался к новым местным властям с просьбой выделить дрова, причём указывал минимальное количество кубометров. Тем не менее, неизменно встречал отказ, мотивированный необходимостью снабжения топливом других — более важных учреждений.

А между тем А.И. Дутов состоял действительным членом ОУАК с 1915 года и накануне революции даже входил в состав комиссии по организации нового здания для архива.

Приход в Оренбург большевистских частей в январе 1918 года поверг председателя ОУАК в шок. По его свидетельству, книги библиотек сжигались красногвардейцами и матросами для отопления занимаемых помещений. Ими были разграблены музеи и библиотеки Военного кавалерийского училища, Военного и Общественного собраний, полков — Рымникского и Ларгокагульского, Епархиального училища и др.

Имели место факты и ничем немотивированного вандализма.

Так, например, 18 января 1918 года было «ободрано вернувшимися большевиками» чучело тигра, находившееся в штабе Оренбургского казачьего войска (ОКВ). Пометка об этом факте сделана на документе рукой А.В. Попова. Следует заметить, что это был уникальный экспонат животного мира Оренбургского края XIX века (Казахстана). Интересна и история чучела — она связана со временем В.А. Перовского и рассказана в воспоминаниях И.Ф. Бларамберга.

В этих условиях А.В. Попов, а также А.С. Лазов — последний правитель дел ОУАК — были единственными защитниками культурных и исторических ценностей. Лично А.В. Поповым были собраны остатки предметов старины и знамёна из музея Войскового штаба, Знаменной избы и здания Войскового правления и переданы в музей ОУАК. Остатки библиотеки и музея Рымникского полка (книги, оружие, уборы) были им «отобраны от Красной армии», как он пишет, и перевезены в здание Губернской земской управы.

Особой «революционностью» отличался сводный морской Северный (летучий) отряд под командованием мичмана С.Д. Павлова. К этому времени бывшие моряки линкоров «Андрей Первозванный», «Петропавловск», «Гангут» уже имели опыт сухопутной войны за советскую власть. Часть матросов участвовала в ликвидации ставки Духонина. Ещё раньше — в марте 1917 года — команды именно этих кораблей, следуя приказу № 1, растерзали собственных офицеров в Гельсингфорсе. Направленный из Петрограда по распоряжению Совнаркома отряд имел чрезвычайные полномочия.

Определённый интерес в этой связи представляет документ, хранящийся в фондах научного архива Оренбургского областного краеведческого музея (ООКМ) — «Воспоминания участника гражданской войны 1918—1921 гг. И.И. Карпухина о сводном морском Северном отряде под командованием Павлова» (1967 год). Карпухин пишет, что он представлял собой не просто воинский эшелон. По пути

следования отряд активно вмешивался «в местные дела, оказывал помощь органам Советской власти». В городах, занимаемых павловцами, проводились поголовные обыски. Так, 20 января 1918 года, по воспоминаниям Карпухина, «весь день и всю ночь происходила в Оренбурге поголовная проверка населения города и предместья ... на расстоянии окружности 30 вёрст... Захвачено много всякого имущества». Приводится также текст телеграммы, отправленной Павловым в Петроград по прибытию в Оренбург: «Завтра начинаем поголовные обыски».

Важно отметить, что матросы не несли никакой ответственности за мародёрство, неизбежное в данных обстоятельствах. Так, в приказе Павлова о переходе власти в г. Троицке в руки Совета рабочих и солдатских депутатов — «Всем гражданам Троицка» (8 января 1918 года) содержалось предупреждение: «За производство самочинных обысков, конфискаций и реквизиций или учинение насилий над гражданами под видом (выделено мной **— Т.Т.**) солдат или матросов Революционный отряд к виновным будет применять скорый и строгий суд вплоть до расстрела». То есть суду подлежали не сами матросы, замеченные в мародёрстве, а те лица, которые будут производить «реквизиции» под видом участников отряда. На отряд же распространялась своеобразная презумпция невиновности.

Отправляясь в обратный путь 4 февраля, моряки увозили в Петроград, как вспоминает Карпухин, вагоны с хлебом. Очевидно, что там был не только хлеб. Вот почему председатель ОУАК, описывая разграбления библиотек и музеев, неизменно упоминал матросов. На эти действия Летучего отряда Оренбургский Военно-революционный комитет (ВРК), скорее всего, смотрел сквозь пальцы — слишком велика была его заслуга в установлении Советской власти на Южном Урале. Известный историк Л.И. Футорянский также не отрицает мнения ряда историков о «порою аморальном облике» некоторых советских отрядов в Оренбурге.

В этой связи представляется необходимым упомянуть, что в литературе, вышедшей в период перестройки, факты вандализма в отношении памятников культуры, имевшие место в 1918 году, представляются чуть ли не санкционированными большевистскими властями. Однако, как свидетельствуют документы, нельзя смешивать действия полуграмотной вооружённой массы с политикой большевистского правительства и местных властей. Л.И. Футорянский, приводя факты красного террора, доказывает, что он далеко не всегда носил партийный характер, чаще всего проявлялся стихийно,

рядовыми участниками событий, …действовавшими «по-плебейски». Думается, что данное заключение можно отнести и к террору в отношении культурных ценностей. Ведь памятникоохранное законодательство было создано только при советской власти.

Да и сам А.В. Попов понимал это и не переносил своего негодования бесчинствами красногвардейцев и матросов на их партийных руководителей. В одном из документов он даже Дутову советовал различать, когда «речь идёт об идеологах большевизма», а когда — «о красноармейских бандах, грабивших и разрушавших всё, что попадало под руку».

Уже в период деятельности ВРК в Оренбурге по его распоряжениям в ОУАК передавались предметы бывших учреждений после обысков и реквизиций. Работа Архивной комиссии стала особенно напряжённой в связи с деятельностью Ликвидационной комиссии, решениями которой упразднялись учреждения прежней власти, и Попову приходилось только успевать «подбирать» их архивы. Так, в ОУАК были приняты: архив Губернского статкомитета, который до этого так и продолжал храниться в лавках Гостиного двора, архив дирекции народных училищ, Ташкентской железной дороги и др. В ряде случаев бывшие хозяева, понимая ценность оставляемых документов, сами обращались к председателю ОУАК. Так, командир 104 пехотного запасного полка направил прошение Попову: «Ввиду полной ликвидации полка прошу спешно принять дела штаба». Член Временного Совета Войска Оренбургского М.П. Копытин обратился к председателю Комиссии с просьбой принять в музей предметы, реквизированные при обыске помещения штаба, став инициатором соответствующего распоряжения ВРК.

Более организованный характер работа по сохранению документальных фондов приняла с апреля 1918 года. К этому времени ОУАК уже имела информацию о позиции РАН в отношении Советской власти и, соответственно, об отношении большевистского правительства к науке и культуре.

Как свидетельствуют данные ГАОО, 1 апреля в Оренбург приехал научный сотрудник Академии наук — в то время секретарь Этнографической комиссии РАН — С.И. Руденко. С А.В. Поповым его связывало многолетнее сотрудничество, в частности, по совместному исследованию археологических памятников Оренбуржья. Он выступил на общем собрании ОУАК. Посланник РАН, в частности, сообщил: «Когда Советская власть восторжествовала в Петрограде, то она отнеслась с полным уважением к науке, что было плодом категорического заявления Академии наук о том, что она

не вмешивается в политическую борьбу, требует уважения к себе, как независимой области жизни и объявляет науку автономной. Большевики признали автономию Академии и других высших учёных и учебных заведений Петрограда, а затем эта автономия распространилась на провинциальные научные учреждения».

С.И. Руденко прибыл в Оренбург с поручением от Академии наук. Ещё в середине 1917 года приступила к работе Комиссия РАН по изучению племенного (национального) состава населения России (КИПС). Инициатором её создания и председателем был С.Ф. Ольденбург. В её работе приняли участие видные филологи и историки — слависты и востоковеды, в частности В.В. Бартольд, Н.Я. Марр, А.А. Шахматов. Комиссия начала историческое, этнографическое, статистическое и экономическое исследование разноплеменного и многоязычного населения России. Через С.И. Руденко КИПС обратилась в Оренбургскую УАК с просьбой взять на себя составление этнографической карты Оренбургской губернии, материалы для которой, по сведениям РАН, имелись в архиве губернского правления в виде переписных карточек первой народной переписи 1897 года. Несмотря на чрезвычайные условия своей работы в Оренбурге, Архивная комиссия «охотно взяла на себя выполнение просьбы Академии наук».

На этом же общем собрании ОУАК 1 апреля 1918 года председатель А.В. Попов доложил о распоряжении Союза Российских архивных деятелей, состоящем при РАН: председатель Союза академик С.А. Лаппо-Данилевский поставил в обязанность архивным комиссиям «своевременно принимать меры к охране архивов учреждений, закрываемых ныне в революционном порядке». Уже на следующий день, 2 апреля решение общего собрания ОУАК о необходимости передачи ей наиболее ценных архивов А.В. Попов довёл до сведения Оренбургского Губисполкома Совета рабочих, крестьянских и казачьих депутатов. В своём обращении он, в частности, указал на опасность уничтожения архивов губернского правления, губернского присутствия и бывшего Губернского жандармского управления, которые вследствие закрытия вышеназванных учреждений остались без всякой охраны, «между тем как они имеют большое научное значение не только вообще, но и для изучения дореволюционного периода истории России».

Несмотря на полное отсутствие у Комиссии средств, о чём упомянул Попов, ОУАК обратилась в Исполнительный комитет с ходатайством об издании по всей губернии распоряжения о том, чтобы в случае закрытия какого-либо учреждения, оно сносилось по вопросу передачи своего архива с Оренбургской

архивной комиссией. Кроме того, общее собрание постановило просить передать Комиссии архивы губернского правления и губернского присутствия со штатами служащих и суммами, ассигнованными на текущий год на их содержание.

На следующий день, 3 апреля Попов пытается решить вопрос о выделении средств на составление этнографической карты и обращается к «господину» председателю Оренбургского Совета рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов с пометкой: «в Президиум». Ссылаясь на обращение к ОУАК Комиссии по изучению племенного состава России, состоящей при РАН, и смету, составленную совместно с секретарём КИПС Руденко, он просит отпустить указанную сумму (1 800 рублей). Другое ходатайство он направляет в Губернский Комиссариат народного просвещения, указывая, что «составление этнографической карты Оренбургской губернии имеет почти исключительно местное значение, как-то для целей образования (Родиноведение в школьной сети и т.п.), проведения различных реформ сообразно бытовым особенностям населения». В связи с этим Попов просит Комиссариат «исхлопотать» перед исполкомом упомянутую сумму для выполнения данной работы.

Однако первые дни апреля, как известно, были трагическими для советской власти в Оренбурге. 2 апреля погиб председатель губисполкома С.М. Цвиллинг, в ночь с 3 на 4 апреля был совершён налёт на город бело-казачьих частей. Проводилось ускоренное формирование как красных, так и белых частей — на Южном Урале начиналась гражданская война. В этой обстановке внимание Губисполкома было сосредоточено, прежде всего, на том, чтобы удержать Оренбург в своих руках. В связи с этим все ходатайства А.В. Попова оставались без ответа.

Однако и спасение архивов в условиях надвигавшейся угрозы не терпело отлагательства. В оренбургском архиве был обнаружен текст телеграммы, который передаёт полное отчаяние председателя ОУАК: «Петроград. Президенту академии наук ... Карпинскому. Оренбургский губернский Совет рабочих, крестьянских, казачьих депутатов не удостаивает ходатайств Учёной архивной комиссии. Музею, архивам угрожает гибель. Этнографическая карта не составляется. Покорнейше прошу неотложного содействия. Председатель Комиссии Попов. Копия — академику Лаппо-Данилевскому, председателю Союза русских архивных деятелей».

Наконец дело сдвинулось с мёртвой точки — и А.В. Попову был передан архив бывшего Губернского управления, работа с которым была необходима для выполнения поручения

РАН. Однако перед ним стояла и другая проблема. В связи с непрерывно идущим в ОУАК потоком архивных дел различных ведомств и учреждений дореволюционного Оренбуржья, их негде было хранить. А.В. Попов в одном из своих обращений к властям писал, что «с упразднением в настоящее время многих учреждений прежней правящей власти в Центральный исторический архив Комиссии поступает множество дел, которые некуда деть за полным отсутствием места в помещении архивной комиссии на берегу Урала». Кроме того, опека Архивной комиссии не гарантировала их безопасности — от погромов, пожара и т.п.

Между тем, включив ОУАК в систему новых советских учреждений, местные власти стремились переложить на неё ответственность за сохранность архивов и иных ценностей, поступивших в Комиссию. Так, Ликвидационная комиссия потребовала отчёт (справку) о действиях ОУАК по охране архивов. Представляя такую справку, председатель Комиссии отмечал, что один архив губернского правления включает в себя до 100 000 дел, а общее их число уже превысило 300 000 — эти материалы составляют «важное государственное и научное достояние, требующее внимания со стороны правительства». Но, когда в апреле 1918 года А.В. Попов обратился в Комиссариат трудового казачества с просьбой предоставить ОУАК пустовавшее здание бывшей Знаменной избы, то получил отказ, мотивированный тем, что помещение занято «частью дел Комиссариата».

Башкирский исследователь Э.Р. Хасанов отмечает, что советской властью ОУАК было передано здание Гауптвахты и выдана субсидия от Наркомпроса в размере 7 783 руб. Однако указанным решениям предшествовали неоднократные ходатайства А.В. Попова. Ещё 23 февраля 1918 года председатель ОУАК обращался в Оренбургский Отдел по квартирному довольствию войск, который занимал здание Гауптвахты, с просьбой передать его Архивной комиссии. 17 апреля он писал уже в Губисполком: «Комиссия покорнейше просит о скорейшем разрешении в благоприятном смысле её ходатайств перед Исполнительным Комитетом о передаче ей здания Гауптвахты». Далее председатель напомнил, что здание было специально построено для архива, ссылаясь на исторические факты, связанные с деятельностью губернатора Перовского, а также многолетние попытки ОУАК получить его до революции. По сути, в своём обращении Попов поместил своеобразный историко-просветительский очерк об истинном назначении одного из памятников архитектуры XIX века и тех мытарствах, которые претерпела Архивная комиссия при старом режиме.

22 апреля он отправляет письмо-ходатайство Союзу архивных деятелей о выдаче денежного пособия. В нём он сообщает: «В ведении Архивной Комиссии находится обширный исторический архив, помещённый в казённом, отведённом в пользование Комиссии, здании... Нужды по зданию Архивная Комиссия удовлетворяет из своих специальных, крайне скудных средств, благодаря чему её научная деятельность — составление и описание дел архива, разборка дел и т.п. — совершенно остановилась... В текущем 1918 году Комиссия совершенно не в состоянии содержать этот казённый дом, т.к. цены на всё крайне выросли. Например, ранее город за 1000 вёдер воды взимал 86 к., теперь же — 7 р. 50 к., дрова стоили 5-7 р. сажень, теперь — 35-40 р., перевозка одной сажени стоила 2 р., теперь — 15-20 р. и т.д. Ввиду изложенного Архивная комиссия просит исхлопотать ей на вышеуказанную цель кредита на 1918 год с января месяца в размере 1200 р. в год». Союз Архивных деятелей отправил ходатайство ОУАК в Главное управление архивным делом, сопроводив его резюме за подписью Лаппо-Данилевского: «Союз... со своей стороны всемерно означенное ходатайство поддерживает».

Усилия Попова увенчались успехом. В мае 1918 года под музей, библиотеку и архив Комиссии было передано здание Гауптвахты. Тогда же он с энтузиазмом составил смету работ и материалов на устройство музея на семи листах. От Наркомпроса была получена денежная субсидия.

Немалую роль в принятии этих и других решений, направленных на оказание помощи ОУАК, сыграл губернский комиссар просвещения Карим Абдрауфович Хакимов. Он был, пожалуй, самым образованным членом Оренбургского исполкома. Прекрасно зная русский язык, он изучил и многие восточные языки — тюркский, арабский, фарси, что позволило впоследствии использовать его на дипломатической работе. И по долгу службы, и по образовательному уровню оренбургский комиссар просвещения лучше других понимал значение деятельности архивной комиссии и стал для Попова неизменным покровителем во всех его ходатайствах в Исполнительный комитет. Учебное отделение Оренбургского совдепа по инициативе Хакимова передало архивной комиссии гарнизонный архив «с условием свободного доступа (к нему) членов отдела».

Исполняя декрет СНК «Об охране библиотек и книгохранилищ» от 21 июня 1918 года, Хакимов взял под свой контроль городскую библиотеку, а её заведующему А.А. Крафту отдал распоряжение передать дела и отчёты просветительского Комитета попечительства о народной

трезвости в архив ОУАК. При его участии было дано «соглашение» Исполнительным комитетом, и архивной комиссии удалось наконец получить архив упразднённого Губернского жандармского управления.

Неожиданные препятствия возникли со стороны Комиссариата по национальным делам, который не отдавал архив без письменного разрешения Исполнительного комитета. Это разрешение на прошение ОУАК от 17 апреля А.В. Попов получил только 19 мая, хотя уже 18 мая жандармский архив был вывезен. Думается, что благоприятный исход наступил благодаря вмешательству К. Хакимова, который ещё 26 апреля отправил сообщение в Комиссариат по делам национальностей о том, что «к получению ОУАК архива, находящегося в здании Караван-Сарая ... препятствий не встречается».

18 мая 1918 года Хакимов дал своё согласие на выделение 1 800 руб. для работы над этнографической картой, наложив на переписку по этому вопросу резолюцию — «К исполнению» — и препроводив её в президиум Исполкома. Мы видим, что губернский комиссар народного образования поддерживал стремление председателя ОУАК превратить Архивную комиссию в своеобразный центр сосредоточения исторических и документальных фондов, что соответствовало в целом политике Совнаркома по проведению национализации культурных и исторических ценностей.

Таким образом, «трогательный архивный героизм» А.В. Попова, проявленный им по спасению ценных фондов Оренбургского края, встретил понимание советской власти. К лету 1918 года между ОУАК и Исполкомом установился контакт: Архивной комиссии после неоднократных ходатайств её председателя были переданы архивы и созданы условия для работы путём предоставления денежных субсидий и помещения.

В этой связи следует отметить, что инициатива Попова и поддержка её местной властью и, прежде всего, губернским комиссаром просвещения К. Хакимовым, во многом опередили соответствующие декреты советского правительства. Так, декрет «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» был подписан Лениным только 1 июня 1918 года. Этим распоряжением создавался единый Государственный архивный фонд (ГАФ) РСФСР из архивов бывших правительственных учреждений. Несмотря на то, что судьбу местных архивов решил декрет от 31 марта 1919 года «О губернских архивных фондах», уже в первом декрете затрагивался вопрос о деятельности ГУАК.

«Губернские Учёные Архивные комиссии, — говорилось в нём, — и соответствующие им учёные общества вместе с их

музеями, библиотеками и другими культурно-просветительскими учреждениями переходят в ведение Главного Управления Архивным Делом, сохраняя свой внутренний строй и распорядок». Это решение объяснялось актуальностью проблемы спасения местных фондов и отсутствием квалифицированных специалистов, кроме деятелей ГУАК, которые могли бы с этим справиться. Деятельность А.В. Попова в 1917 — первой половине 1918 года соответствовала будущему постановлению 1 июня 1918 года.

В сентябре-октябре 1918 года были приняты декреты «О запрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения» и «О регистрации, приёме на учёт и охранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений». Председатель ОУАК уже за несколько месяцев до их выхода, как мы увидели, проводил соответствующую работу.

Декрет «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», принятый 20 января (2 февраля) 1918 года, объявлял национальным достоянием церковное имущество. А.В. Попов понимал, какая угроза нависла над одной из богатейших библиотек города — библиотекой Духовной семинарии. К 1917 году в ней имелось 3 343 тома книг и 2 088 томов периодических изданий. Кроме этих книг, образовавших фундаментальную библиотеку, семинария располагала «противораскольничьими» книгами (226 названий) и «противомусульманскими» изданиями (1 429 томов). Раритетами были старопечатные раскольничьи книги. Попов стал инициатором передачи библиотеки архивной комиссии.

Это обстоятельство послужило причиной его конфликта с Н.М. Чернавским — автором знаменитого труда «Оренбургская Епархия в прошлом её и настоящем» (1900, 1903). Николай Михайлович Чернавский состоял членом ОУАК с 1889 года и почётным членом — с 1907 года. В 1918 году он занимал должность инспектора Оренбургской духовной семинарии. Помимо этого Чернавский являлся редактором «Оренбургского общественно-церковного вестника», выходившего с 1 апреля 1917 года взамен «Оренбургских Епархиальных ведомостей». Газета, как он позже оценивал её в автобиографии, «была беспартийной, но стояла на республиканской платформе и вообще носила передовой и либеральный характер».

Противостояние с председателем архивной комиссии стало достоянием общественности уже после восстановления в Оренбурге власти Дутова. В июле 1918 года в «Оренбургском общественно-церковном вестнике» была помещена заметка «К реквизиции семинарской

библиотеки». По понятным причинам публикация носила односторонний, субъективный характер.

Тем не менее, в книге «Мученики и исповедники Оренбургской Епархии» один из авторов – М.П. Сушкова, используя эту публикацию, обвиняет А.В. Попова в вандализме и в преследовании корыстных целей при изъятии семинарских книг. Между тем, как следует из указанной заметки, Попов обратился к Чернавскому ещё 10 мая, т.е. более чем за две недели до реквизиции. Однако его предупреждение о том, что на основании декрета от 20 января «О свободе совести...» семинария будет закрыта, и её здание могут занять большевики, а книги будут расхищены красноармейцами, М.П. Сушкова представляет как лицемерие.

Недооценка педагогическим советом семинарии и, прежде всего, самим Н.М. Чернавским, угрозы, нависшей над ценнейшим собранием книг, и спровоцировала, на наш взгляд, конфликт. Печальная судьба библиотеки Епархиального училища, разграбленной матросами и красногвардейцами, и планируемая большевиками передача помещения семинарии (ныне здесь располагается Кадетское училище) под высшую вольную школу, о чём стало известно Попову, заставили его действовать решительно. Всего лишь за день до приказа местных властей очистить здание (от 28 мая) – 27 мая А.В. Попов успел вывезти книги. В спешке эта реквизиция и сопровождалась «выламыванием» фундаментальных шкафов и другими повреждениями. Причём, спасти ему удалось только часть книг. На основании ордера Совета городского хозяйства за № 317 учебная библиотека была передана городу.

Архивные данные помогают восстановить истину и реабилитировать председателя архивной комиссии. Так, мы узнаём, что ОУАК приняла «историко-богословские книги из библиотеки бывшей Духовной семинарии» согласно распоряжению губернского комиссара по народному образованию К. Хакимова от 27 мая 1918 года за № 421. Книги были приняты без шкафов – поэтому лежали «грудой» на полу Гауптвахты и «портились». Из-за недостатка рабочих рук и транспорта правитель дел А.С. Лазов предложил перевезти книжные стеллажи на более короткое от семинарии расстояние – в здание Реального училища (ныне – школа № 30), где он работал преподавателем. Однако забрать их оттуда потом оказалось не так просто – требовалось специальное разрешение комиссариата народного просвещения. Туда Попов с Лазовым и обратились 21 июня.

Однако выполнить эту просьбу К. Хакимов не успел. Как известно, в это время в связи с развернувшейся интервенцией и отсутствием у большевиков сил

противостояния натиску белых, положение советской власти вновь осложнилось, и в исполкоме уже обсуждались планы оставления города. 27 июня такое решение было принято. 2 июля 1918 года большевики оставили Оренбург, и председатель Архивной комиссии остался без своих — с таким трудом завоёванных — покровителей.

3 июля 1918 года в город вошли белоказаки, вскоре прибыл сюда и А.И. Дутов. 9 июля в ОУАК поступил запрос от педагогического совета Оренбургской духовной семинарии, подписанный товарищем председателя педсовета Чернавским (он исполнял теперь обязанности ректора). В нём в ультимативной форме содержалось требование немедленного возвращения председателем комиссии А.В. Поповым «книг, журналов, картин, шкафов и прочего имущества из семинарской библиотеки, против чего Семинарская администрация в своё время энергично протестовала».

Если следовать логике М.П. Сушковой, то реакция Попова на данный запрос представляется неожиданной: «Правление может получить во всякое время библиотечное имущество Семинарии, спасённое Комиссией от разгрома во время господства советской власти большевиков». Этот документ подтверждает, что председатель ОУАК во время реквизиции 27 мая не преследовал корыстных целей. Единственно, о чём он просил, — это возместить расходы по перевозке. Причём речь шла не о тысячах, упоминаемых Сушковой, а о сумме порядка 250 руб.

Тем не менее, семинарское начальство почему-то не спешило, и А.В. Попов вынужден был уже сам настаивать на этом 20 июля. Его требование к правлению семинарии «немедленно вывезти означенное имущество» выглядит правомерным. Поскольку прежний хозяин восстановлен в своих правах, то и должен сам заботиться о сохранности своей собственности.

Одним из первых распоряжений новой власти был приказ за № 5/22, п.10 которого гласил: «Всякое имущество, как движимое, так и недвижимое, приобретённое незаконным путём во время управления советской власти должно быть немедленно возвращено законным владельцам». Данное требование сводило на нет всю ту работу по спасению архивов, библиотек, музейных ценностей, которая была проведена А.В. Поповым при большевиках. Понимая это, уже 6 июля председатель ОУАК направляет официальное письмо: «Г-ну Войсковому Атаману». Данный документ свидетельствует, что А.В. Попова в большей степени волновала не личная судьба — согласно приказам №2, №21, №22 он вполне мог предстать перед военно-полевым судом за сотрудничество с Советами — а судьба архивной комиссии и

сосредоточенного в её помещении имущества.

Мы можем предположить, что поводом для письма явилась жалоба Н.М. Чернавского. Так, А.В. Попов в первую очередь информирует новую власть о своих действиях во время реквизиции семинарской библиотеки: «Бывший губернский исполнительный Комитет Советов, считая, согласно декретов Советской власти, закрытым учреждение Духовной семинарии и не будучи в состоянии... охранить от расхищения библиотеку Семинарии красноармейцами, раскассировал (её) по разным учреждениям и в библиотеку Архивной комиссии передал часть книг... каковые и находятся в (её) помещении».

Далее он перечислил, какие культурные и исторические ценности, а также архивы собирались им лично «во время господства большевиков», и довёл до сведения войскового атамана, что всё это находится ныне в здании Центрального Исторического Архива Оренбургского края (зд. Гауптвахты). Последним председатель ОУАК стремился подчеркнуть (прописав все слова в названии с заглавной буквы), что в силу государственной и научной значимости руководимого им учреждения «пункт указа (о возвращении имущества законным владельцам **– Т.Т.**) не относится к вышеизложенным случаям поступления имущества в архивную комиссию».

А.В. Попов выказал озабоченность судьбой других библиотек города, которые пострадали «во время вторжения в город сначала матросов, а потом красноармейцев». Часть книг, как он пишет, была сожжена, а «в большей части – раскуплена частными лицами и в особенности местными букинистами», делая вывод, что книги так и остались в городе. В связи с этим он попросил войскового атамана издать «особый указ» о воспрещении перепродажи и вывоза книг из города, о временной конфискации их на станциях до осмотра – «нет ли на них знаков каких-либо библиотек – и о возвращении книг... в соответствующие учреждения по принадлежности или в библиотеку Архивной комиссии до выяснения (их) судьбы». Интересно заметить, что в пример он поставил соответствующие указы Советской власти.

Поражает осведомлённость председателя ОУАК, находящегося на «белой» территории, о мерах, принимаемых советским правительством в целях сохранения культурно-исторических ценностей. Как раз в это время, как свидетельствуют документы ГАРФа, в Народном Комиссариате Имуществ Республики шло обсуждение проекта декрета «О запрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения». Обострение проблемы в связи с ростом потока эмиграции из Петрограда после

Брестского мира, заставляло Комиссариат торопить Совнарком с принятием декрета. 29 июня 1918 года в СНК было направлено письмо: «В виду катастрофического положения имуществ Республики художественно-исторического общегосударственного значения, просим СНК в срочном порядке рассмотреть прилагаемый декрет (о запрещении вывоза) в целях предупреждения дальнейшего расхищения».

А.В. Попов выразил беспокойство и по поводу остатков библиотеки и музея Рымникского полка, находящихся временно в здании Губернской Земской управы — «возможно, что они будут небрежно выброшены оттуда как предметы, совершенно чуждые Управе и пропадут» — и попросил разрешения взять «означенные» предметы в музей Архивной комиссии.

Убедительные аргументы председателя ОУАК возымели действие только спустя почти два месяца. И то — только потому, что Комитет уполномоченных от членов Учредительного собрания, располагавшийся в Самаре, 10 августа принял специальное постановление «По ведомствам народного просвещения и внутренних дел». 31 августа в «Оренбургском вестнике комитета уполномоченных от членов Учредительного собрания» (1918, № 22) оно было опубликовано. В нём содержалось требование «в целях прекращения и предупреждения наблюдающихся хищений памятников революции, старины и культуры» принять экстренные меры по их охране. Все указанные памятники, «охрана которых в месте нахождения затруднена» или же «владельцы которых не установлены», подлежали передаче «на временное хранение в местные музеи, учёные архивные комиссии и т. п. учреждения». Виновные в хищениях привлекались к уголовной ответственности.

Однако дальше публикации этого постановления войсковое правительство в Оренбурге, по-видимому, не пошло. Новой власти было не до сохранения культурных и исторических ценностей. 15 сентября от коменданта города последовал приказ: «Срочно освободить помещение гарнизонной гауптвахты, так как таковое необходимо для чинов караула». Следует заметить, что к этому времени Попов уже успел сделать ремонт здания, очевидно стремясь израсходовать деньги, выделенные большевиками, пока их не отнял Дутов или «не съела» инфляция. Только на ремонт крыши и водосточных труб ушло 494 рубля, а на исправление башенных часов — 1 270. Всё имущество комиссии: сотни тысяч дел, тысячи томов книг, музейные экспонаты были вывезены в здание Караван-Сарая. Но и оттуда их тоже выдворили, «так как необходимо было разместить караульную роту для охраны Правительства Башкирии». С сентября 1918 года

Попов снимал для архивной комиссии квартиру в доме Батракова по Артиллерийскому переулку, израсходовав на наём помещения и жалованье служащим, а также на подводы и извозчиков для многократных переездов остатки денежных средств.

Между тем, новая власть, отказав в помощи и поддержке, требовала от него исполнения своих запросов. 9 октября, например, от Воинского начальника Мануйлова (фамилия неразборчиво) последовал приказ «сообщить, где находятся дела и книги вверенного (ему) управления и коменданта города, вывезенные из здания Гауптвахты?»

Тяжёлые испытания выпали на долю А.В. Попова в 1917-1918 гг. Тем не менее, не задумываясь, он взял на себя личную ответственность за судьбу культурного наследия Оренбуржья. Ради этого Александр Владимирович вынужден был сотрудничать то с «красной», то с «белой» властью, взывая попеременно то к тем, то к другим. По традиции разводить героев истории по разным политическим лагерям, зададимся и мы вопросом: каковы же были его идейно-политические убеждения? Ю.С. Зобов был склонен видеть у него до революции проявление интереса к марксизму. Некоторые молодые исследователи вообще причисляют его к «социалистам». Современный оренбургский исследователь, однофамилец Александра Владимировича, Попов В.Б. установил, что с 1909-го по 1913 гг. он являлся председателем оренбургского отделения партии «октябристов» — «Союза 17 октября и примыкающих к нему обществ». Как свидетельствуют приводимые документы, «с приходом нового председателя, политика местного отдела «Союза 17 октября» приобрела новую направленность» и активизировалась. Однако в 1912 году в связи со снижением электоральной активности и расколом в думской фракции «Союза» деятельность местного отделения сошла на нет — и А.В. Попов писал лидеру «октябристов» А.И. Гучкову: «На победу октябристов и вообще центра нельзя было рассчитывать ранее, тем более нельзя в будущем...» А в 1913 году в списках отделов «Союза 17 октября», напротив оренбургской группы была сделана приписка: партия упразднена. Очевидно, с этого времени Александр Владимирович отошёл от политической деятельности и всецело посвятил себя Архивной комиссии.

В ГАОО был обнаружен документ, наиболее полно раскрывающий позицию председателя ОУАК после 1917 года. Условно он назван «Об отношениях Архивной комиссии и большевиков». И хотя под рукописью не стоит подписи Попова, по содержанию очевидно, что текст написан им. Скорее всего, это — своеобразная объяснительная,

которую А.В. Попов предоставил Дутову во второй период его господства в Оренбурге по поводу обстоятельств сотрудничества с советской властью.

Прежде всего, очевидны принципиальность и смелость Александра Владимировича. Так, он говорит, что основанием для сотрудничества, а вернее, для использования помощи большевиков, были его «личные взгляды, которые (он) проводил на заседаниях Комиссии». Тем самым он сразу стремится отсечь от обвинений в пособничестве прежним властям своих товарищей по ОУАК. В то же время, подчёркивает А.В. Попов, для него была важной позиция Академии наук в отношении советской власти, которую он разделял.

Интересны его замечания по поводу взаимоотношения науки (к которой он причислял и себя, и руководимую им ОУАК) и политики: «Наука стоит вне каких бы то ни было партий и выше их; поле её деятельности гораздо шире политических платформ — это поднятие культуры, общих знаний, руководство учёными и учебными учреждениями. Работая на этом поприще, наука приносит, несомненно, больше пользы обществу, чем пропаганда политических теорий или борьба партий, ибо успешное применение политических теорий всецело зависит от уровня культуры данного общества».

На этом основании он делает вывод, что какая бы партия ни стояла у власти, она обязана уважать (подчёркнуто им) науку. Далее Александр Владимирович намекает Дутову на непрочность его положения, указав, что в настоящее время «мы переживаем уже четвёртую власть, а может быть, наука переживёт ещё пятую власть, и счёт на этом не остановится. Какие же происходили бы пертурбации в составе библиотек, музеев, академий, университетов, если бы они сегодня симпатизировали одной власти, завтра — другой, а послезавтра — третьей? Ответ настолько ясен, — заключает он, — что даже в нашу русскую неумную революцию не много было попыток партийного вмешательства в жизнь науки».

След А.В. Попова в Оренбурге на этом теряется. По данным Ю.С. Зобова, он умер в 1918 году. Эта же дата до недавнего

12 мая 1918 года под музей, библиотеку и архив комиссии было передано здание бывшей гауптвахты.

времени значилась в описи личного фонда краеведа в ГАОО (№ 168), а также в «Оренбургской биографической энциклопедии» (с. 216). Однако в 1922 году в третьем выпуске «Трудов общества изучения Киргизского края» (Общество изучения Казахстана) появился некролог, написанный им в память о своём старом товарище по ОУАК — Армане Петровиче Гра, скончавшемся 31 декабря 1922 года.

В справочнике «Научные работники СССР», составленном Академией наук под руководством С.Ф. Ольденбурга в 1928 году, нами было встречено имя Александра Владимировича Попова (?), и.д. прозектора при кафедре паталогической анатомии Иркутского университета. Он — член совета Восточно-Сибирского отделения РГО, председатель секции палеоэтнологии. Круг его интересов обозначен, как патанатомия, археология, история, первобытные культуры.

Таким образом, совпали фамилия, имя и отчество, основная профессия, круг интересов и сфера научной деятельности. Однако самым обнадёживающим совпадением с Поповым — председателем Оренбургской архивной комиссии являлись указанные место и дата рождения: 4/XI — 1867 г. — Орск, Оренбургской губернии. Поиск продолжался в Архиве РАН в СПб. В фонде 155 (Документы научных работников СССР) была найдена анкета А.В. Попова, заполненная 28 мая 1926 года знакомым почерком. В ней содержались вышеперечисленные сведения, но наиболее значимым результатом поиска был ответ на вопрос: «Перечень главных трудов» — «Холера 1829 — 1833 гг. в Оренбургском крае» (1910).

Таким образом, после того, как стало невозможным продолжать «дело всей жизни» — так он называл свою работу в ОУАК, когда его переизбирали на новый срок председателем в 1913 году — Александр Владимирович нашёл себя на новом поприще. Включившись в работу Восточно-Сибирского отдела РГО, он в 1926 году издал книгу, посвящённую истории Отдела. Эта книга была обнаружена в Российской государственной библиотеке (РГБ) в Москве. Обстоятельства, при которых он оказался в Иркутске, нам пока неизвестны.

Для понимания жизненного кредо А.В. Попова (служение науке и культуре) могут послужить его заключительные слова в некрологе А.П. Гра, которые можно применить и к самому Александру Владимировичу: «Мы не знаем последних лет его научной деятельности, но то, что протекло перед нашими глазами, даёт ему право на благодарную память потомства. Он служил познанию Родины, которое одно в состоянии привести людей к столь мучительно-искомому общему счастью».

Валентина ГОЛОВИНА

ЧТО ИМЕЕМ, ТО ХРАНИМ

Валентина Александровна Головина родилась в Кувандыкском районе. Окончила исторический факультет Оренбургского педагогического института, по распределению была направлена в Адамовский район. Живёт в посёлке Адамовка, работает учителем истории в средней школе № 2.

«Дана нам красота невиданная
И богатство неслыханное.
Это — Россия.
Но глупые дети всё растратили.
Это Русские», — писал В.В. Розанов в прошлом веке.

Обидным упрёком звучат слова философа. Если Оренбуржье — часть России, его богатство тоже растрачено? И неужто нет надежды на спасение? Способны ли русские, вопреки Розанову, сохранять и приумножать вековые ценности? Что для этого более важно — принуждение или зов крови, души и Отечества? Разные вопросы возникают при попытке осмыслить розановские строчки. Привычен образ необъятного края — пространства области — богатство недр, лучистые воды озёр, ажур лугов, трепет ольховых и осиновых рощ, удивительные древние рудники в Губерлинских горах, «гейзеры» в Домбаровской степи, кручи по берегам рек. У нас есть всё, чем богата Россия. Своеобразие

и энциклопедичность Оренбуржья интересны были всегда. Не случайно несколько лет назад москвичи задумали открыть в Оренбуржье ряд туристических маршрутов для иностранцев. Жители цивилизованной Германии могли бы, например, в восточном Оренбуржье прикоснуться к первозданной степи и, возможно, услышать посвист сурка и песнь жаворонка. Европейцы готовы платить деньги за экзотику. Проект не сбылся...

Местные жители относятся к памятникам природы спокойнее, сдержанней — то ли глаз неймёт, то ли вкус не развит. А скорее всего, большое видится на расстоянии. Для нас окружающий рельеф, флора и фауна привычны — степной перелесок или заводь на изгибе реки порой не удивляют, чаще озадачивают. Технологичные перемены, проблемы бесконечного освоения природной стихии отвлекают от её красот, зацикливают человека на производстве, так сказать, на рациональном использовании природных ресурсов. Давний «Осенний марафон» Эльдара Рязанова всё ещё не достиг финиша: мы бежим от себя, от разумного единения с этими самыми природными ресурсами, мы перестаём ощущать себя живой природой. Люди давно не собратья по планете с одуванчиками и кузнечиками, они — потребители и даже агрессоры. Хотели дружить с природой, как Мичурин, а «дружим» порой по Трофиму Лысенко. Можно скептически относиться к фантазиям Владимира Мегре и его «звенящим кедрам», но верно он подметил, что ещё вкусив запретный плод в раю, Адам и Ева радовались любезности змея, однако забыли поблагодарить яблоню, которая родила для них яблоко. Она вроде бы обязана кормить, доставлять нам удовольствия. Если верить догматам о сотворении мира, то человек нисколько не изменился со времён прародителей. Всё так же некогда посмотреть на журавлиный клин в небе, а подняв взор, всё реже удивляемся. Спешим растратить богатства, увы, спешим. Отчасти, В.В. Розанов прав — люди похожи на глупых детей. Однако не только русские таковы. Беспомощность природы перед нами — глобальная проблема. Правда, и мы сами часто беспомощны в своём «беличьем колесе» забот.

Оторвись от дел, человек, посмотри ввысь — птицы летят из тёплых краёв! Как-то весенним днём в небе над селом «забуксовали» лебеди. Верховой норд-ост тормозил их полёт, и птицы, бессильные справиться с воздушным потоком, на время будто замерли на месте. На улице люди наблюдали за стаей лебедей и удивлялись, сочувствовали птицам; жалели, что ружьём их в выси не достать; восхищались настойчивостью и размахом крыльев. Какие птицы в небе все грациозно-красивые!

Какие мы, люди, разные. «Чому я не сокіл?»...

Взлететь, увы, дано не всем. Рассудок спрашивает: «Зачем в небеса — чтобы ощутить свободу, улететь от проблем, или экстрима хочется»? Людям свойственно мечтать, даже когда пугают, «мол, тучи над страною», оптимисты говорят: «Да это просто небо в облаках», — уходит от проблем С.Трофимов в одной из песен. Можно и по земле ходить, а повстречаешь интересного человека, и мир тоже станет светлее. Не все мы «вестернизировались», ещё не разучились жить в ладу с собой, по совести, по-русски, и мечтать ещё умеем, и культура сберегается. В своём предвидении В.В. Розанов явно ошибался.

Кто связан с землёй трудом и душой, обычно красив. Людьми славится наш край, и тут, как и в природе, нет предела восхищению: именно люди — главное богатство Оренбуржья! Оно всегда притягивало созидателей. Спустя годы, история называла кого-то из них героями, большинство же служат своему делу не ради наград и званий, у каждого своя необыкновенность. Хватит ли времени прочесть полную книгу их биографий, ведь многие из них ещё не записаны?

Волей судьбы и институтского распределения я оказалась много лет назад в Адамовке. Волей профкома предприятия, где работал мой муж, поселилась в доме, где живу. От дома до школы пролегла «муравьиная» тропа «туда-сюда» за долгие годы: уроки, звонки, тетрадки и к концу учебной четверти ощущение, «что утро добрым не бывает». Всё это называется усталостью и звучит уныло. А ведь многого так и не знаю о селе и его жителях. Например, почти тридцать лет я ходила улицей мимо заросшего вишнями дома, что стоит почти по соседству, и не видела его обитателей. Иногда хотелось узнать, кто же в том доме живёт, но желание терялось в суете. Между тем, домик целинной поры с прозрачной от ветхости калиткой радовал по весне улицу кружевом цветущих вишен. В июле их ветви доставали до земли под грузом спелых ягод, и тогда у забора вились ребятишки.

Посреди двора на лужайке росла красивая берёза. Летом её тень не давала подняться цветам. Много лет не было повода остановиться, приглядеться. Между тем, знакомство с хозяйкой «вишнёвой» усадьбы было предопределено и наконец однажды состоялось.

Много лет назад жили в Адамовке Косаревы Пётр Петрович и Надежда Дмитриевна. Она работала с 1935 года учительницей биологии в школе, а супруг служил агрономом. Сохранилась легенда об этой несколько странной семье: то ли они состояли в родстве со Львом Толстым, то ли Надежда Дмитриевна училась в Яснополянской школе.

Потихоньку исследуя её биографию, юные краеведы добрались до истории демидовских заводов на Урале, до архивов Перми, Н.Тагила и Горнозаводска. А из Ясной Поляны в 2004 году приезжал к нам сотрудник музея Л.Н. Толстого в надежде заполучить имя ещё одной наследницы писателя. Об этом «историческом детективе», как его назвал И.А. Бехтерев, была публикация в альманахе «Гостиный Двор» № 18. История «барышни-графини» потихоньку раскрылась, но не забылась. К 2004 году о судьбе «внучатой племянницы» Льва Толстого мы расспросили, кажется, всех старожилов села. И вдруг оказалось, что по соседству со мной, в вишнёвом саду живёт настоящая землячка Л.Н. Толстого. Вот ведь как бывает! Узнала я об этом случайно, а готовиться к знакомству пришлось несколько дней: и вопросы продумать, и волнение унять. Наверное, такие чувства переживает каждый на пороге очевидного открытия. Условились о встрече, и вот я отправилась в гости.

Калитка подалась легко. Она, еле висящая, видимо, была равнодушна к входящим. У берёзы сворачиваю к дому и вижу давно некрашенное крыльцо, массивную дверь. Меня окликнули из глубины двора, там, прямо посреди земляничной грядки, стояла старушка. Она пыталась дёргать траву, а теперь распрямилась и оперлась на палку. Очки с толстыми стёклами увеличивали лукавые глаза. Тут мы и познакомились. Звали хозяйку дома Зоя Степановна Уткина. Возраст у неё был почтенный — далеко за 80 лет, но старушка оказалась доброжелательной собеседницей. Выяснилось, что в «вишнёвом» доме она живёт уже более сорока лет. На мои расспросы о семье Косаревых Зоя Степановна, к сожалению, ничего не смогла сказать, она их не знала. Сюжет от «барышни -графини» метнулся в сторону «барышни-крестьянки», родом всё из той же Ясной Поляны.

На «графских развалинах» истории Косаревых смешались судьбы заезжих агрономов. Н.Д. Косарева окончила ещё до революции Стебутовские агрономические курсы в Петербурге, преподавала в Адамовке ребятишкам биологию, почти 50 лет прожила в нашем селе и умерла в 1966 году. Девичья фамилия её была Толстова, а не Толстая, и к писателю-классику отношения она не имела, если не считать поклонения таланту.

В 1967 году в Адамовку приехал с семьёй молодой агроном Дмитрий Иванович Уткин. Его жена Зоя Степановна помогала земледельцам, т.к. была агрометеорологом. Вот она родом действительно из Тульской области, из д. Кривцово, что рядом с Ясной Поляной. Молодой агроном наверняка рассказывал жене, что оренбургская земля «вся в наряде цветном», а ей долго снились

тульские луга и поля. И Косаревы, и Уткины — приезжие люди в Адамовке, и те, и другие заботились о высоких урожаях хлебов, умножали богатства края. Кроме того, это люди высокой культуры, представители двух поколений интеллигенции — российской и советской. Свои духовные ценности они не растратили в переездах и перипетиях, словно эстафетную палочку, невольно передали друг другу.

Молодая семья Уткиных. 1953 год.

Зоя Степановна родилась в крестьянской семье в 1926 году, но о Льве Николаевиче Толстом она рассказывала, как о родном и близком человеке. Никого из семейства Толстых она не застала в графском поместье к тому моменту, как подросла. В 1921 году А.Л. Толстая, дочь писателя, открыла в Ясной Поляне культурно-просветительский центр, школу, аптеку, больницу. В 1928 году она организовала в усадьбе празднование 100-летнего юбилея Льва Николаевича. А весной 1929 года Александра Львовна покинула Россию навсегда. Этого не знала малышка Зоя Чуморина, жившая неподалёку. Дети окрестных деревень учились в начальной школе в усадьбе Черткова в Телятинках, а в 6-7-х классах уже в Яснополянской школе. Учительница часто водила детей в графский дом: вот рабочий кабинет писателя, вот гостиная. Детям разрешали свободно ходить по комнатам, любопытно крестьянской детворе было знать, где Лев Николаевич чай пил, где были его охотничьи принадлежности. Литературное наследие писателя их тогда мало интересовало, занимала бытовая обстановка. В тишине аллей парка дети не раз стояли у могилы писателя — там, где он искал когда-то «зелёную палочку». Это позднее Зоя Степановна перечтёт книги писателя Толстого, будет узнавать в них описание родных мест. Ученица Зоя Чуморина впитывала воздух Ясной Поляны, её запахи, её графский дух, не видя хозяев усадьбы, ощущала их присутствие в вещах, самих стенах, в общении окружающих — потомков барских крестьян. Деревень в округе много. Все они типично российские — маленькие, в один порядок, в 3-4 км друг от друга.

В своё время Л. Н. Толстой округу пешком исходил, знал и людей, и луга, и леса. Зоя Степановна вспоминала, что соседи у них были сплошь Масловы, Соловьёвы, Воробьёвы, Ростовы, Ильины, Никитины. Для своих героев писатель занимал имена из ближних деревень. Здесь рождались писательские замыслы и сюжеты.

Не мог предугадать Лев Толстой, что случится вселенская беда, какой не видели, — в 1941 году в Ясную Поляну придёт война. Уже осенью бомбили враги Киевский тракт, Тульская область оказалась на пути немцев к Москве, а 28 октября 1941 года они вошли и в деревню Кривцово, и в Ясную Поляну. «В деревне было всего 12 дворов, — вспоминала Зоя Степановна, — из каждой хаты ушёл на фронт отец или сын». Её отца, Степана Чуморина, также мобилизовали в начале войны, ему было уже за 40 лет, служил он в трудармии. Рыл окопы под Ленинградом, строил укрепления, хлебнул, как позднее узнали, блокадного лиха. Его родные оказались в оккупации. Женщины и дети переживали её, как могли. В каждой хате деревни расположились на постой фашисты. У Чуморины жили офицеры. Мать Зои готовила пищу немцам. Бывало, озорничала — подавала им из печи недокипяченный чай. Каждое утро немцы уезжали на машинах к Туле, там шли упорные бои. Даже дети понимали, что если вечером немцы вернулись, значит, сегодня Тулу не взяли. Так продолжалось почти месяц: уезжали, возвращались, отдыхали, требовали чаю. Иногда постояльцы показывали хозяйке фотографии своих семей. Тулу взять враги так и не смогли. На Москву пошли они по Калужской дороге.

В усадьбе Л. Толстого фашисты тоже хозяйничали. В воспоминаниях И.И. Минца, председателя специальной комиссии Академии наук, выезжавшей в Ясную Поляну уже после её освобождения, описан эпизод: «Возле учительницы Яснополянской школы, которая держала на руках грудного ребёнка, остановились два германских офицера. Не подозревая, что учительница знает немецкий язык, один из офицеров, указывая на младенца, самодовольно сказал: «Вот этот уже ни слова не будет знать по-русски. Только разве старики и будут помнить русский язык, а всех остальных мы заставим говорить по-немецки»... («Венок славы», М, Современник, 1987 г, т.2, стр. 80-81).

Знание немецкого языка достоинством, однако, не считалось. У Чуморины по соседству жил Илья Матвеевич, который во время «Первой германской» войны попал в плен к немцам. Шесть лет он провёл у них в работниках в Германии, выучил немецкий язык. Теперь, осенью 1941 года, он был назначен оккупантами старостой в деревне.

Илья Матвеевич за месяц, пока были в деревне фашисты, никому не причинил вреда, но после наступления советских войск его арестовали. Домой он уже не вернулся.

Однажды через деревню вели пленных немцев. Дочь Ильи Матвеевича кинулась на них с криком и кулаками. Её от них еле оттащили односельчане. Девушка не простила врагам гибели отца.

Воспоминания Зои Степановны о войне отрывочны, это ощущения подростка. Когда советские войска заняли Ясную Поляну и окрестные деревни, между боями наши бойцы тоже квартировали у сельчан. У Чуморины остановились два связиста, два Виктора. Дети слышали разговоры о больших потерях на фронте. Ждали вестей от отца. Он вернулся после ранения и болезни в августе 1944 года. «Мы стали такие богатые тогда, ведь отец привёз подарки, — улыбалась Зоя Степановна, — братишке отец припас даже солдатское бельё». Фронт откатился на запад. Измождённые деревни залечивали раны.

Любопытный случай описал С.М. Толстой, внук писателя. Позволю себе привести его фрагмент: «Через несколько лет после войны я встретил командира полка, который оккупировал Ясную Поляну... Во время обеда, на котором присутствовали видные политические деятели и промышленники из Западной Германии, один из гостей, граф, имя которого я сейчас не помню, настаивал на знакомстве со мной, чтобы рассказать о своём пребывании в Ясной Поляне с полком, которым он командовал. Он говорил об очаровании нашего имения, о поражении немецкой армии под Тулой, расположенной в пятнадцати километрах от Ясной Поляны, «около двадцати моих бравых soldaten погибли в боях под Тулой», — добавил он с грустью. — Я приказал их похоронить рядом с могилой вашего деда. Знаете, ваше имение очень красиво и поэтично». Я выслушал его молча, всё больше и больше бледнея. «Ваш рассказ мне интересен, но позвольте добавить несколько слов. Известно ли вам, что крестьяне после вашего отступления немедленно перезахоронили тела ваших бравых солдат в общей могиле, так как они оскверняли это место. А другие ваши солдаты, те, которых не убили в сражениях, они перед отступлением подожгли наш дом. Благодаря крестьянам, которых вы не успели повесить во время оккупации, пожар был потушен. Прощайте, надеюсь, мы с вами больше не увидимся». (По данным комиссии АН СССР в январе 1942 года было перезахоронено в воронках из-под бомб 83 трупа немецких солдат). (С.М. Толстой «Дети Толстого». Тула, Приокское книжное издательство, 1994 г. стр. 42).

После войны усадьба Л.Н. Толстого быстро восстанавливалась,

вернулись из эвакуации книги писателя, наиболее ценные реликвии музея.

В Тульской области, по рассказу З. С. Уткиной, ещё долгое время была нищета, как, впрочем, и по всей России. В большинстве деревень крыши домов оставались под соломой, слежавшейся настолько, что по ней трава росла. В Ясной Поляне, правда, соломенных крыш уже не было, об этом позаботился еще Л.Н. Толстой. Восстановили после войны и церковь, рядом с которой похоронены родные писателя, где покоится его сын Ванечка. Уже вскоре там началась служба. Позднее на том же кладбище нашли покой семеро человек из семьи Чуморины. Зоя Степановна с благодарностью говорила о смотрителях кладбища, о чистоте и порядке на нём.

В послевоенные годы одноклассницы Зои Степановны собрались в Москву учиться в Тимирязевку. Зоя долго болела, и мать её не пустила в столицу. Девушка поехала в г. Щёкино, где окончила агрометеотехникум. Теперь её профессия была связана с изучением влияния климата на почвы и растения. В начале 1950-х годов она попала по распределению в Курманаевский район Чкаловской области. Работа оказалась трудной, но интересной. Техник должен был готовить пробы земли для анализа, замерять почвы, снег, составлять отчёты. На агрометеостанцию приезжали учёные из Москвы, они-то и делали профессиональный анализ и составляли прогнозы. В 1953 году, после смерти Сталина перемены в стране коснулись и маленькой степной станции — её закрыли. Сотрудники отдела гидрологии, метеорологии, агрометеорологии, синоптики — все остались не у дел. Приехали из Куйбышева специалисты, погрузили оборудование и увезли. Польза от Елшанской агрометеостанции всё-таки была. Она давала рекомендации, какие посевы лучше использовать для степи. Например, ещё тогда было доказано, что поднимать целину глубоко нецелесообразно. С 1935 года в Оренбуржье стали сажать лесополосы. В 1950-х гг. эту работу нужно было проводить активнее.

Здесь, в Елшанке, Зоя Степановна познакомилась с будущим мужем — Уткиным Дмитрием Ивановичем. Они оказались коллегами. Позднее Дмитрий Иванович окончил Оренбургский сельхозинститут и стал агрономом. Молодая семья перебралась в Лабазы, в колхоз им. Ленина. Тут они немного учительствовали в школе. В 1967 году агронома Уткина направили на целину в Адамовский район, в совхоз «Заря коммунизма». Зоя Степановна была рада, т.к. она вновь стала работать по специальности. В Адамовке тогда ещё действовала метеостанция. А Дмитрий

Иванович занялся наукой. Вскоре он защитил диссертацию и стал кандидатом сельскохозяйственных наук. О его вкладе в целинный каравай упоминалось в статье А. Климентьева «Чёрной дыры» не было» («Гостиный Двор» №10). Позднее Д. И. Уткин уехал на Украину и преподавал там в одном из вузов. Зоя Степановна могла долго, увлечённо рассказывать о значении повышения плодородия почв, о важности лесонасаждений в степи. Она отнюдь не считала себя первоцелинницей. «Вот и всё, чем она богата, ничего не желая себе», — не о такой ли старушке писал поэт-оренбуржец П. Попов?

Уткины не раз посещали родные места в Тульской области. А ведь могли бы вернуться в родные края, ставшие «Меккой» любителей русской словесности. Зоя Степановна считала теперь уже своим вторым домом Адамовский район, хотя лучшее время, по её мнению, всё равно осталось в детстве и юности, несмотря на лишения и войну.

Ошибался немецкий офицер, считавший в 1941 году, что дети будут впредь говорить лишь на немецком языке. Сын Уткиных Владимир учился на факультете иностранных языков, знает и немецкий, и французский языки, но предпочитает русскую литературу. У правнука Зои Степановны Жени в любимых книжках — труды по истории Л. Гумилёва. Увлечением самой Зои Степановны также являлись книги. Они помогали справиться с одиночеством и иными проблемами. Крестьянская культура с прививкой яснополянского обаяния позволяла ей не сетовать на жизнь, сохранять оптимизм и мудрость суждений. Уважение к творчеству знаменитого земляка она берегла как наследство.

По весне просыпались почки вишнёвых деревьев у дома Уткиных. Наполняли они запахом улицу, бело-розовой пеленой разлетались с ветерком мимо соседских дворов — «красота невиданная». Виданная, конечно, но желанная была до поры до времени. Вот берёзу посреди двора недавно срубили, а следом

ГСИ. 1971 год. З.С. Уткина стоит в центре.

прошёлся топор по вишням. Других перемен в маленьком «поместье» Зои Степановны не требовалось, душа просила покоя и тихого внимания. А уж мудрость свою хозяйка готова была передавать любому гостю, пришедшему с добрыми намерениями. Оренбурженка или тулянка, что уже не важно — она была лишь одной из скромных интеллигентных хранительниц русской культуры. Зоя Степановна приехала в оренбургскую степь, чтобы делать её краше. А работы тут всегда было много. Адамовские поля ещё родят хлеб. Нераспаханные массивы защищаются от вездесущего человека, весной выбрасывают местами тюльпановые «заплатки» и жёлтые «лоскуты» горицвета. Летом 2015 года опустели маленький домик на ул. Пушкинской и его вишёвый сад, покинула этот мир и их хозяйка.

Перелётные птицы летят мимо в дальние веси, люди же оседают, однажды выбрав этот край для своих гнездовий. Природа готова жить дальше.

Лишь бы утренники не губили вишнёвый цвет, да не забывали свои корни люди. Жаль, В.В. Розанов не учёл — возрождение возможно, пока память хранит преданья старины глубокой и неприметные семейные истории.

Ирина ТУРКОВА

«ОБА ПРОМОЛЧАЛИ СЧАСТЬЯ ВЗРЫВ...»

К 200-летию со дня рождения А. А. Толстой

В июле 1859 года Александрин Толстая, фрейлина великой княгини Марии Николаевны, сопровождала её в заграничном путешествии и писала из бельгийского городка Спа двоюродному племяннику Льву Толстому: *«С тех пор, как я шагнула за пределы России, потребность иметь оттуда письма стала подобна болезненной жажде. <...> Вижу перед собой новое проявление Божиих прелестей, но вижу только глазами, а душа как будто не открыта к прежним наслаждениям... А Спа — место отличное — большая простота в природе — долина — небольшие, но живописные горы, покрытые сверху донизу деревьями и прорезанные чудными дорожками — а внизу во все направления бесконечные липовые аллеи, которые тенью своею заграждают солнце, а запахом заполняют воздух. Гуляя по ним, мне часто приходит в голову, что как бы хорошо взять под руку самого лучшего человека в мире и идти с ним <...> по этим аллеям долго, долго — пожалуй, хоть до вечности. Нужды нет, что в гору и подчас трудно — то и хорошо, что трудно — рядом друг, а впереди цель, и какая цель. Устанешь, уморишься — и тут ветерок повеет, а вечером месяц светит так нежно. Такая прогулка ещё возможна для вас, милый друг...»*[1].

Любовь найдёт Льва, он смотрел за счастьем вперёд; Александрин, которая написала эти строки, оглядывалась за своим счастьем назад: любимый Василий Перовский скончался на её руках в далёком Крыму зимой 1857 года. С тех пор восьмое число декабря осталось для Александрин днём горестной утраты и поминовения.

У Василия Алексеевича Перовского (9.02.1795 – 8.12.1857), одного из воспитанников (внебрачных детей) графа А.К. Разумовского, сложилась по-настоящему геройская биография. Он участвовал в войне 1812 года, был захвачен в плен и бежал; служил при дворе и стал любимым адъютантом Николая I; сражался в Русско-турецкой войне, получив тяжёлое ранение; когда встал в строй, уехал поднимать

Оренбуржье и управлял краем в течение пятнадцати лет (два срока). Доблестные труды на благо края в годы губернаторского правления (с 1833-го по 1842 год и с 1851-го по 1857 год) графа Перовского, генерала-адьютанта, генерала по кавалерии, удостоенного высшими орденами Российской империи, останутся памятны навсегда. Рассказы о нём наполнятся «особенным чувством, какое питали к Перовскому сослуживцы и подчинённые, солдаты и простой народ, видя в нём строгого начальника, но, вместе с тем, честного человека, справедливого карателя и милователя, для которого были все равны — начиная от знатного барина и кончая серым мужичком»[2].

В «Воспоминаниях» И.Ф. Бларамберга о своей службе в Оренбурге под началом В.А. Перовского есть несколько строчек о родных Александрин. Так в семье обычно звали Александру Андреевну Толстую. Бларамберг писал (1856): *«В его [Перовского] огромном дворце жила ещё и родственница, графиня Толстая, с дочерью Софьей; она держала специальный стол, и я у неё часто обедал»*[3].

Василий Перовский, ровесник упомянутой выше графини Толстой (матушки Александрин), был среди её самых близких друзей, наряду с В.А. Жуковским и А.А. Воейковой, рожд. Протасовой. Здесь тесно переплелись родственные и дружеские связи. Бабушка Александрин, Елизавета Фёдоровна, урожд. Брыкова, была вторым браком за В.И. Протасовым (Е. А. Протасова, урожд. Бунина, сестра Жуковского). Константин Петрович Толстой, дядя Александрин, был женат на А.А. Перовской (сестре Василия Перовского), воспитавшей знаменитого поэта А.К. Толстого.

В 1826 году семья Толстых переехала из Москвы в Царское Село. Глава семьи, Андрей Андреевич Толстой, отставной гусарский полковник, имевший за плечами героический послужной список, получил новую должность. Он стал советником Царскосельского Дворцового правления. Супруга, Прасковья Васильевна Толстая (урожд. Барыкова), занималась детьми; все они получат хорошее домашнее образование. В семье было пятеро детей, их воспитанию помогала Прасковья Степановна Барыкова, двоюродная сестра Прасковьи Васильевны.

Сохранился рисунок семейства Толстых в Царском Селе, где у них в гостях не раз бывал оренбургский художник А.Ф. Чернышёв. Талантливого художника поддерживал В.А. Перовский. О нём, а также о гостеприимстве царскосельских Толстых упоминается в одном из писем А.Ф. Чернышёва художнику-коллекционеру А.Р. Томилову, двоюродному брату Прасковьи Васильевны. Художник писал: *«...Василий*

Алексеевич был у Толстых, говорил с Праск[овьей] Степановной: «Если Чернышёв будет так продолжать заниматься, как я его нашёл, через 2 года пошлю его в Италию». Очень лестно мне было это слышать. Буду всеми силами стремиться, чтобы упования благодетельнейшего В. А. [Василия Алексеевича] сбывались...»[4].

Семейство графа А.А. Толстого. 1843 г. Царское Село. Худ. А.Ф. Чернышёв. Картон, карандаш.

К задушевной подруге Прасковьи Васильевны, Александре Андреевне Воейковой, испытывал Перовский самые нежные чувства. Любимая друзьями, воспетая поэтами (образ «Светланы» в романтической поэме В.А. Жуковского), она была несчастлива в браке, рано скончалась. Перовский поспешит к ней в Пизу попрощаться, но не успеет. Как крёстный отец её сына Андрея, Василий Алексеевич позаботится о нём и других её детях, вместе с Жуковским и Толстыми. Перовский был холост, воспитывал сына Алексея. Сын окончил Михайловское артиллерийское училище, служил в Оренбурге. На службе он не преуспел, имел неважную репутацию. Умер Алексей Васильевич Перовский сравнительно молодым.

Под началом Перовского служил один из братьев Александрин, Илья Андреевич Толстой. Образование он получил в Школе гвардейских подпрапорщиков и юнкеров. В службу вступил 26 декабря 1829 года унтер-офицером в Лейб-гвардии Егерский полк. Из послужного списка Толстого отметим: 22 сентября 1830 года произведён в юнкера; 7 сентября 1832 года — в прапорщики с переводом в Лейб-гвардии Финляндский полк; 21 октября 1840 года поручик Толстой назначен адъютантом к командиру Отдельного Оренбургского корпуса генерал-адъютанту Перовскому, с переходом в Гренадёрский Е. В. Короля Прусского полк капитаном; 19 октября 1841 года произведён в майоры, 15 марта 1843 года — в подполковники; с 8 апреля 1848 года назначен военно-уездным начальником Щавельского уезда Ковенской губернии и на этой должности получил (в 1848 году) чин полковника; 21 мая 1849 года переведён в Полоцкий Егерский полк, к которому присоединился на походе в

Венгрию; 27 января 1850 года прикомандирован к образцовому пехотному полку; 12 мая 1851 года назначен к командиру Отдельного Оренбургского корпуса для особых поручений; с 31 мая 1852 года — помощник командующего Башкиро-Мещерякским войском, с 7 февраля 1853 года — начальник штаба Оренбургского казачьего войска, по состоянию на этой должности произведён (26 августа 1856 года) в генерал-майоры; с 24 октября 1859 года по 6 марта 1863 года — наказной атаман Оренбургского казачьего войска; 27 сентября 1863 года назначен инспектором пограничной стражи и на этой должности произведён (30 августа 1867 года) в генерал-лейтенанты.

Последними в послужном списке генерал-лейтенанта Толстого значатся следующие записи: «[16 апреля 1874 г.] Высочайше повелено графа Толстого зачислить в казачье сословие Оренбургского казачьего войска по станице Оренбургской, с оставлением настоящей должности»; «[17 апреля 1874 г.] Высочайшим указом, данным Правительствующему Сенату, Всемилостивейше повелено присутствовать в Правительствующем Сенате»; «[15 мая 1875 г.] Государь Император Высочайше повелел соизволить бывшему наказному атаману Оренбургского казачьего войска сенатору, генерал-лейтенанту графу Толстому сохранить право ношения мундира, означенному войску присвоенного»[5].

И.А. Толстой. 1860-е гг. Санкт-Петербург. Фотография К.И. Бергамаско.

В списке орденских наград генерал-лейтенанта Толстого имеются: орден Св. Анны 3-й ст. (1839), 2-й ст. (1854), 1-й ст. (1863); орден Св. Станислава 2-й ст. (1845), 1-й ст. (1859); орден Св. Георгия 4-го кл. (25 лет службы); орден Св. Владимира 4-й ст. (1849), 3-й ст. (1855), 2-й ст. (1871); орден Боевого Орла (1873).

По воспоминаниям А.А. Толстой, одним из лучших друзей брата был А.Д. Столыпин (отец будущего реформатора П.А. Столыпина). Стоит добавить, что И.А. Толстой помог определиться с военной службой (на Кавказе) молодому Льву Толстому, позднее (Лев перевёлся в Дунайскую армию) Аркадий Столыпин станет товарищем Льва Толстого по Севастополю. В те же практически

годы, что и Илья Андреевич Толстой, служил Столыпин наказным атаманом Уральского казачьего войска (1857–1862) и многое привнёс в развитие края, потом развернётся и блестящая его административная карьера. Дружеские отношения Л.Н. Толстого с А.Д. Столыпиным, а также с другим сослуживцем по Севастополю, с Н.А. Крыжановским, приведёт писателя в Уральск (1862), в Оренбург (1876).

Одна из дневниковых записей (22 января 1867 года) Александрин Толстой позволяет также вспомнить и о М.Н. Галкине (Враском): *«Вечером у Ильи много говорили с Галкиным (Враским) о тюрьмах в Петербурге. Они здесь ниже всякой критики. Как бы поднять, как бы зажечь этот вопрос?!»*[6]. Именно под руководством М.Н. Галкина-Враского развернётся реформа тюремного дела в России последней трети XIX века.

Михаил Николаевич Галкин (Враской) начинал службу (в 1854 году) в управлении оренбургского и самарского генерал-губернатора Перовского чиновником по дипломатической части; с 1864 года занимал должность помощника управляющего областью оренбургских киргизов, участвовал также в научных экспедициях (член Русского географического общества).

Александрин в одном из писем Льву Толстому оставила о брате такие строки: *«Добрейший семьянин и истинно примерный сын»*. Илья Андреевич рано овдовел. В начале 1850-х годов Толстой привёз из Оренбурга в столицу приёмную дочь Пашеньку. Девочку в семье петербургских Толстых обожали и совершенно заслуженно, благодаря её доброте и особому очарованию; ранняя (в шесть лет) смерть девочки была тяжким горем для родных и прежде, для Прасковьи Васильевны, потерявшей единственную внучку. С Пашенькой не раз общался Лев Толстой и называл «первой девочкой в мире»; в письме Александрин он так отозвался на эту потерю: *«Да, мой друг, ваше — горе и это — горе, и с таким злым, изысканным горем велит Бог жить людям. Вот всё, что могу сказать вам о вашем горе, которому, вы знаете, что я сочувствую всей душой. Особенно мне жаль вашу бедную маминьку. В ваши года ещё вы сами для себя интересны, ещё есть для вас счастливые заблуждения, ещё сверстники и сверстницы ваши вам любезны, а в её года любят в последний раз и любят не взрослых, готовых, оконченных, а любят надежду, задатки чего-то, что должно пережить нас самих. Она любила так вас — дочерей, когда вы были очень молоды, но теперь, я уверен, что Пашу она любила больше всех вас»*[7].

Кроме братьев, Ильи и Василия (погиб во время службы на Кавказе в 1841 году), в семье Толстых подрастали три дочери.

А.А. Толстая. Конец 1860-х гг. Санкт-Петербург. «Фотография императорских театров».

«Дядюшка Василья» — так по-семейному они обращались к Перовскому, его в этом доме всегда ждали. С годами детская к нему привязанность одной из дочерей Прасковьи Васильевны, Александрин, выросла в зрелое чувство любви. Всего лишь несколько строк из дневника, ей тогда исполнилось двадцать лет: *«Я не буду больше думать о моей любви теперь, о моих страданиях, я лишь желаю, чтобы они нашли отклик в сердцах тех, кого я люблю...»*[8]. Но любовь к Василию Перовскому она сохранила.

На пороге 40-летия Александрин писала: *«...настоящая любовь живёт и развивается, часто не требуя взаимности. Я могла бы подтвердить эту истину примером... но такая школа годится не для всех, хотя научиться там можно многому»*[9].

Незадолго до кончины Александра Андреевна разбирала свой архив. Вот такими живыми были её воспоминания: *«Перечитывала письма Василия Перовского. Я люблю его по-прежнему, всё, что от него — мне так дорого. Мне очень тяжело жечь даже конверты его писем...»*[10]

Александрин так и не вышла замуж, как и её сёстры, Елизавета и Софья. В 1846 году Александрин и Елизавета поступили ко Двору, они стали фрейлинами великой княгини Марии Николаевны, помогая воспитанию её младших детей, Евгении Максимилиановны и Марии Максимилиановны. Жили сёстры Толстые во Дворце у Синего моста (Мариинский дворец).

Александрин Толстая сразу обратила на себя внимание. А.Ф. Тютчева, фрейлина императрицы, писала в своих воспоминаниях, что из женщин при Дворе, все, *«кроме Александры Толстой, в высшей степени незначительны»*.

Александрин была одарённая натура (литературный, музыкальный, живописный талант). Получив домашнее образование, она свободно владела европейскими языками, хорошо знала русскую и зарубежную словесность; много читала и следила за книжными новинками. Александрин являла собой удивительную собеседницу с тем редким даром «гостеприимства мысли», что в

своё время А.Ф. Кони отметил у Льва Толстого. Ей также была свойственна общая для Толстых одарённость человеческими страстями, «толстовская дикость», по выражению Льва Николаевича. Полная жизненной силы, деятельная и неутомимая, она, как это видела А.Ф. Тютчева, проживала за одну зиму двадцать пять вёсен. «Я то, что я есть, — громко, открыто, — и никогда не пойму даже осторожности», — таким был девиз Александрин, искренней, не терпящей лжи и притворства. Как же был ей тесен и чужд придворный мир, ограниченный мелкими фрейлинскими обязанностями и праздной суетой, как часто подступала к ней тоска и усталость при виде этой «развращающей пустоты парадов»! Нести добро помогало утешение верой. Толстая была глубоко верующая, убеждённая православная. *«...Меня теперь больше привлекают трудности — не потому, что я их люблю, я далека пока от этого, но я всё больше убеждаюсь, что есть нечто соблазнительное, развращающе-привлекательное к тому, что в жизни легко. Избалованная душа как будто изнурилась и тянется на свежий воздух, а свежий воздух не что иное, как усиленная работа для других под оком Господа. Но сколько нужно усилий, если энергичность не вырабатывалась последовательно»*[11]. *Зная о необходимости внутреннего делания, не искала «особенных метод и усилий, чтобы приносить пользу людям», она была твёрдо убеждена в том, что «если у нас внутри всё в порядке, благотворное влияние разливается вокруг нас само собой без нашего ведома. Действует ли оно на малый круг или на массу людей — всё равно. Этим Господь сам распорядится, но доброе семя наверно не пропадёт»*[12].

Александрин не блистала красотой, но обаяние ума и характера привлекало к ней многих. За ней ухаживали, даже молодой Лев Толстой. Их дороги сошлись весной 1857 года. Льву исполнилось двадцать восемь, Александрин была его старше на одиннадцать лет. Несмотря на довольно близкое родство, они тогда мало знали друг о друге.

Интерьер 1840-х гг. Худ. А.А. Толстая. Холст, масло.

В том году фрейлины Толстые, Елизавета и Александрин, сопровождали великую княгиню Марию Николаевну в её поездке за границу; весной «малый двор» великой княгини занимал виллу Бокаж недалеко от Женевы. Путешествовал за границей и Толстой. Узнав, что его родственницы находятся рядом, он заехал в Женеву. Эта встреча в Швейцарии положила начало задушевной дружбе Льва и Александрин.

Вот некоторые записи (1857) из дневника Толстого: *«[9/21 апреля. Женева-Кларан]. 21 апреля. Встал в 5, ванна, уложился, на пароход. Дурная погода. Не видал, как прошло время с милою Толстою...*[13] *<...> [29 апреля/11 мая. Женева]. К доктору. Пошлый резонёр. К Толстым, весело, с ними на Салев. Очень весело. Как я готов влюбиться, что это ужасно. Ежели бы А[лександрин] была 10-ю годами моложе. Славная натура...»*[14]

Осенью 1857 года Толстой приехал в столицу с проектом лесонасаждения в Тульской губернии. В дневнике он отметил: *«[22 октября. Петербург]. 22 октября. Поехал в Петербу[рг], чуть не опоздал. <...> Утро к Министру <...> вечером у Толстых. Прелесть А[лександрин], отрада, утешенье. И не видал я ни одной женщины, доходящей ей до колена»*[15]. Через неделю Толстой записывает: *«29 октября. Застал Министра. Плохо успел поговорить о деле. Обедал у Шостак. История Перов[ского]. Прелесть А[лександрин]. У них вечер»*[16].

Встреча и привязанность ко Льву стала спасением и утешением для Александрин. Судьба её одарила этой удивительной, и как потом окажется, во всю жизнь, дружбой с Толстым, будто в своём бессилии отвратить горе…

В апреле 1857 года Перовский сдал дела генерал-адъютанту А.А. Катенину и попрощался с Оренбургским краем. Он направлялся в Крым для лечения. В столице Перовский смог увидеться только с подругой Александрин, с фрейлиной А.Д. Блудовой, которая в своих воспоминаниях напишет: *«Умный и весёлый, нежный и постоянный в своих привязанностях, он остался до конца верен всем, кого любил с молодости. Но как изменяется в моих мыслях этот отрадный образ из дней моего детства, когда припоминаю последнее свидание с ним в Петергофе в 1857 году! Изнурённый, иссохший весь, со впалыми потухшими глазами, еле переводящий дыхание с помощью креозота, с выражением страдания и горя, раздирающим мне душу: от прежнего нашего Перовского остались лишь густые вьющиеся волосы и нежное, неизменно верное сердце!»*[17]

Императрица Александра Фёдоровна предложила Перовскому поселиться в Ореандском дворце.

Брат Борис и доктор Круневич сопровождали Василия Алексеевича в этой поездке. Вот выдержки из рапортов в столицу (А.П. Шувалову) главного смотрителя дворца Козьмина о пребывании Перовского во дворце. В одном из первых рапортов (от 14 сентября 1857 года) Козьмин пишет: *«Его Сиятельство по приезде своём в Ореанду, несмотря, что имел ночлег в Ялте, был чрезвычайно слаб, дыхание было весьма затруднительное, так что вышедши у дворца с помощью людей из экипажа, он спросил стул; посидевши немало, он всё-таки не мог следовать пешком до императорского домика, которого желал осмотреть прежде комнат, приготовленных ему в бельэтаже дворца»*[18].

Последний рапорт отправлен А.П. Шувалову 21 октября 1857 года и в нём говорится следующее: *«Господин генерал-адъютант, генерал от кавалерии граф Василий Алексеевич Перовский изъяснил мне лично, что Его Сиятельство удобством в помещении в Ореандском дворце и всеми возможными содействиями с моей стороны к его прожитию — совершенно доволен; но в последнее время, чувствуя внутренне, что болезнь его с каждым днём усиливается и становится для него тяжелее, не надеется в продолжение своей жизни; сознавая при том, что если кончина его последует в Ореанде, то смертию своею оставит для дворца мрачное впечатление, а потому заблагорассудил 20 числа сего октября выехать из Ореанды на жительство в Алупку»*[19].

В.А. Перовский. Художник Е.И. Ботман. 1875 г. Холст, масло.

В ноябре 1857 года была вызвана в Крым Александрин Толстая. Брат Василия, Борис Алексеевич, расскажет потом в письме сыну Перовского о том, каковы были последние дни жизни его отца: *«...Василий Алексеевич умер в нижнем этаже алупкинского дома — в той комнате, из которой окошко приходится почти против огромного дерева, кажется, орехового... <...> Александра Андреевна во время нашего пребывания в Алупке жила в маленькой комнатке — через комнату от той, где скончался Василий Алексеевич. Через коридор оттуда жил я, а подалее — Круневич и священник*

[Кондратий Иванович]. Из коридора, спустившись несколько ступеней, можно было проходить к Василию Алексеевичу, но мы обыкновенно проходили садом, входя к нему с того крыльца, которое, сколько мне помнится, возле ворот, чтобы не проходить через ту комнату, в которой жила Александра Андреевна. <...> Я вполне чувствую и понимаю то впечатление, которое произвела на тебя его могила, и те мысли, или лучше сказать, чувства, которые толпились в груди твоей, когда ты молился на его гробе. Утешься той мыслию, что в земной жизни своей он с тобой примирился и благословил тебя, умирая, а в будущей — будет твоим заступником и ходатаем перед гробом. Молись тою молитвою, которую внушила тебе его могила и твоё раскаяние, и Бог услышит тебя — не прими моих слов в дурную сторону, потому что я их тебе говорю от души, и потому что так сказал тебе твой отец, если бы он был жив. <...> Уезжая из Крыма, я поручил прислать мне выкройку свода церкви, в склепе которой положили тело Василия Алексеевича. Когда крест был отлит и вделан в него образ Спасителя, который для него дала гр. Александра Андреевна, то он был отправлен в Крым...»[20]

Василий Алексеевич Перовский был похоронен в Балаклавском Свято-Георгиевском монастыре (в склепе Крестовоздвиженской церкви).

9 февраля 1858 года Александрин отправила письмо епископу Евсевию, выполняя пожелание Перовского. Василий Алексеевич не успел ответить на его последнее письмо, просил Александрин поблагодарить за полезные беседы, а чтобы она могла «вполне и разом» с ним познакомиться, настоял добавить, что «мы [с Александрин] совершенно не имеем ничего друг от друга тайного». Вот что Александрин писала: *«...Часто днём, и большей частью по ночам, когда редко удавалось ему заснуть, граф читал Евангелие — в последний день только от Иоанна, находя, что он убедительнее других Евангелистов, молился много, но, говоря человеческим языком, ему, к сожалению, не была дана сладость молитвы. Всё доставалось ему с трудом и усилием, — и, будучи, можно сказать ребёнком на пути духовном, он упрекал себя в этой невольной и столь тяжкой сухости сердца. «Ах, как я рад, — говаривал он, — когда могу пролить несколько слёз, — тогда только мне кажется, что душа моя не пропала...»*

Все распоряжения к смерти были давно им сделаны. Он ждал её. <...> Господь исполнил его желание, — и в милосердии своём послал ему конец тихий, которого при болезни его невозможно было и ожидать. Такой удивительный покой окружил нашего друга, что мы, потеряв в нём самое дорогое, не смели предаваться своей скорби.

Отчаянию не было места, — и мы, хотя со слезами, но и с упованием, что для покойного наступила лучшая жизнь, отвезли бренные его останки в Георгиевский монастырь близ Севастополя. Он сам указал нам на него.

В последние дни своей жизни он, в присутствии моём и своего брата, Бориса Алексеевича, громко перебирал своё прошедшее, не щадя себя и не прощая себе ничего <...>. Эта исповедь совершенно опровергала в наших глазах те бесконечные обвинения в жестокости, которые ещё при его жизни враги его старались распространить на его счёт и которым, к несчастью, многие поверили. <...>. Доброта и глубокое сочувствие к страждущим были отличительной чертой его характера, и сколько слёз было осушено его щедростью! Хотя его левая рука никогда не знала, что делала правая, но он серьёзно уверял меня, что за это никакой похвалы не заслуживает...»[21]

Когда Александрин вернулась в Петербург, то при Дворе с сочувствием отнеслись к её горю. Фрейлина А.Ф. Тютчева писала сестре Екатерине: *«Александрин Толстая вернулась, она выглядит счастливою, что выполнила долг преданности человеку, которого она любила всю жизнь, и утешила его в последние минуты, которые он перенёс как истинный христианин. Действительно, это редчайшее счастье в жизни — сказать себе, что ты был по-настоящему нужен тому, кого любишь более всего на свете»*[22].

В апреле 1858 года Лев Толстой получил от Александрин письмо: *«Встречая в нынешнем году весну, я заставила своё сердце молчать; мне не хотелось переживать острого и болезненного волнения, которое вызывает в нас воскресение природы, и я почти радовалась городской жизни, при которой все времена года одинаковы. Словом, я решилась умышленно не замечать весны <...>. Что теряешь воображением, то вновь обретаешь в воображении, но то, что потеряно в действительности и чего жизнь не может возвратить —*

Крым. Вид на Свято-Георгиевский монастырь (Балаклава). 2016 г. Фотография И.В. Турковой.

вот что жестоко и что сознаёшь с особой силой, когда пробуешь опять зажить»[23].

Пройдут годы, они будут заполнены многими событиями в жизни Александрин Толстой, но она бережно и верно, до конца земных дорог, сохранит в своём сердце любовь к Василию Перовскому.

О Перовском, также о крае, который он так любил, будут теперь вспоминать в своих письмах друг другу Толстые, Александрин и Лев. Обозначим важные вехи.

1862 год. В «Исповеди» Толстой писал о том времени: *«В продолжение года я занимался посредничеством, школами и журналом и так измучился, от того особенно, что запутался, так мне тяжела стала борьба по посредничеству, так смутно проявлялась моя деятельность в школах, так противно мне стало моё влияние в журнале, состоявшее всё в одном и том же — в желании учить всех и скрыть то, что я не знаю, чему учить, что я заболел более духовно, чем физически, бросил всё и поехал в степь к башкирам — дышать воздухом, пить кумыс и жить животною жизнью»*[24].

Толстой поправился, собирался домой, но там его ждала беда: в Ясную Поляну нагрянули жандармы, они искали запрещённые сочинения Герцена и тайную типографию для печати революционных прокламаций, а кроме того, в школе Толстого преподавали студенты, в благонадёжности которых власти сомневались. В страшном гневе он отправил письмо Александрин, ей, живущей во дворце и в том самом «гадком Петербурге», откуда, Толстой был уверен, проистекает всё зло. Он писал о том, что даже прятаться не станет, а громко объявит о продаже именья, чтобы уехать из России, «где нельзя знать минутой вперёд, что меня, и сестру, и жену, и мать не скуют и не высекут».

В ответное послание Александрин вложила все силы души: *«... Лев, дорогой мой, во имя всего, что у вас было святого в жизни, умоляю вас не принимать никаких крайних мер. <...> Не слушайте никаких советов, подсказанных вам гордостью, оскорблённым самолюбием и даже задетой честью. Взвесьте всё это перед тем самым Богом, который посылал вам дни покоя и счастья. Не давайте одержать верх этим презренным людям, торжествующим теперь то, что они называют вашим поражением. Оставаясь спокойно там, где вы находитесь, и, продолжая ваши работы, вы взбесите их несравненно больше. Неужели у вас нет настолько уважения к самому себе, чтобы быть уверенным, что всё можно приобрести снова и даже с лихвою. Я не хочу, чтобы вы уезжали из Я[сной] П[оляны]. Нигде вы не будете так счастливы и, что ещё важнее, так полезны. Не приносите в жертву вашему гневу, как бы*

ни был он справедлив, того, что у вас теперь есть. И если возможно — простите. Теперь этого не поймут, быть может, но когда-нибудь впоследствии оценят по благим плодам. Теперь вы истинно стоите на распутье. Надобно выбирать между людьми и Богом, между ненавистью, которая губит себя и других, и любовью и прощением, которые живут вечно. Не преступайте этот закон даже в виду ваших личных терзаний и неудобств. Это может быть самая решительная минута в вашей жизни. <...> В сущности, нет ничего более безжалостного, как несправедливо обиженный человек, твёрдо сознающий свою невинность. Говоря по человечеству, его не в чем упрекать, и в этом ваше преимущество, но есть нечто в тысячу раз более великое, чем эта невинность, и вы это поймёте, как только внимательно посмотрите в свою совесть. Удивительное дело — мы не боимся делать тысячу несправедливостей и беззаконий по отношению к Богу, а первая обрушившаяся на нас несправедливость кажется нам чудовищным фактом, который немыслимо перенести...»[25]

Лев Толстой, требуя тогда удовлетворения, написал письмо Александру II, письмо было передано через Бориса Перовского. Ответа от властей не последовало.

1873 год. Летом Толстой с семьёй отправился в Самарскую губернию. Там у него была куплена земля и имение в Бузулукском уезде (вблизи р. Тананык). Но отдых семейства омрачил страшный голод, который начался в этих местах из-за засухи. Видя ужасающие размеры бедствия, Толстой обратился с призывом помочь голодающим: он отправил письмо в газету «Московские ведомости». Копию Толстой вложил в письмо Александрин, попросил о помощи: «...в ваши руки это важное и близкое нашему сердцу дело» и закончил послание этими пронзительными строками: «... совестно и больно быть человеком, глядя на их страдания». Толстая распространила весть о бедствии в придворных кругах; пожертвования сделала императрица Мария Александровна. Всего от частных лиц было собрано 1 867 000 рублей деньгами и 21 000 пудов хлеба.

С бедствием справились. *«Вы можете быть совершенно спокойны совестью в том участии, которое вы принимали в помощи тамошнему народу. Бедствие было бы ужасное, если бы тогда так дружно не помогли тамошнему народу. И я увидел и узнал, что хотя и не без греха прошло это дело раздачи, всё-таки помощь была действительная и в большей части случаев умная»*, — писал Александрин в Петербург Лев Толстой[26]. Но в том, казалось бы, святом деле помощи нуждающимся, не всё оказалось просто. Горечью наполнены строки его следующего письма Александрин: *«Я боюсь,*

что наделал вам неприятностей голодом самарским. Всегда смолоду, и чем старше, тем больше, ценю одно качество отрицательное выше всего — простоту. Надо наше уродство, чтобы понять только ту путаницу, которая происходит, по какому же случаю? по тому, что голодным людям не голодные, а роскошествующие люди хотят дать кусок хлеба. Хочешь дать — дай, не хочешь — пройди мимо. Казалось бы, чего ещё. Нет, оказывается, что если ты дашь, то ты этим покажешь, что ты враг кого-то и желаешь кого-то огорчить или убедить, а не дашь, то ты этим... Боже мой! Что это? Я только приехал из Москвы, и хотя я избегаю слушать все рассказы о делающих, невольно я приезжаю с таким запасом презрения и отвращения, что долго не могу успокоиться. Особенно с подрастающими детьми, так хочется с ними одинаково серьёзно смотреть на жизнь, и так это трудно, когда дело коснётся людских дел»[27].

В оказании помощи голодающим Толстой принял личное участие (организация общественных столовых, денежные пожертвования). Его семья и он сам не оставили людей в беде и в другие неурожайные годы.

1876 год. В первых числа марта Александрин отправила Льву письмо, оправдываясь перед ним за своё молчание, хотя *«в стольких случаях моей личной жизни переносилась к вам, на вашу редкую правдивую почву, но года берут своё. «Стара стала — глупа стала», — как говорили башкирцы про своего г[енерал]-губернатора Эссена, — а колесо вертится так же скоро, как прежде, не принимая в соображение, что силы уже не те, и что за ним не поспеешь»*[28]. Да, мы «как белка в колесе», но о том не стоит и думать, убеждал Толстой, когда писал ответные строки: *«Я, по крайней мере, что бы ни делал, всегда убеждаюсь, что du haut de ces pyramides 40 siecles me contemplement* и что весь мир погибнет, если я остановлюсь. Правда, там сидит бесёнок, который подмигивает и говорит, что всё это толчение воды, но я ему не даю и вы не давайте ходу»*[29].

Толстая тогда тяжело переживала разлуку со своей воспитанницей, великой княжной Марией Александровной, вышедшей замуж за герцога Эдинбургского. Александра Андреевна стала наставницей девочки, когда той исполнилось 13 лет. Выбор наставницы для своей единственной дочери сделала (в 1866 году) сама императрица Мария Александровна, поскольку хорошо знала о педагогическом таланте Толстой.

«Пора труда, радостного, исполненного наслаждения» — вот какими были для Александры Андреевны восемь лет, проведённые с великой княжной. До конца

* Сорок веков смотрят на меня с вершины этих пирамид (фр.).

жизни Толстая сохранит с ней самые тёплые дружеские отношения. В 1888 году Александра Андреевна гостила (за границей) у Марии Александровны. Время, проведённое с бывшей воспитанницей, она, «наслаждаясь ею и её славными детьми», назовёт «настоящим карнавалом для моей старости».

За труды воспитания Александра Андреевна Толстая была удостоена (1874) ордена Св. Екатерины 2-й ст. (малый крест). Александр II, согласно завещанию, отказал Александре Андреевне портрет своей дочери (в возрасте 18 лет) и поблагодарил наставницу: «Гр. Александре Андреевне Толстой. Портрет дочери моей Марии, писаный Винтергальтером <...> в 1871 году, с душевной моею благодарностью за все попечения её о дочери»[30].

К воспитанию детей Александра Андреевна относилась серьёзно. Многие вопросы она обсуждала с К.Д. Ушинским и Н.И. Пироговым, и, конечно, с Л.Н. Толстым. Когда И.Н. Захарьин (Якунин) знакомился с архивом Александры Андреевны, то читал составленные ею «Записки о воспитании» и отозвался так: «весьма серьёзного и интересного содержания» (к сожалению, эти записки утеряны).

И всё же некоторые её рецепты воспитания сохранились, к примеру, в письмах старшей дочери Толстого. Татьяна однажды пожаловалась на свою лень, тогда Александра Андреевна выписала ей вот такой рецепт: *«...надобно понуждать себя, подшпоривать — но в этом и состоит гимнастика жизни, начиная с малого и доходя до самого высокого. <...> Главное, мне кажется, каждую вещь надобно доводить до последнего совершенства — чтобы не жалеть после»*[31].

Эта вечная неуспокоенность души, стремление к добру и совершенствованию — всегда объединяло Александру Андреевну и Льва Николаевича, отца Татьяны. Ставшие знаменитыми строки Толстого о том, что «вечная тревога, труд, борьба, лишения — это необходимые условия, из которых не должен сметь думать выйти хоть на секунду ни один человек», — эти строки в октябре 1857 года он писал Александрин[32]. Она их подхватила: *«...да я никак и не понимаю, чтобы жизнь могла сделаться стоячею водой. Это-то беспрестанное, часто безотчётное движение вверх-вперёд меня более всего утверждает в бессмертии нашем. Стоило ли бы столько трудиться, бороться, рваться, чтобы потом лечь бессмысленно под надгробный камень и спать непробудным сном»*[33]. В этой перекличке — их кредо, с тем они всегда и жили.

Стоит добавить, что переписка Александрин и Льва начиналась как своеобразный роман воспитания, они даже обращались друг к другу: «бабушка» и «внук». Верный своим парадоксам, Толстой решил,

что для родственницы, которая его старше на одиннадцать лет, Александрин слишком молода. В письмах 1850—60-х годов драгоценная россыпь советов от «бабушки» «внуку», который тогда был очень одинок, мучился сомнениями, не верил в себя, свой огромный талант. Он ждал и получал от этой «милой покровительницы его души», по признанию Льва, столько тёплых слов любви, душевной поддержки и утешения! Сердечную дружбу и благодарность друг другу они сберегли до конца земных дней…

Возвращаясь в 1876 год, стоит заглянуть в дневник супруги Толстого, Софьи Андреевны, которая писала: *«Вообще эту осень Лев Николаевич охотился запоем. Точно в музыке и охоте он искал забвения мучивших его сомнений и исканий. С этой же целью, может быть и бессознательно, он затеял эту поездку в Оренбург»*[34].

По возвращении Толстой погрузился в чтение источников далёкого времени императора Николая I и декабристов, он вынашивал планы нового сочинения. О помощи писатель попросил Александрин, поскольку у неё хранились бумаги Перовского. Толстой вновь повернулся к истории Перовского, ведь местом событий должно было стать Оренбуржье. Льву Николаевичу было известно, что Перовский примыкал к будущим декабристам и был членом «Союза благоденствия», но позднее в других организациях декабристов не участвовал; во время восстания декабристов Перовский находился рядом с Николаем I, был контужен.

При обсуждении личности и биографии Перовского Лев Николаевич и Александра Андреевна едины в том, что это был человек крупного размаха. *«В нём столько «оттенков невыразимой деликатности, нежности и даже поэтичности»*, — добавляла Александрин к портрету Перовского. Она была благодарна писателю, что он возвратил её к пересмотру тех, уже далёких воспоминаний. 3 февраля 1878 года Александрин писала Льву: *«Сначала меня это очень волновало по многим причинам — и кроме всего другого я чувствовала, что теперь буду судить то, что прежде только любила, хотя и никогда не имела способности любить с закрытыми глазами. Чем дороже нам человек, тем яснее, кажется, поражают нас его недостатки, всё равно как больной. Близок он нам — мы приглядываемся к малейшим проявлениям, а если не близок, то мы довольствуемся сведениями об его общем состоянии. Не так ли? Ещё я боялась потерять quelque chose de la poudre d'or qui reste sur nos souvenirs,* но вышло иначе. Чем больше я читала, тем успокоительнее и утешительнее становилось моё чувство.*

* Тот золотой налёт, которым отмечены наши воспоминания (фр.).

Я знаю теперь, что то, что я любила, была правда — и напрасно я говорю об этой привязанности, как о нечто прошедшем; 20 лет разлуки ничего не изменили, а близость свидания окрашивает это чувство новым и ярким светом»[35].

В марте 1878 года при встрече с Толстым в Петербурге Александрин передала письма Перовского писателю. Но роман о времени Перовского написан не был. Сохранились планы, варианты начатого сочинения «Декабристы» (1863, 1877–1879). Кроме того, остались зарисовки характеров князей Мещеринова, Щетинина в работе «[Князь Фёдор Щетинин]» (1877–1878). О своём тогда настроении упомянул Толстой в письме (1879) А.А. Фету, когда писал, что его дух «один, которым пахло бы, был бы невыносим для стреляющих в людей для блага человечества». Отметила про Льва у себя в дневнике Софья Андреевна Толстая, что на той ступени жизни «дух чисто христианский всё более и более вкрадывался в его душу».

Когда Толстой возвращал письма Перовского, то заметил, что «многие, особенно из Крыма, прелестны и чрезвычайно трогательны». Но Александра Андреевна никак не могла смириться с тем, что писатель отставил роман: *«Скажите мне непременно, действительно ли вы совершенно оставили ваших «Декабристов»? В таком случае я буду неутешна. Что за дело, что они не русские, а французы или западники. Разве это тоже не исторический и характерный факт той эпохи? Признаюсь вам со стыдом, что Пётр Великий интересует меня гораздо меньше, <...> меня останавливали на полудороге все возмутительные факты того времени, с которыми я не могу примириться. Ум сознаёт, душа отворачивается»*[36].

Пройдут годы. Но, перелистывая страницы бессмертного романа «Война и мир», мы будем вновь и вновь встречаться с Василием Алексеевичем Перовским, ведь столько событий из его жизни проживают герои, прообразом которых он стал: Пьер Безухов и Андрей Болконский (пленение Пьера, он же у постели умирающего отца, ранение Андрея).

1883 год. Толстой в последний раз приехал в Самарскую губернию. Он общался с крестьянами по делу сдачи земли в аренду, выступил на сходе крестьян села Гавриловка, беседовал о христианском законе с самарскими молоканами. Воспоминания об этой поездке Лев Николаевич переработал в некоторые главы последнего большого романа «Воскресение» (образ революционера Набатова, беседа Нехлюдова с крестьянами). А самарские молокане приедут позднее (1897) к Толстому просить вернуть своих детей, отобранных властью для воспитания (в православной вере) в монастыре.

С просьбой передать письмо государю Лев Николаевич обратился в том числе к Александре Андреевне: «...не оставляйте меня своей дружбой». Письмо она не получила, но зная, сколь отзывчива была Александра Андреевна на чужую беду, устраниться тогда не могла. Дети в том же году были возвращены их родителям. Стоит добавить, что Толстой часто привлекал Александрин к делу помощи, и она самоотверженно откликалась на его просьбы: ходатайствовала за единомышленников-толстовцев, за смягчение участи политических заключённых; старалась привлечь внимание властей к проблеме духоборов.

Упоминая выше о романе «Воскресение», нельзя обойти вниманием один из его эпизодов, а именно, разговора Нехлюдова с тётушкой (речь идёт об устройстве судьбы Катюши Масловой): *«У Aline удивительный приют Магдалин. Я была раз. Они препротивные. Я потом всё мылась. Но Aline corps et ame* занята этим. Так, мы её, твою, к ней отдадим. Уж если, кто исправит, так это Aline»*[37].

Прототипом Aline стала Александра Андреевна Толстая, которая одной из первых взялась за проблему нравственного восстановления уличных женщин, активно участвуя в создании и работе Петербургского Дома милосердия (вместе с великой княгиней Марией Николаевной). В 1860-х годах Толстая основала на свои личные средства и опекала приют для несовершеннолетних «маленьких Магдалин», как она их называла.

1887 год. Летом этого года Александрин приехала погостить в Ясную Поляну. С супругой Толстого у неё сложились тёплые доверительные отношения. *«Я очень полюбила и глубоко уважала эту прекрасную, духовно высокую и сердечную графиню Александру Андреевну»*, — так писала в дневнике Софья Андреевна Толстая[38]. К этому времени переписка Александры Андреевны с Львом Николаевичем заметно истончилась, они разошлись по вопросу веры. О жизни его семьи, так ею любимой, она узнавала из писем супруги, Софьи Андреевны, позднее от детей. По просьбе Софьи Андреевны стала Толстая крёстной матерью младшей дочери, так и названной Александрой в её честь.

В тот приезд супруга Толстого признавалась, что «разговоры мы с ней вели бесконечные». Один из разговоров с Александрой Андреевной она передаст на страницах своего дневника: *«Мы разговорились о её жизни, и она многое мне откровенно рассказывала. Намекнув о своей любви к графу Перовскому, она грустно замолчала, не дав никаких объяснений и подробностей.*

* телом и душой (фр.).

Я догадывалась, что осталось между ней и Перовским что-то недосказанное, достала стихи Фета, недавно мною полученные, и прочла их ей вслух. Стихи начинались словами: «Светил нам день, будя огонь в крови...» и кончались строфой:

И, разлучась навеки, мы
поймём,
Что счастья взрыв мы
промолчали оба
И что томить он нас
придёт вдвоём,
Хоть будем врозь стоять
у двери гроба.

*Что сделалось с моей милой, старой уже собеседницей, — я и рассказать не сумею. Она быстро вскочила со стула, подошла ко мне, схватила стихи и начала с волнением повторять: «Comment est-ce qu'il a pu savoir cela! Mail il a lu dans mon coeur! C'est donc mon histoire avec Perowsky!»**

Волнуясь, она мне рассказала, что, когда граф Перовский, умирая, прощался с ней, он ей признался, что любил всю жизнь её одну и потому не женился. То же самое она сказала ему, что, любя его одного всю жизнь, она ни за кого не вышла замуж. И вот они оба промолчали счастья взрыв. Я тогда впервые поняла, что в жизни женщины всегда главное место занимает любовь, и ничто так не воодушевляет женщину, как это неизменно живущее в сердце чувство...»[39]

1897 год. В этот год у И.Н. Захарьина (Якунина) вышла книга «Хива. «Зимний поход в Хиву Перовского» в 1839 году, — и «Первое посольство в Хиву» в 1842 году». Он подарил один экземпляр вдове Б.А. Перовского, затем, по её просьбе, передал книгу Александре Андреевне Толстой. С ней писатель встретился в апартаментах Малого Эрмитажа (Южный павильон). После 1880 года Толстая занимала комнаты на бельэтаже. В 1898-99 гг. он не раз посещал Александру Андреевну, помогал разбирать архив, слушал её интересные рассказы и записывал за ней. Именно Захарьин (Якунин) уговорил Толстую составить литературные воспоминания; она согласилась, но с одним условием, что Иван Николаевич будет «держать редакцию и корректуру». Александра Андреевна подготовила к печати более двухсот писем, но считала, что их напечатать будет возможно только после ухода из жизни обоих адресатов. В марте 1910 года Лев Николаевич перечитал письма и отозвался о них так: «это один из самых лучших материалов для биографии». Переписка Л.Н. Толстого и А.А. Толстой и её воспоминания вышли отдельным изданием в 1911 году.

* Как он мог узнать это! Он просто читал в моём сердце! Это же моя история с Перовским! (фр.).

В апреле 1899 года И.Н. Захарьин (Якунин) встретился с Толстым в Москве. Заочно они были уже знакомы, поскольку Иван Николаевич посылал писателю свой сборник народных рассказов («Тёмные люди») и книгу «Хива». Разговор зашёл о Перовском, был ли он так жесток, каким показал себя главнокомандующим. Захарьин (Якунин) просил не судить Перовского по одному зимнему походу (в 1839 году), в котором были тяжёлые людские потери. Он рассказал Толстому, что в том походе взбунтовались киргизы, которые, уже получив свои деньги, хотели бросить отряд на произвол судьбы в заснеженной степи, и что тогда Перовскому пришлось расстрелять троих, спасая отряд из четырёх тысяч человек. Иван Николаевич также опроверг слухи о том, что Перовский во время этого похода зарывал живьём в землю молодых киргизов-проводников в присутствии их отцов. Ответами Толстой был вполне удовлетворён: *«Ах, как я рад, как я рад, что этого не было! <...> я именно был уверен, что Перовский не мог этого сделать»*[40].

Здесь стоит напомнить, что И.Н. Захарьин (Якунин) в 1890-х работал в Оренбурге, управлял отделением крестьянского поземельного банка. К тому времени он был уже сложившимся литератором, писал стихи, пьесы, рассказы, исторические статьи. Работая над книгой о Перовском, Иван Николаевич кропотливо собирал записки очевидцев, использовал множество разных устных свидетельств.

В 1901 году Захарьин (Якунин) занимался печатанием новой книги «Граф Перовский и его зимний поход в Хиву». Узнав об этом, Толстая вновь напомнила о себе и предложила письма Василия Перовского, написанные им с похода; она сама взялась их переводить с французского. Вот какой поразительный пример трудолюбия явила Александра Андреевна в свои восемьдесят четыре года!

В том же году книга увидела свет. В ней писатель назвал Перовского рыцарем в лучшем и полном значении этого слова, а его устремления, по ним и жил Перовский, — идеальным «кодексом жизни»: *«...едва только вы начинаете приближаться к этой величавой и монументальной фигуре и вглядываться в неё, как на вас веет от неё чисто героическим эпосом и, в то же время, такою мягкостью и душевной чистотою, таким идеальным «кодексом жизни», что вы не сомневаетесь ни минуты, что перед вами личность необыкновенная, исключительная — рыцарь в лучшем и в полном значении этого слова, с умом*

обширным, с сердцем благородным и любящим, чуждый страха, противоречий, лести и честолюбия»[41].

1904 год. 31 марта камер-фрейлина Александра Андреевна Толстая скончалась у себя в комнатах Малого Эрмитажа. Она на многие годы пережила Василия Алексеевича Перовского, свою любовь. Царская семья похоронила свою старейшую фрейлину на кладбище Троице-Сергиевой пу́стыни в Стрельне и поставила памятник, крест из чистейшего белого мрамора. Образ Спасителя и надпись на кресте: «Я есть путь, истина и жизнь» — такой была воля покойной.

Спустя месяц после кончины, Анна Гавриловна Зенкович, дальняя родственница, которая ухаживала за Толстой, написала И.Н. Захарьину (Якунину): *«Милостивый Государь Иван Николаевич, ваше желание исполнилось, я нашла прекрасный портрет гр. Перовского, никому не назначенный. <...> О помещении портрета графини в «Новом времени» разговора быть не может: она этого не желала и не любила»*[42].

В том же году в «Вестнике Европы» вышел очерк о Толстой, посвящённый её памяти. Иван Николаевич Захарьин (Якунин) назвал Александру Андреевну Толстую одной из блестящих русских женщин XIX столетия, *«так высоко стоявшей и сумевшей сохранить на этой высоте все лучшие духовные стороны человека: выдающийся ум, разностороннее образование и солидную эрудицию, — всё это у неё соединялось с неизменною приветливостью, бесконечною добротою сердца и чуткой отзывчивостью на все скорби родины»*[43].

Идёт время. Уходят люди. Но память о добрых людях всегда возвращается, согревает и окрыляет нас, живущих. Перовский, Толстые — память о них жива...

Свято-Троицкая Сергиева Приморская мужская пустынь. Стрельна. 2012 г. Фотография И.В. Турковой.

ИСТОЧНИКИ:

1. Л.Н. Толстой и А.А. Толстая. Переписка (1857–1903). М., 2011. С. 176. Далее сокращённо: ПТ.

2. Захарьин (Якунин) И.Н. Граф Перовский и его зимний поход в Хиву. СПб., 1901. С. 125.

3. Бларамберг И.Ф. Воспоминания. М., 1978. С. 327.

4. РГИА. Ф. 1086. Оп.1. Д. 215. Л. 2 об.

5. РГИА. Ф. 1343. Оп. 54. Д. 776. С.1–14.

6. РГАЛИ. Ф. 318. Оп. 2. Д. 43. Л. 73.

7. ПТ. С. 180.

8. РГИА. Ф. 1086. Оп. 1. Д. 1268. Л. 36–37.

9. ПТ. С. 89–90.

10. РГАЛИ. Ф. 318. Оп. 2. Д. 43. Л. 197.

11. ПТ. С. 202.

12. ПТ. С. 454.

13. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. (Юб.). М., 1928–1958. Т. 47. С. 124. Далее сокращённо: Юб.

14. Юб. Т. 47. С. 127.

15. Юб. Т. 47. С. 159.

16. Юб. Т. 47. С. 160.

17. Блудова А.Д. Воспоминания и записки. СПб., 1871. С. 26–27.

18. Государственный архив Республики Крым. Ф. 248. Оп. 1. Д. 211. Л. 9, 9 об.

19. Там же. Л. 14, 14 об.

20. ГИМ ОПИ. Ф. 368. Оп. 1. Д. 26. Л. 71–73.

21. Захарьин (Якунин) И.Н. Граф Перовский и его зимний поход в Хиву. СПб., 1901. С. 122–124.

22. Толстая А.А. Записки фрейлины: Печальный эпизод из моей жизни при Дворе / Пер. с фр. Л.В. Гладковой. М., 1996. С. 12.

23. ПТ. С. 111.

24. Юб. Т. 23. С. 9–10.

25. ПТ. С. 233.

26. ПТ. С. 320.

27. ПТ. С. 309–310.

28. ПТ. С. 326.

29. ПТ. С. 324.

30. РГИА. Ф. 472. Оп. 24. Д. 21. Л. 11 об.

31. ПТ. С. 547.

32. ПТ. С. 97.

33. ПТ. С. 102.

34. Толстая С.А. Моя жизнь. М., 2011. Т. 1. С. 255.

35. ПТ. С. 354.

36. ПТ. С. 387.

37. Юб. Т. 32. С. 248.

38. Толстая С.А. Моя жизнь. М., 2011. Т. 1. С. 263.

39. Там же. Т. 2. С. 40.

40. Захарьин (Якунин) И.Н. У Льва Николаевича Толстого (личные впечатления) // Исторический вестник. 1900, апрель. С. 147.

41. Захарьин (Якунин) И.Н. Граф Перовский и его зимний поход в Хиву. СПб., 1901. С. 7.

42. РО ИРЛИ (Пушкинский Дом). Ф. 108. Оп. 1. Д. 17. Л. 3, 3 об.

43. Захарьин (Якунин) И.Н. Гр. А.А. Толстая. Личные впечатления и воспоминания // Вестник Европы. 1905. Т. 2. С. 642.

Диана КАН

ПАЛИТРА СЕМИНАРА

Завершился Межрегиональный семинар-совещание молодых писателей «Мы выросли в России – 2017», ставший уже одним из литературных брендов Оренбуржья. В нынешний год он собрал более пятидесяти писателей самого разного возраста из самых разных регионов России. Три насыщенных дня – семинарские занятия, встречи с читателями, литературные вечера, поэтические поединки и так далее – стали уже литературной историей, той строкой, которую Оренбуржье вписало в литературную летопись России. Сегодня мы решили представить палитру впечатлений от семинара-совещания от разных участников. Чтобы палитра мнений получилась разновекторной, мы решили предоставить слово как руководителям мастер-классов, так и тем, кто был, скажем так, по другую сторону литературной «баррикады» – семинаристам, чьи тексты стали предметом пристального внимания и обсуждения. А ещё мы решили дать слово тем, во имя кого, собственно, работают писатели – нашим читателям, в том числе и самым продвинутым читателям – библиотекарям.

Андрей РАСТОРГУЕВ (Екатеринбург), поэт, член Союза писателей России, руководитель одного из семинаров поэзии:

Вернулся из Бугуруслана, где 21-23 сентября при поддержке Министерства культуры и внешних связей Оренбургской области вновь прошёл Межрегиональный семинар-совещание молодых писателей «Мы выросли в России». Участники и руководители – от Кемерова до Самары по параллели и от Екатеринбурга до Уральска по меридиану. Так что с заходом в русский Северный Казахстан плюс Донецк, гости из которого среди прочего ещё раз подтвердили, что Донбасс и в советское время никогда не был украинским, как минимум в этнокультурном смысле. Участники были как начинающие, так и уже оперившиеся – например, творчески вполне самородная Ольга Хапилова из посёлка Темир-Тау, что в Кемеровской области. На семинарах (один – прозаиков и два – поэтов) говорили, конечно, не только про технику, но и про русскую литературу и культуру в целом – традиционную

и в современном изводе. И про то, разумеется, как жить — без этого выбора настоящей литературы тоже не бывает. За такую нечастую ныне возможность — поклон Виталию Молчанову и его коллегам по областному Дому литераторов им. С.Т. Аксакова, там в последнее время вместе работают представители двух писательских союзов. Союз российских писателей в первом лице представила его первый секретарь Светлана Василенко, а от Союза писателей России по рангу можно назвать его секретаря Нину Ягодинцеву. Итоги подвели в Аксаково, побывав в музее писателя, где перед традиционным литературным праздником его имени снова расцвел аленький цветочек, и выступив в местной школе…

Нина ЯГОДИНЦЕВА (Челябинск), секретарь Союза писателей России, поэтесса, доктор культурологии, руководитель поэт. семинара:

Фестиваль «Мы выросли в России», в этом году отметивший своё первое десятилетие, — яркое событие для писателей Южного Урала и России. И его важнейшая, центральная часть — совещание молодых литераторов. Мы стараемся рекомендовать на это совещание наших лучших ребят, растущих, перспективных, — и они получают поддержку, очень важную для них. Были в нашей «бугурусланской» копилке и издание книги по итогам семинара, и первые публикации в коллективном сборнике по итогам фестиваля, и творческие стипендии на издание книг.

В этом году состав нашего поэтического семинара был очень интересным, и разговор состоялся серьёзный. Есть хорошее ощущение, что уровень работ в целом год от года растёт. В нашем семинаре все участники активно выступали со своими оценками и рекомендациями молодым коллегам, и эта живая заинтересованность — очень хороший знак для нового литературного поколения. Они готовы учиться, это им нравится, это им интересно. Но учиться — форме, потому что каждый приходит со своим, уникальным содержанием. Хотя был и нюанс, когда двое молодых авторов в ответ на критику просто предложили нам, руководителям, принять их такими, какие они есть (включая проблемы с русским языком, логикой текста и пр.). Вот эта тенденция — выставлять литературную неграмотность в качестве альтернативного искусства — серьёзно настораживает, поскольку сегодня она наблюдается практически везде, отвоёвывает себе пространство достаточно агрессивно. Литературная «демократия» в конечном итоге означает

смерть литературы — искусство иерархично не потому, что одни литераторы выше других (не нам измерять линейкой эти высоты), а потому, что даёт ощущение, а затем и понимание высоты духа, перспективы роста. Отсутствие иерархии в искусстве, в литературе — гибель в пучинах самовыражения.

Семинар фестиваля «Мы выросли в России» даёт не только чёткое ощущение современной литературной иерархии, но и показывает путь на более высокие «ступеньки», и помогает на них подняться. Этим он драгоценен для современного литературного процесса в России. Фестиваль связывает молодёжь с историческими корнями русской литературы: сказочное осеннее Аксаково оставляет впечатление на всю жизнь.

Праздник в Аксаковской усадьбе каждый год — разный. В этом году его украсила поэтическая дуэль молодых актёров и поэтов, и аудитории было очень трудно выбрать между искусством художественной интерпретации текстов — и искусством живой искренности авторских стихов. Но главное — зрители поняли, сколь важно и то, и другое.

Огромное, сердечное спасибо всем организаторам, тем, кто уже 10 лет поддерживает свет Аксаковской осени, собирает нас в дружеский круг творческих семинаров, дарит драгоценное общение!

Ольга ХАПИЛОВА (Кемерово), поэтесса, участница семинара поэзии:

Два дня пути. Скорый поезд Красноярск – Анапа. Вооружившись первым томом книги Анатолия Иванова «Вечный зов», установив в статусе на «Одноклассниках» песню из одноимённого кинофильма «Земля родная, помни нас — и всех, и каждого отдельно!» и прихватив с собой для смелости супруга, я отправилась в Бугуруслан на Межрегиональный семинар-совещание молодых писателей «Мы выросли в России». Бескрайние равнины за окном почти на всём протяжении следования поезда — поля, кусты, берёзовые колки. Диковинка для уроженцев Горной Шории, рельефной местности на юге Кузбасса. Лишь на одном небольшом отрезке пути нам показались Уральские горы: сопки, покрытые тайгой, скалистые утёсы над извилистыми реками — до боли знакомый вид. Из далёкого детства вспомнился образ Хозяйки Медной горы, зелёной ящерки в царской короне, владеющей несметными подземными богатствами и открывающей их только самым достойным труженикам. На подъезде

к Бугуруслану мы впервые увидели степи Оренбуржья с их величественными курганами. Сам город встретил нас историческим зданием вокзала. Накануне поездки на одном из телеканалов нам попался фильм о Гражданской войне «Красная площадь», в котором упоминался Бугуруслан, как один из центров боевых действий. Очень живо представились эшелоны того времени на станции. После размещения в гостинице у нас ещё оставалось свободное время до занятий семинара, и мы решили погулять по городу. Нам повезло познакомиться ещё с одним историческим моментом. Оказывается, во время Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы здесь находилось всесоюзное Центральное справочное бюро, с помощью которого многие граждане нашей страны смогли отыскать своих родных и близких, оказавшихся в эвакуации. Недаром за городом закрепилось выражение «Город надежды — Бугуруслан»... Много и много ещё могли бы и хотели мы вынести из этого города, если бы все мысли и переживания наши не были о предстоящем семинаре. О, это были просто физические страдания!.. Чуть позже, уже на занятиях, я получила объяснение своему состоянию. Руководитель секции поэзии Диана Елисеевна Кан обратилась к молодым авторам со словами о том, что мы встали сейчас на опасный путь литературы, который может оказаться и губительным в прямом смысле этого слова... Минуты с момента начала занятия до разбора моей рукописи были просто невыносимы. Руководители выглядели очень строгими. Состояние на грани инфаркта или инсульта, поверьте медику. Краем глаза смотрю за мужем — он умирает вместе со мной. До сих пор ощущается некий послестрессовый синдром. Благодарна мастерам, что скоро вызвали меня на разбор, не затягивая эти ощущения. Также благодарна за благосклонное отношение к моему творчеству. Безо всякого лукавства, не ожидала этого. Даже после итогов семинара, посещения прекрасного музея Сергея Тимофеевича Аксакова (который заслуживает особого пространного отзыва), участия в праздничных мероприятиях и уже возвращения домой меня не оставляет чувство связанного со всем этим волнения. Наверное, немало времени ещё должно пройти, чтобы бугурусланские события улеглись в голове и сердце.

Антон ГОРЫНИН (Оренбург), прозаик, драматург, член Союза российских писателей:

В моём восприятии Межрегиональный семинар-совещание «Мы выросли в России» — мероприятие, прежде всего, рабочее и архиполезное. Причём как

для молодых авторов, так и для руководителей семинара. Так уж вышло, что на сегодняшний день я могу говорить от лица и тех и других. В прошлом году мне довелось быть семинаристом и стать «Лучшим прозаиком», на этот раз посчастливилось попасть в число руководителей семинара прозы. Почётно, ответственно, неуютно, страшновато. Однако, благодаря деликатности и профессионализму других руководителей Светланы Василенко (г. Москва), Айдара Хусаинова (г. Уфа) и Веры Лавриной (г. Кемерово) я всё-таки смог настроиться и внести ясность в собственное отношение к текстам семинаристов и выдать по каждой работе внятное и (я очень на это надеюсь) полезное мнение. Стоит отметить, что все представленные в этом году прозаические произведения были достойными самого пристального читательского внимания, но настоящим открытием семинара прозы стали Андрей Юрьев (г. Оренбург), Антон Ермолин (г. Челябинск) и Владислав Наумов (г. Оренбург), последний и стал победителем семинара. В ближайшее время у Владислава выйдет дебютная книга. Так что, как говорится, запомните это имя. А ещё рекомендую запомнить имя новотройчанки Оксаны Васильевой — главной соперницы Владислава Наумова за звание лучшего прозаика семинара. Первый секретарь Союза российских писателей Светлана Василенко приметила Оксану ещё на прошлом семинаре, на этот раз Союз готов выделить грант на издание книги автора из Новотроицка.

По моим наблюдениям, не все молодые авторы готовы адекватно (это значит с пользой) воспринимать критику своих опусов. А зря. Начинающим писателям хочется сказать следующее: принимайте участие в подобных мероприятиях и не обижайтесь, а впитывайте всё, что вам говорят мастера и другие семинаристы — пригодится. Точно пригодится, по себе знаю. Принимайте к сведению любые мнения и рекомендации, анализируйте всё это и… делайте по-своему. Каким именно уроком мастера стоит воспользоваться в том или ином случае, вам подскажет Ваша Творческая Интуиция.

Василий МИРОНОВ (Оренбург), поэт, член Оренбургского областного литобъединения им. С.Т. Аксакова, участник семинара поэзии:

В завершившемся недавно в Бугуруслане Межрегиональном семинаре-совещании молодых писателей «Мы выросли в России» принимаю участие не в первый раз, и вновь порадовался тому, что такое полезное событие организовано при поддержке региональной власти Оренбургским Домом литераторов…

Может быть, широкой общественностью семинар замечен и не был, но, тем не менее, его масштабность для молодого писателя, который только вылупился из скорлупы домашнего творчества и недавно стал на крыло — очевидна. Дело в том, что сам семинар, а также связанные с ним события позволили утолить познавательный голод в поэтическом искусстве, которое, как представляется, передаётся от учителя к ученику при непосредственном общении, где-то даже на неосязаемом, чувственном, иррациональном уровне. Порадовала дружественная атмосфера доверия и взаимоподдержки участников, которых набралось внушительное число. Их советы, а также наставления руководителей семинара позволили с профессиональной точки зрения взглянуть на своё творчество, ответить на вопрос: То ли я творю, то ли вытворяю? Для меня стало неотвратимостью осознание того, что я застрял где-то посередине между этими крайностями. Однако одобрительное и несколько настораживающее подбадривание Сергея Салдаева, одного из руководителей семинара и интереснейшего собеседника, в мой адрес, мол «Тебя за паникёрское настроение расстрелять надо!», добавило мне оптимизма и уверенности, заставило изловчиться и вырвать перо из крыльев за спиной, усиленно застрочить на бумаге очередное стихотворение... Трудиться, трудиться и ещё раз трудиться над словом, — вот основная мысль, которую я получил на семинаре. Как к этому отнесётся ветреная поэтическая Муза — я не знаю, захочет ли вкалывать вместе со мной, тоже неизвестно. Но, в отличие от Музы, Сергей Салдаев всегда начеку и у меня, благодаря семинару-совещанию «Мы выросли в России — 2017» теперь есть стопроцентная возможность прославиться или своим творчеством, или его. Время покажет.

Диана КАН (Оренбург), поэтесса, член Союза писателей России, руководитель Оренбургского областного литобъединения имени С.Т. Аксакова, руководитель семинара поэзии:

Сама я на заре творческой туманной юности не была избалована участием в каких бы то ни было семинарах-совещаниях молодых писателей. Довелось побывать лишь на одном таком мероприятии — это был Всероссийский семинар-совещание в Москве в начале 1994 года. Я бы не назвала его удачным для себя, ибо на том семинаре меня, вопреки ожиданиям, не приняли в Союз писателей России. Но, как поняла с годами, это было хорошо, потому что для меня ребром встал вопрос — доказать свою

творческую состоятельность. Поэтому всегда, обращаясь к семинаристам, говорю — в любом случае вы в выигрыше. Если автора похвалят и отметят, как перспективного — у него могут вырасти крылья. Если поругают-покритикуют, у автора появится творческий задор, что даже более нужно для творчества. А потому проведение в Оренбуржье Межрегионального семинара-совещания молодых писателей «Мы выросли в России» является делом государственной важности. Такие мероприятия не только вписывают региональный литературный процесс в контекст общероссийского. Но и придают региону статус литературного края. И хорошо, что региональная власть это осознаёт. Лично для меня семинар открыл нового талантливого автора — Ольгу Хапилову, самобытную поэтессу из Сибири, попавшую в наш семинар поэзии. Читая Хапилову, поневоле удивляешься, что Ольга не член писательского профессионального союза... Семинар «Мы выросли в России» удачен балансом «хоровода и огорода». То есть писатели, следуя программе мероприятия, успевают «поработать в огороде», т.е. обсудить рукописи авторов в формате семинарских занятий. Это та литературная кухня, которая мало интересна читателям, но именно на ней варится то, что призвано стать качественным «литературным продуктом». И в то же время, поработав на литературном огороде, поэты и писатели поучаствовали и в «хороводе», в мероприятиях Аксаковского праздника. Это были творческие вечера, поэтический поединок «Актёры против поэтов» и так далее. Свести всё только к литературной кухне и «огороду» — значит, обделить читателя. Поставить во главу угла «хороводы» вокруг читателя — обделить вниманием ремесло. Остаётся соблюдать баланс и сочетать одно с другим — на благо писательскому ремеслу и для удовольствия публики.

Сергей САЛДАЕВ (Оренбург), поэт-пародист, член Союза российских писателей, руководитель семинара поэзии:

Семинар молодых писателей «Мы выросли в России» в нынешнем году проходил как всегда плодотворно и достаточно бурно. Я могу писать об этом с уверенностью, потому что не первый год принимаю участие в этом мероприятии. Пишущая молодёжь требует пристального внимания и уважения к себе. Нужно постоянно помнить, что необходимость работы с начинающими авторами — очевидна и полезна. А иначе поэзо-графоманские рулады со страниц книг, альманахов, журналов пролезут к вам «в гости». Да и напрочь испортят настроение, оставляя горечь от прочитанного!

Те молодые авторы поэзии и прозы, что доверились отдать на обсуждение свои произведения, поступили, смею сказать — вдумчиво и верно. Ну где ещё возможно получить компетентную оценку и добрый совет?

То, что именно на нашей оренбургской земле семинар «Мы выросли в России» проходит с несомненной пользой уже десятый раз, говорит об уровне и престиже, который он заработал за эти годы среди своих многочисленных участников.

Анастасия УСТИНОВА (Самара), член Союза писателей России, руководитель народного литобъединения «Отчий Дом», участник семинара поэзии:

Фестиваль в Бугуруслане я посещаю уже четвёртый раз. В моей жизни он стал отправной точкой для множества знакомств, для переосмыслений себя и литературы в целом. Обмен мнениями, выступления, появления на публике всегда были занятиями, способными тронуть мою душу. Все мы разные, но стремимся к единой цели — проявить во всей полноте свою творческую сущность. Я полюбила классическое стихосложение ещё со школьной скамьи за строгие каноны, и порой признание на выбранном поприще мне необходимо как воздух... Фестиваль длился несколько дней, и этого было достаточно, чтобы насладиться атмосферой сполна и душевно пообщаться с коллегами. Ведь не зря говорил один из руководителей прошлых лет Андрей Щербак-Жуков, что «важно не просто стать писателем, но и заставить других смириться со своим существованием в литературе». Вот за такие интересные и поучительные знакомства, с такими неординарными писателями и личностями, как Светлана Василенко, Пётр Краснов, Нина Ягодинцева, Наталья Кожевникова, Виталий Молчанов, Айдар Хусаинов, Фарид Нагим, Сергей Салдаев, Денис Домарёв, Вячеслав Моисеев, Сергей Хомутов... (всех сразу и не упомнишь!) я благодарна семинару «Мы выросли в России». Неизвестно, как сложится у каждого из нас, семинаристов, творческая судьба, но все эти люди уже по факту стали частью нашей биографии.

Наталья КУКУШКИНА (Оренбург), студентка архитектурного факультета ОГУ, член областного литобъединения им. С.Т. Аксакова, участник семинара прозы:

На Межрегиональном семинаре-совещании «Мы выросли в России» я побывала впервые.

Честно признаться, я, как начинающий автор, очень переживала, накручивала себя, считая, что не достойна была приехать сюда из-за своей неопытности. К моей радости, опасения так и остались лишь глупыми мыслями, потому что мой рассказ, хотя и был раскритикован в пух и в прах, получил обоснованные, полезные советы и отзывы. Для меня именно такая дружественная критика стала максимально полезной. Думаю, столь счастливой, как в эти дни, я была крайне редко. Ещё меня удивила природная вежливость семинаристов и самих руководителей, ведь многие из них после подошли и извинились, переживая, что я не правильно могла понять их слова и ненароком обидеться на их высказанные мнения. Вдобавок ко всему мне посчастливилось после обсуждения на семинаре прозы попасть на семинар к поэтам и оттуда вынести немало ценных советов. Услышанные произведения, долгая поездка до Бугуруслана, знакомства, витающая творческая атмосфера пробудили желание писать. Для меня эта поездка стала очень плодотворным путешествием!

Не менее значимой оказалась дружественная, приятная обстановка. Благодаря проведённому семинару я нашла много хороших друзей, познакомилась с замечательными людьми. А самое главное я наконец-то поняла, в каком направлении и жанре хочу писать дальше. Семинар «Мы выросли в России» навсегда останется значимым событием в моей творческой жизни. Я искренне благодарна и счастлива, что смогла побывать на нём. Это было незабываемо!

Алёна МАСЛОВСКАЯ, библиотекарь Староузелинской сельской библиотеки Бугурусланского района:

Гостеприимная бугурусланская земля с 21 по 23 сентября была творческой площадкой для именитых и начинающих поэтов и писателей, актеров и художников. И как всегда, мы с удовольствием ждём на этой земле участников семинара молодых писателей «Мы выросли в России». «Аксаковские дни в Оренбуржье»... Как символично, что общение молодых авторов с профессиональными писателями уже шестой раз проходит под сенью Аксаковской осени. Прошли творческие встречи с читателями, которые заставили посмотреть на поэзию совсем по-другому. С огромным интересом мы слушали молодых поэтов, многие из которых поразили неординарностью своего выступления и авторского чтения. Жаль только что эти мероприятия проходят в городских библиотеках, а сельские библиотеки и их читатели остаются пока «за кадром». Думаю, что и сельчане, живущие далеко от райцентра (а Бугурусланский

район очень территориально немал!) с удовольствием бы приняли молодых поэтов в своих сельских библиотеках. Ведь понятно же, что литература востребована не только в городах, но и в сельской глубинке! В этом году в рамках Аксаковского праздника впервые была проведена литературная битва «Актёры против поэтов». Это было что-то! Впервые можно было сравнить выступление профессионалов с авторским прочтением. Победителей творческого противостояния актёров и поэтов определяли по аплодисментам зрителей. И, конечно, публика не жалела ладоней! Как хорошо, что вместе с читателями писатели в эти вдохновенные осенние дни могут побродить по Аксаковской усадьбе — полюбоваться липовой аллеей, озером Любви, отведать замечательный аксаковский мёд, чай и варенье, изготовленное по рецепту семейства Аксаковых. Этот рецепт передаётся из поколения в поколение жителями Аксакова. Могут окунуться в атмосферу XX века, переступив порог дома-музея Аксаковых. Особенно это важно для нашего молодого поколения, чтобы молодые люди ощутили себя наследниками великих традиций и культуры прошлого... Пока писатели трудились в рамках семинара «Мы выросли в России», библиотечные работники тоже времени не теряли, будучи активно задействованы в Аксаковском празднике. Прошёл II областной библиотечный экологический лагерь. Работала творческая площадка «Аксаковские сентябрины», подвели итоги заочного конкурса электронных ресурсов «Экология и библиотека». «Экологический микрофон» дал возможность рассказать о работе библиотек по экологическому просвещению населения. С энтузиазмом все участники лагеря приняли участие в мастер-классе «Аленький цветочек»... И мне под ярким аксаковским осенним солнышком невольно вспомнилось южное солнце Туапсе, где совсем недавно прошёл XII Всероссийский лагерь сельских библиотекарей, где мне вместе с моей коллегой Верой Филипповой довелось представлять опыт работы библиотек Оренбургской области коллегам из разных регионов России. И, конечно, я подробно рассказала российским коллегам о традициях «обильного благословенного» Аксаковского края, ставшего местом встречи, которое забыть нельзя.

Наталья КОЖЕВНИКОВА (Оренбург), поэтесса, член Союза писателей России, главный редактор журнала «Гостиный Дворъ», руководитель семинара поэзии:

Межрегиональный семинар-совещание молодых писателей «Мы выросли в России» благодаря поддержке министерства

культуры и внешних связей Оренбургской области проводится в Оренбурге-Бугуруслане-Аксаково уже не первый год. И каждый раз 30-40 молодых литераторов из Оренбурга, Челябинска, Самары, Кемерово, Елабуги и других регионов имеют возможность получить не только квалифицированную помощь в разборе своих произведений, но и стипендию на издание своей собственной книжки, а то и рекомендацию в творческий Союз.

Те 10-11 авторов, рукописи которых мы рассматривали на семинаре вместе с Ниной Ягодинцевой, секретарём Союза писателей России, и поэтом-пародистом, членом Союза российских писателей Сергеем Салдаевым, были примерно одного возраста, но не одинаковой, так сказать, «оперённости». Двое — Наталья Борисова из Оренбурга и Анастасия Устинова из Самары — на равных, уже как члены творческих Союзов участвовали в обсуждении, но и сами чутко прислушивались к мнению руководителей семинара. Светлана Попова (Елабуга) приехала на семинар во второй раз, в прошлом году она стала лучшей молодой поэтессой и получила грант на издание книги от Союза российских писателей. Кто-то из семинаристов уже собрал стихи для первой книги, как Василий Миронов (Оренбург), а кто-то был в начале пути…

И если они серьёзно относятся к своему творчеству и готовы трудиться над Словом, мы ждём их на следующем семинаре.

А открытием семинара я считаю оренбургскую поэтессу Любовь Сухареву, активную участницу культурного проекта «Другая среда», признанную лучшим молодым поэтом Межрегионального семинара-совещания «Мы выросли в России — 2017».

Пробуйте стать поэтами, писателями, — хотела бы я сказать молодым сегодняшним и будущим участникам нашего семинара. Не факт, конечно, что станете (ложка дёгтя не помешает, а раззадорит), но творческими личностями в каких-то других планах будете обязательно! А в заключение — стихотворение Любови Сухаревой, адресованное молодым поэтам и с блеском прочитанное на сцене Аксаковского праздника:

Радуйся.
Радуйся небу и тому, что
снаружи,
И тому, что внутри.
Пусть оно дождит,
Моросит,
Невыносимо скулит,
Мажет слякотью и, кажется,
не отмыть.
Но ты сама выбрала «быть»
И не ныть.
Радуйся солнцу, целуй
золотые лучи,
Звёздные россыпи перебирай
в ночи

И тому, о ком сердце твоё
кричит,
Радуйся, но молчи.
Радуйся птицам, что рвутся
сквозь рёбра под потолок
И клюют в глаза, и сбивают
с ног.
И порою кажется, что не
встать…
Радуйся,
Что научилась терять,
прощать,
Солью зализывать раны.
Радуйся, что называют
странной.
Всё сомнительно,
многогранно.
Открывай окна, глаза,
страны,
Уходи тихо, приходи
незваной,
Танцуй на остановках, пой
в ванной.
Радуйся!
Радуйся, когда морщинки
затянут твоё лицо,
Когда время туго сожмёт
кольцо
И усталость в тело вольёт
свинцом.
Радуйся, и не называй
концом
То, что есть начало иных
миров.
Радуйся, что знаешь на вкус
любовь,
Что пила её густой
божественный сок.
Радуйся, что всякому есть
свой срок.
Ты не можешь знать —
для чего и кому всё это,
Но ты можешь влюбиться в
эту планету
И попробовать стать поэтом.
Радуйся.

Идёт работа секции семинара поэзии

Участники и гости фестиваля

Выступает Анастасия Устинова, участник семинара поэзии

Встречи на Аксаковской земле

На Аксаковском празднике

На сцене Любовь Сухарева, участник семинара поэзии

Участники семинара поэзии Василий Миронов и Светлана Попова